

"Код возвращения"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Данил Корецкий

Код возвращения

(Оперативный псевдоним-3)

Часть I

ОПЕРАЦИЯ «РУКА АЛЛАХА»

Глава 1

ТИХОДОНСКИЕ БУДНИ

Тиходонск,

23 сентября 2004 года,

21 час 10 минут.

На стоянке «Золотой карты» свободных мест почти не было. Заехавшая сюда темно-зеленая «шестерка», хотя и довольно новая, выглядела нищенкой в окружении «Лексусов», «Тойот», «Мерседесов» и «БМВ». И ничего удивительного: чем больше импортных машин появляется на российских дорогах, тем нагляднее становится убожество выкидышей отечественного автопрома. Но люди, прибывшие на «шестерку», никаких комплексов не испытывали. Двадцатипятилетний парень с рыжей, чуть взлохмаченной шевелюрой сидел за рулем, рядом развалился более солидный мужчина, старше его лет на десять.

Они, не торопясь, выбрались из машины. Рыжий запер ее ключом, одернул недорогой серый пиджак, поправил галстук и, пропустив спутника, двинулся следом. Он считал, что строгий костюм придает ему солидности и компенсирует легкомысленность рыжей шевелюры. Тот, который шел впереди, о солидности не думал. Свободные черные брюки, белая водолазка, просторная куртка-ветровка — удобный, не сковывающий движений наряд.

Неоновые рекламные огни едва ли не самого популярного загородного ночного клуба отбрасывали блики на перламутровые корпуса дорогих машин, между деревьями носились летучие мыши и рваные звуки ритмичной музыки.

Лето закончилось, осень еще не вошла в свои права, на Левобережье было прохладно, пахло рекой, по темному небу плыли прозрачные облака, приглушая иногда желтый свет крупного лунного диска. С высокого правого берега светил тысячами огней вечерний Тиходонск.

Приехавшие вышли со стоянки и по узорчатой плитке направились к главному входу. У каждого были уверенные манеры, пристальный взгляд и твердая походка. У каждого под одеждой было скрыто оружие. И сторож автостоянки, и охранник на входе в казино безошибочно распознали в них милиционеров и почтительно поздоровались.

Впрочем, начальник уголовного розыска майор Рожков достаточно долго «топтал землю» в Центральном районе, чтобы его знали в подобных заведениях. А старший лейтенант Петров недавно начал милицейскую службу и, хотя уже имел пулевую отметину на теле, пока пользовался аурой власти, исходящей от напарника. Свой авторитет ему еще предстояло завоевать, что в уголовном розыске сделать не так-то просто. Тут одной красной корочкой не

обойдешься, надо доказать подучетному элементу, да и всем заинтересованным лицам, что очко у тебя железное и мент ты правильный.

Рожков толкнул дверь и шагнул в просторный, тускло освещенный холл клуба. Здесь работал кондиционер, у рамки металлоискателя дежурил Андрей Дерез, бывший боксер-тяжеловес, мастер спорта, ранее судимый за вооруженный разбой и вымогательство, а потому состоящий на оперативном учете уголовного розыска. Это не мешало ему олицетворять закон и порядок на территории «Золотой карты» и даже ошмонать инспекторов, если бы они пришли сюда отдыхать. Конечно, возможность эта существовала чисто теоретически, ибо ни у Рожкова, ни тем более у Петрова не было денег на отдых в «Золотой карте», где стакан самого дешевого коктейля стоил двести рублей. К тому же Дерез не достиг тех вершин, с которых в новые времена можно плевать на ментов, прокуроров, да и на всех подряд. Поэтому вести себя ему следовало осмотрительно.

Заметив майора, Андрей отлепился от мраморной стены и двинулся навстречу оперативникам. Петров остался у двери, держа в поле зрения и холл, и лестницу наверх. На Дереза он не смотрел.

— Вечер добрый, гражданин майор, — изобразив почтение, которое с трудом держалось на его суровой, покрытой шрамами физиономии, произнес экс-боксер.

— Добрый, добрый, — рассеянно ответил Рожков, осматриваясь.

Прямо напротив входа располагался почти пустой бар, слева — гремющий музыкой зал для стриптиза, справа, за легкой перегородкой, — двери туалетов. На полу дорогие чистые ковры без единой соринки. На второй этаж вела широкая массивная лестница с лепными, под старину, перилами. Там игорный зал: рулетка, карточные столы, игровые автоматы.

— Как дела, Тупик? — Майор устремил взгляд на грубое красное лицо боксера-тяжеловеса. Тот смешался. То, что опер назвал его по прозвищу, было не очень хорошим знаком.

— Какие у меня дела, — буркнул он, глядя в сторону. — Живу, копейку свою зарабатываю, никого не трогаю.

— Это хорошо, — доброжелательно кивнул Рожков. — Пентюха давно видел?

Из бара вышли две симпатичные девушки в юбках, едва прикрывающих лобки. Развязной походкой они направились к туалетам.

— Давно. Он, почитай, уже года два как из Тиходонска слинял. В Сочи его ребята видели, в Туапсе. Он налеты бросил, заделался каталой [1]. Обуваает лохов на пляже. Все тихо-мирно.

— Вот так, да? — вроде бы удивился майор. На самом деле он и сам все это прекрасно знал. — А мне сказали, что недавно его здесь видели, — майор лениво, для порядка, бросил пробный шар.

— У нас?

— Может, у вас, может, в городе.

Дерез замотал своей огромной тыквообразной головой.

— Про город не скажу, а у нас его точно не было.

— Ладно. А вот эти рожи видел? — Рожков показал несколько фотографий.

— Сеймур часто заходит. — Толстый, с деформированными костяшками палец уткнулся в одно фото. — И девка эта вроде знакомая. А остальных не знаю.

— Ну и ладно. А в гостинице кто живет?

Дерез осекся и вмиг утратил словоохотливость. Даже зачем-то оглянулся по сторонам и понизил голос:

— Там всего два номера занято. Парень с девчонкой из Краснодара и двое каких-то черных. То ли чечены, то ли еще кто. Вчера приехали. Не понравились они мне. И ребятам не понравились. Такие рожи отморозенные, и ведут себя нагло. Вон они как раз подкатили!

Сквозь стеклянную дверь Дерез указал на улицу. На стоянку заезжал большой черный автомобиль.

— Спасибо, Андрей Сергеевич! — Майор протянул руку, и тяжеловес улыбнулся: столь резкое изменение отношения ему было явно приятно. — Сейчас мы проверим, что за птицы. Петруша, пошли!

Они снова вышли на воздух.

— Уже уходите? — добродушно спросил грузный охранник в камуфляже. — Заходите еще!

Громко пели цикады. Луна очистилась от облаков и светила особенно ярко.

— Закончим с ними и поедим в «Охотничьи домики», поедим мяса, — сказал Рожков, сглатывая.

— Ага, — рассеянно ответил старший лейтенант. Сейчас он не мог думать о мясе. Сунув руку под пиджак, он тискал теплую пластмассовую рукоятку. Для него милицейская работа еще не стала привычной и обыденной.

Со стоянки вышел человек в черных брюках, черной олимпийке и черной куртке. Он тут же попал под яркий мертвенный свет ртутного фонаря, вокруг которого роилась целая туча суетливой мошкары. Невысокого роста, но широкий в плечах, с короткими ногами, наверняка борец, потому что многие кавказцы увлекаются борьбой: из-за низкого центра тяжести они уверенно стоят на ногах и успешно проводят подсечки и броски. Холодное костистое лицо, большая залысина на лбу, острый, чуть крючковатый нос, развитые надбровные дуги, квадратный подбородок.

Что-то в облике незнакомца сразу насторожило Петрова. То ли холодный блеск глубоко посаженных глаз, то ли чрезмерная уверенность в себе, которая проявлялась и в надменном выражении лица, и в хозяйских манерах, то ли полностью черная одежда, придававшая ему мрачный, зловещий вид. А скорее всего, исходившие от него звериные биоволны угрозы. Старший лейтенант расстегнул ремешок открытой кобуры. На мгновение настороженный взгляд незнакомца встретился с испытующими взглядами оперативников, в следующую секунду он развернулся и пошел назад.

— Гражданин, подойдите сюда, уголовный розыск! — властно приказал Рожков, обращаясь к черной спине.

вернуться

1

Катала — картежник, шулер.

В это время со стоянки вышел второй кавказец, лица которого старший лейтенант не рассмотрел, отметив только, что он на голову выше первого и такой же широкоплечий. Дальше события утратили четкость, последовательность и логичность.

На черной кожаной спине в районе левой подмышки мелькнул быстрый огонек, и тут же раздался резкий звук выстрела. Сзади зазвенело стекло, вскрикнул охранник.

Высокий кавказец что-то гортанно прокричал и вытянул правую руку. Раздался еще один выстрел, он прозвучал совсем рядом, и Петров вдруг понял, что это стреляет он сам из неизвестно как впрыгнувшего ему в ладонь пистолета. Теперь вспышка мелькнула из кулака высокого, грохота старший лейтенант не услышал, только свистнуло над головой, рванув несколько волосинок. Холодом обдало спину, живот поджался и прилип к позвоночнику, хотелось стать плоским, как лист бумаги, и повернуться этой плоскостью к выстрелам.

Высокий побежал в темноту, рыжий повел стволом ему вслед, интуитивно нашаривая плохо различимый силуэт, нажал спуск — раз и второй, пистолет привычно подпрыгивал, желтые всполохи на мгновение рвали темноту, но не освещали местность.

— Ложись, стреляют! — откуда-то издали донесся пронзительный голос Рожкова. Пригнувшись, тот отбегал в сторону, вырывая из-под куртки оружие. Через секунду справа снизу раздалась его выстрелы.

Петров водил стволом в поисках цели, но в темноте никого видно не было.

— Где они? — спросил он сам у себя. — Неужели ушли?!

— Да нет, первого ты завалил, вон он лежит, — нервно отряхивая левой рукой колени, сказал Рожков. Он тяжело дышал, как будто только что пробежал несколько километров.

— Как завалил?! Где он?!

— Не видишь, что ли? — буркнул майор. — Ну-ка, подстрахуй, может, притворяется.

Он осторожно двинулся вперед, и только сейчас Петров рассмотрел черную фигуру, неподвижно лежащую на сером бетоне. Черт! Неужели насмерть?

Петров тут же прицелился и стал подходить ближе. Майор, осмотревшись, рывком перевернул тело, выдернул подогнутую руку, выбил зажатый предсмертной судорогой пистолет, пощупал пульс.

— Вишь, как хитро шмалял, гад, из-под мышки. Видно, ученый! Ты ему ловко засадил — в сердце и позвоночник!

— Как? Я же вроде один раз стрелял.

— Да нет, вот две дырки, посмотри!

Но Петров будто прирос к месту. Его тело была крупная дрожь. По щекам и покатоному лбу обильно струился холодный пот. То ли потому, что его чуть не убили, то ли оттого, что он сам только что убил человека. Внезапно его замутило, он отбежал к кустам, его вырвало.

— Ничего, бывает! — сказал Рожков. — Но особо не раскисай, тут где-то второй!

Майор, выставив пистолет, осторожно пошел по аллее. Через минуту раздался его удивленный возглас:

— И второй здесь лежит! Кажется, тоже. Нет, еще дышит! Давай вызывай «Скорую»!

Старший лейтенант повернулся. Охранника в камуфляже видно не было. К оконным стеклам прикинули десятки бледных перекошенных лиц. Из приоткрытой двери выглядывал Андрей Дерез. Почему-то его и выбрал молодой опер в качестве громоотвода.

— Какого хера стоишь! — заорал он. — Живо звони в «Скорую»! И в милицию звони, живо!

Он думал, что боксер-тяжеловес возмутится и пошлет его куда подальше. Но тот лишь уважительно кивнул.

— Сейчас, начальник! Мигом все сделаем! Старшего лейтенанта Петрова начинали уважать.

* * *

— Уже установили их личности? Нет? Странно. Такая бойня — и даже неизвестно, кого убили.

Оперативник из Управления собственной безопасности Семен Михайловский осуждающе покачал головой.

— Это не убийство, а применение оружия сотрудниками милиции, — раздраженно сказал Савушкин.

Своим поведением Михайловский вызывал только раздражение, и начальник криминальной милиции, подполковник Савушкин, с трудом сдерживался, чтобы не послать его по известному адресу. Но делать этого не следовало, потому что младший по должности и званию опер принадлежал к службе, способной доставить большие неприятности даже начальнику райотдела. Особенно когда есть повод. Поэтому приходилось сдерживаться, что удавалось с трудом.

В кабинете замначальника РОВД кроме Савушкина и Михайловского находились и «виновники торжества» — майор Рожков и старший лейтенант Петров. Они сидели в углу на жестких стульях для посетителей. Опухшие веки офицеров наглядно свидетельствовали о бессонной, нервной и беспокойной ночи. Привыкший к передрягам майор выглядел немного посвежее, но и он держался только на нервах.

Настроение у обоих было скверным, они чувствовали себя не представителями власти, которые в скоротечном бою обезвредили вооруженных бандитов, а преступниками. Вся процедура служебной проверки и прокурорского расследования этому способствовала.

— Конечно, товарищ подполковник, применение, — кивнул уэсбэшник. — Только если оно правомерное — это одно. А если неправомерное — тогда другое. Тогда речь пойдет об убийстве. А прокуратура склоняется именно к этому!

На место происшествия к «Золотой карте» прокурор Трегубов прибыл через двадцать минут, даже раньше опергруппы. Он подъехал на своем «БМВ» и сразу же начал прессовать милиционеров.

— С чего начали стрелять? — Черты лица Трегубова были острыми и зализанными, будто он всю жизнь плавал, причем с большой скоростью. А глаза маленькие, пронзительные и откровенно злые. — Пьяные? Что вы вообще здесь делали? Развлекались? Почему с оружием?

От него самого отчетливо пахло спиртным, да и, судя по скорости появления, он находился где-то неподалеку, в одном из многочисленных увеселительных заведений Левобережья. Но, во-первых, он прокурор, а во-вторых, он ни в кого не стрелял. Прокурор имеет право в свободное время отдыхать, где ему вздумается, имеет право выпивать и задавать вопросы тоже имеет право. Правда, выпившему человеку как-то неудобно осуществлять надзорные функции, но кто сейчас обращает внимание на такие пустяки, как совесть? Если он не стесняется развезжать на автомобиле стоимостью в пятнадцатилетнюю прокурорскую зарплату.

Потом приехала группа с дежурным следователем прокуратуры Пономаревым, снова те же вопросы, теперь под протокол, изъятие оружия, которое превратилось в вещественное доказательство по делу. Наконец поездка в наркологическую лабораторию, где в обшарпанном коридоре ждали освидетельствования пьяные водители, хулиганы и дебоширы. Их, правда, провели вне очереди.

— Прокуратура на то и прокуратура. — Савушкин протер кулаком красные от усталости глаза. — А ваша служба должна понимать специфику службы. В них начали стрелять! Что им делать? Головы свои подставлять?

— Да я понимаю, товарищ подполковник, — чуть сдал назад Михайловский. — Только вы же знаете, нашу позицию определяют выводы следователя.

— Знаю! Но ничего хорошего в этом нет! Пусть следователь под ваши выводы подстраивается!

Уэсбэшник развел руками, всем своим видом выражая: мол, хорошо бы, но увы.

— Разрешите, я побеседую с ними где-нибудь в другом месте? Чтобы вас не отвлекать?

— Беседуйте, — кивнул Савушкин.

Все трое прошли в кабинет Рожкова, только на место хозяина сел Михайловский, а майор и старший лейтенант опустили на стулья для допрашиваемых. Сейчас они и были допрашиваемыми. Точнее, опрашиваемыми, но сути дела эта процессуальная оговорка не меняла.

— Легко стреляете, ребята, так нельзя, — укоризненно сказал уэсбэшник, вроде как пожурил. — Это же у вас не первый случай! Вы же уже убивали людей. Майор Рожков двоих, старший лейтенант Петров — одного насмерть, одного ранил.

— Это нас убивали! У меня с той поры пуля в легком! — вскочил Петруша. — Если бы я в кабинете сидел, то под пули не попадал бы!

— Тогда мы действовали правомерно, это признано на всех уровнях, — с достоинством сказал майор. — Чего старое ворошить?

— Ладно, перейдем ближе к делу. — Уэсбэшник положил перед собой несколько листов бумаги и приготовил ручку. — Имеются два свидетеля: охранники казино Андрей Сергеевич Дерез и Дмитрий Александрович Малышев, — строго официально сказал он. — Из их показаний ясно следует, что вы вышли из клуба и тут же открыли стрельбу. Причем сразу, без предупредительных выстрелов, без выкриков о намерении применить оружие! Один человек убит двумя пулями в спину, второй получил три ранения, находится в тяжелом состоянии и вряд ли выкарабкается! Очень странная картина, вы не находите? Похоже на хладнокровный расстрел!

— Дерез сказал мне про подозрительных кавказцев, потому мы и вышли их проверить, — устало сказал Рожков. Они уже по двадцать раз рассказывали эту историю.

— Этого Андрей Сергеевич не подтверждает, — назидательно поднял палец Михайловский.

Рожков махнул рукой.

— Какой он Сергеевич, гнида тюремная! Сегодня так скажет, завтра этак. Не хочет в дело впутываться!

— И стрелять они начали первыми! — запальчиво добавил Петров. — Один прямо из-под руки, через куртку. А второй меня пулей по волосам зацепил!

— Дмитрий Александрович этого тоже не подтвердил. Он видел, как вы выстрелили в уходящего человека. Сразу на поражение! Причем в спину! Без окрика голосом, без свистка и без предупредительного выстрела!

— Предупредительные выстрелы десять лет как отменены, — возразил Рожков.

— Это я не хуже вас знаю! — парировал Михайловский. — Но обычно все стараются предупредить! Раз вверх стреляют, два, и только потом...

— А потом их убивают! — закончил Рожков и с неприкрытым вызовом посмотрел на уэсбэшника. Когда командуешь операми угрозыска, топчешь землю, раскрываешь преступления, идешь под пули, очень противно слушать поучения кабинетного чиновника. Михайловский кивнул.

— И такое случается, на то они и преступники. Но мы-то должны действовать по-другому!

— Тебя бы туда, капитан, посмотрели бы, как бы ты действовал! — вспылil Рожков. — За столом в кабинете правильным быть легко, а ты попробуй ночью, под выстрелами! Два чеченца с оружием!

— А по-вашему, чеченец — уже не человек? — вскинулся Михайловский. — Это полноправные граждане Российской Федерации! А за оружие они должны были ответить перед судом. Только максимальная санкция по этой статье — пять лет, а не смертная казнь!

— Но они первыми открыли огонь!

— Свидетели этого не подтверждают.

— Да мы, мы подтверждаем!

— А вы — лица заинтересованные.

— Твою мать! — Рожков ударил кулаком по столу. — А мы не граждане Российской Федерации?! Или ты хотел бы, чтобы мы сейчас лежали в морге, а те двое находились в бегах?

— Прекратить истерику! — Михайловский тоже ударил по столу, только ладонью, но получилось еще громче. — Я по поручению руководства веду служебное расследование! Пока все факты и свидетельские показания указывают на то, что вы со старшим лейтенантом при применении оружия грубо превысили должностные полномочия! И это повлекло за собой тяжкие последствия!

Оперативники переглянулись. Еще там, на левом берегу, возле «Золотой карты», они знали, что их ждет муторная и выматывающая жилы процедура служебного расследования, и были готовы к этому. Понятно, применение оружия — серьезное дело, понятно, должна быть проверка, но как она обставлена? Все действия проверяющих унижают их достоинство, офицеры милиции вынуждены оправдываться и доказывать, что они не виновны! Вооруженные бандиты без документов, разъезжающие на угнанном «Мерседесе», постепенно превращаются в потерпевших, а они все больше и больше становятся похожими на преступников!

Выходит, если бы сейчас на месте убитого был Петров, а на больничной койке в тяжелом состоянии находился Рожков, все было бы правильно! Тогда клеймили бы позором скрывшихся кавказцев, а про них говорили хорошие слова и скидывались на помощь семьям — по пятьдесят рублей с сержантов и по сто — с офицеров. Никаких служебных нарушений, никакой брошенной тени на работу правоохранительных органов. Все как полагается.

— Тяжкие последствия — это если бы нас убили! — гневно сказал Рожков. — Нас! И ведь вполне могли убить, хорошо, что Петруша был настороже и точно стрелял! Ты тоже сотрудник милиции, ты должен это понимать и быть на нашей стороне! А ты кого защищаешь? Я из себя козла отпущения сделать не дам, имей в виду! Надо будет — и к генералу на прием запишусь! Он меня по многим делам помнит!

— Эх вы! — Михайловский обиженно собрал исписанные бумаги и встал. — Я свою работу делаю, а вы на меня бочку катите! Думаете, мне приятно в дерьме ковыряться? Лучше бы взяли и пригласили меня в ресторан, поговорили бы по душам, что и как можно сделать. Вот, нате, расписывайтесь.

— Что и как можно сделать — это ты со взяточниками и прочей сволочью решай! — прежним напористым тоном сказал Рожков. — А мы свой долг выполнили, себя сохранили, да, наверное, многим другим людям жизнь спасли. Поэтому это ты нам стол накрывать должен. Только мы с тобой за один стол не сядем!

Уэсбэшник обернулся уже от двери:

— Зря на рожон прете. Как бы пожалеть не пришлось! Напоследок он сильно хлопнул дверью. Рожков и Петруша в очередной раз переглянулись.

— Не знаю, что он хочет, но, похоже, настроен нас законопатить! — протянул старлей. — Мне родители говорят, чтобы уходил из милиции к чертовой матери! Раньше я об этом не задумывался, а сейчас все чаще думаю — может, и правда уйти? Свои четыре тысячи я всегда заработаю, зато без стрельбы, риска и унижений.

Майор вздохнул.

— Что я тебе скажу: тут каждый сам выбирает. Мне уже поздно дергаться, к тому же я по натуре охотничий пес, у меня азарт розыска в крови. В коммерцию не пойду — не для меня это.

В частные охранники — тоже, я привык на государство работать. А на этого хрена внимания не обращай! Он нас нарочно прессует, может, надеется что-нибудь выкрутить. Тогда вдвойне дурак — мы же не гаишники, которые на взятке попались.

В кабинете наступила тишина. Несмотря на разницу в возрасте, должностях и званиях, майор и старлей прекрасно понимали друг друга. Оперативная работа вообще сближает, а им вдобавок приходилось вместе попадать в серьезные переделки. Несколько лет назад совсем молоденького лейтенанта Петрова начальник УР взял с собой в засаду. Они сидели в чебуречной на Богатыновском спуске, рядом с несколькими трупами, и ждали, когда за мертвыми телами придут убийцы. Один или два, максимум три. А пришла целая толпа бандитов из группировки Тахира, вспыхнула перестрелка со взрывом гранаты, как в войну. Рожков уложил двоих из автомата, в критическую минуту подоспел Петруша и поддержал его огнем, тоже свалив двоих. Потом, в горячке, он бросился за убегающими и нарвался на пулю. Так что боевое крещение старлей получил под руководством старшего товарища, а такое не забывается никогда. Вчерашний инцидент у «Золотой карты» сблизили их еще больше.

— Ну и чем все кончится, как думаете? — Петруша машинально потрогал макушку, откуда пуля выстригла прядь волос.

— Да ничего у этого козла не выйдет! Они же с оружием были и в нас стреляли. Экспертизы проведут, и все станет ясно. Прокуратура дело прекратит, и он успокоится. Сразу станет изображать лучшего друга. Только знаешь что, — задумчиво произнес Рожков. — На самотек это все пускать нельзя. Надо Пономарева контролировать. Незаметно, почтительно, вроде мы ему помочь хотим. Но чтобы постоянно быть в курсе дела: что там нового, какое у него настроение, какие указания Трегубое дал. Чтобы держать руку на пульсе.

Начальник УР подмигнул.

— Сейчас я ему позвоню. Рожков потянулся к телефону.

* * *

Но следователя на месте не было. Как раз сейчас он находился в Центральной городской больнице, чьи старые обветшавшие корпуса были разбросаны на большой, наполовину зеленой, наполовину замусоренной территории в самом центре Тиходонска. Территорию постепенно оккупировали платные автостоянки и наступающие со всех сторон торговые павильоны — более респектабельные, чем больничные палаты.

— У него три огнестрельных ранения. — Заведующий хирургическим отделением Приходько за тридцать лет повидал всякие травмы и довольно цинично относился как к жизни, так и к смерти. — Одно в ягодицу, средней тяжести, с ним он мог бы жить и жить, разве что хромал бы немного. А еще два...

Хирург покачал седой головой. У него было сморщенное лицо и испещренные синими прожилками, словно татуированные руки. Вряд ли он сам продолжал оперировать.

— А еще два — тяжелые и плохо совместимые с жизнью: задето сердце, легкое, позвоночник. Ему сделали операцию, но... — Приходько развел синими руками. — Надежды очень мало. А кто он такой?

Следователь удивился. Обычно врачи не задают таких вопросов.

— Темная личность. При проверке документов стал стрелять в милиционеров. Они ответили. А

почему вы спросили?

Завотделением пожал плечами.

— Нам ведь не все равно, кого провожать на тот свет. Хотя иногда приходится делать выбор. Трудный и не всегда правильный.

— Вам-то что выбирать — вы всех должны лечить! — слегка даже улыбнулся следователь. — Это мы выбираем: кого в тюрьму, кого на волю!

Приходько слегка склонил голову, его прямоугольные маленькие очки съехали по переносице вниз, и он печально посмотрел на следователя поверх запотевших по краям стекол.

— Недавно к нам привезли сразу двоих: один выпал из окна, второй попал под машину. А аппарат «искусственные легкие» у нас один! У меня спрашивают: «Кого подключать?» А разве я господь бог? Спрашиваю: «Сколько им лет?» Одному тридцать два, второму — пятьдесят. Говорю: «Подключайте молодого».

Пономарев опустил голову и старательно разгладил складки брюк у себя на коленях. Встречаться взглядом с Приходько ему почему-то больше не хотелось.

— Так и откачали молодого, а второй умер. А я все думаю: правильно ли выбрал? Вдруг спасенный — наркоман или пьяница, никчемный человек, а тот, кого я обрек на смерть, — хороший семьянин, любящий дедушка, квалифицированный специалист.

Похоже, хирург ждал совета. Или оценки своего поступка. Следователь вздохнул.

— Если бы родственники умершего подали заявление в прокуратуру, тогда бы я стал разбираться в этом вопросе. И, честно говоря, не знаю, какой бы сделал вывод. Хотя лично вам вряд ли можно предъявить обвинение. Может, тому, кто не обеспечил второго аппарата «искусственные легкие»?

Завотделением тяжело вздохнул.

— Но если аппаратов будет два, а привезут трех пострадавших? Нет, количество ничего не меняет.

— Качество тоже. Я имею в виду, что прокуратуру личностные качества погибших не интересуют.

Приходько снял свои детские очки и протер их не очень свежим платком.

— Честно говоря, меня волнует оценка не прокуратуры, а... — тихо произнес он и указал пальцем вверх. Но тут же переключил ход своих мыслей. — Извините, я вас отвлек. Хотите пройти в реанимацию?

— Да. Мне надо его допросить.

— Это вряд ли получится. Но посмотреть на него вы сможете. Сейчас я вызову доктора Забелину, она вас проводит.

Он снял с аппарата телефонную трубку и набрал короткий внутренний номер.

— Людочка, будьте добры, пригласите ко мне Анну Станиславовну. Здесь к нам товарищ

пришел из прокуратуры. Насчет огнестрельно раненного.

Доктор Забелина оказалась женщиной средних лет, сохранившей свежесть лица и неплохую фигуру. Без зловещего зеленого халата она наверняка выглядит еще более стройной и привлекательной. Она шла на полшага впереди и говорила о том, о чем все говорят со следователями:

— Раньше огнестрельные раны практически не встречались. А сейчас — почти каждую неделю! Куда это годится? — У нее был низкий прокурорский голос, и она сразу же перестала казаться симпатичной.

— Никуда, — сокрушенно согласился Пономарев. — Раненый что-нибудь говорил?

— Бредил. Но разобрать слова было сложно, да мы и не ставили такой цели. Вот мы уже и пришли.

В просторной светлой комнате лежал под капельницей бледный человек с заросшим черной щетиной лицом. Глаза его были полуприкрыты. Еще две кровати были свободны, в углу за столиком сидела медсестра. При виде вошедших она встала и подошла поближе.

— Он практически не приходит в сознание. Думаю, экзитус леталис неизбежен.

«Летальный исход», — понял Пономарев, изучавший в свое время судебную медицину. Он обратил внимание на явно очень старые и необычные кровати с многочисленными шарнирами и рычажками. Потом еще раз всмотрелся в лицо раненого. На миг показалось, что тот осмысленно рассматривает его между прищуренных век.

— Как вас зовут? Вы меня слышите? Откуда вы?! Медсестра покачала головой.

— Это совершенно бесполезно. Он не вступает в контакт.

Как бы опровергая ее слова, раненый вдруг открыл глаза и вытянул вперед свободную руку, как будто хотел проткнуть следователя вытянутым указательным пальцем.

— Вахит отомстит за нас! — хрипло, но довольно громко сказал он. — Вся Россия содрогнется под рукой Аллаха!

Рука упала на кровать, по телу прошла судорога, голова запрокинулась, и широко открытые глаза слепо уставились в покрытый трещинами потолок.

— Все, — сказала Забелина.

— Вы слышали, что он сказал? — спросил Пономарев.

— Слышали. Обычный бред умирающего человека. Пойдемте, вы уже не сможете его допросить. Только на Страшном суде. И то это будут делать другие.

— Это точно, — согласился Пономарев. Какая-то мысль крутилась в голове, не давая ему покоя.

Когда они вышли в коридор, он спросил:

— Что это за странные кровати? От отца я слышал, что их после войны подарила жена Черчилля. Или Рузвельта?

Доктор Забелина кивнула.

— В сорок шестом году чья-то жена действительно подарила больнице много оборудования. За шестьдесят лет оно пришло в негодность, только кровати исправно служат до сих пор. Я могу вам еще чем-либо помочь?

Следователь на секунду задумался.

— Мне нужна справка о его смерти.

— Справку я могу выписать хоть сейчас. А заключение — после вскрытия. Впрочем, по поводу причин смерти никаких сомнений у меня нет.

— У меня тоже, — кивнул Пономарев.

* * *

— «Вахит отомстит за нас», — озабоченно повторил Рожков, скорее обращаясь к самому себе, нежели к сидящему напротив Петрову. Сигарета прилипла к нижней губе оперативника, и, щелкнув зажигалкой, майор прикурил. — Не нравится мне эта фраза. Очень не нравится. Так же, как и продолжение: «Вся Россия содрогнется под рукой Аллаха». Что это означает? Уверен, что ничего хорошего. У меня эти руки Аллаха, эти террористы и шахидки уже вот где сидят, — Рожков чиркнул рукой по горлу, а затем выудил изо рта сигарету. Нервно стряхнул пепел указательным пальцем правой руки.

— У нас у всех они сидят в печенках! То усиление, то особый режим несения службы, то суточное дежурство, то взрыв, то ложный вызов, то новая ориентировка, то еще что-то... — По моему, это угроза, — сказал Петров. — В бреде или нет, но угроза!

— Да, похоже. А угрозы эта публика на ветер не бросает.

— Я с вами полностью согласен, — мотнул копной рыжих волос старший лейтенант.

Он сидел в кабинете Рожкова за приставным столиком и смотрел в окно, а начальник УР расхаживал на небольшом свободном пространстве взад-вперед. На улице уже смеркалось: осень стремительно наступала, и день заметно сокращался. К тому же было пасмурно.

— То, что ты со мной согласен, Петруша, я знаю, — Рожков глубоко затянулся табачным дымом и пожевал фильтр зубами. — А слышал, что сказала прокуратура?

— Слышал, — невесело усмехнулся старший лейтенант. Пономарев написал рапорт о происшедшем и доложил прокурору, а Трегубое сказал, что бред умирающего никакого интереса для следствия представлять не может. И приказал активизировать расследование против милиционеров. Уже провели баллистические экспертизы. Первого кавказца поразили пули Петрова, второго смертельно ранили оба. Так что если захотят отдать милиционеров под суд, то основания для предъявления обвинений уже есть.

— Надо что-то раскопать на этих бандитов, — задумчиво проговорил Рожков. — Потому что сейчас они самим фактом смерти вызывают сочувствие, и оно перевешивает и оружие, и стрельбу, и угнанный «мерс»! А если окажется, что за ними целый хвост преступлений, то оценка резко изменится.

— Это точно, — кивнул Петруша. — Тогда я возьму машину и поеду в больницу?

— Давай. А я займусь угнанным «мерсом», проверю по всем учетам Вахита. Может, что-нибудь интересное и выплывет!

Рожков поднялся из-за стола и энергично вдавил окурок в черную плоскую пепельницу. После чего направился доложить Савушкину. А Петров, спустившись на улицу, сел за руль служебной «шестерки». Натужно взревел слабенький мотор, напоминая о том, что ни «Мерседес», ни «БМВ», ни «Лексус», да и вообще ни одну из бандитских машин оперативник уголовного розыска догнать не сможет. К тому же он был обезоружен, а значит, по терминологии блатных, являлся «тихим ментом». Как при таких обстоятельствах он мог вести борьбу с преступностью, оставалось загадкой даже для него самого. Но до ЦГБ Петруша доехал довольно быстро.

Доктор Забелина находилась на дежурстве. Она вышла из ординаторской и присела на широкий, давно не крашенный подоконник.

— Вы уже третий, кто расспрашивает меня об этом человеке, — сказала она с легкой долей раздражения. — Вначале был какой-то милиционер, потом сотрудник прокуратуры и теперь уголовный розыск! А я ведь врач, а не сыщик. Могу дать историю болезни, читайте!

— Не надо, — возразил Петров. Миловидное лицо Забелиной примиряло с ее недружелюбным поведением. Зеленые кошачьи глаза, длинные пушистые ресницы, тонкие чувственные губы, узкие скулы. Ему как раз нравился такой тип женщин. Хотя, конечно, возраст. Но если бы она выглядела по-другому, он бы выписал ей повестку — и дело с концом! Пусть посидит в коридоре, помаринуется.

— Я ведь как раз сыщик, а не врач, поэтому вряд ли разберусь в вашей документации. — Старший лейтенант отвел взгляд в сторону. Ему показалось неприличным, что он так пристально и изучающе рассматривает лицо собеседницы. — Мы тоже ведем это дело параллельно с прокуратурой, поэтому я и пришел к вам очередной раз. Скажите, это точно был бред? Ну, те слова про месть и руку Аллаха.

— Не уверена, — честно ответила Анна Станиславовна. — В тяжелом состоянии многие бредят. Прежде на это никто и не обратил бы внимания, но сейчас другое дело. Все напуганы. Недавно все пассажиры вышли из автобуса только потому, что в него села кавказская женщина в черной одежде и с черным платком на голове. Поэтому мне его слова показались угрожающими.

— Им кто-нибудь интересовался?

— Кроме милиции и прокуратуры — никто.

— Отпечатки пальцев с него снимали? — продолжал расспрашивать Петруша. Смотреть в сторону тоже было неудобно, и он чувствовал себя неловко.

— Зачем? Ничего такого никто не делал!

Старлей выругался про себя. Как же будут устанавливать его личность?

— А одежду осматривали?

— По-моему, нет. Во всяком случае, я об этом ничего не знаю. Одежда должна быть в нашей камере хранения.

— Пойдите-ка. — Оперативник нахмурился. — А разве Пономарев не изъясил ее?

— Кто?

— Следователь прокуратуры.

— Нет.

Старший лейтенант скрипнул зубами. Вот бардак! Всем на все наплевать. Следок приехал, отметился, ничего не сделал и уехал! Работничек! Впрочем, лично Пономарева это дело не затрагивает. А их с Рожковым — затрагивает, потому и отношение у них совершенно другое!

— Могу я взглянуть на его вещи?

— Почему нет? — Докторша отлепилась от подоконника. — Пойдемте со мной.

В конце коридора она остановилась перед серой, обитой жестью дверью. Рука Забелиной скользнула в правый карман зеленого халата и выудила оттуда связку ключей. Выбрала нужный и отперла дверь.

— Подождите секунду.

Через несколько минут она вернулась с целлофановым мешком в руках.

— Держите, — Забелина протянула ему сверток с вещами. Оперативник осторожно развернул их. Черная кожаная куртка с тремя отверстиями в спине, черные брюки, заскорузлая от крови черная олимпийка, высокие шнурованные ботинки.

— Золотые часы и перстень в сейфе у заведующего, — пояснила доктор. — А больше ничего не было.

Петров обшарил карманы. На месте происшествия Рожков ощупал одежду, но тогда он искал только оружие.

Результаты осмотра разочаровали: карманы были пусты. Ни сигарет, ни зажигалки, ни ключей, ни записной книжки с адресами и телефонами. В последнюю очередь он обратил внимание на ботинки покойного. Хорошие армейские ботинки, похоже, с вещевых складов НАТО. Поставил один на пол, а другой развернул ребристой подошвой к себе. Подергал ее из стороны в сторону, покрутил каблук. Но возможные тайники не открывались.

Забелина молча, но с явным интересом наблюдала за его действиями. Обследовав один ботинок, Петров взялся за другой. В нем подошва тоже оказалась без секрета. Но когда, преодолевая брезгливость, старлей сунул руку внутрь, его пальцы неожиданно наткнулись на какой-то инородный предмет. Вдоль высокого голенища был устроен потайной кармашек! А в нем находилось что-то круглое и вытянутое. Нож? Стilet? Стреляющая ручка? Он уцепился за гладкий край. Пальцы несколько раз срывались, но наконец вытащили предмет наружу.

Это был блестящий металлический цилиндр диаметром около двух сантиметров и сантиметров двенадцати в длину.

Петров опустил ботинок в пакет и развернулся с цилиндром к свету.

— Что это? — Голос Забелиной звучал немного настороженно.

— Не знаю.

Ничего подобного старлей прежде не держал в руках. Как будто отрезок хромированного прута, но он явно не был монолитным. С одной стороны имелась резьба, потом в несколько рядов шли крохотные отверстия, на другом конце — поворачивающееся кольцо с несколькими рисками. Это явно какое-то сложное устройство, только непонятно, для чего оно предназначалось. Без сомнения, это было важное устройство. Иначе незачем его так старательно прятать. Мысли вихрем пронеслись в голове старшего лейтенанта, но это были вопросы без ответов. Он еще раз обследовал первый ботинок. Но там не было никаких предметов, да и потайного кармана не было. Сложив вещи обратно в пакет, Петров вернул его доктору.

— Сейчас мы пройдем в кабинет к заведующему, я составлю акт обнаружения и изъятия, и мы втроем его подпишем.

— Хорошо, — кивнула Забелина.

Сложив два листа бумаги с потертой копиркой между ними, Петров скрупулезно составлял документ, стараясь описать предмет как можно подробнее. Завотделением Приходько заинтересовался находкой и долго крутил ее синими руками.

— Похоже на деталь какого-то механизма, — наконец сказал он. — Вот этой резьбой вкручивается, а этим кольцом регулируется. Но я совершенно не представляю, что это за механизм. Хотя немного похоже на насадку к аппарату для дробления камней в почках.

Анна Станиславовна покачала головой.

— Но этот тип не был похож на уролога. И вряд ли он прятал в ботинке деталь от медицинского прибора.

— Да, это уж точно. — Старлей закончил писать протокол изъятия и протянул документ докторам. — Расписывайтесь.

— В жизни много парадоксов, — сказал Приходько, ставя замысловатую подпись. — Сейчас век атеросклероза. Инфаркты, инсульты — все от склеротических бляшек. А вскрываешь бомжа — у него чистенькие сосуды, как у младенца! Жирного-то они не едят, вот и нет у них никакого склероза!

— Но завидовать им почему-то не хочется! — Петров тоже расписался. — И долголетием они не отличаются.

— Травмы, отравления, несчастные случаи — все это, конечно, портит статистику. Только это я вам медицинский парадокс привел. А есть и другие.

Хирург хитро подмигнул.

— Так что этот предмет в ботинке может найти вполне логичное объяснение. Да на своей работе вы все это лучше меня знаете!

Петров улыбнулся.

— Да вы философ! Приходько почесал в затылке.

— Есть немного. Но это не от хороших впечатлений.

— Охотно верю. — Попрощавшись, оперативник покинул больницу.

На улице уже смеркалось. Вдоль Краснофлотской прогуливались дешевые автомобильные проститутки, выходили на вечернюю прогулку хищные стаи молодежи, выезжали в рестораны и казино бандиты. Для уголовного розыска работа только начиналась. И для обеспечивающих служб — тоже.

Петров одной рукой достал мобильник, набрал номер экспертно-криминалистического отдела. На его удачу, ответил Клыковский — самый старший и опытный эксперт, к тому же специалист широкого профиля: он делал и физико-технические, и взрывотехнические экспертизы.

— Лев Александрович, здравствуйте! Это старший лейтенант Петров, Центральный уголовный розыск. Как дежурство?

— Нормально, сынок, — ответил уверенный густой голос. — Только я ведь вашу экспертизу не делаю. Пономарев ее в региональный центр Минюста отдал, чтобы не было ведомственной заинтересованности. Так всегда бывает.

— Я не поэтому. Хочу вам одну штучку непонятную показать. Можно прямо сейчас?

— Давай, я на месте. Если, конечно, на происшествие не выдернут.

Петров резко перестроил «шестерку» в правый ряд и приготовился к повороту, тут зажегся красный свет, и он остановился на перекрестке.

— Спасибо, Лев Александрович. Я подскочу минут через десять.

На углу двое пьяных заталкивали в подъезд третьего. Тот сопротивлялся, но безуспешно. Смотреть на это было противно, а вмешиваться не хотелось. Во-первых, это территория Ленинского райотдела, во-вторых, сейчас никто не подчиняется с первого слова, значит, без драки не обойтись. А они вполне могут объединиться и накостылять ему по первое число. Могут и ножом пырнуть. Да и просто по морде получать и рвать пиджак никакой охоты не было. Ну их на фиг, пусть сами разбираются. Старлей отвернулся, а когда светофор переключился, плавно тронулся с места.

В экспертно-криминалистический отдел он зашел ровно через десять минут. Лев Александрович сидел за столом и в направленном свете лампы через лупу рассматривал разобранный дверной замок. Он выглядел гораздо старше своих пятидесяти лет. Невысокий, сутулый, с испанской седой бородкой и зачесанными на косой пробор волосами, Лев Александрович чем-то напоминал средневекового алхимика, по мановению волшебной папочки перенесшегося от тигеля с философским камнем в мир орудий и следов современных преступлений.

— Вечер добрый, Лев Александрович! — бодро приветствовал Клыковского Петров.

— Кому добрый, кому не очень, — философски ответил эксперт. — Человек десять сегодня вечером ограбят, у пятерых угонят машины, на шестерых нападут грабители, человек семь обворуют. Еще хорошо, если никого не изнасилуют, не искалечат и не убьют!

Возраст и длительный стаж милицейской работы делают людей циниками. Особенно когда пенсия уже на носу.

— Ну, это вы уж больно грозную сводку представили, — покрутил головой старлей.

— В сводку все, естественно, не попадет. — Криминалист отложил лупу и что-то пометил в лежащем рядом блокноте. — Часть потерпевших плюнет и не пойдет в милицию, у другой части ты не примешь заявлений, так что в регистрацию попадут пара краж, один грабеж и один угон.

— Это вполне реальная сводка, — кивнул оперативник и положил рядом с замком свою находку.

— А вот это что такое?

Несколько минут они оба молча взирали на непонятный предмет.

— Это металлический предмет с резьбой, — дал исчерпывающий ответ эксперт. — Хотя вряд ли тебя интересует только это. Но тогда надо уметь правильно формулировать вопросы.

— Каково целевое назначение данного предмета? — поправился Петров.

Сухие пальцы аккуратно уперлись в торцы цилиндра, подняли его, поднесли к яркой лампе, потом опустили на стол, и Клыковский вновь взялся за лупу.

— Похоже на минный взрыватель «МУВ-2». Но только похоже. Это более тонкая и точная работа. Не серийное, а штучное производство, — эксперт внимательно обследовал предмет. — Прецизионная обработка поверхности — один из признаков высоких технологий. Где ты его взял?

— В ботинке у убитого кавказца. Он был спрятан в специальном тайнике.

— Гм. У того самого? По которому баллистику назначили?

— Ну да.

— А что это за тип? Петруша пожал плечами.

— Не знаю... Мы только окликнули, а они с дружкой стали стрелять. Оба без документов, на угнанном «мерсе».

— Понятно.

Судя по озадаченному тону, если эксперту и было что-то понятно, то теперь понимание растворилось бесследно.

— Но такая публика и такие предметы — из разных миров, — пояснил он причину своей озадаченности.

Клыковский встал, достал щипцы на длинной, почти метровой ручке и осторожно упрятал цилиндр в стальной ящик с толстыми стенками.

— С учетом всех обстоятельств надо проявлять осторожность, — назидательно пояснил он. — Оставляй до завтра. Я просвечу его рентгеном, проверю на химические пары и радиоактивность, попробую определить сферу возможного применения. Будь здоров.

— До свидания, — обескураженно ответил оперативник. Он был уверен, что Клыковский с

первого взгляда определит назначение таинственного предмета.

* * *

Утром Петров прибыл на службу в половине восьмого. Рожков был на месте и с мрачным нетерпением поджидал подчиненного.

— У меня есть новости, — с порога возбужденно выпалил Петруша.

— У меня тоже. Трегубов распорядился предъявить нам обвинение, — угрюмо охладил он пыл старлея.

— Как же так? — упавшим голосом спросил тот. — Они же были с оружием и первыми открыли огонь! Что нам было делать?

— Он считает, что мы должны были стрелять по конечностям. А стреляли в жизненно важные органы. Значит, превысили пределы необходимой обороны. Льготная статья, говорит, ничего страшного. Дадут пару лет условно — всего и делов!

— Да за что пару лет?! — заорал старлей.

— Это ты спросишь на допросе в качестве обвиняемого. Завтра в пятнадцать часов нас вызывает Пономарев. Так что, если ты не раскопал ничего сверхъестественного...

Петров плюхнулся в жесткое кресло. Настроение пропало. Появилась мысль написать рапорт об увольнении, тогда дело могут прекратить в связи с изменением обстановки.

— Осмотрел вещи, а там в ботинке тайник, — без охоты сказал он. — А там какая-то фиговина спрятана, длинненькая. Клыковский сказал — похожа на минный взрыватель, только сделана по высоким технологиям.

Майор присвистнул.

— Ясно, что это не мундштук для флейты! Наверняка какая-то гадость и наверняка связана с их угрозами. Я не верю в случайные совпадения! Давай копай дальше, возможно, и нам послабление выйдет...

— А что с Вахитом? — без особого интереса, просто для приличия спросил Петруша.

— Я проверил по нашим учетам и нашел двух человек по имени Вахит, — азартно начал рассказывать Рожков. — Один, Вахит Зармаев, по прозвищу Кулик, — налетчик, наркоман, в настоящий момент отбывает пять лет в ИК-7. Второй — Вахит Ибрагимов, кличка Носатый, маршрутный вор и катала. Но ему уже шестьдесят два года, от дел отошел, купил домик в Степнянске. Печется только о своем здоровье, лук выращивает.

— Лук, значит, — печально произнес Петров. — Вот дадут нам по два года условно, из органов выгонят, тоже будем лук выращивать.

— Да брось ты, Рыжий! На меня знаешь сколько раз дела заводили? Ровно четыре раза! Как будто я не раскрываю преступления, а совершаю! Помурьжат и прекратят дело, куда они денутся!

Рожков хлопнул молодого человека по плечу.

— Так что не вешай носа! Выкрутимся! Давай вперед, дожимай Клыковского, подними весь город на ноги, но установи, что за предмет был в ботинке у этого бандита!

Приободренный старший лейтенант вскочил.

— Есть, товарищ майор!

* * *

Эксперт выглядел заметно усталым. Внезапно Петров понял, что тот не пошел домой после дежурства и уже больше суток находится на ногах. Возможно, именно из-за его просьбы. Полированный цилиндр он держал в руках.

— Это очень странная вещь, дружок, — сказал Клыковский, протирая красные глаза. — Рентген показал, что внутри нет никаких механических устройств. Ни пружины, ни ударника — словом, ничего из того, о чем я подумал вначале. Никаких ядовитых веществ, никаких биологических реагентов.

Лев Александрович перехватил удивленный взгляд старшего лейтенанта.

— Да, да, я предусмотрел все варианты. И все проверил. Так вот, радиоактивный фон объекта повышен. Незначительно, в пределах допустимого, но повышен. И при повороте вот этого кольца излучение начинает увеличиваться. Но на этом я эксперименты прекратил. Все это выходит за пределы моей компетенции! Очень сильно выходит!

Клыковский обескураженно развел руками. Впервые оперативник видел эксперта растерянным. Средневековый алхимик столкнулся с непонятными вещами, и это явно выбило его из колеи.

— А в чьей это компетенции? — спросил Петров. Внутри у него все трепетало.

— Рекомендую обратиться в Институт ядерной физики. Чем бы ни являлся этот предмет, но он явно проходит по их ведомству!

* * *

Заместитель начальника по науке Тиходонского института ядерной физики Валерий Шелестов имел интересную и наполовину законспирированную биографию.

Все знали, что он доктор технических наук, профессор, всю жизнь проработавший в аналогичных институтах Академии наук СССР, проводивший множество уникальных экспериментов и опубликовавший сотни статей по теории ядерного распада. И все это было правдой.

Но он еще являлся полковником в отставке, потому что занятия академической наукой были сопутствующими, а главным делом жизни была работа, которая обтекаемо называлась «укреплением ядерного щита Родины», а конкретно состояла в разработке и испытаниях ядерных боеприпасов различной мощности и назначения. Об этом никто из многочисленных сослуживцев шестидесятилетнего Валерия Семеновича не догадывался, да и в личном деле сведений таких не было. Полугодовые командировки на Семипалатинский полигон или на Новую Землю значились экспериментами на Обнинском ускорителе, орден Ленина, полученный за создание сверхмалых ядерных зарядов, легендировался научными достижениями в исследовании атомного ядра, а именной кортик, полученный от министра

обороны СССР, профессор Шелестов вообще никому не показывал.

После распада Советского Союза прикладные исследования атомного ядра практически прекратились, Шелестов полудобровольно-полупринудительно ушел в отставку и, легализовавшись в сфере чистой теории, вернулся на родину — в Тиходонск. Вместе с женой он жил в скромной двухкомнатной квартире, доставшейся по наследству от родителей, где на дверных косяках еще можно было различить зарубки, которыми отмечали рост маленького Валерика.

К профессору Шелестову после многочисленных телефонных переговоров и направили в конечном счете старшего лейтенанта милиции Петрова.

Институт ядерной физики, как и положено, был секретной организацией, и хотя большинство горожан о нем знали, считалось, что он работает конспиративно под именем завода «Прибор-2». Располагался он на территории военного завода «Электроприбор», за высоким кирпичным забором с натянутой поверху колючей проволокой. В новые времена строгостей поубавилось: забор отступил под напором коммерческих лотков и магазинов, которые заняли половину территории, проволока во многих местах проржавела и бессильно обвисла, бегавшие за забором сторожевые псы передохли, да и старый забор кое-где разрушился, позволяя любому желающему без особого труда проникнуть на территорию. Но официально попасть внутрь было гораздо сложнее.

На проходной удостоверение старшего лейтенанта никакого впечатления не произвело: грузный вохровец в форме с зелеными петлицами и огромной наганной кобурой на ремне только покрутил головой.

— У нас своя милиция. И прокуратура тоже своя. А вам надо пропуск получать.

После получаса созвониваний и разъяснений оперативник получил разовый пропуск и в сопровождении местного коллеги попал наконец вначале на «Электроприбор», а потом, преодолев еще один забор и проходную, — на «Прибор-2».

Валерий Семенович Шелестов оказался крепким мужичком с простецким лицом, седыми нависшими бровями, крупным носом и все еще массивной челюстью. Острый пронизывающий взгляд навел молодого милиционера на мысль, что профессор отнюдь не кабинетный работник и даже, возможно, знает оперативные хитрости. Впрочем, на режимном объекте это неудивительно: подписки, секреты, первый отдел, куратор из ФСБ, постоянные инструктажи, возможные шпионы.

— Я к вам по такому делу, — несколько сбивчиво начал старший лейтенант, присев за приставной столик. — У нас в руках оказался странный предмет, который, возможно, связан с серьезной угрозой для общества. Наши эксперты не смогли установить его предназначения, но определили, что он немного радиоактивен. Так вот у нас есть вопрос к вам.

— Этот предмет при вас? — перебил его Шелестов.

— Да, конечно. Вот он.

Петров, отстранившись, осторожно открыл старый «дипломат», быстро извлек завернутый в несколько слоев фольги цилиндрок, положил на стол и отдернул руку. Профессор тут же направил на него дозиметр, после чего расслабился и улыбнулся.

— Надо полагать, что фольгой вы надеялись защититься от ионизирующего излучения?

— Ну да.

— И вы думали, что это поможет? — Улыбка стала шире. Зубы у Шелестова были белые и крепкие.

— Не знаю. Просто инстинктивно завернул. Вроде так спокойней.

— Ну-ну, — неопределенно хмыкнул Шелестов и развернул цилиндр.

— Когда поворачиваешь вон то кольцо, излучение начинает усиливаться, наш эксперт не стал продолжать, но, возможно, эти сведения вам помогут, — сказал Петров. — Нам нужно узнать, что это за предмет!

Шелестов бросил на блестящий цилиндрик только один взгляд и, отложив его, посмотрел на собеседника. В глазах его читалось странное выражение.

— У вас есть допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, молодой человек? — строго спросил он.

— Конечно! Я же оперуполномоченный уголовного розыска!

Петров привычно выудил из нагрудного кармана удостоверение, раскрыл и протянул профессору. Тот внимательно прочел и вернул обратно.

— Про государственную тайну тут ничего не написано. Про оружие написано: его вам хранить разрешено. А про гостайну — ничего нет.

— Можете позвонить подполковнику Савушкину, он подтвердит!

— Кто такой Савушкин? — спросил хозяин кабинета.

— Начальник криминальной милиции Центрального района!

— А-а-а.

Похоже, что эта ссылка успеха не возымела.

— И этот предмет связан с какой-то угрозой? Петров истово закивал.

— Судя по людям, у которых он был, — с серьезной угрозой! Вы сможете определить, что это такое?

Лицо Шелестова окаменело.

— Мне не надо ничего определять, я хорошо знаю, что это такое. И уверяю вас, что вы даже не представляете характер возможной опасности!

В голосе отставного полковника прозвучали такие нотки, что у Петрова мороз прошел по коже.

— Что же это?! — замороженно спросил он. Шелестов наклонился вперед и пристальным тяжелым взглядом впился в ожидающе раскрытые глаза оперативника.

— Это стандартный взрыватель для портативного ядерного фугаса!

У старшего лейтенанта отвисла челюсть. В просторном, скромно обставленном кабинете заместителя по науке повисла напряженная гнетущая тишина.

— Вы... Вы уверены? — наконец к Петрову вернулся дар речи. — Может быть, нужно провести дополнительные исследования?

Профессор откинулся на спинку кресла и устало покачал головой.

— Какие исследования! Это ВЯБШ. Взрыватель ядерного боеприпаса Шелестова.

— Шелестова? Значит...

— Да. Я его сконструировал. Только сейчас вам придется дать расписку о том, что все услышанное в этом кабинете вы обязаны сохранить в тайне.

— Хорошо. Но где тогда может быть сам фугас?

— Этого я не знаю.

— А какова его мощность? Если он портативный, то, значит, не очень сильный?

Разработчик атомного оружия кивнул.

— Относительно да. Но только относительно. Взрыв такого фугаса способен разрушить четверть Тиходонска. А радиационное излучение уничтожит всех, кто уцелеет после взрыва.

Старший лейтенант милиции Петров сидел неподвижно и молчал. Сотрудникам уголовного розыска никогда не приходилось сталкиваться с подобными вещами, и он просто не знал, как себя вести. Зато где-то на задворках сознания назойливо крутилась радостная мысль: оперов, застреливших ядерных террористов, никто привлечь к уголовной ответственности не осмелится! Скорее их будут награждать! Петров устыдился шкурных мыслишек. Ведь сейчас неопределенная угроза кавказца приобретала отчетливые силуэты атомного гриба!

— Спасибо, Валерий Семенович. — Петров встал и протянул руку за зловеще блестящим цилиндром. — Мне надо идти.

Но замдиректора института не сделал встречного движения.

— Извините, товарищ лейтенант.

— Старший лейтенант! — нетерпеливо поправил он. — Дайте мне этот, как он называется...

— Извините, товарищ старший лейтенант. — В голосе Шелестова прорезались жесткие нотки. Теперь это был не профессор, а полковник. — ВЯБШ не может находиться нигде, кроме строго определенных мест!

— О чем вы говорите? Это вещественное доказательство по уголовному делу!

— Такое дело не может находиться в компетенции милиции, — раздался сзади уверенный голос.

Высокий худощавый человек в темных очках уже несколько минут стоял на пороге кабинета и теперь быстрыми шагами подошел к столу. По строгому костюму, уверенности и специфическим манерам старший лейтенант сразу понял, что это оперативник ФСБ. Впрочем,

никто другой не мог появиться в это время и в этом месте. Скорей всего Шелестов нажал потайную кнопку. Государственные секреты требуют соответствующих мер предосторожности.

— Майор Нижегородцев, — человек в темных очках предъявил удостоверение. — Сейчас мы оформим подписку о неразглашении тайны и протокол изъятия ядерного взрывателя. Потом поедем к вам, и я заберу уголовное дело.

— Дело в прокуратуре, — вяло ответил Петров. Он почувствовал, что устал и очень хочет спать. Может, теперь все успокоится и можно будет взять отгулы.

— Значит, заберем в прокуратуре! — сказал Нижегородцев. Он, напротив, был бодр и излучал уверенность.

* * *

Отгулы взять Петрову не удалось, потому что никакого спокойствия не наступило. Напротив, закрутилась такая карусель, какую не помнили даже старожилы Центрального райотдела. Трупы убитых преступников вытащили из морга, дактилоскопировали, тщательно обследовали, сделали смывы с рук на химические пробы, срезали волосы и ногти для проверки на радиоактивность.

Вполне понятно, что исполнителями грязной работы были оперативники уголовного розыска и милицейские эксперты. Петров и Саямов вместе с санитарями таскали начавшие разлагаться трупы, помогали Клыковскому срезать ногти и волосы, мыли заскорузлые, окоченевшие ладони. Следователь ФСБ только выносил постановления и давал указания, которые майор Нижегородцев доводил до исполнителей, а потом он же забирал материалы.

Исследование показало, что при жизни бандиты много стреляли. Об этом говорили следы пороха на ладонях, синяки от отдачи на плечах, мозоли от затворов на указательных пальцах. О результатах проб на радиоактивность милиционеры ничего не узнали. Зато широкомасштабные проверки по отпечаткам пальцев позволили установить личности убитых. Высокий — Аслан Дебзиев, уроженец Чечни, ранее судимый за разбойные нападения в Тиходонске и Москве. Его земляк Умар Мутаев задерживался для проверки на причастность к незаконным вооруженным формированиям и содержался в следственном изоляторе в Чернокозове, но через месяц был отпущен за недостатком улик.

— Улик им не хватило, — выругался Рожков. — Небось там ему смывы на пороховой нагар не делали!

— А если бы и делали? — сказал Петров. — За следы пороха на руках по нашим законам сажать нельзя!

Рожков еще раз выругался.

— А на фиг нам такие законы? Пока атомным взрывом не запахло, никто и не шевелился! Закон на опережение работать должен!

Действительно, атомная угроза коренным образом изменила не только отношение к убитым преступникам, но и оценку действий Петрова и Рожкова. Обвинение им так и не было предъявлено, сама мысль об этом незаметно рассосалась, как ложная беременность у собаки.

Следователь Пономарев делал вид, что и не собирался привлекать к ответственности милиционеров, а был озабочен лишь максимально точным расследованием злодеяний Дебзиева

и Мутаева. Как можно естественнее он вернул оперативникам оружие и вскользь сказал, что действовали они совершенно правильно. Прокурор Трегубов на межведомственном совещании похвалил сотрудников милиции за решительные действия и скромно отметил, что его личное участие в надзоре за этим делом позволило установить его глубокие корни. Уэсбэшник Семен Михайловский, зайдя по случаю в Центральный райотдел, долго тряс руку Рожкову и хлопал по плечу Петрова.

— Рад за вас, ребята! Я все сделал, чтобы приняли такое решение, — широко улыбался он. — Но вы же знаете этих бюрократов! Хорошо, что все обошлось!

— Не только обошлось, — кисло улыбнулся в ответ Рожков и освободил руку. — Нас еще и поощрили!

Действительно, каждому выписали премию в тысячу рублей. Окупала ли эта тысяча пережитые стрессы и сожженные нервные клетки — никто не задумывался. В том числе и поощренные. В милицейской жизни много идиотизма, много зигзагов судьбы, постепенно к ним привыкаешь и воспринимаешь как должное. А кто остро ощущает все происходящее и не может к такому привыкнуть, те уходят из органов в народное хозяйство.

Премии поощренные потратили рационально: Петров купил себе зимние ботинки, а Рожков заплатил за уроки музыки для дочери. Уже через четыре дня после перестрелки у «Золотой карты» они вышли в рейд под кодовым названием «Кавказ». На этот раз рейдом руководили сотрудники ФСБ, и старшим их группы был майор Нижегородцев.

Они встретились возле входа в Центральный рынок. Все трое были в неброской одежде, только солнцезащитные очки майора нарушали принцип неприметности: летний сезон уже прошел.

— У тебя с глазами неважно? — догадался Рожков. Нижегородцев поморщился и поправил очки на чуть свернутой влево переносице.

— «Заря» [2] перед лицом разорвалась, — нехотя пояснил он.

С тех пор майор не переносил солнечных лучей и яркого света, из-за чего после нашумевшего фильма «Ночной дозор» коллеги дали ему прозвище Вампир. Как всегда бывает, кличка стала известна и «обслуживаемому контингенту». Это его раздражало.

Всем прочим погодным условиям Нижегородцев предпочитал дождливый и пасмурный день. Утро, кстати, и располагало к таким прогнозам, но сейчас, в половине одиннадцатого, тучи, как по мановению невидимой руки, разошлись в стороны и обнажили неласковое, но яркое осеннее солнышко.

— Наша задача — установить связи убитых, желательно выявить Вахита. — Нижегородцев, как и положено, провел короткий инструктаж. — Держимся вместе, контролируем проверяемых, страхуем друг друга. Задача ясна?

Отношения между столь могучими оперативными ведомствами, как МВД и ФСБ, были неприязненными на протяжении всей истории, хотя степень этой неприязни в разные времена была различной. Сейчас, когда оба ведомства изрядно утратили власть и способность влиять на окружающую жизнь, конкуренция потеряла прежнюю остроту. Осталось только легкое высокомерие к «чернорабочим» с одной стороны и снисходительность к «белой кости» с другой.

— Не вполне, — отозвался Рожков. — Какие действия в случае опасности? Каков порядок

применения оружия? Кто будет стрелять первым?

Нижегородцев в очередной раз поправил очки.

— В случае реальной опасности я подаю радиосигнал и группа силовой поддержки приходит на помощь. Они и будут стрелять, если понадобится!

Рожков выпятил нижнюю губу.

— А где эта группа?

Майор показал на неприметный микроавтобус со шторками на окнах.

Милиционеры переглянулись.

— Так они пока добегут...

— Не бойтесь, успеют! Опера переглянулись еще раз.

— Это мы боимся?! — завелся Рожков. — Ты сколько раз в своей жизни применял оружие?

К его удивлению, фээсбэшника вопрос не смутил.

— Применял, — сухо ответил он. — А сколько раз — государственная тайна. И вообще, этим не хвастают.

Нижегородцев говорил дело, Рожков смутился.

— Да я и не думал. Просто к слову пришлось. Оперативники двух ведомств вошли на территорию рынка, сразу окунувшись в людскую толчею, атмосферу торга и южного изобилия. Вначале они попали в рыбные ряды.

На бесконечных деревянных прилавках лежали мокрые серебристые сазаны, хищные серые щуки, усатые сомы с расплюснутыми мордами и огромными ртами, шипастые тупорылые осетры и изящные длинноносые севрюги, а рядом — огромные розовые куски норвежской семги. По непонятной логике, многие покупатели предпочитали привозную мороженую семгу более привычной парной осетрине.

За свежей рыбой пошла вяленая и копченая: розово просвечивающие жиром рыбцы, тяжелые, как кабаны, цимлянские лещи — чебаки на местном наречии, похожая на кинжальные клинки чехонь, твердая серебряная таранка, мягкая, истекающая жиром шемайя. Потом начались банки с икрой: обычной черной — осетровой и для гурманов — серой, севрюжьей.

В другой раз все трое уделили бы этому замечательному месту больше внимания и наверняка выбрали бы себе что-нибудь по вкусу. Но сейчас рыбные ряды интереса для них не представляли: продавцами здесь были дородные круглоликие казачки и обветренные мужики вполне славянской наружности, все — местные жители.

А вот во фруктовых рядах картина была совершенно другая: здесь за прилавками стояли исключительно мужчины южного вида — со жгучими усами, орлиными носами и гортанным говором.

вернуться

«Заря» — свето-шумовая граната.

— Пойдите здесь, — тихо сказал Нижегородцев и направился к лотку, за которым торговал виноградом бойкий молодец в надвинутой на глаза черной кепке с большим козырьком.

— Покупайте, лучше нигде нет, у меня самый свежий, без удобрений, сам вырастил. — Торговец пытался всучить кило винограда какой-то маленькой щупленькой бабушке с пустой старенькой сумочкой в руках. Старушка колебалась, а тот еще больше входил в раж.

— Что ты врешь, Хазвах, когда это ты виноград выращивал?

Торговец резко повернулся и, увидев майора ФСБ в непривычной кожаной куртке, но неизменных солнцезащитных очках, перестал расхваливать свой товар. Старушка мгновенно ретировалась.

— Зачем покупателей отпугиваешь, Анатолий Сергеевич? — с легкой укоризной сказал он. — Какая разница — вырастил, купил. Виноград и правда хороший. Могу подарить полкило.

— Жадный ты, Хазвах! — серьезно произнес майор.

— Почему жадный? Возьми кило. Два возьми!

— Да на хрена мне сдались твои тухлые фрукты, — грубо сказал Нижегородцев. — Они же у тебя уже месяц в холодильнике лежат!

— Ай, зачем так нехорошо говоришь? — недовольно прищелкнул языком Хазвах Судзиев, который уже давно и плотно сидел на крючке у майора Нижегородцева и даже имел оперативный псевдоним Горец. — Ты меня даже обижаешь, да. Я всегда слежу за своим товаром. В холодильнике он не портится, может хоть год лежать! Хазвах — порядочный человек. У меня и лицензия имеется. Ты же знаешь, майор.

— Знаю. — Нижегородцев оторвал одну виноградину, обтер пальцами и сунул в рот. Виноград был вкусным, хотя и немного подсох. — И знаю также, где шлепают такие левые лицензии.

— Почему левые, слушай. — Казалось, Хазвах и впрямь оскорбился до глубины души.

— Шучу, шучу! — дал задний ход майор.

Такова нехитрая, но действенная оперативная тактика: вначале налететь коршуном, предъявить претензии, напугать, выбить из колеи, а потом помириться и поговорить по душам, как и положено между закадычными друзьями. Рожков тоже так делал и Петрова учил.

— На лучше, посмотри сюда, — майор протянул две фотографии. На них были портретно снятые Дебзиев и Мутаев. — Узнаешь?

— Вах! Они что, неживые? — Лицо Горца насупилось.

— Мертвые, — кивнул Нижегородцев. — Так что говори все, что знаешь, не бойся.

— Мертвых бояться не надо, — согласился торговец. — Живых надо бояться. Только я никого

не боюсь. У меня род большой, сильный, и все это знают. У нас это много значит.

— Ты мне зубы не заговаривай! Кто это такие?

Маленькие глаза под нависшим черным козырьком забегали из стороны в сторону. Майор каждый раз поражался неспособности Горца скрывать свои эмоции. Тут никакой детектор лжи не нужен. Просто смотри внимательно за собеседником и лови изменения в выражении лица. Как на практическом занятии по оперативной психологии.

— Кавказ большой, разве всех будешь знать? — ответил он сиплым от волнения голосом. — Вижу, что земляки. А кто такие, не знаю. Никогда не встречал, да. Я имею дело со многими, но всех помню. А этих не помню. Я же мужчина, ты меня знаешь — всегда правду говорю. Мне не нужны эти шуши-муши.

— Я не знаю, что такое шуши-муши, Хазвах. — Теперь Нижегородцев подхватил с лотка спелое красное яблоко, протер его о рукав собственной куртки и с хрустом надкусил. — Вот яблоки у тебя свежие, сочные, — одобрительно улыбнулся он. — Раз не хочешь мне помочь — не надо.

— Почему не хочу! — обрадованно округлил глаза Горец. — Не могу, дорогой, не могу. Это совсем другое дело!

— Какая мне разница, как это назвать, — майор махнул рукой. — Вернусь к себе, напишу, что пользы от тебя нет, и поедешь ты на свою любимую родину. А документы на тебя мы вышлем нашим коллегам в Грозный.

Лицо Горца изменилось в очередной раз. На этот раз сквозь маску разбитного торговца и старательного, но незадачливого агента проглянуло лицо смертельно уставшего, мечущегося между двух огней человека. И тот огонь, которым припаливал Вампир, был в данный момент более жгучим, чем второй.

— Так нельзя, Анатолий Сергеевич, — испуганно проговорил он. — Тогда все про все узнают! Республика маленькая, все или родственники, или друзья, или знакомые. Сами знаете, что со мной будет!

По затравленному выражению лица Горца Анатолий понял, что припалил его как следует. Даже за одну услугу, оказанную неверным, ему перережут горло от уха до уха. А в свое время пойманный на горячем Горец стучал как дятел — не переставая.

Крепкие зубы обглодали яблоко, огрызок лег на прилавок.

— Ничего не будет, Хазвах, не бойся. Мы секретной почтой пошлем.

Судзиев нервно смахнул огрызок на землю.

— Издеваешься, да? Нехорошо это, не по-людски. Выходит, правильно тебя Вампиром зовут.

— Но-но! — нахмурился майор и предостерегающе поднял палец. — Смотри, лишнее слово — лишние проблемы!

— Твоя сила, — грустно констатировал агент. — Я их и правда не знаю. Но один, кажется, с Лучником в вокзальный ресторан заходил. А может, не он: просто похожий.

— Вот это другое дело, Хазвах! — широко улыбнулся Нижегородцев. — Теперь я вижу, что ты

дружбу ценишь! А насчет твоего дела, так я пошутил! Его никто и никогда из сейфа не вынет! А уж посылать куда-то и по-прежнему не станет! Исключено!

Горец, опустив голову, молча смотрел в прилавок. Глаз его видно не было.

— А где сейчас Лучник? — как бы мимоходом спросил Вампир.

— Знаешь павильон запчастей? По второму ряду — налево. В задней комнате, — глухо ответил агент, не поднимая глаз.

— Он привез партию? — наседавал на кавказца Нижегородцев.

— Привез. Но я тебе ничего не говорил, Анатолий Сергеевич. Не сдавай, будь человеком, да. Для меня это не шутки. С живого кожу снимут.

— О чем речь? — Анатолий открыто улыбнулся. — Разве я когда-нибудь тебя подводил? Мы же друзья, так что будь спокоен! Пока, еще увидимся!

Вампир чуть приподнял свои темные очки и весело подмигнул агенту. Ответного веселья майор не увидел, но это уже не имело значения. Резко повернувшись, он пошел прочь.

— И чего он ко мне привязался?! — возмущенно обратился Хазвах Судзиев к торгующим рядом соплеменникам. На время диалога с майором они незаметно покинули свои места, а сейчас настороженно возвращались обратно. На вопрос Хазваха они только пожали плечами, но оставили его без ответа. Лица, как и положено, выражали сочувствие земляку, но, в отличие от слов, выражение лица к делу не пришьешь.

Рожков и Петров приценились к яблокам и добродушно шутили с молодой круглолицей крестьянкой.

— Пройдите по рядам, проверьте документы, покажите фотографии, в общем — наделайте побольше шума! — скомандовал будто выросший из-под земли Нижегородцев. — Потом поднимите свою агентуру — может, раскопаете связи этих типов. А я — по своей программе!

Милиционеры переглянулись. Было ясно, что их задача — создать дымовую завесу. Значит, фээсбэшник получил важный результат.

— А как же прикрытие? — по инерции спросил Петров.

— Я вызову свое прикрытие! Сейчас завертится такая карусель! — возбужденным тоном произнес майор, и Рожков окончательно признал в нем своего. Только настоящий оперативник испытывает азарт и приподнятое настроение, когда идет по следу. Кабинетному чиновнику это чувство неведомо.

— Пойдем, Петруша! — Рожков хлопнул напарника по плечу. — Раз у «соседа» [3] такой интересный расклад, то мы поможем и черновой работы гнущаться не станем.

Нижегородцев медленно начал выбираться из фруктовых рядов. Нажав в кармане гарнитуру рации, он наклонил голову к воротнику куртки.

— Восьмой — Десятому! Павильон запчастей, подсобка! Подтягивайтесь ближе, атака по моему сигналу — два тональных. И не забудьте: я буду внутри!

— Десятый — Восьмому, вас понял! — коротко, уверенным голосом отозвалась рация.

Лучник был в павильоне не один. В подсобке, заставленной картонными и фанерными ящиками, между рядами полок с запчастями отечественных автомобилей он сидел за грубым дощатым столом и играл в нарды со своим соотечественником — таким же жгучим брюнетом с резкими чертами лица и горбатым носом. Они были одеты в черные брюки, рубашки и давно не чищенные черные остроносые туфли. Черный цвет почему-то издавна любят на Кавказе. Прислонившись к полке с аккумуляторами, рядом стоял коренастый блондин славянской внешности, облаченный в желтую ветровку поверх майки-борцовки, синие спортивные штаны и босоножки, открывающие не очень чистые ступни. Затуманенные поблескивающие глаза блондина и обильная потливость выдавали, что он находится под действием тяжелого наркотика. Во всяком случае, вошедший с черного хода Нижегородцев определил это без особого труда.

вернуться

3

«Соседями» работники милиции называют сотрудников службы безопасности, поскольку их подразделения, как правило, находятся рядом или вообще под одной крышей.

— Шаши-беши! — азартно крикнул Лучник, выбросив кости. Но тут же вскинул голову на звук шагов. Губы его раскрылись — то ли в улыбке, то ли в оскале. — Какие люди! — воскликнул он так, будто майор и в самом деле был старым добрым приятелем.

Акцента у Лучника практически не было. Когда-то давно он учился в Москве, занимался стрельбой из лука и даже выступал за сборную России. Но от этих времен осталась

только кличка. Теперь он состоял на оперативном учете как лицо, связанное с незаконными вооруженными формированиями. Несколько раз его задерживали и проверяли, но доказательств, достаточных для суда, собрать не удавалось, потому он беспрепятственно жил в Тиходонске, удивляясь беспросветной глупости гяуров. Ведь если бы в его родном Ачхой-Мартане объявились подозрительные русские, с ними расправились бы в мгновение ока без всякого суда и следствия. А если гяуры не могут поступать так же, значит, они слабые и обречены на поражение в великом джихаде.

— Кто к нам пожаловал! Вампир! Давненько что-то тебя не было видно на горизонте. Какими судьбами? — Белозубая улыбка выдавала приятное удивление. Хотя особых поводов радоваться встрече и проявлять столь явную фамильярность у Лучника не было. Они с Вампиром не были ни друзьями, ни приятелями, ни даже добрыми знакомыми. Виделись они именно тогда, когда Лучник сидел в следственном изоляторе ФСБ, а майор Нижегородцев пытался собрать доказательства его вины, и отношения между ними являлись сугубо официальными.

— Мои судьбы известны, Ваха Ибрагимович. Это служба. Не в нарды же я играть пришел!

На этот раз майор снял очки, но убирать их в карман не торопился. Держал в руке. Ногой придвинув к столу табурет, Нижегородцев сел, стараясь не поворачиваться ни к кому спиной. Наступила пауза. Он и Лучник пристально изучали друг друга. Не нарушали молчания и подручные Лучника, хотя краем глаза майор заметил, как белобрысый крепыш до конца расстегнул свою ветровку и сунул под нее руку.

«Совсем обнаглели, бандюки! — подумал он. — Стволы с собой носят, на российские законы болт положили. Был бы без прикрытия — грохнули бы и не поморщились!»

— И что же ты от меня хочешь, Вампир? — прищурился Лучник.

— Хочу научить тебя хорошим манерам, дорогой. Я тебя вежливо называю, по имени-отчеству, а ты меня каким-то вампиром дразнишь. А ведь я майор ФСБ, и ты это знаешь!

Блондин выдернул руку из-под куртки. Страшная аббревиатура пробилась даже в его одурманенное сознание. С лица партнера Лучника тоже исчезло глумливое выражение.

— А ты кто такой, Лучник? Ты — никто! Безработный бомж. Если нет — поправь меня. Только вежливо и культурно. Не забыл еще, чему тебя в институте учили? — Майор усмехнулся. — Вижу, забыл. Даже туфли чистить разучился.

Он нарочно дразнил самолюбивого чеченца и добился цели: у того еще больше прищурились глаза, губы сжались в тонкую линию, побледневшие ноздри затрепетали. Зато двое других притихли: поведение незнакомого майора выдавало уверенность и силу.

— Отойдите подальше, у нас секретный разговор есть! — не поворачивая головы, небрежно бросил Нижегородцев.

И его послушались. Земляк Лучника встал и вместе с блондином отошел в другой конец помещения.

— У меня крайне мало времени, Ваха, — холодно сказал майор и презрительно скривил губы. — Поэтому не советую врать и морочить мне голову. Мне известно, что ты привез в город большую партию наркоты. Может, и фальшивые доллары привез тоже. Это не моя линия работы, но сейчас это позволит упрятать тебя за решетку. И поверь, суд будет очень строгим и неподкупным. Лет десять я тебе гарантирую, и никакие адвокаты не помогут.

— Чего ты на меня взъелся, Анатолий Сергеевич? — вежливо спросил Лучник, однако в его голосе сквозило напряжение.

— Этих друзей знаешь? — Майор протянул ему фотографии.

Лицо чеченца дрогнуло.

— Мертвые?

— Сам видишь!

— Вижу.

— Кто такие? С кем связаны? Кто ими руководил? Что делали в Тиходонске?

Нижегородцев устало покрутил головой, разминая шейные позвонки. Хрустнули хрящи, шея расслабилась. Он не отрываясь смотрел на собеседника, хотя по выражению его лица понял, что тот ничего не скажет. Во-первых, присутствие земляков делает таких людей несговорчивыми, даже если они стоят в стороне и не могут ничего слышать.

А во-вторых, речь идет о слишком серьезных вещах, чтобы вот так сразу «расколоться». Нет, тут нужен серьезный прессинг. Ну что ж, он его получит!

— Какую-то ты пургу гонишь, Вампир! — Грубый ответ подтвердил предположение майора. — Я вообще этих людей не знаю!

Лучник повернул голову.

— Эй, Арсен, иди доигрывать! Чего ты туда ушел? Разве майор тебе начальник? Нет, он у нас в гостях, но, если долг гостя забудет, мы его выкинем отсюда!

Арсен и блондин пристыженно вернулись к столу, но продолжить игру не могли, потому что Нижегородцев взял кости и принялся размеренно трясти их в ладони. Другой рукой он дважды нажал в кармане тоновую клавишу.

— Ты что, играть с нами собрался, Вампир? — с издевкой спросил Лучник. — Так у нас крупная игра, тебе ответить нечем!

— Отвечать будешь ты, Лучник!

Майор привычно надел темные очки. На губах играла холодная улыбка хищника. Он бросил кости. Черные кубики коротко прокатились по лакированной поверхности доски и замерли. Шесть-шесть!

— Я выиграл! — торжественно объявил майор.

— Один бросок — не выиграш! — возразил Лучник. Он еще ничего не понимал. Нижегородцев не стал спорить и поспешно отошел в сторону, дистанцируясь от объектов задержания.

Тут же послышался топот ног, с треском распахнулись двери основного и черного хода, массивные угловатые фигуры в масках и бронежилетах с двух сторон ворвались в подсобку.

— На пол! Всем лечь на пол! — раздались хриплые отрывистые команды. — Не двигаться!

Нижегородцев замер, подняв обе руки вверх.

— Ах вы, суки! — Блондин снова сунул руку под куртку и выдернул ее обратно, но уже с зажатым «ТТ».

Это была серьезная ошибка. Атакующий спецназ не церемонится. Оружие в руках задерживаемого дает основание стрелять на поражение. А спецназ всегда пользуется подобной возможностью.

Коротко стукнула автоматная очередь, пистолет отлетел в одну сторону, простреленное тело — в другую.

Лучник вскочил, принимая боксерскую стойку. Приклад автомата въехал ему под ребра, магазин ударил под челюсть, второй приклад врезался между лопаток, и он бесформенным кулем повалился на грязный пол.

Его партнер по нардам сам упал рядом, закрывая голову руками и истошно крича:

— Не бейте, я сдаюсь! Не бейте-е-е-е!

Тяжелый ботинок ударил его в живот, и крик оборвался.

— Я свой, майор Нижегородцев! — на всякий случай крикнул Анатолий возбужденным спецназовцам. При задержании любой может попасть под раздачу.

Но боевая работа уже закончилась. На Лучника и его партнера надевали наручники,

бездыханного блондина ждал черный пластиковый мешок.

— Ты и вправду выиграл, Вампир! — Лучник скрежетнул окровавленными зубами. — Но это только первая партия!

— Дурак ты, Ваха! — Майор снял очки и, наклонившись, впился взглядом в глаза поверженного противника, будто высасывал из него жизненную силу. — Неужели мало получил? Или на пожизненное рвешься? Тебе надо срочно умирать. Пока до управления доедем, должен умным стать!

То ли взгляд Вампира и впрямь обладал магической силой, то ли когда после жесткого задержания лежишь в наручниках, по-другому начинаешь смотреть на жизнь, но Лучник не стал возражать и отвернулся.

* * *

Москва,

29 сентября 2004 года,

14 часов 45 минут.

О чрезвычайной важности и секретности совещания говорил тот факт, что оно было назначено не в знаменитом доме № 2 на Лубянке, олицетворяющем во всем мире службу Госбезопасности Советского Союза, как бы она ни называлась в последующие времена, а на одном из известных только узкому кругу лиц литерных объектов центрального аппарата ФСБ России — «вилле Ц».

Черные «Мерседесы» Е-класса, серебристые «Ауди» моделей А-8 и А-6 с неприметными, но информативными для осведомленных людей номерами заезжали через автоматически раскрывающиеся ворота в глухой кирпичной стене на ухоженную, засаженную серебристыми елями территорию с ровными асфальтовыми дорожками, английскими газонами и лаконично выполненными, тихо журчащими фонтанами, мягко подкатывали к респектабельному трехэтажному зданию, где из них выходили солидные мужчины с властными лицами, в строгих официальных костюмах и с кожаными папками в руках.

Марки автомобилей и окружающая обстановка могли создать впечатление, что дело происходит где-нибудь в тихой, благополучной Европе, например в штаб-квартире секретной службы ФРГ в Пуллахе, а не в столице раздираемой катаклизмами России. Даже чисто российские — неулыбчивые и сосредоточенные — лица прибывших не поколебали бы такого мнения, потому что все сотрудники специальных служб мира выглядят похожими, как близнецы.

В небольшом, отделанном деревом конференц-зале прибывшие занимали места за скрепленными «елочкой» столиками, на каждом из которых стояла маленькая бутылочка боржоми и резной хрустальный стакан.

Участников совещания было немного — всего шесть человек. В основном здесь собрались руководители служб центрального аппарата, только генерал-майор Лизутин представлял Тиходонское управление. Начальник Центрального управления контрразведки генерал-лейтенант Золотарев потрогал недавно оттощенные усы и, наклонившись к своему подчиненному — начальнику Европейского сектора полковнику Яскевичу, негромко сказал:

— Вовремя переключайте кадры. Шеф не любит погрешностей.

Едва он произнес эти слова, как Вериченко вошел в зал. Стрелки часов показывали ровно три. Заместитель директора ФСБ никогда никуда не опаздывал.

В контрразведке свои порядки, отличные от армейских, поэтому никто не подал команду «Товарищи офицеры!», просто шесть человек в гражданских костюмах, но с военной выправкой встали и обозначили стойку «смирно», пока вошедший не махнул рукой.

— Прошу садиться, товарищи! — сказал он вполне обычным голосом штатского человека. — Товарищ Золотарев, доложите вопрос!

Генерал-полковник Вериченко был невысоким кряжистым мужчиной лет пятидесяти двух. Он любил строгие костюмы стального оттенка, светло-голубые сорочки с крахмальными воротниками, дорогие однотонные галстуки, а также точность и исполнительность. Он являлся заметной фигурой не только в своем ведомстве, но и на политической арене России. Не теряясь в тени директора, Вериченко дружил и с начальником военной разведки, и с министром обороны, и с руководителями других силовых структур. А главное, он умел поддерживать хорошие отношения и с Администрацией Президента, что по современным меркам являлось главнейшим и неоспоримым достоинством. К мнению Вериченко прислушивались в кремлевских стенах и относились к нему с должным уважением.

Подчиненные генерал-полковника знали его как человека деятельного и энергичного. Невзирая на возраст, Леонид Васильевич мог дать фору молодым по многим показателям и до сих пор воспитывал их по принципу «Делай, как я!». Движения и жесты Вериченко были стремительными, речь — образной и эмоциональной. Все это послужило причиной того, что прозвище у него было Живчик. То, что Живчик лично вел совещание, показывало, какое большое значение для государственной безопасности России имеет рассматриваемое дело.

Золотарев встал, вышел за маленькую трибуну, положил перед собой схваченные скрепкой листки и включил точечную лампу. Яскевич синхронно прошел к столику с диапроектором, нажал несколько кнопок, после чего легкие шторы закрыли окна, а из-под потолка опустился матово-белый экран.

— Товарищ генерал-полковник, неделю назад в Тиходонске при проверке документов оказали вооруженное сопротивление и были убиты милицией некие Дебзиев и Мутаев, — обращаясь к Вериченко, начал Золотарев.

Как только прозвучало название города, начальник Тиходонского УФСБ встал. Одновременно на экране появились фотографии убитых. Можно было подумать, что этих людей застрелил лично генерал-майор Лизутин.

— Дебзиев успел высказать угрозу, упомянув некоего Вахита и произнеся слова «Рука Аллаха», — продолжил докладчик. — А в потайном кармане его ботинка был обнаружен предмет неизвестного назначения.

На экране появился стальной цилиндр, сфотографированный в нескольких ракурсах. Рядом, для сравнения, лежали масштабная линейка и спичечный коробок.

— Проведенная экспертиза установила, что данный предмет является стандартным взрывателем ВЯБШ, предназначенным для использования в портативном ядерном фугасе.

Яскевич справлялся с заданием. На экране тут же появилась фотография стального бочонка,

похожего на пятилитровую пивную банку, только большего размера и более серьезного вида. На соседнем фото бочонок был упакован в некое подобие туристического рюкзака. Это и был переносной ядерный фугас ранцевого типа.

Хотя присутствующих в зале людей было трудно чем-нибудь удивить, по рядам прошел шумок изумления. Золотарев выдержал паузу.

— По данным наших агентурных источников на Ближнем Востоке, террористической организацией «Аль-Каида» планируется проведение широкомасштабного террористического акта под кодовым обозначением «Рука Аллаха». Содержание и место данной акции неизвестно.

Вериченко повернул к докладчику каменное лицо.

— Надеюсь, теперь вы догадались о месте этого теракта? И о его сущности?

Тон его был холоден, голос звучал недовольно. Золотарев почувствовал себя виноватым и сбился с плавного изложения фактов.

— Так точно, товарищ генерал-полковник. — Он промокнул свой высокий покатый лоб скомканным носовым платком. — С высокой долей вероятности можно предположить, что речь идет о террористическом акте на территории Российской Федерации с использованием ядерного оружия.

Золотарев рассчитывал на одобрение и похвалу, но дело шло к совсем иному финалу.

— Вряд ли это повод для гордости, — жестко сказал Вериченко. — Я вижу, что контрразведывательная работа по вашей линии существенно ослаблена! Коль скоро речь идет об угрозе использования ядерного оружия, значит, дело зашло слишком далеко! И работа тиходонских товарищей может служить для вас примером! Именно благодаря им вы столь внезапно прозрели!

Лизутин изо всех сил выпятил грудь. Он стоял добрых пятнадцать минут, но теперь это окупалось.

— Присаживайтесь, — Вериченко благосклонно махнул рукой, и Лизутин опустился на стул.

— А вы, Золотарев, объясните, почему своевременно не выявили грозящую стране опасность?

— Товарищ генерал-полковник, мы столкнулись с очень серьезным противником.

Широкие обвисшие усы Золотарева шевелились синхронно с его пухлыми губами, и, на взгляд ликующего Лизутина, он здорово напоминал в этот момент недовольного своим жалким существованием рака. Правда, еще до того, как его сварили.

— Разрешите продолжить доклад?

Проектор в очередной раз щелкнул, и на экране появилось размытое лицо довольно молодого человека явно выраженной кавказской внешности, с небритыми щеками и ястребиным носом. Кто это такой, понять было невозможно. Непонятно было и то, какое отношение имеет молодой человек к убитому Дебзиеву, лицо которого в гораздо более четком изображении появилось рядом. На этот раз Яскевич поторопился, синхронность изложения доклада и его иллюстрации была нарушена.

— Продолжайте! — снова махнул рукой Вериченко, но уже менее благосклонно, чем Лизутину.

— Мы проверили по всем учетам имя Вахит, и в числе наиболее подходящих фигурантов выявили Вахита Бекмурзаева, одного из старших координаторов «Аль-Каиды» — интернациональной террористической организации исламских фундаменталистов, проводящей боевые операции по всему миру. — Голос Золотарева постепенно набирал прежнюю уверенность. — Одной из его близких связей является Аслан Дебзиев, убитый в Тиходонске и упоминавший Вахита в своей угрозе!

Золотарев впервые воспользовался лазерной указкой и ткнул красной точкой вначале в изображение живого Бекмурзаева, а потом — мертвого Дебзиева. Затем точка заметалась с лица на лицо, как бы объединяя их невидимыми, но достоверно существующими связями. Чувствуя логику своих рассуждений, докладчик приободрился, его черты разгладились, казалось, даже усы приподнялись. Сходство с членистоногим обитателем чистых водоемов исчезло. Теперь у него было обычное генерал-лейтенантское лицо, с которым он величаво сидел в своем кабинете в кресле, напоминающем обитый свиной кожей трон средневекового вождя.

— Таким образом, можно с высокой долей обоснованности сделать вывод о том, что мировая террористическая организация «Аль-Каида» готовит на территории Российской Федерации широкомасштабный террористический акт с использованием ядерного оружия — скорее всего, портативного ядерного фугаса! — торжественно подвел итог докладчик. — Кодовое название этой акции — «Рука Аллаха», руководит ею Вахит Бекмурзаев, участвовали в подготовке Дебзиев и Мутаев, судя по изъятому взрывателю, фугас у террористов уже имеется либо они планируют добыть его в ближайшее время.

Экран погас. Раздвинулись шторы на окнах, ошарашенные услышанным генералы и офицеры переглядывались и щурились на свет.

— Товарищ генерал-полковник, доклад окончен! — четко доложил Золотарев.

Вериченко кивнул.

— Ваши предложения?

Вопрос не застал Золотарева врасплох.

— Развернуть работу по трем направлениям, — не задумываясь, ответил он. — Поиск Бекмурзаева, отработка связей Дебзиева и Мутаева, установление источника утечки ядерного взрывателя и проверка сохранности всех видов ядерных боеприпасов, в особенности портативных зарядов.

Лизутин молодежато вскочил.

— Отработка связей Дебзиева и Мутаева нами ведется! — громко доложил он. — Вчера майор Нижегородцев задержал двух земляков, с которыми они поддерживали отношения. Третий пытался оказать вооруженное сопротивление и был убит.

— Хорошо, хорошо, садитесь, — поморщился Вериченко, и непонятно было, чем вызвана эта гримаса — то ли излишним усердием начальника периферийного управления, то ли его громким голосом, то ли ненужными на таком уровне подробностями. — Вы тоже присаживайтесь, товарищ Золотарев!

Слово «товарищ» в обращении означало, что генерал-полковник сменил гнев на милость. Впрочем, «снимать стружку», «нагонять холоду» и различными путями сбивать с толку подчиненных входит в привычки любого начальника. Так легче руководить.

Вериченко забарабанил пальцами по столу.

— Что ж, теперь заслушаем начальника управления «Г». Пожалуйста на трибуну, товарищ Говоров!

Плотный, с бритой головой генерал-майор Говоров занял место докладчика, надел очки в тонкой титановой оправе, заглянул в бумаги и откашлялся.

— Вахит Абдулла Бекмурзаев, этнический чеченец, родился и вырос в Иордании. С 1980 по 1984 год учился в Москве в институте имени Патриса Лумумбы. Был привлечен к программе «Свобода». Оперативный псевдоним Гепард.

По рядам привыкших ко всему профессионалов снова прошел удивленный шумок. Программа «Свобода» действовала во времена существования великого и могучего Советского Союза, когда идея мировой революции уже если и не носилась в воздухе, но еще не рассосалась бесследно подобно вырвавшемуся из аэрозольного баллончика фреоновому облачку. Программа предусматривала подготовку активистов народно-освободительных движений для свержения монархических и капиталистических режимов во всем мире и объединения пролетариата всех стран. Для достижения этой благородной идеи отобранным студентам преподавали курс конспирации, изготовления и использования поддельных документов, проживания на нелегальном положении, учили минно-взрывному делу, огневой подготовке, боевым приемам борьбы, работе с ножом и ядами, прыжкам с парашютом.

По современным меркам это была диверсионно-террористическая подготовка чистой воды. В дальнейшем подготовленные «активисты» нередко порывали связи со своими наставниками и, как было принято у большевиков, «шли своим путем». Например, успешно прошедший подготовку по программе «Свобода» «активист» Карлос впоследствии превратился в наиболее опасного и кровавого террориста двадцатого века. Правда, потом появились и более масштабные кровавые фигуры. А Вахит Бекмурзаев со своим ядерным зарядом и вовсе претендовал на титул самого запредельного злодея двадцать первого века.

Начальник Управления антитеррора переждал шум и снова обратился к своим бумагам:

— С 1985 по 1990 год Гепард выполнял наши задания на Ближнем Востоке, однако потом перестал выходить на связь и с 1994 года фактически прервал отношения с Центром. Известно, что он сделал пластическую операцию. Короче, он растворился в мире. Поскольку после развала СССР активные мероприятия за рубежом проводиться перестали, мер к его розыску не предпринималось. К тому же они вряд ли были способны привести к успеху. Это все равно что искать иголку в стоге сена. Правда, иногда то тут, то там всплывали его отпечатки пальцев, что позволяло отследить его перемещения. Он и раньше увлекался идеями ваххабизма, а к концу девяностых примкнул к «Аль-Каиде» и довольно быстро вошел в круг руководства организацией. Гепард хорошо освоил искусство конспирации, он всегда действовал через подставных людей. Причем любил постоянно менять своих помощников. Через полгода обычно они исчезали бесследно, а их место занимали новые люди. Фотография Бекмурзаева, которую мы только что видели, сделана в начале восьмидесятых на личное дело. Сейчас, конечно, он выглядит совершенно иначе.

Говоров снял очки и оглядел аудиторию.

— Нам известно, что совместно с координатором Салимом Ахмадом он курировал операции террористов на Северном Кавказе. Салим недавно уничтожен силами безопасности.

Вериченко опять поморщился. Он не любил неточностей. Салима застрелил агент ЦРУ Джеферсон, оперативный псевдоним Мачо. Правда, в рамках операции, проводимой ФСБ. Генерал Вериченко сам давал санкцию на использование Мачо в этой акции.

Говоров с силой провел ладонью по бритой голове, будто проверял — скрипит ли отросшая щетина.

— Тем больше оснований полагать, что в настоящее время Гепард действует на территории России, точнее, Южного федерального округа.

Наступила многозначительная пауза — дань традициям совещаний на высоком уровне: все следовало хорошо обдумать, выслушать мнение руководства и принять его к исполнению. И вдруг благородная тишина была нарушена самым возмутительным образом:

— Товарищ генерал-полковник, разрешите мне!

То, что прозвучало как бестактный выкрик, было просто-напросто обычным вопросом. Станислав Яскевич, как первоклассник, поднял руку. Но от этого его нетерпеливость не стала менее возмутительной: ведь голос подавал не генерал-лейтенант и даже не генерал-майор, а всего-навсего полковник! Это равносильно тому, что в офицерском собрании потребовал слова какой-то сержант! Генералы укоризненно переглянулись, а непосредственный начальник нарушителя спокойствия Золотарев возмущенно вытаращил глаза.

И только генерал-полковник Вериченко снисходительно улыбнулся:

— Прошу вас, товарищ. Яскевич вскочил.

— Полковник Яскевич, товарищ генерал-полковник! Докладывал он четко и уверенно:

— Дело в том, что Бекмурзаев дважды получал крупные суммы денег от ЦК КПСС для поддержки борьбы за дело коммунизма. Деньги передавал ему специальный курьер Особой экспедиции ЦК КПСС Карданов. Второй контакт произошел после того, как Вахит без санкции Центра сделал пластическую операцию.

Вериченко утратил монументальность и подчеркнутое спокойствие.

— Откуда вам это известно?!

— Мы работали с Кардановым и потому изучали его биографию. Он писал подробные отчеты. После второго контакта Вахит перестал выходить на связь, и Карданова несколько раз допрашивали обо всех обстоятельствах встречи. Так вот, Карданов спас Гепарду жизнь!

По залу прошла волна оживления.

— И где сейчас Карданов? — заинтересованно спросил Вериченко.

— Его подозревали в предательстве и хотели арестовать, но он скрылся за рубежом. Он вообще хороший оперативник. Сейчас, по нашим данным, он находится в Англии.

— Как вы считаете, подозрения в предательстве имели под собой основания?

Яскевич покачал головой и начал отвечать, но наткнулся на яростный взгляд Золотарева. И осекся. То, что он делал, было грубым нарушением субординации. Даже не субординации, а правил аппаратных игр. Потому что сейчас он показывал, что осведомлен более своего начальника, что он «самый умный». А значит, «тянул одеяло на себя», «набирал очки», «метил в кресло руководителя».

— Извините, этот вопрос не входит в мою компетенцию. Но...

Полковник опустил голову и замолчал.

— Что «но»? — требовательно спросил Вериченко. Яскевич вздохнул и прямо посмотрел в глаза генерал-полковнику.

— Но, на мой личный взгляд, Карданов — истинный патриот своей Родины.

— Которой из родин? — саркастически спросил Золотарев. Он не знал, какие последствия вызовет демарш подчиненного, и на всякий случай решил подстраховаться. — Ведь он перебежчик!

— Он патриот России и неоднократно доказывал это при выполнении специальных заданий, — не поворачивая головы, ответил Яскевич. И хотя тон у него был смиренным, это был дерзкий ответ. За такие ответы подчиненного стирают в порошок. Но здесь и сейчас решения принимал не Золотарев.

— Я вижу, вы хорошо знаете материал, товарищ полковник. — Вериченко одобительно улыбнулся. — И имеете собственное мнение! И не бойтесь его высказывать!

Генерал-полковник обвел собравшихся взглядом, и остальные генералы тоже заулыбались и теперь смотрели на полковника вполне доброжелательно. Он вмиг превратился из нахального выскочки в смелого и компетентного работника. Правда, это чудесное превращение имело ограниченное место и время. Только здесь и сейчас, на глазах Вериченко.

— Поэтому я включаю вас в состав штаба по противодействию «Руке Аллаха», — продолжил генерал-полковник. — Вам поручается задача найти этого... как его?..

— Карданов. Макс Карданов, — подсказал Яскевич.

— Найти Карданова и привлечь его к операции по установлению и нейтрализации Гепарда.

— Есть, товарищ генерал-полковник! — четко ответил Яскевич.

Глава 2

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПОДСОЗНАНИЕ

Лондон,

29 сентября 2004 года,

8 часов 15 минут.

— Подъем по камере! На opravку по одному! Обиженные последними!

Макс проснулся. Он лежал на полупустом матрасе, брошенном на дощатый пол тесной кухоньки. Это наказание за неумение зарабатывать деньги.

— Вставай, Чокнутый! — на пороге криво скалился Димка. — Пора бабки рубить! А то маманя тебя быстро на улицу пропишет!

Сердце Макса томительно защемило. Она может. Холодильник заперла, из супружеской постели выкинула.

— Хватит за мой счет обжираться да в мохнатку на шар-мака лазить!

Пасынок почему-то заговорил голосом матери. И ее словами. Черты лица Димки изменились, волны трансформации пробежали по телу, длинная спортивная майка превратилась в грязный замызганный халат.

Теперь на пороге стояла сама Тонька с лицом столь же мятым и линялым, как и ее одежда.

Из щелей в полу дуло, под облезлыми досками отчетливо скреблись мыши. Тяжело вздохнув, Макс приподнялся и сел. Спина у него совершенно одеревенела.

— Деньги принес? — гортанным голосом произнесла Антонина. Нет, не Антонина. Над ним, чуть согнувшись и уперев руки в бока, вновь стоял Димка. Только с широкими кавказскими усами, лихо закрученными кверху, и в материнском халате, от которого тянуло каким-то мертвенным смрадом. Опять галлюцинации? Почему у него голос Рубена из чебуречной на Богатыновке?

— Какие деньги? Я ведь только проснулся. Я никуда не ходил, была же ночь, — жалким голосом стал оправдываться Макс и попытался встать, но не мог. Чьи-то сильные, покрытые густой шерстью руки удерживали его на месте. Кто это вдавливают его в прогибающийся пол? Антонина! Она стала вдвое выше, шире в плечах и с огромными, как у гориллы, руками.

— Сейчас узнаешь, какие деньги! — зарычал монстр, и по телу Макса прошел озноб ужаса. Он дернулся, но волосатые конечности сожигательницы цепко держали его за ключицы. Лицо монстра приблизилось, распахнулась ужасная пасть, и острые клыки нацелились ему в шею. Он отпрянул, задергался и отчаянно закричал:

— А-а-а! А-а-а! А-а-а!

Тонька исчезла, убогая кухонька начала деформироваться, будто дом разрушался землетрясением.

— А-а-а! А-а-а!

Теперь Макс проснулся окончательно и настолько быстро, что еще успел услышать этот отчаянный крик обреченного человека и даже успел осознать, что это кричит он сам.

Сон! Это всего-навсего страшный сон!

Он сидел в просторной кровати, на упруго пружинящем гидроматрасе, в окно светило неяркое лондонское солнце, заливая светом просторную, богато убранную спальню, причем в косых лучах, против обыкновения, не клубились пылинки — Инди убирала очень тщательно. Он давно жил другой жизнью и в другом мире, но прошлое не отпускало, и сейчас сердце бешено колотится в груди от того, что происходило бесконечно давно в Тиходонске, в одной из

Богатыньских трупоб.

Макс несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, успокаивая сердечный ритм. По виску скатилась струйка пота, и Карданов медленно смахнул ее напряженной рукой. Во рту пересохло. Жутко хотелось пить. Он протянул руку к пульту у изголовья и нажал кнопку.

— Доброе утро, хозяин! — раздался из интерфона мягкий, приветливый голос.

— Доброе утро, Инди. Я же просил не называть меня хозяином. Принеси, пожалуйста, соку, воды или чая.

На другом конце связи сгустилось замешательство.

— Сок? Но какой? А если вода, то с газом или без? А если чай...

— Все равно что. Просто я хочу пить.

— Хорошо, Макс Витальевич. Вот так-то лучше.

Через несколько минут гибкая двадцатипятилетняя индианка вкатила столик, на котором были и чайник, и три вида сока, бутылочки «Эвиан» и «Перье» и кофейник — очевидно, на всякий случай.

— Чего желаете, хо... Макс Витальевич?

— Чай, Инди. Спасибо.

Он жадно прильнул к чашке с янтарной ароматной жидкостью. Чай был горячим, но хорошо утолял жажду. Он пил его мелкими глотками.

— Может, принести завтрак?

— Нет, я выйду к столу.

Он не любил всех этих барских штучек: «хозяин», «завтрак в постель», «кофе бразильский, без кофеина, собранный с росой». А получается, что все равно пользуется ими! Какая разница — есть в постели яичницу с беконом или пить чай? Если служанка приносит тебе в спальню чай и кофе, то ты ее хозяин, независимо от того, как она тебя называет!

Индианка выкатила сервировочный столик и закрыла за собой дверь. Макс упруго вскочил, размялся, нанес в воздух несколько ударов, увернулся от встречных. Бой с тенью был в разгаре, когда сзади открылась дверь в смежную спальню.

— Доброе утро, Макс!

Он опустил кулаки и оглянулся.

На пороге, облаченная в короткий нежно-розовый пеньюар, стояла Анна. Она облокотилась на дверь и скрестила стройные гладкие ноги. Макс любил, когда она ходила босиком, и она при каждом удобном случае предоставляла ему возможность полюбоваться своими аккуратными, ухоженными ступнями.

— Ты опять кричал? — Анна подошла к нему вплотную, обняла и прижалась всем телом, словно высасывая любимым теплом ночные кошмары. Именно из-за ночных кошмаров Макса они

спали в разных комнатах. Впрочем, в Великобритании так принято.

— Да, снова сон, — нехотя ответил Карданов. — Сейчас уже все прошло.

— Что на этот раз?

— А! — Макс отмахнулся. — Тиходонск, трущоба, я в облике какого-то бесправного бедолаги. Жуткие воспоминания! К счастью, они посещают меня все реже.

— Бедный Максик! — Миниатюрная ладошка с длинными тонкими пальцами осторожно погладила его по щеке. Карданов благодарно улыбнулся. Энн Кондакову он встретил в Лондоне, когда прибыл сюда пять лет назад. В английской столице численность русской колонии достигает уже семидесяти тысяч человек, и Энн-Анна была одной из них. Анна, по мнению Макса, была идеальным воплощением женской красоты. Высокая стройная голубоглазая блондинка, она покорила Карданова с первого взгляда. Дочь эмигрантов третьей волны, Анна помогла ему адаптироваться в Старом Свете. Когда они поженились, она взяла на себя все хозяйственные заботы. Она выбирала дом, руководила ремонтом, покупала мебель и нанимала прислугу. С тех пор как он встретил эту девушку, в его жизни многое изменилось. И хотя с момента свадьбы прошло уже пять лет, Макс любил свою жену, сына, которого она ему родила, и ощущал себя самым счастливым семьянином на свете.

— Сходи к психоаналитику, — мягко сказала она, не отрывая взгляда от лица мужа. — Сейчас легко можно избавиться от дурных воспоминаний. У каждого из нас есть прошлое, Макс. И я могу поспорить, что в природе не найдется ни одного человека, который мог бы сказать, что это его прошлое целиком и полностью было благополучным. Но зачем хранить в себе то, что тебя мучает?

Анна была права. Но правотой не русской женщины, а британки, которая родилась и прожила все двадцать семь лет своей жизни на острове. Коренные россияне ходят не к психоаналитикам, а к друзьям или любовницам, которым и изливают душу. А вместо транквилизатора используют национальный напиток, так хорошо помогающий загадочной русской душе.

— Ты же помнишь, я обращался к мистеру Куку, — осторожно сказал Макс.

— Ну, если у него ничего не получилось, можно найти другого специалиста!

— Ты права, дорогая.

Доктор Кук обнаружил у него остатки блокады сознания. И хотя не смог определить, чем это вызвано, но что-то заподозрил. Потому что даже денег брать не хотел. А напоследок сказал, что вряд ли психоаналитик может помочь в данном случае. И посоветовал вывести травмирующие воспоминания наружу. Для этого есть несколько способов, и один из них вполне приемлем.

— Конечно, ты права, — Макс с улыбкой покачал головой. Рука его плавно скользнула по спадающим на лицо супруги белокурым локонам, отбросила их назад и ласково коснулась горячей щеки. — Но я попробую использовать совет мистера Кука.

— Какой совет? — заинтересовалась супруга.

— Написать книгу воспоминаний. Это поможет мне посмотреть на них со стороны, отстраниться от них, заставить жить своей жизнью. Отдельной от меня!

— Доктор Кук так сказал?!

— Да. Мне надо выплеснуть из себя и смутные воспоминания детства, и память о родителях, и существование в детдоме, и работу на заводе, и службу в армии... Словом, все! И аварию, и психушку, и эту проклятую трущобу с немытой, злой бабой!

— Ты знаешь, мне будет страшно читать эту книгу.

— И мне. И многим другим людям. Впрочем, ее не обязательно публиковать. И тебе совсем не обязательно ее читать. Я могу показать ее только доктору Куку. Если, конечно, у меня вообще что-нибудь получится!

— Конечно, получится! У тебя все получается!

Анна приподняла голову и поцеловала его в губы. Затем ткнулась лицом в широкую мужскую грудь. Карданов нежно обнял жену, и между их телами пробежал электрический разряд. Но на новой родине не принято поддаваться незапланированной и неурочной страсти. Макс осторожно отстранился.

— Буди Тома, — сказал он, неопределенно качнув головой в сторону детской. — Я обещал сводить его в Тауэр. Поедешь с нами?

— Хорошо, — кивнула Анна и исчезла, оставив легкий аромат духов. Макс поискал взглядом своего спарринг-партнера, но тени не было. Как и желания продолжать бой. В последние годы он стал мягче, он разлюбил стрелять и даже не пытался вступить в охотничий клуб. Ему не хотелось никого убивать. Больше не хотелось.

Открыв дверь на балкон, Макс выскользнул на свежий воздух. Было довольно прохладно — градусов двенадцать по Цельсию. Вдали виднелись окрашенные восходящим солнцем небоскребы Сити, а здесь, на северной окраине, в Смитфилде, царили двух-трехэтажные коттеджи с ровными зелеными лужайками перед входом. Это и есть знаменитые английские газоны. По легенде, один лорд объяснял, что никакого особого ухода такой газон не требует, просто надо стричь его 200 лет подряд... От этого объяснения за версту попахивает не менее знаменитым английским снобизмом.

Карданов потянулся и облокотился на высокие балконные перила. Да, снобизма здесь хватает. Англичане — особая нация, у них всё не как у других. Левостороннее движение, экзотические меры веса, объема, длины, необычное напряжение — 240 вольт, собственная валюта, отличная от соседей по Евросоюзу. До сих пор не признают смесителей: почти повсеместно существуют отдельные краны с холодной и горячей водой, смешивать воду приходится в раковине...

Как-то в гостях у родителей Анны Макс сунул руку под нависший над ванной замысловатый прибор, похожий на смеситель, и обжегся: оказывается, он ничего не смешивал, а параллельно выпускал холодную и горячую струи. Зачем тогда создавать такое чудо техники? Но Анна с улыбкой объяснила: зачем мыть руки под таким краном? Или набирай ванну, или становись под душ, где вода смешивается обычным порядком. Что же тут неправильного? Макс был вынужден согласиться. Все зависит от точки зрения, от логики, от менталитета. У британцев своя логика. Но в своем доме он распорядился установить смесители во всех ваннных комнатах.

В конце концов он привык к местным порядкам. Тем более что в главном страна ему нравилась. Спокойная безопасная жизнь, размеренный, неторопливый ритм, никто никуда не спешит, приветливые, доброжелательные люди, материальное изобилие. В Сохо жизнь кипит допоздна, а в других районах после семи улицы пустеют, то же в маленьких городках — люди рано

ложатся спать и рано встают, потому что надо работать, зарабатывать на хлеб с маслом.

Макс посмотрел на небо. Легкие волнистые облака медленно наплывали с горизонта. Скорее всего, к полудню пойдет дождь. Макс уже чувствовал в прохладном воздухе его запах.

По чистой, вымытой с шампунем улице прошел сосед справа — мистер Голдсмит с собакой непонятной породы на поводке. В руке он держал перчатки, совок, веник и пластиковый пакет. Это богатый и уважаемый человек, но ему не зазорно убирать за своей собакой. Зазорно другое — гадить на улице! Интересно, какой породы у него пес? Какая-то экзотическая, наверняка жутко дорогая.

Мистер Голдсмит прошел мимо, не повернув головы. Очевидно, посчитал невежливым здороваться с мистером Томпсоном, вышедшим на балкон в пижаме. Думает, что это Макса смутит.

Щелк, щелк, щелк! — дорогая фотокамера с мощным объективом запечатлела лицо Карданова крупным планом. Анфас, профиль, вполоборота. Все, что требуется для опознавательной съемки. Щелк, щелк, щелк.

Беззаботная жизнь в спокойной стране притупила в Карданове навыки опытного оперативника и усыпила инстинкт самосохранения. Поэтому Макс, любясь пейзажами, размышляя о погоде и нравах британцев, не контролировал прилегающую территорию на предмет опасностей и просто странных событий. И потому не заметил блеска оптики в чердачном окошке дома напротив.

Британцы действительно особая нация. Они чопорны и склонны к снобизму, они считают свой дом своей крепостью, и, между прочим, правильно делают. Но если надо оказать содействие государственным чиновникам, то все условности и предрассудки немедленно отбрасываются в сторону и необходимое содействие гарантируется в полном объеме, даже если оно направлено против твоего ближайшего соседа, ничем не скомпрометировавшего себя за пять лет жизни напротив. Больше того, сосед никогда не узнает об этом факте. Да и вообще никто из посторонних никогда об этом не узнает.

Щелк, щелк, щелк!

На чердаке работали двое мужчин среднего возраста, в одинаковых серых костюмах, плотно облегающих поджарые спортивные фигуры, и красных, в косую серую полоску галстуках. Практически любой обыватель, сколь-нибудь искушенный в жизни, без особого труда смог бы угадать в них сотрудников знаменитого Скотленд-Ярда.

Майк Аркитон работал цифровой фотокамерой. Он был чуть повыше ростом, резок в движениях, а его грубое красное лицо выдавало привычку к работе на улицах, которая даже в спокойном Лондоне бывает сопряжена с немалым риском. Его напарник Стивен Броди держал в руках остронаправленный лазерный микрофон и через наушники прослушивал запись разговора Макса и Анны. Он выглядел более медлительным и мягким человеком, но впечатление это было обманчивым.

— Прекрасная запись! — Броди снял наушники. — Раньше я не верил, что по колебаниям стекла можно разобрать звуки! А как у тебя?

— Наснимал на два альбома, — ответил Аркитон. — А может, и на три.

Он вывел на дисплей камеры наиболее удачный снимок Макса Карданова. Потом рука Майка

проворно скользнула за отворот пиджака в просторный внутренний карман. Тонкие, как у пианиста, пальцы с короткими, обрезанными ниже подушечек ногтями выудили увеличенную паспортную фотографию улыбающегося мужчины, наклеенную на розыскную карточку Интерпола. Некоторое время Аркитон сличал снимки, потом взял с подоконника бинокль и приложил окуляры к глазам.

— Он? — коротко спросил Броди.

— Похоже, он. Хотя... И все же, кажется, он. Сам посмотри!

Теперь они вдвоем сличали сделанные снимки с розыскной фотографией и по очереди рассматривали в бинокль ничего не подозревающего Карданова.

— Да, это он. Только здесь он моложе, — кивнул наконец Стивен Броди и задумчиво почесал затылок.

— Симпатичный человек с хорошей репутацией, — сказал он, ни к кому не обращаясь, будто размышлял вслух. — Обычно в международный розыск объявляют совсем других типов.

— Симпатичный, — Аркитон кивнул и вернул бинокль на прежнее место. — Только за ним вооруженный налет в Антибе с кучей трупов и чемоданом украденных бриллиантов. На них и куплен этот дом. Знаешь, сколько стоят дома в этом районе?

— Знаю, что мне они не по карману, — ответил напарник и поправил тугий узел своего галстука. И после непродолжительной паузы добавил: — И что теперь будем делать?

Аркитон пожал плечами. Он вообще слыл человеком немногословным, предпочитающим выражать свои эмоции поступками. В крайнем случае — жестами и мимикой.

— А что делать... — неохотно откликнулся он.

— Зачем нам лишние проблемы? Сообщим французам, что объект обнаружен, и все. Мы свою работу выполнили. — Бланк Интерпола с фотографией Карданова скрылся в кармане пиджака Аркитона. — Если пришлют запрос на экстрадицию, тогда мы его арестуем.

Броди одобрительно кивнул.

— Правильно. Он никуда не денется. К тому же он мне нравится: симпатичный парень, у него есть дом, жена, сын. Возможно, это какая-то ошибка.

Аркитон хмыкнул.

— Возможно, и ошибка. И трупов там не пять, а восемь. Карданов ушел с балкона, и детективы стали разбирать аппаратуру. Майк отвинтил объектив фотокамеры, Стивен разделил на части свое «длинное ухо», похожее на короткую винтовку или длинный пистолет.

— Он собирается писать книгу о своей жизни, — задумчиво произнес Броди. — Разве это характерно для злодеев?

Аркитон хмыкнул еще раз.

— Для них характерно все то, что характерно и для обычных людей. Только, думаю, очень многим его книга не понравится!

В молчании они аккуратно разложили дорогую технику в одинаковые саквояжи из кожзаменителя, тщательно осмотрелись, одернули одежду. Все было в порядке.

— А дом хороший, — произнес напоследок Броди.

— Да, дом хороший, — не стал оспаривать очевидного Аркитон.

Несмотря на некоторые разногласия по частным вопросам, в главном напарники всегда сходились.

* * *

Гондурас,

13 июля 1990 года,

14 часов 16 минут по местному времени.

Самолет прибыл в Тегусигальпу точно по расписанию. Прудков, как всегда, вышел на трап раньше. Он был в джинсах, джинсовой рубашке с подвернутыми рукавами, желтых летних туфлях и широкополой ковбойской шляпе. За спиной — небольшой туристский рюкзачок со вторым таким же комплектом одежды. Макс Карданов, первый номер оперативной пары, был одет в просторные легкие штаны и фиолетовую шелковую рубашку.

Двойник растворился в толпе, отвлекая на себя возможное внимание со стороны местных спецслужб. Нельзя сказать, что Генка был доволен своей ролью, напротив, он считал несправедливым, что основной риск выпадает ему. Хотя это скорей была видимость риска. Документы в порядке, ничего запрещенного в багаже — второй комплект одежды не есть улика. Если даже его задержат, то через несколько часов вынуждены будут отпустить. Но двойник ничего этого не понимал, и отношения между напарниками с каждым годом становились все более натянутыми.

Макс неторопливо спустился по трапу. В Гондурасе выдалось чрезвычайно жаркое лето, и он чувствовал, что попал в адскую парную. Бетонные плиты раскалились так, что сквозь подошву жгли ступни. Воздух потерял обычную прозрачность — перед глазами клубилось зыбкое марево, а силуэты людей казались деформированными и размытыми, словно отражения в кривых зеркалах комнаты смеха.

Спецкурьер с облегчением нырнул в кондиционированное здание аэропорта. Такие изнурительные прогулки по летному полю приходилось совершать только в странах «третьего мира» и — в СССР. В цивилизованных государствах высадка производится через рукав прямо в зал прилета.

Он без досмотра прошел по зеленому коридору, как местные жители и американцы. В кармане у него лежал американский паспорт, который он и предъявил таможеннику. Тот сонно кивнул. У стены стояли двое из посольской резидентуры на страховке, но их услуги не понадобились, как всегда, когда дело проходит без осложнений. Они даже не знали спецкурьера в лицо.

Карданов неторопливо прошел в туалет. На удивление просторный, чистый и вполне цивилизованного вида. Прудков был уже там. Макс зашел в соседнюю кабинку и, получив от напарника рюкзак, переоделся. В принципе, они должны были обменяться одеждой, но Макс брезговал и требовал для себя отдельного комплекта. Он натянул джинсы, рубашку, туфли,

повязал яркий шейный платок — опознавательный знак для Гепарда, который при такой жаре привлекал излишнее внимание. Поморщившись, надел Генкину шляпу. Прудков был лишен комплексов, поэтому он спокойно надел широкие полотняные штаны и фиолетовую рубашу. И вышел из туалета. У него было лицо Карданова и его одежда. Если за спецкурьером наблюдали, то теперь «наружка» переключится на двойника.

Через пять минут Карданов вышел к стоянке такси перед аэропортом и сел в желтый, изрядно потрепанный «Ситроен», который довольно быстро доставил его до площади Ла-Пас. Ровно в пятнадцать он подошел к конной статуе посередине вымощенной ровной брусчаткой круга и принялся внимательно рассматривать копыта вставшего на дыбы коня. Они были выполнены мастерски, даже различались головки держащих подкову гвоздей.

— Похоже, будет дождь, — раздалась сзади слова пароля. С учетом стоявшей погоды фраза была совершенно идиотской. Но не более идиотской, чем отзыв.

— Да, я специально захватил зонтик, — произнес Карданов, поворачиваясь.

Теперь следовало пожать контакту руку и обсудить с ним идиотизм тех умников в Центре, которые выдумывают такие пароли. Но Макс так и замер с протянутой рукой. Перед ним стоял совершенно незнакомый человек! Это могло означать только одно — провал! Спецкурьер машинально огляделся: куда бежать, но ясно было — если сеть наброшена, из нее не вырвешься!

— Все в порядке, это я, Гепард, я сделал пластику, — совершенно спокойно произнес человек и едва заметно улыбнулся. Эта улыбка и взгляд поставили все на место. Перед ним стоял настоящий контакт. Гепард. Но почему его не предупредили в Центре, не показали новую фотографию? Что-то здесь не так.

— Не бойтесь, все в порядке, идите за мной!

Гепард быстро пошел прочь с площади. Фигура и походка у него остались прежними. Чуть помешкав, Макс двинулся за ним.

Он мало знал про контакт. Ни имени, ни национальности, ни рода занятий. Только то, что Гепард был выходцем из Иордании, но, кажется, являлся этническим чеченцем, там большая диаспора. Во время учебы в Москве был отобран и прошел подготовку для национально-освободительного движения. Они уже дважды встречались — в Мексике и Панаме. Какую революционную борьбу вел там Гепард, Макс так и не узнал, он просто передавал ему деньги и уезжал. Но был уверен, что активность контакта находила отражение в полицейских сводках.

Уже через несколько кварталов асфальтовое покрытие улицы уступило место голой, пыльной и выжженной земле. Это было Максиму хорошо знакомо. Пятиэтажные дома имели вид гетто: трещины в стенах, выбитые стекла, граффити на фасадах. Гепард свернул в подъезд, поднялся по загаженной лестнице на второй этаж, постучал согнутыми костяшками пальцев, подавая условный сигнал. Дверь открыли не сразу. Только через несколько минут заскрежетал засов и на пороге появился обнаженный по пояс смуглый мужчина лет сорока в цветастых штанах и сандалиях на босу ногу.

Он сказал что-то по-арабски и сделал шаг назад, пропуская их внутрь.

Это было похоже на тиходонскую трущобу где-нибудь на Лысой горе. Небольшие комнаты с ободранными голыми стенами, почти полное отсутствие мебели — то ли пропитой, то ли никогда не завозимой. Даже матрац на четырех кирпичках был точно такой, как у Витьки

Кружка, что жил по соседству с Антониной в Мануфактурном переулке. На матрасе сидел темнокожий молодой парень, угрюмый и широкоплечий. Он был в белой футболке и шортах.

Полуголый что-то сказал Гепарду. Макс обратил внимание на требовательный тон, странный для обращения к старшему. А старшим здесь должен быть Гепард! И потом, деньги передаются строго конспиративно, с глазу на глаз, без свидетелей! Спецкурьера не знают в лицо даже сотрудники местных резидентур! Почему Гепард нарушает все правила?

— Давай деньги! — сказал контакт, обращаясь к Макс, и с безразличным видом сел в потрепанное кресло. Пожав плечами, Макс снял рюкзак и принялся выкладывать пачки на колченогий стол. В правой руке он зажал авторучку, как будто собираясь писать акт приемки-передачи. Полуголый наудачу брал пачку и пересчитывал в ней купюры. Процедура затягивалась. Так тщательно пересчитывал деньги только людоед Мулай Джуба — президент Борсханы. Если бы обнаружилась недостача, спецкурьер заплатил бы жизнью, а его поджаренные пальцы пошли бы на обеденный стол президента. Чем кончится дело сейчас, Макс не знал. Его пальцы машинально крутили авторучку.

В квартире жара ощущалась еще более мучительно, Макс вытер мокрое лицо, торс считающего деньги мужчины тоже лоснился от пота. Гепард перебирал четки, монотонно говоря что-то себе под нос. Молодой парень пристально наблюдал за спецкурьером. Макс отобразил на лице полное безразличие к происходящему. Полуголый был поглощен деньгами. Время тянулось невероятно долго. За первой пачкой последовала вторая, затем третья. Похоже, он решил пересчитать все. Никто не нарушат тягостного молчания. Атмосфера была гнетущей и предвещала драму. Макс, все это не нравилось.

— Почему он считает? — спросил Карданов, обращаясь к Гепарду. — И почему это происходит при свидетелях?

— Так надо, — коротко ответил Гепард. — Пусть тебя это не беспокоит.

Наконец процедура пересчета была завершена, полуголый удовлетворенно сгреб деньги в одну кучу.

— Все в порядке, — сообщил он. — Вы можете идти. Карданов немного разобрал разговорную арабскую речь и понял суть сказанного. Непонятно было, почему какой-то чужак распоряжается деньгами, предназначенными Гепарду. Но контакт вел себя как ни в чем не бывало. Он поднялся с кресла и шагнул к спецкурьеру. Дружески протянул раскрытую ладонь.

— Не обижайтесь. Али очень дурно воспитан. Я с этим долго мирился, но теперь он перешагнул все границы. Не обращайтесь ни на что внимания.

Гепард говорил по-русски, причем практически без акцента. Затем он повернулся к Али и сказал ему несколько фраз по-арабски. Макс понял, что он упрекает его за то, что Али не предложил гостю кофе. Потом Гепард сделал движение, будто протянул полуголому руку. Но в ней, откуда ни возмись, оказался длинный клинок ножа, который воткнулся в голый торс чуть ниже левого соска. Никто ничего не понял. Даже сам Али. Он захрипел, откинулся назад и вместе со стулом опрокинулся на замызганный пол.

Лицо молодого крепыша начала искажать гримаса удивления и страха, но Гепард уже повернулся, и клинок, изменив положение, сверху вниз вонзился в белую футболку над ключицей. Вокруг сразу проступило и стало расползаться зловещее красное пятно. Глаза у парня подкатились, он обмяк и кулем повалился на матрац.

Одного взгляда на поверженных людей было достаточно, чтобы определить, что они мертвы. Убить человека ножом с одного удара очень трудно. Видно, Гепард был отличником на московских курсах.

— Ну вот и все! — Контакт подмигнул Карданову, как будто выполнил то, о чем они давно договаривались. Потом тщательно вытер длинный клинок о белую футболку, оставив на ней кровавые полосы, подошел к столу и принялся рассовывать пачки денег по многочисленным карманам куртки. Карманы застегивались на «молнии» и защелкивались на кнопки. Наконец процедура была окончена.

— Ну вот и все! — повторил Гепард и посмотрел на Макса. Это был нехороший, тяжелый взгляд палача, подготовившегося в очередной раз выполнить свою работу.

Обостренная интуиция Макса подсказывала, что сейчас в руке у него вновь окажется нож. Но внешнее вмешательство изменило предполагаемый ход событий. С улицы раздался выстрел, и пуля, пролетев в сантиметре от головы Гепарда, врезалась в стену, выбив струйку пыли. На мутном стекле появилось ясное отверстие с радиальными лучиками-трещинами. Тут же раздался еще хлопок, и в стекле образовалась еще одна маленькая пробоина. Гепард метнулся в сторону, стал за простенок, запустив руку под куртку и что-то нашаривая там. Послышался новый выстрел. Трещины трех пробоин соединились между собой, и кусок стекла вывалился наружу. Гепард нашел под курткой то, что хотел, и бросил квадратный брусок в окно, вывалив еще один осколок. Через несколько секунд раздался оглушительный взрыв, стекла вылетели, снизу повалил густой черный дым. У Макса заложило уши.

Гепард вскочил на подоконник и, что-то крикнув, прыгнул вниз. Макс выглянул в окно. Внизу стояла серебристая «Ауди», вокруг нее распластались три неподвижных тела. Еще двое в некотором отдалении сидели на земле, вяло шевелясь, как оглушенные рыбы. Гепард открывал дверь машины. Макс тоже взгромоздился на подоконник и, стараясь не пораниться об осколки стекла, сиганул вниз. Он попал на крышу автомобиля, она прогнулась, пружиня и смягчая удар, он скатился на землю, вскочил и резко распахнул вторую дверцу. Они почти одновременно вскочили в «Ауди», и Гепард резво взял с места, набирая гоночную скорость.

* * *

Стены столовой были увешаны оружием. Коллекция осталась от прежнего хозяина и входила в стоимость дома. Раньше Макс никогда не видел такого обилия клинков: разнообразнейшие шпаги и рапиры, огромные, в человеческий рост, мечи, прямые и тяжелые шотландские палаши с тщательно защищенными рукоятками — руку приходится вставлять в гарду через узкую щель, словно в прочную клетку. Десятки стволов: пистолеты, ружья, винтовки, карабины. Когда-то эта сталь добывала славу Британской империи, ею делалась история, а трофейное оружие наглядно демонстрирует географию завоеваний: вот необычные по виду ударные индийские кутары, волнистые малайские крисы, двояковыпуклые турецкие ятаганы, широченные африканские ассегаи...

Речи в парламенте, красноречивые слова дебатов и даже королевские указы не могли сами по себе воплотиться в жизнь — их навечно вырубали в окружающем мире вот эти самые клинки, лезвия и острия которых не потускнели и не затупились за столетия. Оружием писалась история, оружием ставились в ней точки и многоточия. Вот висит стеклянная пробирка с пульей, убившей двести лет назад адмирала Нельсона: обычный свинцовый шарик миллиметров 12 в диаметре. Два века назад он пробил живое сердце великого полководца и стал одной из таких точек...

— Папа, о чем задумался? — звонко спросил маленький Том. И тут же добавил: — Я больше не хочу есть.

Анна погладила сына по голове.

— Чтобы вырасти большим и сильным, надо хорошо кушать. Доешь вот это и это.

Такие диалоги ежедневно происходят и в России, только не на английском языке и не в огромном обеденном зале, стены которого увешаны уникальными раритетами.

— Я больше не хочу яичницу! — капризничал Том.

Марго едва заметно поджала губы и одернула хрустящий белый фартук. Английский завтрак так же традиционен, как и левостороннее движение: яичница-глазунья, жареные бекон и помидоры, колбаски, тосты. Марго разбивала яйца в высокую сковородку, наполненную до половины оливковым маслом, и очень гордилась таким рецептом. То, что кто-то мог недооценивать ее кулинарный талант, обижало ее до глубины души. Даже если этот кто-то — пятилетний мальчик. Но проявлять недовольство вышколенная прислуга не имеет права.

— Вам звонили вчера вечером, Макс Витальевич, — доложила она. — Какой-то мужчина. Он не представился и сказал, что позвонит завтра. А сегодня кто-то звонил, но разговаривать не стал и положил трубку.

— Спасибо, Марго! — Карданов промокнул губы салфеткой. — Ну что, готовы?

— Готовы! — радостно завопил Том, довольный, что доедать не придется.

Анна улыбнулась.

— А мне надо еще двадцать минут на сборы.

— Хорошо, — кивнул Макс. — Я сам поведу машину. Какую взять?

— У нас скромный семейный выезд. Возьми «Мерседес».

Через полчаса семья Кардановых на черном полноприводном «Мерседесе-500» выехала из своего квартала. Макс уверенно влился в транспортный поток: он уже привык к непривычному направлению движения. Человек быстро привыкает, особенно к хорошему.

Он с удовольствием осматривал лондонские улицы. В отличие от всей остальной Англии, здесь много больших и дорогих машин, хозяева которых не гонятся за экономичностью. В архитектуре причудливо сочетаются старина и современность. Старинные телефонные будки перемежаются кабинками с интернет-связью, до сих пор кое-где встречаются почтовые ящики, установленные полтора века назад.

В субботу магистрали свободны, через двадцать минут они прибыли к Тауэрскому мосту. Здесь контрасты архитектуры были особенно наглядны: с одной стороны — современное, будто нарезанное яйцезерезкой «яйцо» лондонской мэрии, по другую — «огурец-небоскреб» швейцарского банка. А между ними — цель сегодняшней поездки: тысячелетний Тауэрский замок, воронье гнездо английских королей.

В крепостные ворота вливался непрерывный пестрый поток туристов со всего мира: улыбчивые японцы, широколицые малайцы, смуглые арабы и индусы, мрачные русские. Том с интересом

осматривался, особенно понравились ему огромные черные вороны, которые, по преданию, охраняют замок. Птицы чувствовали себя вольготно, громко каркали, раскрывая мощные, будто лакированные клювы, собирали веточки с чистых газонов, ничуть не обращая внимания на окружающую суету.

В оружейном зале мальчика заинтересовали доспехи Генриха VIII — огромные, с торчащим вперед внушительным стальным цилиндром пониже живота.

— Папа, а для чего это? — Том указал на цилиндр. Анна, скрывая улыбку, дипломатично отвернулась.

— Туда король прятал свой перец, — честно ответил Макс.

— Ого! Такой большой? — непосредственно удивился Том.

— Не знаю, — задумчиво сказал Карданов. Подобные «гульфики» встречаются изредка и на других латах, но имеют гораздо меньшие размеры. Под сталью места много, в принципе все, что угодно, можно спрятать внутри, скорее всего, гигантский цилиндр Генриха VIII отражает не столько его физические, сколько ментальные особенности: комплекс сверхполноценности, рвущуюся наружу агрессию, демонстративную готовность всех победить.

— Но сам король был очень большой, — перевел он разговор на менее двусмысленные вещи. — Видишь, какие у него латы? На кого они подойдут? Только на очень крупного человека!

— Как тот дядя? — Том ткнул ручонкой в сторону, Макс мельком взглянул в указанном направлении.

— Да, наверное, как тот дядя.

— А эту пику король мог поднять? — Теперь Том заинтересовался копьём толщиной с телеграфный столб.

— А? Подожди. Я сейчас.

Макса бросило в жар, лицо покрылось потом.

— Что с тобой? — тревожно спросила Анна. — Тебе плохо?

— Нет. Подожди. Пройдет.

Карданов медленно повернулся и осторожно, чтобы не привлечь внимания, посмотрел на «того дядю». Да, он не ошибся.

Крупный толстый человек в легком клетчатом пальто, с толстой шеей и тройным подбородком. Оперативный псевдоним Худой. Резидент русской разведки в Лондоне. Макс встречался с ним лет семь назад, когда выполнял здесь очередное задание. Сейчас Худой смотрел на него в упор и добродушно улыбался.

Макс перевел дух. Нервы стали ни к черту. Никто не станет стрелять в него, колоть отравленным зонтиком или похищать. Те времена прошли безвозвратно. Просто им что-то надо, и они его нашли. Ну и хрен с ними! С чего он так разволновался? Из-за того, что рядом сын и жена? Или потому, что привык к размеренной комфортной жизни, в которой нет места неприятным неожиданностям?

Карданов улыбнулся Анне, вытер платком вспотевшее лицо.

— Посмотрите дальше сами, а через час встретимся у входа. Я подойду вон к тому толстяку, это мой знакомый.

— Какой знакомый? — Тревога во взгляде жены не исчезала.

— Старый знакомый. Потом объясню. Макс решительно подошел к Худому.

— Что вам надо? — без предисловий спросил он. Худой продолжал улыбаться. Набрякшие веки, красные прожилки в глазах, глубокие носогубные морщины. Вблизи было заметно, что ему под шестьдесят и наверняка есть проблемы со здоровьем: избыточный вес, как правило, приводит к гипертонии. Значит, он уже не резидент. Просто пенсионер, которого вызвали специально для встречи с Кардановым. Так всегда делается для облегчения психологического контакта: на встречу с объектом идет знакомый ему сотрудник. Если он, конечно, жив.

— Что вам надо? — резко повторил Макс. Улыбка чуть потускнела.

— Здравствуйте, Макс Витальевич! — Худой протянул руку. — Вы как-то недоброжелательно настроены, не знаю — почему. Например, мне приятно вас видеть. Сразу вспоминается время, когда мы были гораздо моложе.

— И ради этого удовольствия вы забросили пенсионный отдых и сломя голову помчались на встречу со мной?

Холодный взгляд бесцветных глаз остро впился в лицо Карданова. Бывших разведчиков не бывает. Глава лондонской резидентуры «прокачивал» ситуацию: откуда объекту известно то, о чем он сказал.

— Вы хорошо анализируете ситуацию, — с видимым облегчением произнес он, поняв, что, кроме догадок, никакой информации у Карданова нет. — Давайте прогуляемся, продолжим экскурсию. Гарантирую, что вам будет интересно. Только без вашей очаровательной супруги и сынишки. Потому что я хочу рассказать о страшных вещах.

— Понятное дело, — кивнул Макс, и Худой понял, что объект предвидел такое предложение.

По каменной лестнице они спустились вниз. Худой показал на вскрытую кладку стены.

— Здесь нашли два детских скелетика. Думали, что это пропавшие в XVII веке племянники короля, незаконнорожденные принцы. Но радиологический анализ показал, что останки относятся к XI веку!

Худой вытаращил глаза.

— Так и не узнали, кто они и почему убиты. Хотя понятно: династические интриги, борьба за власть. Сколько таких невинных жертв, безвинно замученных и неотмщенных! А их палачи не призваны к ответу и улыбаются, безнаказанные, с портретов в дворцовых картинных галереях. Где же справедливость?

— Власть мало совместима со справедливостью, — сухо заметил Макс. — Итак, что вам поручили мне предложить?

— Да, власть держится на крови. — Худой захотел расслышать только первую часть фразы. — В

одной российской книге я как-то прочел замечательное высказывание: «Кремлевские камни кровь любят». Так вот, не только кремлевские: и тауэрские, и версальские, и все прочие.

Они медленно шли по вымощенному булыжником двору. По газонам важно гуляли вороны. Некоторые, хлопая крыльями, перелетали с башни на башню. Внутренние стражники замка — бифитеры — в старинных красных камзолах лениво наблюдали за порядком. Бифитеров всего сорок — гораздо меньше, чем их изображений на миллионах бутылок с одноименным джином, продающимся по всему миру.

— А вот здесь производили казни, — Худой указал на вделанный в булыжник кружок. — Рубили головы специальным мечом, коротким и широким.

— Я достаточно давно живу в Лондоне, чтобы знать все эти истории, — оборвал его Карданов. — Давайте перейдем к делу.

— Мы уже почти перешли к нему. — Худой покосился на спутника. — Считается, что за целую тысячу лет здесь казнили всего семь человек, вон сзади табличка с фамилиями и датами. Посмотрите внимательно, и окажется, что на самом деле кровь лилась не все тысячелетие: эти семеро несчастных экзекутированы всего за шестьдесят лет, причем основное число казненных приходится на правление Генриха VIII. Он обезглавил даже двух своих жен, еще нескольких уморил, а сколько любовниц отправил на тот свет!

В голосе резидента появились обличающие ноты.

— Он казнил и Томаса Мора, и многих известных людей, он закрыл все монастыри, реформировал церковь, заменив кресты флюгерами на куполах, прославился любовными похождениями, но вошел в историю не столько как Синяя Борода, сколько как почитаемый и мудрый политик! Парадокс, правда?

— Какое отношение все это имеет ко мне? — раздраженно спросил Макс.

— Самое непосредственное. Вам ведь не понравились мои истории?

— Нет!

— Значит, мы не ошиблись. — Худой многозначительно кивнул. — Вы любите справедливость и не любите проливающих кровь тиранов. Поэтому мы к вам и обращаемся.

— Что вам надо? — в очередной раз спросил Макс. — Если не перестанете говорить загадками, я повернусь и уйду!

— Мне поручено передать, что вас приглашают вернуться на службу. Вам будет присвоено звание майора, вам дадут квартиру.

Макс остановился.

— Вы что, считаете меня идиотом?!

— Почему?

— Да потому! Я живу обеспеченно и спокойно в нормальной стране и вспоминаю прошлое только в кошмарных снах, хожу к врачам, но не могу от него избавиться! А вы предлагаете мне в это кошмарное прошлое вернуться?!

— Тогда приезжайте на время. Чтобы выполнить одно-единственное задание. Справиться с которым можете только вы!

— Что это за задание?

Худой развел руками.

— Вы знаете правила. Только согласившись с моим предложением, вы можете узнать, о чем идет речь.

Карданов криво улыбнулся.

— Согласиться, не зная на что? Спасибо, вы очень любезны!

— Мы уже работали вместе, и вы знаете, что мне можно доверять!

— Да ну! — Макс изумленно покрутил головой. — Вы убеждали меня, что мои родители сидят в английской тюрьме, а сами прекрасно знали, что они пошли на перевербовку и устроили свою жизнь каждый по-своему! Это, по-вашему, основание для доверия? Ну и ну!

Худой тяжело вздохнул. Лицо его окаменело.

— Значит, вы отказываетесь?

— Ну конечно, отказываюсь! Надо быть душевнобольным, чтобы даже рассматривать ваше предложение.

— Жаль. На карту поставлены сотни тысяч жизней ни в чем не повинных людей.

— Но заботиться о них — прямая задача вашего правительства, а никак не моя!

Резидент кивнул.

— За детей, которых замуровали в стену, некому было заступиться. За тех, кому грозит опасность сейчас, можете заступиться вы!

— Я уже давно не на службе. Кстати, мои коллеги хотели посадить меня в тюрьму; если бы я не сбежал сюда, то сейчас гнил бы в вонючей камере! Вы бы тогда не пришли со своим предложением!

Худой молчал.

— До свидания! При случае передавайте привет Яскевичу, он единственный человек, о котором у меня сохранились приятные воспоминания. И скажите всем, чтобы меня оставили в покое! Если я увижу, что вы за мной следите, то заявлю в полицию!

Макс повернулся, собираясь уйти.

— Сегодня за вами следил кто-то еще, кроме нас, — сказал ему вслед Худой. — Похоже, что это была именно английская полиция.

* * *

Лучник раскололся в конце второго дня задержания. Вначале он держался дерзко, ругал всех

фээсбэшников, ментов и прокуроров, наотрез отказывался от сотрудничества и говорил, что ничего не знает.

Но потом майор Нижегородцев применил оригинальный тактический прием, и дело пошло на лад. Он приказал прапорщикам конвойной службы привести задержанного в нижний ярус подвала под Управлением. Он располагался на глубине более восьми метров и выглядел весьма зловеще. Затхлый сырой запах, ободранные стены, низкие кирпичные своды.

В углу одной из комнат Вампир установил деревянный щит, в который предварительно выпустил обойму из своего «макара». С помощью гвоздя и молотка исковырял стены вокруг, побрызгал кетчупом. Сам он надел черную маску спецназовца и стал рядом с пистолетом в руке. Когда Лучника завели в каземат и поставили на колени лицом к простреленной доске, вся его крутость закончилась.

— Знаю, знаю обоих — и Аслана, и Умара, — горячечно зашептал он. — Они на Алика работали.

— Что за Алик? — Вампир доброжелательно ткнул стволом Ваху в затылок.

— Этого, клянусь мамой, не знаю! Алик за вопросы может язык отрезать. Они с Гуссейновым дружили, тот раньше на рынке мясные ряды держал. Я их два раза в «Фобосе» встречал.

Нижегородцев спрятал оружие и дружески похлопал Лучника по плечу.

— Ладно, Ваха, живи пока.

«Фобос» — это частный клуб неподалеку от железнодорожного вокзала. Первый хозяин дал ему звучное название, понятия не имея, что оно обозначает. Слово «Страх» — не лучшее название для увеселительного заведения, но большинство посетителей не знали греческого, да и не привыкли задумываться о ничего не значащей ерунде. Какая разница, как называется, — было бы где оттянуться! А тут можно выбрать досуг: ресторан, бар, зал игровых автоматов, бильярдная. И все же аура названия действовала: коренные тиходонцы избегали сюда заходить. Когда-то эту точку «держала» дагестанская мафия, но потом патриотически настроенные местные бандюки выгнали дагов из города. Прошло несколько лет, и «Фобос» по какой-то необъяснимой закономерности вновь собирал преимущественно кавказцев.

Около шестнадцати часов Нижегородцев зашел в клуб. «Фобос», так же как и большинство подобных третьесортных заведений, не пользовавшихся большой популярностью у тиходонцев, выглядел пустынным и даже немного запущенным. В отличие от криминальных клубов столицы, здесь не было ни вышколенного, одетого в специально пошитую ливрею швейцара, ни упакованных в тугие смокинги гориллообразных вышибал, ни дорогой мебели, ни ворсистых ковров, в которых буквально утопала нога посетителя, — словом, ничего того, что придает лоск и внешнюю респектабельность заведениям подобного рода.

Дешевая отделка, стандартные общепитовские столы и стулья, украшенная всесезонной елочной гирляндой стойка бара, за которой, словно ласточки на проводе, рядом сидели недорогие проститутки, олуховатый охранник в синей форменной рубашке неподходящего размера. Экономный шик провинции, напоминающий советы в советских газетах: «Как шикарно одеться на зарплату восемьдесят рублей в месяц». Один совет майор помнил до сих пор: шить умопомрачительные чулки из ажурных гардин. Потому занято только два столика, причем явно случайными людьми, скорее всего приезжими или собирающимися уезжать. Хозяева явно не хотели вкладывать в клуб солидные деньги, поэтому их все устраивало. И неумелые официантки, и отсутствие хорошей кухни, и драки, без которых не обходился ни один вечер.

Нижегородцев заказал свиную отбивную с жареной картошкой и зеленым горошком, мороженое и чашку кофе. На оперативные расходы в ресторане выделялось сто рублей в час, поэтому он прикинул, что для оправдания обеда придется записать в отчете пять, а то и все шесть часов.

Мясо и картошка оказались на удивление вкусными, и майор пообедал с удовольствием. Возможно, сказался голод.

Время тянулось невероятно долго, но майор всегда отличался завидным терпением. Ему было не привыкать к ожиданию.

Часам к пяти народ стал прибывать. Майор лениво потягивал кофе и курил сигареты. Он нарочно сел таким образом, чтобы держать входную дверь под наблюдением. Очки пришлось снять, чтобы не привлекать внимания, но довольно тусклое освещение не причиняло глазам беспокойства. Судя по манерам гостей, теперь в зале появлялись завсегдатаи. Около дюжины лиц кавказской национальности, громко разговаривая и смеясь, расположились за столиками. Почти все компании мужские, только в двух веселились вульгарного вида женщины.

В половине шестого в зал вошел человек, размерами и статью напоминающий бронзовую статую. Это был командир взвода спецназа капитан Вадим Молотов, которому надоело сидеть в машине. Возможно, и даже скорей всего, он проголодался, но сотруднику силового прикрытия деньги на расходы не выделялись. Нижегородцев все же заказал коллеге салат и чашку чая. Скудость обеда Вадим компенсировал тем, что налегал на хлеб. Впрочем, в отличие от советских времен, хлеб уже не был бесплатным, хотя для капитана госбезопасности оставался вполне доступным.

В зал вошли еще несколько человек. Двое сели за столик, трое спустились по лестнице в игровой зал. Потом в игровой зал прошли еще четверо, за ними еще трое. Пора было начинать действовать.

— Как мы его узнаем? — спросил Молотов.

— Да никак, — ответил Вампир. — Может, он сегодня вообще не появится.

Майор вскинул руку, привлекая к себе внимание стройной миловидной девушки с каштановыми волосами, в не очень свежем переднике. Та проворно подошла.

— Желаете что-то еще? Такому крепкому мужчине одного салатика мало! — Девушка улыбнулась Вадиму и выудила из нагрудного кармана униформы блокнотик и маленький карандаш. Вампир бросил взгляд на бейджик. Ее звали Лилия.

— Спасибо, Лилия, — он покачал головой. — Мой товарищ на диете. Лучше скажите, вы знаете Арсена Гуссейнова?

Девушка кивнула.

— Конечно, он у нас часто бывает.

— Мы договорились о встрече, но не знаем его в лицо. Вы нам покажете его?

Лилия закусила губу и изогнула бровь, теперь она смотрела настороженно и недоверчиво.

— Видите ли, я не хочу ввязываться в истории, — медленно произнесла она. — Я официантка,

мое дело принять заказ и принести его. А если вы кого-то ищете, лучше обратиться к администратору.

Нижегородцев и Молотов переглянулись. О времена, о нравы! Люди всего боятся. Причем честные люди.

— Мы из службы безопасности и можем обратиться к кому угодно, — официальным тоном сказал Вампир. — Но и вам не советую нам отказывать.

Лилия оказалась меж двух огней. Когда-то страх перед органами был сильнее страха перед преступниками. Теперь люди больше боятся бандитов, которые не идут по иллюзорному пути «гуманизации» и «либерализации» своих действий. Но законопослушный гражданин все еще готов действовать по инерции. Официантка потупилась.

— Я не отказываю. Гуссейнов недавно спустился в бильярдную. Но прошу не говорить ему, что я вам что-то сообщила!

Офицеры переглянулись еще раз.

— Можете не беспокоиться, все будет конфиденциально.

— Это как? — спросила Лилия.

— Значит, никто ничего не узнает, — пояснил Нижегородцев. — А как он выглядит?

— Солидный такой. — Официантка нахмурила лобик. — Среднего роста, с пробором. Да вы его сразу узнаете. На нем стильный лайковый пиджак желтого цвета и темно-синяя рубашка. От него еще всегда хорошим одеколоном пахнет.

Лилия порозовела.

— Ну, нюхать мы его не будем, — сказал Нижегородцев, вставая. — Большое спасибо, Лилечка. Разговора у нас с вами не было.

Капитан с майором двинулись к лестнице в игровой зал.

— Приготовиться, — сквозь зубы сказал Молотов, будто разговаривал сам с собой.

— Вас понял, — тихо прозвучат из-под рубашки голос командира группы захвата.

В цокольном этаже «Фобоса» находились несколько залов, предлагающих развлечения на любой вкус. Игровые автоматы, рулетка, «блэк джек».

В бильярдном зале было полутемно, несколько зеленых абажуров высвечивали яркими кругами игровые столы: три для русского бильярда и два для пула. Народу здесь было немного — человек пять-шесть. Игра шла за двумя столами, человек в желтом лайковом пиджаке играл за дальним. Его противником был какой-то широкоплечий, бритый наголо браток в короткой кожаной куртке и с массивным перстнем на безымянном пальце левой руки. В зубах атлета с могучей боксерской шеей дымилась зажженная сигарета, и игрок, прицеливаясь для очередного удара, прищуривал веко, предохраняя глаз от едкого табачного дыма. Арсен стоял напротив, уперев кий в борт стола и периодически прикладываясь к плоской фляжке. Цепкий орлиный взгляд устремлен на бегающие по зеленому сукну желтоватые шары.

Бритый слегка отвел кий назад и резко ударил. Кость сухо щелкнула о кость, но в лузу шар не

попал и, ударившись о пружинящий борт, откатился на середину поля. Браток поморщился, как от натурального лимонного сока, и слегка стукнул кулаком в ладонь. Гуссейнов поставил фляжку и с кием наперевес двинулся вокруг стола. Настороженный взгляд как будто выслеживал добычу. Найдя подходящую позицию, он наклонился, взял кий на изготовку, прицелился.

Нижегородцев и Молотов подошли ближе и остановились у него за спиной.

— Одиннадцатый в среднюю не пойдет, Арсен, — негромко произнес Нижегородцев. — Лучше свояка в угол.

Гуссейнов резко обернулся, в упор уставившись на незнакомцев. И без того большие ноздри свирепо раздулись.

— Чего надо, а? — грубо спросил он. — Кто такие? Откуда меня знаете?

По мере того как он говорил, приходило понимание. Оно отражалось в тоне, проявлялось на лице и даже в позе и размерах фигуры. Природная наглость и дерзость постепенно вытеснялась внезапно нахлынувшим страхом. От чужаков веяло опасностью. Слабые люди не станут так разговаривать. Они не ведут себя так и так не выглядят.

— Поговорить с тобой хочу, — ответил Вампир, покосившись на лысого братка и прикидывая, кем он приходится Гуссейнову. Случайный знакомый? Деловой партнер? Телохранитель?

— Эй, не видишь, я играю, — сказал Арсен, изобразив явное недовольство. Но потом, очевидно, решил, что для крутого кавказского мужчины этого мало и, явно добавив акцента, спросил: — И па-а-том, с чэго ты рэшил, дарагой, что я ва-а-бще стану с тобой разговариват?

Он держал кий наперевес, как держат боевые шести мастера ушу в китайских фильмах. Бритый подошел ближе и стал сбоку, в позицию, удобную для нападения. Кий он тоже держал в руках, но как бейсбольную битку.

«Значит, это не случайный знакомый, — понял Нижегородцев. — Иначе не стал бы вязываться».

Вслух он холодно сказал:

— Федеральная служба безопасности. Попрошу предъявить документы!

Привычным движением майор извлек из нагрудного кармана бордовую книжечку, раскрыл, на миг вытянул руку, как бы давая возможность прочесть то, что написано внутри, тут же закрыл и спрятал обратно в карман. Все это было сделано одним движением, причем таким, которое выдавало многолетний опыт и само по себе подтверждало полномочия владельца удостоверения.

Одновременно Молотов шагнул вперед, нависая над бильярдистами, как ожившая бронзовая скульптура. От его могучей фигуры исходила явно ощущаемая угроза. Потому что кроме принадлежности к государственным структурам, физической силы и боевых навыков уверенность ему придавали готовые к атаке бойцы, ожидающие сигнала на улице.

— Какие документы, война, что ли? — возмутился бритый, но непривычно мирным тоном.

— И я не в концлагере, — поддержал его Гуссейнов. — Что за геноцид?

— Тогда пройдем с нами, Арсен, — мягко произнес Нижегородцев и положил руку на плечо бильярдиста.

— Убери лапу, да. — На этот раз у Гуссейнова в голосе появились ничем не прикрытые гневные нотки. — Я никуда не пойду.

Очевидно, сдержанные манеры контрразведчиков ввели его в заблуждение. Но майор быстро вывел его обратно. Хряк! — кулак Вампира впечатался в округлый живот Гуссейнова, и тот непременно сложился бы пополам, если бы левый локоть майора не поддел его подбородок, разгибая обратно. Глаза Арсена слегка закатились, и он упал на колени. Он жадно ловил воздух раскрытым, как у рыбы, ртом.

Вампир наклонился и быстро ощупал его в поисках оружия. Но ничего не нашел и шагнул к бритому.

— А ну, подними руки!

Тот послушно выполнил команду и тоже подвергся досмотру.

— Эге, да ты с начинкой! — Вампир вынул из-под куртки пистолет. — Года на четыре потянет!

— У меня разрешение есть, — скромно произнес бритый. — Вот здесь, в кармане!

— Ладно, разберемся, — сказал Нижегородцев. — На выход, и без глупостей!

— По стенкам размажу! — предупредил Молотов. — Вы меня поняли?

Задержанные угрюмо кивнули.

* * *

Гондурас,

13 июля 1990 года,

17 часов 20 минут.

Яркое палящее солнце, сильная жажда, отчетливо слышное то тут то там трещание: тр-р-р! тр-р-р! тр-р-р! Гремучие змеи водились здесь в изобилии, сейчас они выползали на раскаленные скалы, предупреждая о своем присутствии все живое вокруг. Мелкая живность восприняла это предупреждение: мигом исчезли остроухие тушканчики, многочисленные крысы, даже хозяйева Черных скал — каменные волки — не подавали признаков жизни! Только два человека неподвижно лежали в узкой расщелине, потому что деваться им было некуда.

— Зачем ты изменил внешность? — спросил Карданов, опасливо осматриваясь по сторонам. Сначала по радиусу двух-трех метров, потом расширяя круг обзора по спирали до километра. И в ближней, и в дальней зоне обзора пока все было чисто. Но все равно он чувствовал себя неловко. Одежда Макса не была приспособлена, чтобы лазать по скалам: синие джинсы, такая же рубашка с подвернутыми рукавами, красный шейный платок, легкие летние туфли на скользкой кожаной подошве. За спиной висел небольшой рюкзак, который обычно любят туристы, — туда можно положить разную мелочь, а руки остаются свободными.

— Не знаешь, что ли? — лениво растягивая слова, ответил Гепард. Этот контакт всегда был

немногословен и вообще не любил ничего объяснять. — Такая работа.

Макс хотел возразить — если бы это было вызвано работой, то пластическая операция делалась бы с санкции Центра, а следовательно, спецкуррьер получил бы и соответствующую информацию, и фотографию нового лица объекта доставки. А так с паролем подошел совершенно незнакомый человек, и только выражение глаз помогло идентифицировать его как Гепарда. Глаза изменить нельзя. Недаром во многих аэропортах мира устанавливают приборы для сканирования глазного яблока.

Но возражать не имело смысла: Гепард не скажет больше того, что считает нужным. Возможно, он боится и, не доверяя Центру, сам пытается обезопасить себя от возможных неожиданностей. При его роде занятий такая предосторожность не будет лишней.

— А почему ты убил своих товарищей? Или кто там они?

— Это мои проблемы! — Смуглое лицо передернула раздраженная гримаса.

— А почему за нами следили? Я проверялся, все было чисто! — сказал Макс. «Хвоста» действительно мог привести только Гепард. Место контакта мгновенно окружили, и, если бы Гепард не бросил гранату, сейчас они бы подвергались пыткам в гондурасской тюрьме. После часа бешеной гонки им удалось оторваться от преследования, но в машине закончился бензин, и они забрались в Черные скалы, чтобы дождаться ночи.

— Предательство, — коротко сказал Гепард. Скулы его закаменели, смуглая кожа обтянула лицо еще больше. — Никому нельзя верить. Это основной принцип жизни. Чем ближе человек, тем больше вероятность предательства.

Макс так не считал, но промолчал.

Солнце клонилось к горизонту, лучи его слабели, тени удлинялись. Если бы удалось напиться, можно было бы спокойно дожидаться ночи. Но в скалах нет воды.

Внезапно Гепард встал и, крадучись, двинулся по расщелине. На нем были широкие брюки и длинная, наполовину расстегнутая куртка, надетая прямо на голый торс. Куртка сильно топорщилась: по многочисленным карманам было рассовано двести тысяч долларов наличными. Двадцать пачек сотенных купюр. В правой руке контакт сжимал длинный и узкий нож с обоюдоострым клинком.

Карданов не понял, чего он хочет, но спрашивать не стал: бесполезно. Он прикрыл глаза и как будто погрузился в полудрему. Но отчаянная дробь живой трещотки вывела его из забытья. Гепард поймал гремучку, отсек ей голову ипил фонтанирующую из бьющегося тела розовую кровь, как пьют дождевую воду из перерубленной лианы.

Это он сделал напрасно. Макс выругался про себя, но ничего не сказал.

— Будешь? — напившись, спросил контакт окровавленным ртом.

— Нет. Забрось ее подальше.

— Почему?

— Потому!

— Это все сказки, — скривился Гепард, но послушался и, раскрутив, зашвырнул темно-серый шланг метров на десять. И тут же рядом с ними срикошетила о камни пуля, через долю секунды донесся звук далекого выстрела. Гепард мгновенно присел и сплюнул розовую слюну. Макс выругался еще раз. Снайпер! Значит, их не потеряли, только ослабили поводок!

Будто подтверждая эту мысль, в дальней зоне обзора показались два бронетранспортера и несколько набитых солдатами грузовиков. Раздались пронзительные свистки: два коротких и один длинный. Фигурки в костюмах цвета хаки посыпались на землю и бросились вперед, охватывая Черные скалы полукольцом.

— Кажется, мы серьезно влипли! — невольно озвучил Карданов мучившую его мысль.

— Не бойся! — равнодушно и уверенно сказал Гепард. — Они нас не возьмут.

— Почему?

— Потому что я улечу отсюда. И возьму тебя с собой. Неужели у него тоже есть эвакуатор? Тогда, возможно, им удастся спастись! Но откуда у него может быть такая вещь?

— Как ты улетишь? На чем? — переспросил Макс.

С кривой усмешкой Гепард до конца расстегнул куртку. На поясе у Него висели тротиловые пашки.

Наверное, на лице Карданова отразилось разочарование, потому что усмешка контакта стала еще более издевательской.

— У тебя есть оружие, белый? — спросил он, хищно прищутив глаза.

— Нет, — Макс покачал головой, и это была полуправда.

— Как можно возить такие деньги без оружия? И на что ты надеялся в случае опасности?

Вторая половина правды заключалась в том, что у Макса имелась «стрелка» — спецоружие в виде обычной авторучки, которое могло бесшумно отправить на тот свет семь человек. Причем так, что причину их смерти определить будет невозможно. Но для боя с превосходящими силами противника оно не годилось. В данной ситуации оно годилось только для одного — чтобы отправить на тот свет самого Гепарда.

— Никакой опасности быть не должно! — раздраженно ответил Макс. — Поэтому каждая операция тщательно просчитывается, даже проигрывается на компьютере по всем правилам теории игр! В данном случае вероятность успеха составляла девяносто пять процентов! Девяносто пять! Если бы ты страховался хотя бы наполовину, я бы сейчас ехал в аэропорт без всяких проблем!

— Пустые слова! Что сейчас значат эти проценты? Гепард отсоединил от пояса одну толовую пашку, потертой зажигалкой «Зиппо» поджег фитиль и швырнул ее в сторону развернувшихся цепью солдат. Конечно, заряд не долетел до них и разорвался в воздухе, но грохот и яркая вспышка, а также осязаемый удар взрывной волны заставил их залечь.

— А вот дела!

Гепард торжествующе улыбался и свысока смотрел на спецкурьера. Он явно не боялся смерти,

как все живые существа, и потому испытывал чувство превосходства над всеми остальными.

Но вдруг раздался громкий треск атакующего гремучника, серо-черная лента пружинисто вылетела из какой-то трещины и ударила Гепарда в бок. Атака была неожиданной, но он мгновенно вцепился в шею пресмыкающегося, в другой руке блеснул неведомо откуда взявшийся клинок, описавший полукруг и по пути отрубивший треугольную голову с горящими яростью глазами. Все произошло в один миг, если бы Макс в этот момент мигнул, то ничего бы и не увидел.

Контакт сбросил запачканную куртку, расстегнул ремень и спустил брюки. На левом бедре, чуть ниже пояса со взрывчаткой, из двух дырочек текла кровь. В отличие от змеиной, она была не розовой, а красной.

Смуглое лицо Гепарда побледнело.

— Двадцать минут! Всего двадцать минут!

— Вот тебе и сказки, — медленно проговорил Макс.

На уроках по выживанию преподаватель под красноречивым прозвищем Спец предостерегал их от того, чтобы без крайней необходимости убивать змей. Потому что они живут парами и мстят друг за друга. Наверное. Спец преподавал и Гепарду. Только курсанты слабо верили этим рассказам.

Гепард медленно опустился на камни. Похоже, у него подкосились ноги. Его взгляд утратил обычное безразличие и как будто молил: «Сделай что-нибудь!»

Но что можно сделать в такой ситуации? Прижечь рану? Высосать яд? Надрезать укус крестом, чтобы со струей крови вышли смертоносные капли яда? Так пишут в приключенческих книжках. Спец учил, что это все ерунда. Если укус приходится в палец, можно быстро отсечь его ножом. Если в тело, то надо немедленно вколоть сыворотку «Кобра» или «Гюрза». Гепард все это знал. И прекрасно знал, что никакой сыворотки «Кобра» здесь нет и быть не может.

Но он не знал, что в комплекте безопасности спецкурьера имеется универсальный антидот, успешно нейтрализующий любые яды, даже цианистый калий в первые две минуты!

Снизу доносились свистки и приглушенные крики команд. Макс не знал, что ему делать. Гепард ему не друг, не брат и не родственник, больше того, это по его вине он попал в столь сложное положение! К тому же у него только одна порция антидота, а тут полно этих тварей! Его дела с контактом закончились, можно повернуться и отойти подальше, чтобы не видеть его агонии, потом дожидаться темноты и взлететь в небо совсем другим способом, нежели тот, который обещал ему Гепард несколько минут назад! Но! А что, собственно, «но»? Тут нет никаких «но», каждый отвечает за себя в пределах своего задания! И Гепард это прекрасно понимает, он ни о чем не просит, только смотрит жалобным взглядом, как больная собака на хозяина.

Сбросив рюкзак, Макс достал кожаный футляр, похожий на те, в которых держат сигары. Но в нем была другая начинка: в узких карманчиках, как патроны в патронташе, сидели три шприц-тюбика: «Озверин», «Антидепрессант», «Антидот».

Вынув оранжевый «Антидот», он подошел к Гепарду вплотную. Тот настолько уверовал в близкую смерть, что его уже можно было считать мертвым. Но при виде шприца в обреченном взгляде мелькнула надежда.

— Спокойно, расслабься, все будет хорошо! — сказал Макс и вколол содержимое шприц-тюбика контакту в бедро, рядом с укусом. Пустую упаковку он спрятал в карман.

Гепард сидел неподвижно, облизывая пересохшие губы, и только время от времени поглядывал на часы и на рану. Макс наблюдал за обстановкой вокруг. Цепь солдат не двигалась. Очевидно, они ждали подкрепления. Тем более что начинало смеркаться. В такое время обычно не ходят в атаку.

Когда прошло двадцать минут, Гепард приободрился.

— Раз я еще жив, значит, все обошлось, — сказал он, и в голосе его прозвучали новые интонации. — Рана чистая, даже отека нет. Ты спас мне жизнь. Такое не забывается!

— Всяко бывает, — философски заметил Карданов. — Иногда забывается и не такое.

Гепард помотал головой.

— Ведь ты мог спокойно дождаться моей смерти и забрать деньги, которые мне привез, это целое состояние! Но ты этого не сделал. Почему?

Макс пожал плечами.

— Не знаю. Ты лучше вот что скажи: ведь ты не боишься смерти. А сейчас испугался. Почему?

Теперь Гепард пожал плечами.

— Смерть бывает разная. Как говорят у вас в России — смерть смерти рознь! Но сейчас хватит об этом. Потом поговорим подробно, в другую нашу встречу. Если, конечно, она произойдет.

— Произойдет! — уверенно сказал Макс. — Тебе еще не раз понадобятся деньги. А присылают всегда знакомого человека.

Контакт не возразил, но весь вид его выражал несогласие. Тогда Карданов не мог понять, с чем он не согласен: с тем, что ему понадобятся деньги, или с тем, что к нему еще раз пришлют спецкурьера. Понял он все позже, когда его допрашивали в отделе внешней контрразведки КГБ и по характеру вопросов стало ясно: Гепард стал перебежчиком!

А ведь он мог предотвратить предательство: для этого надо было не колоть контакту сыворотку против яда — и только! Или не принимать участия в его дальнейшей судьбе.

Стемнело быстро, как всегда в этих широтах. На черном небе вспыхнули крупные яркие звезды. Снизу периодически перекрикивались стоящие в оцеплении солдаты. Светя фарами, подъехали еще несколько грузовиков с подкреплением. На рассвете они серьезно возьмутся за поиски. А пока внизу разводили костры — готовить пищу, да и просто греться. Ночи здесь такие же холодные, как дни — жаркие. Макс отстегнул пуговицы и опустил рукава джинсовой рубахи. Пора было уходить.

Но что делать с Гепардом? Эвакуатор рассчитан только на одного человека, и, черт возьми, он вовсе не должен его спасать! Но спас. Глупо спасать напарника, чтобы через пару часов обречь его на смерть! Тем более что он готов взлететь в небо другим способом.

Макс вздохнул и нащупал в кармане «стрелку».

— У меня есть воздушный шар, — сказал он, уверенный в том, что контакт ему не поверит. Но

тот поверил сразу.

— Он поднимет двоих?

Вот что такое прагматичное мышление. Гепарда не интересовало, где этот шар, откуда он взялся, его не интересовало ничего, кроме одного: может ли он спастись.

— Сколько ты вешишь? — вопросом на вопрос ответил Макс.

— Шестьдесят пять килограммов. — Если высокий и сухощавый контакт и занизил вес, то ненамного.

— А я восемьдесят. Шар рассчитан на сто — сто двадцать.

Гепард в очередной раз облизал губы.

— Всегда есть запас.

— Да. Мы попробуем. Но если он не поднимет двоих, извини.

— Я понимаю.

Макс открыл рюкзак и извлек сверток из упругой скользкой ткани, напоминающей знаменитую «болонью», плащи из которой некогда произвели революцию в сознании граждан СССР. Но, в отличие от «болоньи», это была мономолекулярная спецкань толщиной десять микрон. Затем на свет появился титановый баллон со сверхсжатым гелием, который Макс через специальный клапан присоединил к торчащему из свертка соску. Потом он опять надел рюкзак и, вытащив длинную лямку, пропустил ее между ног и защелкнул карабин за левым плечом. Теперь рюкзак превратился в подвесную систему.

— Помоги мне, — отрывисто сказал он. — Держи шар, чтобы он не терся о камни. Иначе...

Макс не договорил и открыл вентиль. Послышался свист вырывающегося газа, и сверток стал с шорохом раскрываться, быстро увеличиваясь в размерах. Гепард поддерживал конец огромной сардельки, но особой необходимости в этом не было, ибо она сама рвалась в небо. Просто Макс хотел держать контакт на дистанции, ибо можно ждать своего шанса, а можно забрать чужой. По стереотипу поведения Гепард был склонен ко второму варианту. Поэтому Карданов на всякий случай привел «стрелку» в боевое положение. Но вдруг пришла неожиданная мысль: Гепард получил такую дозу антидота, что яд «стрелки» не причинит ему вреда! Макс стало не по себе. Ибо поговорка «Не делай добра, да не получишь в ответ зла» парадоксальна только на первый взгляд, а другого оружия при нем не было.

Шар раздувался до огромных размеров, закрывая собой звезды. Макс пристегнул подвесную систему к двум крепежным кольцам и почувствовал, что его ощутимо тянет вверх. Гепард подошел вплотную и задрал голову, как будто пытался определить — поднимет эвакуатор их двоих или нет. Подъемная сила увеличивалась, на этом этапе надо было хвататься за что-то, чтобы шар набрал нужную для прыжка мощь.

— Иди сюда, держись за меня!

Макс обнял сухое тело Гепарда, сразу нащупав пояс со взрывчаткой.

— Брось пояс!

— Нет.

— Брось пояс! Сейчас дорог каждый килограмм! Надо избавляться от всего лишнего!

— Хорошо, я брошу лишнее.

Быстрым гибким движением Гепард вывернулся из куртки, в карманах которой лежали двести тысяч долларов. Макс прикинул, что деньги весят два килограмма. Столько же, сколько тротил. Только купить на них можно было сотни тонн тротила. Однако для Гепарда существовала своя шкала ценностей и особая стоимость вещей. Ценность их определялась не самой вещью, а моментом, в который ее можно использовать.

Шар набирал силу и уже сильно тянул кверху два тела. Очевидно, резерв тяги у него был заложен приличный.

— Держись крепче, сейчас полетим!

Но Гепард, как не очень страстный любовник, обнимал Макса только одной рукой.

— Держись!

Шар пошел вверх, отрывая их от острых камней Черных скал, и контакт, будто одумавшись, обхватил Карданова двумя руками. Тот интуитивно понял, что спасаемый им человек до последнего момента держал руку на рукоятке ножа, которым так виртуозно владеет. Но сейчас думать об этом было некогда.

Черные скалы со скользкими склонами и глубокими расщелинами, с десятками ядовитых гремучников и другими неведомыми опасностями уходили вниз. Внизу остались уменьшающиеся в размерах костры, растворились все звуки: голоса солдат, окрики командиров, свистки, гул моторов. Два сомкнутых тела окружала непроглядная ночь, и звезды, казалось, были не только сверху, но и вокруг.

— Сколько он может так лететь? — спросил Гепард.

— Не знаю.

Все зависело от высоты стартового прыжка, температуры воздуха, направления и силы ветра. Случалось, на эвакуаторе преодолевали до ста километров. Но сейчас полет будет гораздо короче. Будто выдохнувшись после резкого взлета, шар отяжелел и начал терять высоту. Ветра почти не было, и существовала опасность, что они плюхнутся неподалеку от лагеря солдат. Но нет, километров пять им протянуть удалось.

Посадка прошла удачно — они довольно мягко приземлились на вспаханном поле и, расплетя объятия, обессиленно повалились на землю. Минут через двадцать оба пришли в себя.

— Не жалко денег? — спросил Макс.

— Что такое деньги? — презрительно усмехнулся Гепард. — Чем они могут сейчас мне помочь? А взрывчатка очень даже поможет! С ее помощью я могу добыть столько денег, сколько мне понадобится.

— Как это? — поинтересовался Макс.

— Много способов есть. Можно взорвать стену банка и сейфы, можно захватить заложников,

можно заминировать город и получить выкуп.

Очевидно, пережитый стресс сделал Гепарда словоохотливым. Но ненадолго. Он пружинисто вскочил, нащупав ладонь Макса, крепко пожал.

— Ты дважды спас мне жизнь. Я твой должник. Но лучше нам больше не встречаться.

Через секунду он исчез в темноте.

Макс собрал сдувшийся шар и поднес спичку. Молекулярная ткань вспыхнула и мгновенно превратилась в серый пепел. Теперь надо было закопать титановый баллончик и выбираться из Гондураса. На этот раз эксфильтрация предстояла опасная и трудная.

Макс проснулся в комфортабельной, хорошо обставленной квартире, на гидравлическом матрасе, в обнимку с голой Анной. Никакого Гондураса, никакой эксфильтрации, никаких опасностей. Это все отголоски той, прошлой жизни. Он совершал головокружительные кульбиты, рисковал своей шкурой, не раз был на волосок от смерти. Ради чего? И почему вдруг ему приснился Гепард? Очень неприятный, скользкий тип, от которого постоянно исходила опасность, как от греющегося на солнце гремучника, который даже в умиротворенном состоянии представляет смертельную угрозу. Но он хоть предупреждает о своем приближении и без необходимости не нападает первым.

— Ты уже проснулся? — Анна открыла глаза и улыбалась. — Ты не беспокоился, видно, тебе снились хорошие сны.

— Я бы не сказал. Пробуждение избавило меня от многих проблем.

Анна засмеялась.

— Мы поедem на шоппинг?

— Конечно, я же обещал.

После завтрака Макс взял мягкий и комфортабельный «Пежо-607», и они отправились за покупками. Тускло светило солнце, в центре было много народу, в основном иностранцы: африканцы, индийцы, пакистанцы. Здесь каждый десятый — иммигрант, в субботу на Трафальгарской площади не увидишь ни одного британца и не услышишь английскую речь. Приезжие выписывают родственников, друзей и знакомых, создают свои общины, в отличие от расчетливых британцев интенсивно размножаются. Кто будет населять остров через пятьдесят-сто лет?

Они приехали к «Хэрродсу» — самому дорогому универмагу в Лондоне, а может, и в мире. Макс всегда ходил по нему, как по музею. На стенах вылеплены головы фараонов, восточная мозаика, эскалаторы, на каждом этаже украшенные цветами балкончики, с которых смотрят нарядно одетые скульптуры. Просторные светлые торговые залы, вышколенные, безупречно одетые и симпатичные продавцы. Огромная выкладка товаров. Целый зал парфюмерии, сотни открытых флакончиков, продавцы наперебой подзывают проходящих женщин и прыскают им на подставленные ладони духи и туалетную воду. Он отпустил жену на вольный выпас, она испробовала с десятков запахов и купила почти все флаконы.

В мебельном зале Макс долго рассматривал обеденный стол и 12 стульев стоимостью 79 тысяч фунтов — почти 160 тысяч долларов. В Подмосковье за эти деньги можно купить неплохой домик. Он был богатым человеком, но отдать семь тысяч фунтов за выбранную Анной самую

обычную картину — лобстер и две рыбы — ему казалось большой глупостью. Ладно еще купить за такие деньги королевский меч!

Потом Анна уговорила его купить совсем плоский телевизор не больше семи сантиметров в толщину, потом она выбрала себе два платья и туфли, потом еще какую-то мелочь. Макс только и успевал доставать кредитную карточку.

Напоследок они зашли в музейного вида продуктовый отдел. Японский бар с несусветно дорогим суши, на отдельной витрине консервы: гусиная и утиная фуа-гра, здесь же ненавязчиво и предусмотрительно выставлен сотерн Барсак, которым их очень уместно запивать... Крупные помидоры, фаршированные королевскими креветками, авокадо фаршированы целыми клешнями лобстера, лобстеры вареные и очищенные с одной стороны, как муляжи на плакате по биологии. Огромные пласты лосося в тесте, огромные тарелки с креветками под майонезом, десятки разновидностей маслин и оливок, сотни сыров, десятки видов колбас, ветчины, копченого и вяленого бекона. Макс подумал, что продуктовый отдел «Хэрсродса» есть материализация идеи о коммунистическом изобилии. Но... В благородную вонь элитных сыров вплетаются кисловатые запашки от оливок и фаршированных продуктов, значит, богатые витрины не обновляются каждый день, хотя для приготовленных блюд это обязательное требование... Поистине нет ничего идеального в этом мире!

Анна умело делала покупки, Макс умиротворенно наблюдал за движениями ее стройного тела и не обращал внимания на происходящее вокруг. На первый взгляд ничего особенного здесь и не происходило. Потом бой вывез к машине тележки с покупками, сноровисто перегрузил их в багажник. Телевизор должны привезти к вечеру. До этого времени можно было заехать в хороший ресторан и пообедать. Было довольно тепло, и хотя они ехали против солнца, потерявшие силу лучи уже не слепили глаза.

* * *

В Москве сентябрьское солнце светило не ярче, чем в Лондоне. Его слабеющие лучи упирались в здание «Консорциума» — огромный тетраэдр из темного стекла, расположенный почти на берегу Москвы-реки, недалеко от Воробьевых гор.

Созданная на деньги Коммунистической партии в период развала СССР, международная фирма «Консорциум» привлекла под свою крышу бывших ответственных работников ЦК КПСС, разведчиков и контрразведчиков, оставшихся без работы военных. Ее сотрудники располагали разветвленными связями и широкими возможностями в различных сферах деятельности, к тому же все они имели специфический опыт, навыки оперативной работы, хорошие организаторские качества. Может быть, поэтому, может, в силу мощной финансовой основы, а скорей всего благодаря сочетанию этих свойств и качеств «Консорциум» превратился в крупнейшую консультационно-посредническую организацию, имел выходы за рубеж и широкую сеть дочерних предприятий по всей России. Тиходонский «Тихпромбанк» являлся одной из его многочисленных «дочек».

Про размах международного бизнеса «Консорциума» и состав его учредителей в деловых кругах ходили приглушенные легенды. Болтали даже, что были времена, когда «Консорциумом» и государством управляли одни и те же люди. Руководители фирмы, конечно же, этого не подтверждали, но и не опровергали. Однако в доверительных беседах с контрагентами любили подчеркивать, что долги «Консорциуму» возвращают исправней, чем Центробанку. В подтверждение этому приводили реальный факт: Заир признал невозможным выплатить в двадцатом веке тридцатипятимиллионный кредит России, а двадцатимиллионный кредит «Консорциуму» возвратил исправно!

На естественный вопрос: «Почему?» — с улыбкой отвечали: «Да потому, что нам отдать приказ о ядерном ударе гораздо проще, чем официальным властным структурам. И гарантия исполнения будет стопроцентной!»

Наверное, в этом утверждении была известная доля преувеличения, но степени этого преувеличения не знал никто, а потому с фирмой старались не связываться. В своей деятельности «Консорциум» не оглядывался на рамки закона, а потому действовал эффективно. В наши дни угроза арбитражного иска не идет ни в какое сравнение с угрозой получить пулю в голову, поэтому второй метод оказывается гораздо результативней. А специалисты фирмы могли выполнять самую различную работу, в том числе и не совсем традиционную.

Потому отсвечивающий тетраэдр «Консорциума» возвышался над Москвой значительно и непоколебимо. Летом солнце преодолевало солнцезащитную тонировку и пробивалось внутрь, освещая мрачноватые кабинеты и заставляя кондиционеры трудиться на полную мощность. Сейчас тонировка полностью выполняла свое назначение и солнечными зайчиками отражала световые лучи, поэтому в огромном кабинете бывшего ответственного работника ЦК КПСС, а ныне председателя совета учредителей Горемыкина была включена не только люстра, но и многочисленные галогеновые лампочки, укрытые в обшивке потолка.

Обстановка в кабинете была настолько наэлектризованной, что вспыхивающие разряды то и дело вырывались наружу, смешиваясь с отблесками солнечных лучей. Громы и молнии метал сам хозяин кабинета, а мишенями были начальник службы безопасности «Консорциума» Каймаченко и четыре его заместителя.

— Провалы следуют один за другим, и началось это давно, с момента гибели Куракина! Он погиб на посту, его взорвали в микроавтобусе с несколькими сотрудниками, и с тех пор вся работа пошла насмарку!

Петр Георгиевич Горемыкин грохнул по столу своим мясистым, с отечными пальцами кулаком, приведя в мелкие колебательные движения многочисленные предметы, размещенные в его офисном наборе. Скрепки, карандаши, ручки, линейка, миниатюрный степлер — все это зазвенело и задрезбужало, и даже этот слабенький звук был слышен в гробовой тишине наступившей паузы.

Глаза каждого из сильных, коротко стриженных и уверенных в себе мужчин были устремлены в пол, покрытый огромным ковром по давно ушедшей моде шестидесятых-семидесятых годов. Эта деталь безошибочно выдавала в хозяине кабинета человека старой закалки.

— А тот вопиющий случай, когда какой-то идиот прошел все наши посты и публично надавал по физиономиям уважаемым людям!

Горемыкин машинально потрогал на скуле красный рубец в виде буквы Г. Могучие мужчины опустили головы еще ниже.

Перечить Петру Георгиевичу мало кто осмеливался. А точнее, не осмеливался никто, если не считать Куракина, который своим звериным взглядом мог загипнотизировать кого угодно. Сменивший его Атаманов был тоже известен крутым нравом, и то, как поговаривали, входил в кабинет босса едва ли не на полусогнутых. Но и Атаманова уже не было в живых.

Нынешний начальник СБ Владислав Каймаченко скромно притулился у краешка председательского стола и мало чем отличался от своих подчиненных. Профессионалы мельчают во всех сферах, и он явно не дотягивал до уровня Куракина и даже Атаманова. И он

не любил возражать хозяину, а ведь сейчас придется отстаивать честь службы.

И хотя в годы армейской молодости Владислав служил в десантно-штурмовом батальоне, а при Атаманове возглавлял группу «острых акций», сейчас он нервничал и незаметно для окружающих тербил пальцами запонку на манжете своей голубоватой рубашки, выбившейся из рукава серо-стального костюма за две тысячи долларов.

— Причем не просто надавал по физиономиям, он хотел убить всех нас, потому что бил отравленным перстнем! — продолжал грохотать Горемыкин. — Хорошо, что в его долбаном перстне закончился яд! Только благодаря этой случайности я сейчас сижу на своем месте, а не благодаря службе безопасности!

Петр Георгиевич повернул массивную лысую голову в сторону Каймаченко, и острый взгляд бесцветных навывкате глаз вонзился в переносицу Владислава.

— А куда смотрят Каймаченко и его люди?!

Время пришло. Когда-то с похожим чувством Владислав выпрыгивал навстречу выстрелам из грохочущего, зависшего над землей вертолета. Сейчас он только оторвался от запонки и машинально пригладил крепкой пятерней короткий ежик волос.

— Петр Георгиевич, эта ситуация произошла давно. — Широкие, лопатообразные ладони Каймаченко легли на столешницу, а пальцы сцепились в замок. Теперь любой из присутствующих мог прекрасно видеть вытатуированную на запястье волчью пасть размером с пятирублевую монету. Такой знак кололи когда-то бойцы ударной бригады ВДВ. Теперь многие охранники «Консорциума» считали хорошим тоном обзавестись такой татуировкой. Может быть, в желании польстить шефу. — В то время службой безопасности «Консорциума» руководил Илья Сергеевич Атаманов. Но и его вины, по большому счету, в произошедшем не было... Фокин был сотрудником ФСБ, у него имелось приглашение, он прошел через рамку, и оружия при нем не оказалось. Кто мог знать, что у него в голове? Или про отравленный перстень!

Приободренные сотрудники распрямились, хотя все понимали, что не события пятилетней давности вызвали такую вспышку гнева у Горемыкина, это только повод. А вот что такого серьезного произошло сегодня, еще предстояло узнать.

— Вы что, адвокат? — нахмурился Горемыкин, высокий лоб избородили морщины. — Ваша задача не оправдывать чужие ошибки, а не допускать собственных! А ваша вина в тех событиях тоже имеется, поскольку вы были правой рукой Атаманова! Или вы хотите, чтобы я считал вас некомпетентным человеком?

Владислав покачал головой. Сейчас он отдувался за ошибки своего предшественника да еще приходилось его оправдывать, теряя баллы перед лицом высшего начальства. С какой стати?

— Я, конечно, не адвокат, Петр Георгиевич. Просто в то время, как, впрочем, и сейчас, каждый отвечал за свой участок. Я обеспечивал физическую безопасность. И именно мой сотрудник сумел остановить Фокина! А ведь это было очень непросто! Я был там, Петр Георгиевич. Фокин напоминал разбушевавшегося зверя: огромный, сильный, бешеные глаза... Он как с цепи сорвался, с ним не могли справиться и пятером! А кругом люди, полный зал народу, оружие применять нельзя. Алик Малахов догадался упасть на колени и выстрелить снизу — три раза, Петр Георгиевич! Он его довольно серьезно ранил и этим спас положение.

— И где сейчас этот ваш Фокин? — брюзгливо поинтересовался Горемыкин.

— Гм... Его осудили. За хулиганство и покушение на убийство.

Петр Георгиевич сурово свел брови.

— Это общеизвестно. А где он, вы не знаете! Так я вам скажу: бывший подполковник Фокин отбывал семилетний срок в спецколонии № 7 в Нижнем Тагиле, второй отряд! Но полгода назад был освобожден условно-досрочно!

Каймаченко понял, что Горемыкин специально изучал вопрос и осведомлен лучше его. Но зачем шефу это нужно? Уж конечно, не для того, чтобы просто показать свое превосходство, в котором никто из присутствующих и так не сомневается. Начальник СБ не стал отвечать, тем более что не знал, о чем говорить.

— Вышел на волю и живет припеваючи, хотя подлежит безусловной ликвидации!

Руководитель «Консорциума» откинулся на высокую спинку своего глубокого кожаного кресла и свысока рассматривал Каймаченку и всю рать его подчиненных. До тех пор, пока их головы вновь не опустились к богатому ковру.

— Вы смотрите телевизор? — внезапно спросил Горемыкин.

Столь резкое изменение темы окончательно сбило всех с толку.

— Так некогда, Петр Георгиевич, — ответил за всех

Каймаченко, надеясь, что таким образом он косвенно похвалил и себя, и подчиненных.

— А напрасно. Со следующей недели пойдет интересный сериал. Очень интересный!

Горемыкин снова ударил кулаком по столу. — Там все герои знакомые — и Фокин, и Карданов, и мы в роли полных олухов и идиотов!

— Как? Откуда?

— Да так! И я еще не знаю, что они там наснимали! Руководители СБ растерянно переглянулись. С такими случаями они еще не сталкивались.

— Про Фокина я вспомнил не случайно, — снова заговорил Горемыкин. — Он, как и вы, упустил Карданова.

Одна неприятная тема, поднятая председателем, сменялась другой, не более приятной. Но и к делу Макса Карданова Каймаченко тоже имел косвенное отношение: им занимался Куракин, а потом Атаманов. И, возможно, именно поэтому расстались с жизнью. А сейчас Горемыкин неспроста коснулся этой темы и упомянул Карданова. Как бы не пришлось двинуться по следам своих предшественников. Каймаченко почувствовал, как у него вспотели ладони. Да и шея под тугим воротником рубашки тоже.

— Надеюсь, вы знаете, где сейчас Карданов? — Вопрос шефа прозвучал, как упавший на шею Каймаченко остро отточенный нож гильотины.

«Значит, наши старые грехи руководитель „Консорциума“ припоминает в связи с делом Карданова», — понял Владислав. Взгляд его уперся в собственные переплетенные пальцы с коротко стриженными ногтями.

— Он... за границей. Скорее всего в Англии. Оказывается, и эта информация уже была известна Горемыкину. Если Владислав надеялся, что своей осведомленностью смягчит шефа, то он ошибся. Петр Георгиевич просто взорвался, как тротиловая шашка. Его рев наполнил просторный кабинет, ударил по барабанным перепонкам, эхом отразился от обитых шумопоглощающими панелями стен.

— Да, он в Англии, черт вас побери! За последний месяц он сделал в «Хэродсе» покупок на восемьдесят тысяч фунтов! А на недавнем аукционе оружия купил редкий шотландский меч за сто двадцать тысяч! Это наши деньги! И только те траты, которые нам удалось отследить!

Горемыкин вскочил и вплотную подошел к понуро сидящему бывшему десантнику. По старой армейской привычке тот встал.

— Прикажете провести акцию «Л»?

— Да мне не нужен его труп! Он нужен живым, черт вас побери! Достаньте его хоть из-под земли! Слишком много наших денег он унес в своем клюве! И слишком много полезных данных в его голове. Вы меня поняли, Каймаченко?

Владислав не нашелся с ответом или слова просто застряли у него в горле, но, так или иначе, вместо того чтобы голосом ответить на вопрос Петра Георгиевича, он просто кивнул головой в знак согласия. Как китайский болванчик.

Председатель вернулся к своему креслу, но садиться не спешил.

— Все свободны, — устало бросил он и, обведя взглядом всех сотрудников службы безопасности «Консорциума», добавил: — Идите и работайте над поставленными задачами.

Так и не проронив ни слова, квадратные с могучими шеями мужчины разом поднялись с насиженных мест и быстро двинулись к выходу. Каймаченко тоже поднялся, чтобы замкнуть это шествие побежденных. На том месте, где только что лежали его сцепленные в замок руки, осталось широкое мокрое пятно от вспотевших ладоней.

Заложив руки за спину и чуть покачиваясь на носках, Горемыкин провожал подчиненных взглядом. Вот вышел Липатов, за ним Шашков, потом Пыхонин, Лютов. На порог уже ступил Каймаченко, когда за его спиной раздался приглушенный голос:

— Владислав Игоревич!

Шеф любил эффекты. Он хорошо знал старые фильмы и наизусть помнил фразу папаши Мюллера: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!»

Начальник СБ остановился и неуверенно повернулся через левое плечо.

— А вас я попрошу остаться!

На этот раз голос Горемыкина был таким приторным, что это насторожило Владислава еще больше. Дверь за коллегами закрылась, но Петр Георгиевич продолжал хранить молчание. Начальник СБ сделал пару неуверенных шагов обратно к столу. Выжидательно смотрел на Горемыкина.

— Кажется, мы вам платим тридцать тысяч долларов? Ежемесячно? — наконец нарушил молчание председатель совета учредителей. — Вам хватает?

И этот вопрос тоже не сулил ничего хорошего. Вряд ли на отрицательный ответ шеф предложит увеличить ему оклад.

Подобно глухонемому, Каймаченко снова кивнул. Впрочем, Горемыкин и не ждал от него конкретного ответа. Вопрос был чисто риторический.

— Куракин и Атаманов погибли на боевом посту, и вы их сменили. — Не нужно было обладать уникальным умом и музыкальным слухом, чтобы уловить в голосе Горемыкина угрожающие нотки. Каждое слово, срывавшееся с уст Петра Георгиевича, теперь звучало, как лязг передергиваемого затвора. — За тридцать тысяч и вам найдется замена. Вам ясно, Каймаченко?

Владиславу все было ясно. Теперь от персоны Макса Карданова, на котором обломали зубы такие профессионалы своего дела, как Куракин и Атаманов, зависело его, Владислава, будущее. Его работа, карьера... А может, даже и жизнь? Петр Георгиевич не тот человек, чтобы впустую разбрасываться угрозами.

— Ясно, — глухо произнес Каймаченко предательски дрогнувшим голосом и в знак подтверждения того, что ему действительно все предельно ясно, кивнул головой в третий и уже, слава богу, в заключительный раз. — Я могу идти, Петр Георгиевич?

— Да, идите. — Только сейчас Горемыкин опустил в свое кожаное кресло. Казалось, персона Каймаченко перестала его интересовать и он уже мысленно переключился на что-то другое. Однако он все же бросил в спину развернувшемуся на выход начальнику СБ: — И держите меня в курсе дела, Каймаченко. Как только появится новая информация по Карданову — немедленно докладывайте лично мне.

Владислав чересчур поспешно покинул кабинет председателя совета. Расстегнув пуговицу и ослабив узел галстука под воротником рубашки, Каймаченко зашагал по длинному узкому коридору, вдоль прозрачной стены, сквозь которую тускло просвечивал окружающий мир.

Скоростной лифт спустил его с двенадцатого этажа на второй. В кабинете начальника СБ ожидали все четверо его заместителей. Зам по внешней безопасности Лютов стоял у окна, покуривая сигарету и осторожно стряхивая пепел на грубую малочувствительную кожу раскрытой ладони. Пиджака на Лютове уже не было, и атлетически сложенный молодой человек, прошедший обе войны в Чечне, остался в белой шведке, на которой четко выделялась черная сбруя плечевой кобуры.

За приставным столиком на стуле восседал Дмитрий Шашков, сменивший Каймаченко на должности руководителя группы «острых акций». Двадцатисемилетний, коротко стриженный блондин с могучей шеей, он был занят внимательным изучением настенного календаря с обнаженными по пояс, но вооруженными и в камуфляжных штанах девицами. Трудно было сказать, что привлекло его внимание — округлые груди с розовыми сосками или арбалет «стронг» в руках одной из девушек и опытно-экспериментальный пистолет «гюрза» — у другой.

Напротив Шашкова разместился приземистый начальник группы физического прикрытия Роман Липатов. Бывший боксер, в свое время едва не схлопотавший срок за уличную драку, он вызывал у Шашкова раздражение тем, что единственный из бригадиров относился к категории «пиджаков». Так в определенных кругах называют сугубо штатских людей, не служивших в армии, не имеющих отношения к спецподразделениям и никогда не принимавших участия в боевых действиях. Однако эта «неполноценность» не мешала Роману эффективно обеспечивать личную охрану VIP-сотрудников «Консорциума» и успешно решать все связанные с этим

проблемы.

Зам по внутренней безопасности Игорь Пыхонин, бывший военный контрразведчик, сидел чуть поодаль в низком глубоком кресле. Его длинные ноги сложились, как у кузнечика, так что колени находились чуть ли не на уровне узкого вытянутого, как щетина зубной щетки, лица, а задранные штанины открывали голые икры. В руках он держал коричневую сигариллу, но, в отличие от Лютова, Игорь не спешил ее прикуривать.

Четыре пары настороженных глаз метнулись на звук быстрых размашистых шагов, четыре тренированных тела напряглись, собираясь приветствовать начальника, но стремительно вошедший Владислав небрежно махнул рукой, и соратники остались на прежнем месте.

Начальник службы безопасности «Консорциума» обошел массивный полированный стол и плюхнулся в блестящее хромом кресло. Лютов обернулся от окна. Сбросил пепел с ладони в один из цветочных горшков и отряхнул руки.

— Итак, вы поняли, что дело пахнет жареным, — без предисловий начал Каймаченко, стиснув зубы и поочередно расстреливая взглядом каждого из своих заместителей. — Признаюсь честно, я никогда не видел Петра Георгиевича в такой ярости. Поэтому шутки в сторону. Недостроенная дача, новая машина, любовницы и курорты — все в задницу! Работать двадцать четыре часа в сутки! Пахать, как папа Карло! Всем ясно?!

— Ясно, шеф! — отчеканил Шашков, и все остальные повторили этот жест.

— То-то же, — Каймаченко удовлетворенно кивнул. — Что у нас с Кардановым, Паша?

— Он в Англии, — ответил Лютов.

— Ты что, идиот?! — взорвался Каймаченко, вцепившись пальцами в подлокотники кресла, как коршун в долгожданную добычу. — Я сам сказал об этом Горемыкину несколько минут назад! Ты не слышал этого? Где он живет, с кем?! Вот о чем я тебя спрашиваю!

— Этого я не знаю, Влад, — обиженно сказал Лютов. — Мы же его не устанавливали. Задача не ставилась.

Лютов был единственным, кто мог называть начальника по имени: они вместе служили в ВДВ. Причем еще со времен учебки, когда и тот и другой были простыми желторотыми салагами.

— Ставилась, не ставилась!

Каймаченко выплеснул гнев и немного смягчился.

— Какая разница. Сейчас задача стоит в полный рост. Надо выковырнуть его из Англии!

— Это будет непросто. Я помню этого парня по прошлым делам с Атамановым. Он...

— Я тоже его помню, — оборвал товарища Владислав. — Хватит ныть! У кого есть предложения?

Пыхонин кашлянул.

— Когда я учился в специнституте, мы на оперативной психологии изучали одно дело. К нашему перебежчику в Марселе подвели агента, тот напоил его до полусмерти, сунул в карман паспорт моряка, посадил в такси и привез в порт. Там как раз стоял наш сухогруз «Академик

Павлов». Наш офицер под видом вахтенного матроса встретил их на линии пограничного контроля и провел пьяного «товарища» на судно. Пограничников это не удивило: моряки в порту часто напиваются вусмерть, а страсть русских к водке хорошо известна во всем мире.

Зам по внутренней безопасности приостановился, осмотрел всех по очереди и пояснил:

— Но тут как раз фишка в том, что советские моряки не пьянствовали за границей! И не возвращались по одному или по два: всех выпускали только пятерками, во главе со старшим, который отвечал за любое нарушение! Если бы французы это учли, то операция бы провалилась. Контрразведчики-то наверняка знали, а пограничная полиция нет!

— Короче, Склифосовский! — одернул его Каймаченко.

— Так вот, перебежчика провели на судно, посадили в канатный ящик — это такая маленькая каморка на носу, — наш офицер поил его всю дорогу, так что очнулся тот уже в Одессе. А потом его судили и расстреляли.

— И что? — раздраженно спросил Каймаченко. Пыхонин смутился. Он явно рассчитывал на похвалу.

— Что, если и нам так сделать? Выследить этого Карданова, захватить, посадить на теплоход. Можно специально зафрахтовать теплоход или яхту.

— Да, мысль хорошая! — заулыбался Липатов.

— Верно, — поддержал товарищей Шашков и выжидающе посмотрел на Лютова.

Тот с сомнением покачал головой.

— Дерьмо! — смачно выругался Каймаченко. — Это все полная херня! Кто из вас знает точно, где он? Как вы думаете его захватывать в Лондоне? Это вам не Саранск, не Питер и не Москва, там не похищают людей и не убивают их десятками в подъездах! И потом, кто из вас специалист по операциям такого масштаба?

— То была другая историческая эпоха, — вмешался Лютов. — Рука Москвы была длинной, в обеспечении безопасности участвовала вся страна — и экипажи судов, и пассажиры — да любые граждане, которых мы просили! А какой сейчас год? Руки стали короткими, дисциплины никакой нет, помогать нам никто не станет. Сейчас такая операция попросту нереальна!

— Хорошо хоть Павел соображает, что к чему! — зло сказал Каймаченко. — Я выгоню вас на улицу, будете следить за неверными мужьями! На большее, похоже, вы не годитесь!

Игорь Пыхонин потупился и принялся рассматривать свою сигариллу. Он строил из себя утонченного интеллигента, хотя и не знал, что надо носить длинные носки. И плохо держал себя в руках. Сильные пальцы произвольно мяли сигариллу, коричневый табак сыпался ему на брюки. Шашков и Липатов старательно изображали свою непричастность к отклоненной идее. Все ждали решения начальника. Но тому тоже ничего умного в голову не приходило.

— Расходитесь по рабочим местам и думайте! — резко приказал он. — Домой никто не уходит! Все предложения докладывать мне немедленно!

* * *

Любое хорошее досье содержит практически неисчерпаемую и нестареющую информацию. Папка с делом Карданова давно не обновлялась, последним листом стала газетная вырезка о вылете мистера Томпсона в Лондон. С фотографии смотрел никакой не Томпсон, а Макс Карданов. У него было много имен, но все они оказались оперативными псевдонимами. Его много раз подставляли, но он так и не стал подставной фигурой. Под фамилией Томпсон он родился в Лондоне, его родители — советские разведчики-нелегалы. И фамилия Томпсон — тоже оперативный псевдоним. Он — человек без имени. Но факт рождения в Лондоне — это бесспорный и неопровержимый факт, который дал ему возможность получить английское подданство.

Владислав Игоревич Каймаченко медленно переворачивал страницы, перечитывая то, что было ему хорошо известно. Но при новом осмыслении старый материал поворачивался неизвестной стороной. Было три часа ночи, глаза слипались, но Каймаченко старательно продирался сквозь ровные строчки машинописного текста и деформированные буквы рукописных строк. Он все больше узнавал о своем далеком противнике.

Макс хорошо подготовлен, он выполнял много сложных заданий, о которых написано в других досье, запрятанных в бронированных сейфах спецслужб или сожженных в связи с крайней скандальностью содержания. Его научили стрелять и убивать, конспирироваться, его зомбировали, многократно воздействуя на подсознание.

Каймаченко стал целенаправленно изучать тему зомбирования. Именно здесь можно найти ключик к Томпсону-Карданову! Но разобраться в столь специфическом вопросе было непросто. Так кто занимался этой работой? Ага, вот: профессор Брониславский, психиатр, доктор наук, имел высшую форму допуска к секретным сведениям. Вот и ключик, а может, отмычка, неважно.

Он нажал клавишу селектора.

— Павел, зайди ко мне.

— Есть, шеф, — тут же отозвался Лютов.

Для порядка Каймаченко прозвонил остальных заместителям и спросил, какие появились предложения. Как и следовало ожидать, никаких не появилось. Но они добросовестно борются со сном, не спят ожидающие их водители и охранники, наверняка не спят и возглавляемые ими бригады. Все ждут, все готовы действовать. Но надо отдать команду.

Дверь резко распахнулась.

— Слушаю, шеф!

Выросший на пороге Павел выглядел так, будто и не чувствовал усталости. Владислав протянул ему листок бумаги.

— Вот фамилия и адрес, найди этого человека и привези сюда.

— Сейчас?

Каймаченко несколько секунд подумал.

— Нет, утром. Часов в восемь. Раз у тебя есть задание, можешь немного поспать. Остальным ничего не говори, пусть работают.

- Профессор Брониславский, — вслух прочел Лютов и вопросительно посмотрел на шефа.
- Да, думаю, он хранит в своей голове множество ключиков ко множеству тайных дверей.
- Я все понял, шеф.

Павел исчез, и Каймаченко прилег отдохнуть, немедленно провалившись в тяжелый сон.

* * *

Брониславскому зашкалило далеко за шестьдесят. Если бы он был слесарем, плотником или шофером, то уже не смог бы твердо держать молоток, рубанок или рулевое колесо. А значит, сидел бы на пенсии и влачил жалкое существование, всеми забытый и никому не нужный. Но у профессора главный рабочий инструмент — голова, которая у Брониславского функционировала вполне исправно. Он преподавал в двух институтах, вел аспирантов и консультировал в психиатрической клинике. А следовательно, неплохо зарабатывал, был востребован и доволен жизнью. Чтобы не поддаваться возрасту, он каждое утро проходил пять тысяч шагов, строго по шагомеру, потом принимал контрастный душ и отправлялся на работу, причем, как правило, за ним присылали машину.

Но сегодня прогулка сорвалась. Только он вышел из подъезда, как дорогу заступил могучий молодой человек специфической внешности: то ли из бандитов, то ли из органов борьбы с бандитами. Как ни странно, эти антиподы похожи друг на друга, и в последнее время разница между ними стирается все больше и больше.

— Профессор Брониславский? — вежливо осведомился молодой человек, хотя эта вежливость не могла обмануть опытного психиатра.

— Да. Думаю, вам это известно.

— Вас приглашают для консультации в «Консорциум». Когда-то вы нас консультировали, помните?

При слове «Консорциум» психиатр шарахнулся в сторону и тревожно огляделся по сторонам.

— Но я уже давно не работаю по этим программам! Я ничего не знаю о них и ничем не могу помочь!

Лютов обескураженно улыбнулся.

— Значит, вы скажете все это моему начальнику, и я отвезу вас обратно. Но все равно ваше время будет оплачено.

В руку профессора сама собой влезла стодолларовая купюра.

— Я ведь человек маленький, меня за вами послали, и если я не выполню задания, у меня будут неприятности.

Паша Лютов довольно успешно изображал казанскую сироту, но обмануть старого лиса было трудно, тем более что неподалеку стояли «БМВ» и огромный черный джип, из которого выглядывали такие же специфические лица, как у собеседника профессора. Эти ребята не были похожи на сырых и беспомощных. К тому же сто баксов — вполне приличный гонорар за простую консультацию.

Брониславский понимал, что успокаивает сам себя, ложно мотивируя свое решение. На самом деле у него нет выбора, эти люди отвезут его куда угодно и могут сделать с ним все, что захотят.

— Хорошо, молодой человек, чтобы не доставлять вам неприятностей, я поеду с вами.

— Вот и замечательно! — просиял Паша. — Большое вам спасибо!

Через час профессор входил в кабинет начальника службы безопасности «Консорциума». Он с любопытством осмотрелся. В этом же кабинете сидел Куракин, и с тех пор он мало изменился. Только находился в нем теперь другой человек.

— Добрый день, профессор. — Приветливо улыбаясь, Каймаченко вышел из-за стола навстречу гостю. — Как поживаете? Как ваше здоровье?

— Спасибо, адекватно возрасту, — дипломатично ответил профессор. — А вот у вас явные признаки переутомления и злоупотребления тонизирующими препаратами. Признайтесь, ведь вы принимаете фенамин?

— Bravo, профессор! — Начальник СБ театрально похлопал в ладоши. — Сразу чувствуется старая гэбэшная выучка.

Брониславский чуть заметно улыбнулся. Эта демонстративная атака — прием прямолинейный и примитивный. Он рассчитан на простых людей. Очень простых. Но с доктором психиатрии этот выпад обречен на провал.

— В последнее время я стал плохо слышать. Но выучка у меня действительно неплохая. Психологический факультет МГУ, потом мединститут с психиатрической специализацией, однако вы не для того подняли меня в такую рань, чтобы интересоваться моим здоровьем и учебой. Для чего же?

Лицо профессора осталось совершенно бесстрастным. Все так же прямо и открыто он смотрел в жесткое, волевое лицо бывшего десантника. И тот ощутил встречную волю.

— Итак, что вы хотели узнать? — повторил свой вопрос профессор.

— Давайте поговорим об одном из ваших пациентов.

— Это о ком? — встрепенулся Брониславский.

— О Карданове. Максe Карданове.

На этот раз выпад попал в цель, и Брониславский болезненно поморщился. Воспоминания об этом молодом человеке были слишком тягостными. Лучше бы он никогда не встречался с ним и не работал с его подсознанием.

— Да, я помню его. У меня из-за него были неприятности. Такие, каких не случилось ни из-за кого другого. Меня чуть не убили!

— Но вы ведь имели непосредственное отношение к модификации его личности? Поэтому подобный результат можно предвидеть!

— Я только шприц, молодой человек. — Профессору уже не раз приходилось оправдываться этой фразой. Точнее, пытаться оправдаться. — Я не отвечаю за боль от укола и за действие

лекарства. Вы же хотите сделать шприц самостоятельной фигурой и свалить на меня всю ответственность! Я уже отошел от дел и занимаюсь совсем другим... Что вам от меня надо?

Каймаченко подошел к гостю вплотную и навис над ним своим мускулистым, тренированным телом.

— Сейчас Карданов в Англии, а нам надо вернуть его в Россию! — с напором сказал он. — Он занимался такой ответственной работой, что, когда его зомбировали, обязательно должны были придумать какую-то страховку. На случай, если он выйдет из-под контроля. Короче, сорвется с крючка. Это не та рыба, которая может плыть куда угодно. Наверняка существует запасной вариант, способ, который позволяет его вернуть! И вы об этом прекрасно знаете, потому что именно вы колдовали над его сознанием!

— Скорее, над подсознанием, — тактично поправил собеседника Брониславский.

— Неважно, — отмахнулся Каймаченко. — Важно то, что вы неоднократно зомбировали его, вставляли ему блоки искусственных воспоминаний, а настоящие удаляли. Называйте это как угодно. Мне все равно. Главное — вернуть его. Позвать домой. Причем позвать с расстояния нескольких тысяч километров.

Брониславский смотрел в сторону и о чем-то напряженно думал. Но он понимал, что бесконечно молчать нельзя. Эти ребята запросто вколют ему порцию «сыворотки правды», а потом задушат и сбросят труп в канализационный люк!

— Я жду, уважаемый!

Теперь в голосе Каймаченко не было ни вежливости, ни уважительности. Только превосходство и угроза.

— Да, — кивнул наконец Брониславский. — Код возвращения. Какой я дурак, что ввязался в это дело! Но тогда отказываться было нельзя.

— Отказываться и сейчас нельзя! — жестко сказал Владислав. — Что это за код?

— Страховка. Вы все правильно сказали. При каждом сеансе гипнотического воздействия в подсознание Карданова закладывался приказ на возвращение домой. Если его активизировать, объект должен вернуться из любой точки мира.

— Интересно. И как довести до него этот код?

— В любой доступной форме. Совокупность сигналов можно заложить в музыку, в видеоряд, даже в телефонный звонок, — пояснил Брониславский.

Каймаченко скрипнул зубами.

— Если бы еще знать, по какому номеру позвонить, — буркнул он себе под нос, но профессор услышал его. И развел руками.

— Тут я вам помочь не могу, — почти по слогам произнес профессор. Владислав следил за тем, как медленно шевелятся его губы. — И, особо подчеркиваю, гарантировать, что приказ возврата подействует, тоже не могу. Его столько раз кодировали, раскодировали...

— Получается, что вы ничего не можете! Странно, профессор. Очень странно. Надеюсь, вы

понимаете, что с нами не стоит шутить?

— Мне не нравится ваш тон. И вообще все не нравится. Эпизоды, связанные с этим человеком, порочат мою биографию. Я чувствую себя виноватым. А сколько унижений я перенес в связи с этим делом! Ведь даже сейчас меня сдернули с утренней прогулки и притащили к вам, как щенка!

— Успокойтесь, товарищ шприц. — Каймаченко поднялся на ноги и обогнул свой рабочий стол. Он не любил слабаков и нытиков. — За все отвечаю я! Кстати, куда он вернется?

Рука начальника службы безопасности «Консорциума» скользнула в боковой карман за сигаретами.

— Не знаю. — Брониславский тоже раздраженно поднялся и демонстративно развел руки в стороны. — Но уж точно не в ваш кабинет. Он вернется в то место, с которым у него связаны самые сильные воспоминания.

Профессор надел шляпу, давая понять, что разговор окончен. Он и так сказал больше чем достаточно. И, уж конечно, больше, чем на сто долларов.

Каймаченко тоже считал, что больше не узнает ничего интересного. Мысли его переключились на предстоящую работу.

— Значит, он вернется к своей девчонке, — тихо произнес Владислав и снова потянулся к досье Карданова.

Но тут же спохватился, что Брониславский еще не ушел, и с любезной улыбкой обратился к гостю:

— Большое спасибо, профессор. Вы очень помогли нам. Извините, если я был резок. У меня две контузии.

Он проводил профессора до двери, на ходу вложив ему в карман несколько купюр.

— Сейчас вас с почетом отвезут домой. Мы еще обратимся к вам. Подготовьте пока свой код возвращения. В любом виде.

Брониславский вздохнул. По крайней мере, эти грубые ребята хорошо платят. Люди, с которыми он работал раньше, были более обходительны, но вместо денег пичкали его разговорами о долге коммуниста.

— Я подготовлю несколько вариантов. В вербальной форме. Скажем, для радиопередачи и телефонного разговора. А вам следует установить точное местонахождение объекта.

Каймаченко засмеялся и похлопал его по плечу.

— Обязательно, профессор. Люблю таких людей. Вот что значит старая гэбэшная выучка.

На этот раз Брониславский воспринял фразу как комплимент.

Оставшись один, Каймаченко вновь погрузился в досье Карданова. Ага, вот: Маша! Ее подозревали, что это она сдала Рината и его людей, убитых в перестрелке в Антибе. Даже хотели расправиться с ней, но руководство не утвердило план «Л»: месть нерациональна. Где она сейчас, неизвестно, но он выписал прежний адрес. Человеку трудно бесследно исчезнуть в

окружающем мире. Для этого надо иметь специальную подготовку или помощь государства. Ни того, ни другого у девчонки не было. Значит, он ее найдет! Надо послать Лютова, он по таким делам спец!

* * *

Уже через десять минут начальник СБ входил в кабинет Горемыкина на четвертом этаже здания. Одной рукой Петр Георгиевич переворачивал какие-то бумаги у себя на столе, вскользь знакомясь с их содержанием, в другой держал миниатюрную чашечку с ароматно дымящимся кофе. На вошедшего Каймаченко он не поднял глаз, хотя секретарша предупредила Горемыкина о приходе Владислава.

Владислав остановился в метре от стола председателя совета учредителей и неловко переминался с ноги на ногу.

— Что у вас, Каймаченко? — лениво и нарочито грубо бросил Горемыкин, продолжая изучение документов и по-прежнему не поднимая головы.

— Петр Георгиевич, я только что имел встречу с профессором Брониславским у себя в кабинете. Это человек, который занимался блокировкой сознания Макса Карданова...

— Я знаю. — Горемыкин наконец соизволил отложить в сторону просматриваемые документы, но сосредоточился не на докладе подчиненного, а на чашке кофе. Сделал несколько коротких, обжигающих горло глотков и поморщился. — Я знаком с досье на Карданова, а потому мне известна и фамилия Брониславского, и то, какую роль он сыграл в карьере специального курьера. Что дальше?

Такое начало разговора слегка выбило из колеи Владислава, и он не сразу нашел нужные слова, чтобы продолжить начатый доклад. Горемыкин не предложил подчиненному сесть, а потому последний так и продолжал топтаться на месте, в метре от рабочего стола председателя совета. Решив любым путем заинтересовать шефа, Каймаченко перешел сразу к сути вопроса:

— Брониславский, как он сам говорит, во время одного из сеансов с Кардановым ввел своему подопечному в мозг код возвращения. Получив такой код, Карданов вынужден будет вернуться в Россию.

Сейчас Владиславу показалось, что он несет полный бред. Но он добросовестно пересказывает слова профессора!

— Брониславский не гарантирует успех этой акции, — поспешно добавил Владислав. — Он только констатировал наличие кода возвращения.

— Та-а-ак, — протянул Горемыкин. Он осторожно расстелил на полированной столешнице лист чистой бумаги, поставил на него чашку с кофе и откинулся на спинку крутящегося кресла. В его восприятии окружающей действительности произошел перелом. Он явно заинтересовался сообщением. — Да вы садитесь, садитесь, Владислав Игоревич. В ногах правды нет. Как он вам показался?

— Кто? — не сразу понял начальник СБ, приземляясь на ближайший к нему стул.

— Брониславский. Его слова не могли быть старческим бредом или чем-то в этом роде?

Сам того не подозревая, Горемыкин озвучил затаенные опасения Владислава. У психиатров всегда едет крыша. Попробуй всю жизнь пообщаться с психами! Однако если он пришел с докладом к своему начальнику, то зачем делать из источника информации сумасшедшего? Напротив, надо показать ценность и значимость полученных сведений. К тому же, припомнив морщинистое, но все еще волевое лицо профессора, Каймаченко осторожно покачал головой.

— Скорее всего нет, Петр Георгиевич, — ответил бывший десантник. — Он выглядел вполне здравомыслящим человеком. Даже позволил себе высказать негативное отношение к нам и сетовал на то, что судьба вообще столкнула его в жизни с этим Максом Кардановым. Дескать, он чувствует вину перед парнем.

— Что ж, вполне здравая реакция. За что ему нас любить?

Горемыкин надолго задумался и вернулся к своему кофе.

— Ладно, — наконец нарушил он молчание. — В конце концов, никому не станет хуже, если мы попробуем задействовать этот код возвращения!

— Я тоже так подумал, — Каймаченко заметно воспрял духом.

— Но куда он вернется? — Петр Георгиевич окончательно расстался с пустой чашкой и задумчиво забарабанил пальцами по столу. — Где его ловить?

— Я пришел к выводу, Петр Георгиевич, что если код сработает, то в России есть только одно место, куда Карданов вернется. К своей девушке. Марии Смулевой.

— Не факт, уважаемый. Далеко не факт! Горемыкин снова погрузился в задумчивое молчание. Старинные часы с маятником, с которыми, как знал Владислав, у Петра Георгиевича были связаны какие-то личные душевные воспоминания, тихо отщелкивали секунды, подчеркивая наступившую в кабинете звенящую тишину. Каймаченко почувствовал, что его ладони опять начинают покрываться предательской испариной. О чем думает Горемыкин? Уж не о способе ли замены начальника СБ?

Но оказалось, что мысли начальника текли в другом направлении.

— Вы уже продумали, как довести до него этот код?

Вопрос был таким стремительным и остро направленным, что Каймаченко растерялся. Торопясь на доклад, он упустил этот момент и даже не удосужился предусмотреть подобный вопрос. Все мысли были направлены на то, как поймать Карданова здесь, а не на то, как он получит код там.

— Пока мы прорабатываем этот вопрос, — стандартно ответил Каймаченко, как всегда было принято отвечать в тех случаях, если реальный результат еще даже не просматривался на горизонте.

Вопреки ожиданиям, Горемыкин не вспылал и не перешел на крик. Вместо этого, к большому удивлению Каймаченко, Петр Георгиевич расплылся в широкой и добродушной улыбке.

— Не трудитесь, — снисходительно сказал он, будто желая продемонстрировать Каймаченко свое собственное превосходство. — Я уже решил эту проблему за вас.

Каймаченко раскрыл рот. Он весь напрягся, как струна, расправив плечи и высоко подняв

голову. Горемыкин не переставал удивлять его. И дело тут было не только в стремительных сменах настроения. То, что шеф решает конкретные оперативные задачи, было совершенно невероятно.

— Как решили, Петр Георгиевич? — осторожно переспросил Владислав.

— Очень просто. Никогда не надо искать сложных путей. Чем проще, тем лучше! Где бы ни находился русский эмигрант, он смотрит наше телевидение! Через телепередачу и надо передать код!

Каймаченко откашлялся в кулак.

— Но надо еще знать, какие передачи он смотрит... На каких каналах.

Горемыкин пренебрежительно улыбнулся.

— Как же с вами сложно работать, Каймаченко. — Нижняя губа Петра Георгиевича презрительно оттопырилась. — Я же вам сказал: скоро на телеэкраны выйдет фильм «Оперативный псевдоним»! Это фильм про него. Про Карданова. Неужели вы думаете, что он не станет смотреть про свои приключения? Обязательно станет! — Горемыкин хлопнул ладонью по поверхности стола. — А премьера уже через четыре дня. Вы не находите, что нам везет, Каймаченко? У вас есть время. Четыре дня. Даже три. Сделайте так, чтобы код дошел до сознания Карданова и... — Горемыкин помолчал несколько секунд. — И не дай вам бог снова потерпеть фиаско!

— Что вы, Петр Георгиевич! Все сделаем в лучшем виде! Разрешите идти?

— Идите!

Горемыкин машинально взял миниатюрную чашечку, но она была пуста.

* * *

— Макс! Иди сюда! Скорее!

Зов Анны застал Карданова в детской комнате. Вот уже больше часа Макс занимался с сыном. Времена, когда он мог просто возиться с маленьким Томом на полу, бороться, складывать кучу-малу, играть в железную дорогу или другие игрушки, понемногу уходили в прошлое. Тому шел уже шестой год, следовало готовиться к школе. Поэтому сейчас они с мальчиком занимались счетом.

— Смотри, у тебя пять палочек, я забираю две, сколько осталось? — Макс ловко манипулировал красными пластмассовыми палочками.

— Тли?

— Правильно, три. А если прибавить три?

— Макс! Иди же! — вторично донесся до слуха Карданова голос супруги.

— Что там стряслось у тебя, милая? — Макс пружинисто поднялся с ковра, потрепал Тома по густым непослушным волосам и вышел в гостиную.

Жена сидела перед телевизором и, подавшись вперед, впиалась взглядом в огромный плоский

экран. С порога Макс не сразу сумел определить, что за фильм она смотрит, но то, что это был российский канал, становилось понятным с первого взгляда. Карданов подошел ближе и остановился за невысокой спинкой плюшевого кресла. Его руки плавно легли на покатые плечи жены. Анна вздрогнула от неожиданности и обернулась.

— Сколько раз я просила, чтобы ты не подкрадывался ко мне!

— Извини, я не нарочно. Когда-то меня учили передвигаться бесшумно. Привычка осталась. — Карданов, склонившись, чмокнул Анну в макушку. — Что это ты смотришь?

— Что-то очень похожее на твои рассказы о прошлой жизни, — Анна указала на яркий экран телевизора, на котором в этот момент появилось лицо мужчины. Затем камера чуть отъехала назад, захватив в ракурс еще двух мужчин и часть какого-то помещения.

Обстановка показалась Карданову знакомой. Он обошел кресло и опустился на край подлокотника. Ну конечно! Отдельная кабинка для ужина напоминала одну из таких же в «Маленьком Париже» в Тиходонске. Карданов почувствовал, как на его правом виске запульсировала тоненькая жилка.

Мужчина, сидевший во главе стола, показался ему знакомым. Тахир! Не настоящий, но очень похожий. Усы, разговор, манеры. Актер мастерски исполнял роль человека, много лет назад убитого в Тиходонске. Именно в такой кабинке «Маленького Парижа»!

События на экране развивались стремительно, и Макс был поражен той реалистичностью, с которой они воспроизводились. Все именно так и случилось в действительности. Двое парней в черных масках ворвались в ресторан и, прежде чем Тахир и его спутники успели среагировать, изрешетили их пулями!

Из руки одного убитого на экране мужчины выскользнул пистолет, и оператор взял его крупным планом. Затем оружие накрыла чья-то рука. Пальцы сомкнулись на рукоятке. У Карданова перехватило дыхание. Он знал, что эта рука могла принадлежать только одному человеку. Ему самому! Камера пошла вверх и сфокусировала изображение на лице актера.

Анна изумленно обернулась к супругу.

— Ведь это ты! Да, Макс? То есть, конечно, это актер, но он похож на тебя! Это фильм про тебя?

Карданов только кивнул головой, не отрывая глаз от экрана телевизора. Он знал, что произойдет дальше, и это произошло, будто кто-то прямо сейчас считывал информацию из его головы, передавая ее на экран в прямом эфире. Двойник Макса с испуганным лицом, диалог между ними, выстрел, пулевая рана в переносице.

Макс зажмурился, почувствовав, как его сознание раздваивается. Он сидел в кресле рядом с женой в богатом лондонском доме и одновременно участвовал в перестрелке в Тиходонске, причем семь лет назад! Так где он на самом деле?

Макс поднес пальцы к вискам и энергично растер их. Нет, все в порядке, он в своем доме в Лондоне. Но кто тогда там? Ерунда, просто кино!

— Как они узнали? — Анна взяла его за руку. Вторая половинка сознания вернулась на место. Он просто смотрел кино. — Как они узнали, Максик?

Карданов слышал ее, но не мог ответить. Он услышал странную музыку, прекрасную и печальную, которая звала куда-то и чего-то требовала. В его сознании появилась какая-то странная, еще не оформившаяся до конца мысль, и он старательно пытался ухватить ее суть. Ничего не получалось, а ведь это было нечто важное. Но что? Откуда-то появилось ощущение глубокой тоски. Очень глубокой, всепоглощающей.

— Макс! — Анна взяла его за плечо и слегка встряхнула. — Макс! Что с тобой? Ты меня слышишь?

— У Веретнева я встречался с одним писателем и рассказал ему про свою жизнь. — В ушах появился какой-то посторонний звон, и Макс, взяв из рук жены пульт, убавил звук. Но тем не менее он прекрасно слышал все, что сопровождало изображение. — Он расспрашивал подробности, потом несколько раз приходил ко мне. Я не думал, что действительно напишет... А видишь... как получилось.

Карданов говорил медленно, с расстановкой, будто каждое слово давалось ему тяжело. Анна поднялась на ноги и уступила супругу место в кресле. Макс не стал сопротивляться. Голова его откинулась на спинку.

— Принести что-нибудь выпить, Макс?

— Да, виски. Со льдом.

Анна поспешно вышла из комнаты, и Карданов слышал, как она спустилась вниз по лестнице. Макс снова перевел взгляд на экран телевизора. События на экране сменились — теперь на месте перестрелки работали следователи. Этого Макс не видел. Автор сценария реконструировал события. А скорее всего, собирал дополнительный материал.

Фильм далеко выходил за рамки его рассказа. И все же снятый в России материал фактически воспроизводил его биографию. Щемящее чувство тоски в душе увеличивалось и множилось с каждой секундой. Головная боль отступила, прошла и пульсация в области виска..

Анна вернулась через минуту. В одной руке она держала широкий, до половины наполненный светло-желтой жидкостью стакан, в другой — вазочку со льдом.

Макс жадно отхлебнул виски — раз, другой. Стакан опустел.

— Ты даже не положил лед. — Анна опустилась рядом с ним на корточки. Поставила вазочку на пол. — Что тебя так расстроило, Макс? — участливо поинтересовалась она.

— Не знаю, — честно ответил Карданов. — Тоска... Анна... Это как со сном, наверное. Я мысленно вернулся в свое прошлое и будто бы пережил те события заново. — Макс натянуто улыбнулся. — Ну вот. А я хотел написать автобиографическую книгу на эту тему. Видишь, опоздал. Ее не только написали, но успели и фильм по ней снять. И главное, ты заметила, как точно они актера похожего подобрали. Как двойник...

При последнем произнесенном слове голос Карданова снова сорвался. Двойник! Макс помнил, как он создавался. Помнил занятия у Спеца, особую подготовку: ему нужен был двойник. Так решили наверху, и так было сделано в реальности. И потом он убил его!

Карданова захлестнуло чувство ярости. Сколько же эти сволочи экспериментировали над ним! Как с подопытным кроликом. Макс с силой швырнул стакан в каминную доску, с хрустальным звоном разлетелись осколки.

Анна испуганно вскрикнула:

— Что с тобой, Макс?!

— Нет, нет, ничего. Я действительно разволновался! Макс натянуто улыбнулся и провел ладонью по щеке супруги.

— Какое-то странное состояние. Будто я потерял что-то и никак не могу найти. Потому что не знаю, что я потерял. Ты меня понимаешь?

Анна кивнула, хотя на самом деле мало что поняла из его слов.

— Выключить телевизор? — только и спросила она.

— Нет. Давай досмотрим.

— Но если ты волнуешься...

— Нет. Я уже успокоился.

Действительно, он спокойно досмотрел серию до конца.

— Хороший фильм. Только очень тяжелый. Во всяком случае, для меня.

Макс встал.

— На днях надо съездить к матери, — совершенно неожиданно добавил он. — Я давно собирался посмотреть ей в глаза...

Больше он ничего не сказал и, оставив жену в полной растерянности, стремительно покинул гостиную. Анна молча смотрела ему вслед. Телевизор все еще работал, передавали какую-то дурацкую и навязчивую рекламу. Анна переключила канал.

* * *

Уитем, юго-восточная Англия,

семьдесят километров

на северо-восток от Лондона,

28 сентября 2004 года, 10 часов

11 минут по местному времени.

Самое знаменитое растение Британии — вереск. За городом взгляд то и дело упирается в вересковые пустоши. Прославленный Бернсом вересковый мед продается в сувенирных магазинчиках, есть даже вересковые ликеры и виски. По сути своей это неприхотливый низкий кустарник. Холмы, заросшие вереском, выглядят будто покрытые коричневым ковром, а в период цветения преобразуются в широкую цветовую гамму: белый — сиреневый — фиолетовый. Британские пчелы вьются над вереском, как отечественные над клевером.

— Тебе нравятся здешние пейзажи? — спросил Макс, двумя пальцами придерживая чуткий,

послушный руль.

— Мне все здесь нравится, — ответила Анна. — Здесь другая жизнь. Нет хамства, суеты, мелочности. Англичане никуда не спешат, они приветливы, доброжелательны. Вежливо улыбаются, пытаются помочь, возвращают забытые вещи.

Они миновали дорожный указатель с надписью «Уитем». Макс снизил скорость.

— И старость здесь имеет благопристойный вид, — продолжала Анна. — На улицах не увидишь тяжело ковыляющую с палочкой старушку, инвалида на костылях. Они ездят в колясках с моторчиками по тротуарам. В дождь надевают пластиковый колпак, получается микроавтомобильчик.

— Я видел, — кивнул Макс.

— А вон посмотри! Разве скажешь, что это старики?

Макс повернул голову. Мужчина и женщина в джинсах, сапожках и кожаных куртках подъехали на огромном черном мотоцикле к магазину, сняли шлемы и вразвалку вошли внутрь. Им было далеко за шестьдесят. Так они привыкли жить сорок лет назад, так живут и сейчас. Язык не повернется назвать их стариками.

— Ладно, сейчас посмотрим, стала ли моя мамаша настоящей англичанкой. Только узнаю дорогу!

Роскошный «Астон-Мартин» притормозил у дорожного ресторана на въезде в городок, Макс вошел внутрь. Колокольчик на двери ресторана мелодично зазвенел, хозяин поднял голову и посмотрел на высокого широкоплечего мужчину в дорогом твидовом костюме. Он спросил что-то у барменши, та принялась объяснять, оживленно жестикулируя, потом достала из фартука блокнот, вырвала оттуда листок и что-то нарисовала. Мужчина взял бумажку, поблагодарил и вышел.

— Кто это был, Бонн? Что он хотел? — спросил хозяин. Он сидел с калькулятором и кипой счетов за свободным столиком, наблюдая в окно за белой машиной, которая быстро удалялась по шоссе.

— Он спросил, как проехать к поместью Лиз Уотерфорд, — сказала барменша.

— Уотерфорд, Уотерфорд... — пробормотал хозяин. — А-а, вспомнил. Вдова лондонского адвоката. А кто он ей? Сын?

— Не знаю. Она же совсем одинокая, и к ней никто не ездит, — задумалась барменша. — Мы бы видели ее сына. К тому же разве стал бы сын спрашивать дорогу?..

— Верно, — согласился управляющий, продолжая разглядывать давно опустевшее шоссе. — Но машина у него, конечно... Высший пилотаж. На моей памяти здесь такие еще не проезжали.

— Что за машина?

— «Астон Мартин». Она стоит двести тысяч фунтов. Он восхищенно покачал головой.

— А хоть бы и миллион, — вздохнула барменша, возвращаясь к стойке. — Нам-то что с этого?

Вдруг она издала удивленный возглас.

— Что случилось? — Хозяин вскинул голову. Барменша подняла со стойки новенькую пятидесятифунтовую купюру и стала разглядывать ее на свет.

— Похоже, это чаевые, — наконец сказала она.

Макс подъехал к двухэтажному каменному дому с увитым плющом фасадом, по ровной дорожке пересек аккуратно подстриженную лужайку, нажал кнопку звонка. Дверь открыла немолодая темнокожая служанка.

— Вам кого, сэр? — Она внимательно посмотрела на пришельца.

— Я хотел бы увидеть миссис Уотерфорд, — сказал он. Негритянка взглянула через его плечо на застывший у ворот дорогой автомобиль и пригласила нежданного гостя в холл.

— Как вас представить?

— Скажите, что... Просто знакомый, из Лондона. Через несколько минут из комнаты вышла маленькая, сохранившая стройность пожилая женщина в брюках и свободной рубашке спортивного покроя. Очки. Аккуратно уложенные седые волосы. Бывший агент нелегальной разведки СССР, оперативный псевдоним Птица [4].

— Добрый день, — сказала миссис Уотерфорд, наклонив голову. — Чем могу быть полезной?

Макс не отвечал. Он не помнил лица матери. Детские воспоминания были стерты начисто, зато в памяти мелькало давнее фото — там, где счастливые супруги Томпсоны с маленьким Максом позировали на фоне Виндзорского дворца... Он узнавал и не узнавал эту постаревшую даму. И совершенно не знал, что сказать. Пауза затягивалась.

— Кажется, произошло недоразумение. — Миссис Уотерфорд вежливо и сухо улыбнулась. — Вы отрекомендовались моим знакомым из Лондона... Но я вас не знаю. Кто вы?

Макс уже открыл было рот, чтобы ответить, когда в распахнутую дверь ворвался Том, следом быстро вошла Анна.

— Ой, простите, — с улыбкой сказала она. — Том выскочил из машины и побежал... Он не может усидеть двух минут на месте. Здравствуйте.

Но миссис Уотерфорд, кажется, не услышала ее слов. Она во все глаза смотрела на мальчика, довольно выглядывавшего из-за ног отца. Ее строгое холодное лицо вдруг изменилось, поплыло, словно восковое, глаза покраснели, рот открылся. Маленький Том нахмурил черные брови и, дернув Макса за штанину, спросил:

— Па, почему эта старушка так смотрит? Макс взял его на руки.

— Это... это ваш сын, мистер? — прозвучал тихий голос миссис Уотерфорд.

— Да, — сказал Макс.

— Он очень похож на...

— Да, мама. У меня сохранилось одно наше старое фото... Когда-то я был точно таким.

— Макс?!

Миссис Уотерфорд покачнулась. Служанка тут же оказалась рядом, она проводила ее к креслу, но хозяйка уже взяла себя в руки и отказалась садиться. Достав из рубашки платок, протерла зачем-то очки и снова водрузила их на нос.

— Я могла сразу догадаться, — медленно проговорила она. — Ты так похож на своего отца.

— А мой сын похож на меня. Ведь так и должно быть, правда?

— Да, да. Но это так неожиданно. Я не думала, что когда-нибудь увижу тебя.

— А я всегда на это надеялся. И говорил об этом жене, — он взял за руку молодую женщину. — Правда, Анна?

— Да, много раз, — кивнула та. Миссис Уотерфорд на секунду замялась.

— Видите ли... м-м-м... — начала она. И осеклась.

Все присутствующие, кроме маленького Тома, ощущали скованность и неловкость. Макс вынул что-то из кармана и мял в кулаке. Это был бриллиант, один из сотен драгоценных камней, добытых в Антибе. Он собирался подарить его матери. Сверкающий кристаллик мог существенно изменить ее жизнь.

— Может быть, вы поужинаете у меня? — напряженно спросила миссис Уотерфорд.

Макс покачал головой. Он не испытывал никаких чувств. Эта женщина предала родину и своего маленького сына. Но родину трудно обидеть, а брошенный на произвол судьбы ребенок получил от сиротской судьбы все, что положено. И зачем он сюда приехал?

— Нет. Я заехал только поздороваться. — И все?..

— Да. Когда-то я очень хотел узнать свое настоящее имя, но теперь это не имеет значения. Прощай!

— Постой! Постойте! Макс!

Прижав руки к груди, Птица смотрела, как Макс со своей семьей направляется по дорожке к стремительной белой машине. Макс разжал ладонь с зажатым в ней бриллиантом и опустил его обратно в карман. Достал пульт управления. С легким жужжанием пригнулась спинка. Макс усадил маленького Тома в закрепленное сзади детское креслице, застегнул ремешок безопасности. Анна, смеясь, подобрала с земли маленькую сандалию.

Хлопнули дверцы. Машина плавно тронулась с места. Из окна на миссис Уотерфорд смотрел сероглазый мальчуган, как две капли воды похожий на ее сына. «Астон Мартин» быстро набрал скорость и скрылся вдали.

— Мне кажется, ты зря затеял эту поездку, — сказала Анна. — Вы чужие люди.

— Пожалуй, — кивнул Макс. — Но у меня остро возникла такая потребность.

— И тебе стало легче?

— Не знаю. Я очень странно себя чувствую.

— По-моему, на тебя дурно подействовал этот сериал! — Анна вздохнула. — Воспоминания о

страданиях всегда травмируют психику.

— Да, пожалуй. Но я вернусь в Россию, — неожиданно произнес Карданов вполголоса.

Он сам с удивлением услышал эти слова. Только что он хотел предложить супруге остановиться у уже знакомого милого рестораника и выпить по чашечке кофе, чтобы утолить жажду.

— Что?! — вскинулась Анна.

— Я вернусь в Россию. Я должен.

— Не может быть! — Анна не поверила своим ушам. Ее голубые глаза округлились от ужаса. — После всего того, что там с тобой делали?! Тебя лишили детства, сознания, памяти, чуть не убили, хотели посадить в тюрьму. Зачем тебе возвращаться?

— Я должен это сделать. — Макс не отрывал от дороги оцепеневшего взгляда.

— Ты просто устал. Это ностальгия. Зря я позволила тебе смотреть этот фильм! Ничего, сейчас приедем домой, ты примешь ванну, отдохнешь и придешь в норму.

* * *

Бумаги с требованием ареста и экстрадиции Макса Томпсона-Карданова пришли из французской штаб-квартиры Интерпола в Скотленд-Ярд в конце дня, поэтому на исполнение к детективам Майку Аркитону и Стивену Броди они поступили утром следующего дня. Дело было не срочным: объект уже пять лет оседло жил на одном месте, имел дом и семью. И вряд ли рискованным: Макс характеризовался положительно и вел себя очень спокойно.

Поэтому Аркитон и Броди не очень спешили. Они вначале позволили себе выпить по чашечке кофе, а затем, скрупулезно следуя инструкциям, все же надели кевларовые пулестойкие жилеты и получили оружие. Классический шик английских полисменов — не носить револьверов — уходит в прошлое, вытесняемый реалиями двадцать первого века. Сейчас уже не обойдешься только авторитетом констебля да резиновой дубинкой. Потому что британское чопорное спокойствие и уважение к власти основательно размыто правовым нигилизмом и бешеным нравом волны эмигрантов из стран «третьего мира».

Когда безоружные полисмены втроем прибыли успокаивать обкурившегося наркотиками араба, тот зарезал всех троих. Реальная опасность вытесняет консервативные традиции, поэтому у Букингемского и Виндзорского дворцов полицейские вооружены пистолетами, а у резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, 10 — вдобавок и автоматами.

вернуться

4

События, связанные с предыдущей жизнью Макса Карданова, описаны в романах «Оперативный псевдоним» и «Подставная фигура».

Вот почему детективы Аркитон и Броди спрятали под пиджаки небольшие, но толстые десятизарядные «глоки», которыми пользуются практически все полицейские Европы, и захватили наручники. Потом они сели в служебный «Ровер» и поехали в Смитфилд

производить арест, который, в принципе, не представлял сложностей, но, как и любая полицейская акция, мог таить неприятные и опасные неожиданности. И лучшим способом избежать осложнений является сохранение внезапности.

Макс вышел на утреннюю пробежку, как всегда, в восемь тридцать. И почти сразу наткнулся на мистера Голдсмита, степенно прогуливающегося со своей собакой.

— Здравствуйте, мистер Томпсон! — Все должностные лица и соседи знали его под официальной фамилией, указанной в метрике.

— Здравствуйте, мистер Голдсмит! — удивленно остановился Макс. Должно было случиться нечто неординарное, чтобы уважаемый англичанин оторвал от дела другого уважаемого англичанина. Даже несмотря на то, что Голдсмит был эмигрантом из Польши, а Карданов-Томпсон — эмигрантом из России.

— Может быть, это не мое дело, — деликатно начал Голдсмит и придержал за поводок рвущегося вперед пса. — Но моя жена заметила, как в дом миссис Добсон вошли двое посторонних мужчин и провели там довольно много времени, — он указал на коттедж напротив дома Макса. — Миссис Добсон очень словоохотливая женщина, но она ничего не рассказала об этих мужчинах.

— А какое отношение это имеет ко мне, мистер Голдсмит?

— Потому что на другой день один из этих мужчин заходил к нам и расспрашивал о вас.

— Обо мне?! — удивился Карданов. Он мгновенно напрягся. Зрачки его глаз сузились.

— Да, о вас. Высокий такой, представительный, в темном костюме. Он представился полицейским и показал свои документы. Он действительно полицейский.

— А что он спрашивал? — В голове Карданова тревожно зазвенел колокольчик. В том, что им интересовался Скотленд-Ярд, ничего хорошего не было и быть не могло. Чего бы они ни хотели.

— Да ничего особенного, — мистер Голдсмит пожал плечами. — Просто интересовался, кто вы, откуда прибыли, как давно. Наверное, это какое-то недоразумение. Но я решил рассказать вам об этом. Ведь из дома миссис Добсон очень удобно наблюдать за вашим домом. А коренные британцы никогда не предупредят соседа об опасности.

Мистер Голдсмит чуть заметно подмигнул. Это тоже было совершенно невероятно. Скорее, у него просто дернулось веко.

— Спасибо за беспокойство, мистер Голдсмит, это какое-то недоразумение, — как можно небрежнее бросил Макс. — Скорее всего, меня с кем-то спутали.

— Да, скорее всего, так, — согласился Голдсмит, и у него еще раз дернулось веко. — Передавайте привет вашей очаровательной супруге, мистер Томпсон.

— Непременно. — Прервав пробежку, Макс зашагал в сторону своего дома, краем глаза продолжая наблюдать за мистером Голдсмитом. Но он увлеченно убирал в пластиковый мешочек продукты жизнедеятельности своего экзотического пса.

Макс поспешно принял душ, переоделся, взял кредитные карточки и деньги. Достал из

потайного отделения стола американский паспорт на имя Роберта Смита. Потом прошел в обеденный зал и снял со стены старинную, богато инкрустированную индийскую трость, в которой был замаскирован четырехгранный стилет.

В совпадения он не верил. Вряд ли его с кем-то спутали.

Спустившись в гараж, он сел в «Мерседес» и выехал на улицу. Тщательно проверился, но ничего подозрительного не обнаружил. Это его не успокоило: дистанционное наблюдение так просто не обнаружишь!

Когда он выезжал с тихой респектабельной Старой улицы на Большой Восточный проспект, навстречу попался серый «Ровер». Стивен Броди рассмотрел за синеватым стеклом «Мерседеса» знакомый профиль.

— Это он! Томпсон! — сказал Стивен напарнику. — Незаметно развернись и пристраивайся сзади!

Тот так и сделал. Но Макс настороженно контролировал обстановку вокруг и заметил этот недвусмысленный маневр.

— Черт! — Он прибавил газу, но «Ровер», не приближаясь и стараясь оставаться незаметным, держался на одном расстоянии как привязанный. За рулем сидел профессионал слежки. Оторваться не удастся, надо перехитрить преследователей!

«Мерседес», набрав скорость, спокойно шел в своем ряду. Куда может ехать в это время респектабельный и состоятельный джентльмен? Он не служит в частной конторе, не состоит на государственной службе, не занимается бизнесом. Он рантье, и ему нет необходимости спешить по делам. Но зато он может ехать за покупками, чтобы приятно удивить супругу. Да, точно! Мистер Карданов не подозревает ни о какой слежке, он спокойно едет за покупками!

У ближайшего универсама Макс запарковал автомобиль и с тростью в руках быстро нырнул в магазин. «Ровер» заехал на парковку минутой позже и пристроился рядом с «Мерседесом». Детективы не пойдут за объектом в многолюдное место. Они будут ждать его здесь. Потому что, во-первых, они не представляют, как можно бросить дорогую машину, во-вторых, универсам имеет только один выход.

Но Макс собирался нарушить стереотипные представления. «Мерседес» не дороже собственной шкуры. А в любом магазине есть задние двери для приема товара, которые обычно не принимают в расчет, но которые вполне можно использовать.

Пройдя через торговый зал, Макс нырнул в служебные помещения, не обращая внимания на удивленные взгляды персонала, отыскал черный ход и выскочил наружу. Пройдя между домами, он оказался на пустыре, на котором расчищалась территория для очередной стройки.

Начал накрапывать дождь. Подняв воротник легкого осеннего пальто и опираясь на трость, Карданов широкими шагами энергично двигался по пустырю в сторону автострады. Прохладные капли падали на разгоряченное лицо. Он не столько убегал от полицейских, сколько спешил в Россию. Зачем? Что он там забыл? Для чего ему нужна эта страна, которая принесла ему в свое время столько бед и несчастий? Страна, которая, по большому счету, и не была его родиной? У Макса не было ответов на эти вопросы. Ужасно болела голова. Жилка на правом виске вновь начала пульсировать.

Тем временем детективы несколько раз обошли «Мерседес» со всех сторон, позаглядывали

внутри. Кабина была пуста. Ни футляра с очками, ни барсетки, ни связки ключей. Это было подозрительно. Британцы не боятся оставлять мелкие вещи в машине: здесь не станут разбивать из-за них стекло, да и носить все с собой как-то не принято.

— Он ушел! — догадался Аркитон. Стивен, посмотри в магазине!

Через десять минут Броди вернулся, обескураженно разводя руками.

— Клиент вышел через черный ход, — сообщил он, стараясь не встречаться взглядом с напарником. Но тот тоже чувствовал вину и не стал упрекать товарища.

— Да, мы обмишурились, — только и сказал Аркитон. И, достав рацию, соединился с дежурным.

— Объект раньше нас выехал из дома, мы его не застали, — сообщил он приукрашенную правду. — Судя по некоторым признакам, он скрылся. Предлагаю объявить розыск.

— Принято, — буднично ответил дежурный. Его дело маленькое: принять сообщение, доложить его начальству, исполнить указание. И все. Давать оценку действиям детективов ему не положено. А те, кому положено, эту оценку дадут. И вряд ли она будет положительной.

— Вот тебе и приличный человек, — не удержался все же Аркитон.

— Никуда он с острова не денется, — с преувеличенной бодростью сказал Броди. — Сейчас перекроют вокзалы, паромную переправу, аэропорты.

Таким образом полицейский подбадривал сам себя. Если все, что написал Интерпол о разыскиваемом, — правда, то поймать его будет ох как нелегко!

На автостраде машины идут под сотню и не останавливаются, поэтому Макс прошел вдоль дороги несколько километров, пока не добрался до парковки. На огромной заасфальтированной площадке стояли сотни автомобилей. Легковушки разных классов — вся Англия, кроме Лондона, пользовалась экономичными малолитражками, Шотландия и Уэльс тоже сэкономили на бензине. Встречались, хотя и нечасто, непривычные здесь машины с левым рулем, выдающие туристов с континента. Отдельно стояли огромные грузовики — пожиратели дорог. Разномастные автомобили, разношерстная публика. В дороге все европейцы одеваются аскетично и выглядят соответственно. Макс в тонком кашемировом пальто и со своей раритетной тростью среди них выглядел как лондонский денди среди богатяновского сброда.

Жизнь на парковке бурлила. Здесь можно было передохнуть, пообедать в ресторанчике, выпить кофе в баре, купить свежую газету, поиграть на игровых автоматах, посетить туалет и даже принять душ. Но Макса ничто из перечисленных радостей не интересовало, для него это была всего-навсего убогая пересадочная станция по пути в большую и светлую жизнь. Он зашел все-таки в бар, взял маленькую чашечку кофе, выпил ее мелкими глотками. А сам присматривался к окружающим, вслушивался в их разговоры, впитывал каждой порой своего тела то, что может ему помочь в движении к главной цели. Проще всего угнать любую подходящую машину. Неброскую, недорогую, лишь бы крутились колеса.

Среди жующих и пьющих людей прошло оживление, все подняли головы, уставившись на экраны закрепленных под потолком телевизоров.

— ... разыскиваются за ограбления и убийства, — поймал Макс окончание фразы. На экране появились две черно-белые фотографии молодых мужчин с небритыми угрюмыми лицами.

Внизу бесконечной строкой бежали номера телефонов.

Полицейское объявление закончилось, люди в баре оживленно переговаривались, обмениваясь мнениями. В тихой благопристойной Англии такие объявления дают нечасто. Значит, эта троица наделала бог знает чего. А значит, заградительные мероприятия полиции включены на полную мощность. Вот невезение! Идея угнать автомобиль рассосалась сама собой.

— Что это передавали? — раздался женский голос за спиной.

— Похоже, что ищут беглых преступников, — не очень уверенно ответил мужчина.

Карданов с широкой улыбкой обернулся.

— Приятно услышать родную речь, друзья! Это было объявление о розыске опасных преступников. Но не беглых. Впрочем, дела это не меняет, надо соблюдать осторожность!

Молодая пара за соседним столиком переглянулась.

— Неужели и здесь такое случается?

— Конечно. Но реже, чем в России. Женщина махнула рукой.

— Там вообще ужас! К счастью, мы уже пять лет живем в Германии.

— Какое совпадение. А я пять лет живу здесь.

— Действительно совпадение. Я Гоша, это Валя.

— А я Макс.

Они разговорились. Кто, да что, да откуда, да как. Туристы из Германии ехали на побережье, Макс ненавязчиво попросил подвезти его до Дувра. Гоша заметно обрадовался. В осложненной обстановке помощь знающего язык и местные обычаи соотечественника не могла быть лишней.

У бывших русских был серо-серебристый «Опель-Астра» с левым рулем и немецкими номерами. Макс подумал, что если бы они возвращались на континент, это было бы большой удачей. Но счастливые совпадения выпадают только в кино да не слишком правдивых книжках. В жизни удача никогда не идет навстречу, больше того — так и норовит ускользнуть из рук.

Через два часа Гоша и Валя высадили Макса возле дуврского порта, помахали рукой, и серебристый «Опель» скрылся в конце чистой, вымощенной булыжником улицы.

А он неторопливо осмотрелся. Слева, в лабиринте причалов, отдыхали сотни белоснежных парусных и моторных яхт. Прямо находился порт с пассажирскими паромами и комфортабельными теплоходами. Справа, в отдалении, сгрудились неказистые рыбацкие суденышки. Поколебавшись, Макс направился к ним.

* * *

Москва,

30 сентября 2004 года,

11 часов 40 минут.

— Устала, все надоело, — капризно заявила Галина, критически изучая свое отражение в зеркале. — Вот уже грудь отвисает и задница не такая упругая. Хорошо, если еще год-два нас здесь продержат. А дальше что? И хорошее отношение Стаховского не поможет, он обязательно найдет кого-нибудь помоложе. Уверю тебя.

— Ты сгущаешь краски, Галчонок. И у тебя все в порядке, и у меня.

Маша одним движением сбросила розовый кружевной бюстгальтер, сдернула с вешалки другой — очень открытый черный. Но не надела: отвела назад плечи, выпрямила спину, замерла, всматриваясь в зеркало. Грудь торчала вперед, соски задорно смотрели вверх.

— Гляди! Разве отвисает? Нет, лучше, чем у многих молодых! Мужикам нравится, а значит, все в порядке.

— А если разонравится? Тогда что?

— Не брюзжи! Все будет нормально. Чего заглядывать на десять лет, если мы не знаем, что будет завтра? Кстати, тот француз просил привести подружку, пойдешь?

— Групповик?

— По-моему, он имел в виду товарища.

— А как они платят?

Маша пожала плечами и надела бюстгальтер.

— Да как обычно. Наши самые щедрые. Они вообще бабок не считают.

— Давай пойдем, раз от наших богачей предложений не поступало.

— Ну почему же, — Маша лукаво стрельнула глазами. Стаховский человек не бедный, и он уже сделал ей предложение. Пока о постоянном содержании.

— Мне недавно звонил один старый друг, — вдруг сказала Галина, как будто переборов какие-то внутренние колебания. — Он с друзьями собирается приехать в Москву, хочет остановиться у меня.

— Кто такие?

Не снимая высоченных шпилек, Маша проворно передела трусики. Роскошное розовое белье дорогой куртизанки сменил строгий и утонченный комплект богатой бизнесвумен.

— Кавказцы. То ли из Дагестана, то ли еще откуда. Но при деньгах и за карман не держатся!

— Это главное! — Маша опять смотрелась в зеркало.

— Скорее! Сейчас твой выход! — поторопила ее возникшая в дверях рыжая упитанная дама лет пятидесяти, облаченная в ярко-зеленый брючный костюм.

— Иду! — Мария сбросила розовые туфли и ловко вставила узкие ступни в черные лодочки на

столь же высокой и тонкой шпильке. — Не вешай нос, подружка. Мы еще проживем и дадим жару!

Она упорхнула. Вслед за ней из комнаты вышла и рыжеволосая администраторша. Галина осталась одна. Вчера она нюхала кокаин, а сегодня пыталась обойтись без дозы, этим и объясняется спад настроения. Хотя у нее действие дельно все чаще и чаще появлялись мысли о том, чтобы бросить ненадежный и ограниченный временем модельный бизнес, найдя взамен — что? Богатого мужа? Богатого любовника, на которого можно положиться? Открыть свое дело? Молодые шикарные девочки для богатых и уважаемых господ. Это, конечно, перспективно. Но здесь такая конкуренция, сейчас столько развелось молодых смазливых блядей, откровенно сбивающих цены.

Размышления девушки были прерваны осторожным и тактичным постукиванием в дверь. Галина нехотя повернула голову. К ним часто ломились толпы поклонников, хотя охрана следила, чтобы мучимые жаром предстательной железой козлы не просачивались в апартаменты моделей. Однако деньги и правдоподобные байки прокладывали ушлым типам дорогу.

— Да, войдите, — сказала Галина после повторного стука.

Мужчина, появившийся на пороге, был симпатичным. Высокий, стройный, подтянутый и молодой — лет двадцати семи, не больше, он мог при желании произвести неизгладимое впечатление на девушку. К этому располагали и атлетическая фигура, и стальные глаза, подавляющие своей волей, — Галина почувствовала себя, как кролик перед удавом. Если бы незнакомец потребовал, она бы отдалась ему немедленно. Но, увы, не она составляла предмет его желаний.

— А как я могу увидеть Марию?

Галина грустно улыбнулась. Молодой человек оказался поклонником подруги. Ну почему Машке везет во всем?

— Мария на подиуме. Последняя проходка, — сказала она и вновь повернулась к зеркалу, понимая, что легкий полупрозрачный халатик только подчеркивает ее прелести. — Сейчас спустится. Если хотите, можете присесть и подождать.

Павел так и сделал. По-хозяйски уверенно он придвинул к себе стул и сел. Отыскать бывшую подругу Карданова оказалось делом не таким уж сложным. Она жила по прежнему адресу и, как все амбициозные и красивые женщины, привлекала внимание окружающих, причем далеко не всегда — благосклонное. В течение трех суток на Марию собрали достаточно пухлое досье. Направляясь сюда, Лютов знал о девушке очень многое. Работа в модельном агентстве — это камуфляж, основной источник дохода — высокооплачиваемая проституция, хотя и замаскированная под благопристойные занятия: секретарь-переводчик, референт, консультант. Есть и постоянный любовник, хотя личность его пока установить и не удалось.

Закинув одну ногу на другую и демонстрируя тем самым наблюдавшей за ним в зеркало Галине начищенные до блеска черные остроносые туфли, Лютов закурил сигарету. Вместо пепельницы он по привычке воспользовался своей широкой огрубелой ладонью.

Маша появилась уже через две минуты, быстро вбежав в комнату и сильно хлопнув дверью.

— На сегодня — все! — радостно объявила она. Девушка, видимо, хотела добавить еще что-то, но не успела. Ее светящийся радостью и оптимизмом взгляд наткнулся на суровый взгляд

незнакомому мужчины. — О, у нас гости! — Маша бросила взгляд на подругу, та в ответ только небрежно пожала плечами.

— Это к тебе, — бросила Галина.

Она уже сняла с лица демонстрационный грим и сейчас привычно накладывала обычную дневную косметику.

— Мы знакомы?

Маша стояла перед Лютовым в узком нижнем белье, нисколько не комплексуя по этому поводу, и мужчина невольно залюбовался ее гладкой кожей и идеальными формами тела. Таких фото девушки в досье не было. Лютов выдал своей очаровательной собеседнице одну из тех улыбок ловеласа, на которые был способен. В свете висевшей под потолком люстры сверкнули его ровные белые зубы. Редкое богатство для человека, прошедшего целых две военные кампании.

— Да. Я Павел, вы — Мария. Но это пока шапочное знакомство. Давайте поедем, пообедаем и узнаем друг друга получше.

Маша равнодушно пожала плечами. К вниманию со стороны сильного пола человечества при ее внешности было не так уж сложно привыкнуть. К тому же мужчина был симпатичным.

— Почему бы нет? — с легкостью ответила она. — Только сейчас мне надо переодеться, поэтому лучше подождите меня в коридоре.

— Я буду в машине у входа. Черный «БМВ»-«семерка». Лютов вышел.

— Ну, Машка, ты даешь! На ходу подметки режешь! — с завистью сказала Галина. — Хоть бы подругу с собой взяла.

— На первое свидание? Ты что, с ума сошла? Приличные девушки так себя не ведут.

Мария сняла демонстрационное белье и надела свое, потом, аккуратно расправив, натянула тончайшие черные колготки, обула черные шпильки, влезла в узкую короткую юбку, надела белую блузку, накинула плащ.

— Чао, подруга! — Помахав рукой, она выбежала навстречу очередным приключениям.

Через час Маша с новым знакомым сидела в модном ресторане «Кабинет». Небольшая кабинка была выдержана в черных тонах: полированное дерево, шелк, кожа стульев — все черное. Стол был выполнен в виде аквариума: сквозь стеклянную крышку в подсвеченной голубой воде были видны быстрые плоские рыбешки с большими головами.

— Это пираньи, — улыбаясь, сказал Павел. — Слышали? За десять минут они превратят человека в чисто обглоданный скелет.

— Бр-р-р! — Маша передернула узкими плечиками. — Надеюсь, что на этот раз будем есть мы, а не нас!

— На этот раз — да! — криво усмехнулся Лютов. — Что вы скажете насчет большого набора суши?

— Я согласна! — улыбнулась девушка. — А пить будем sake! Ведь это грамотно?

— Очень грамотно! — кивнул Лютов, поняв, что Маша повторила чужую фразу. Но фраза эта, несомненно, принадлежала значимому для нее человеку.

Официант принес огромное блюдо с суши, графинчик с подогретым саке и маленькие не то чашечки, не то рюмочки.

— Я много раз смотрел ваши показы, Мария, — галантно солгал он. — Это потрясающе! Никогда в жизни не встречал девушку, способную сравниться с вами по красоте и грации. Причем это врожденные качества, что бывает очень редко, поверьте моему опыту.

— А у вас есть опыт в этой сфере? — улыбнулась девушка.

— Некоторый, — обтекаемо ответил Лютов. — Я несколько лет работал с Мариком.

— А-а-а.

Пример оказался двусмысленным. Марик активно занимался модельным бизнесом, но несколько лет назад был расстрелян из автомата у подъезда своего дома. Вместе с ним были убиты шофер и охранник. Лютов тоже был охранником и в этот день по счастливой случайности оказался выходным.

— А чем занимаетесь вы? — нарушила Маша неловкую паузу.

— Я? Вообще-то я военный, — сказал Павел, и отчасти это была правда. — У вас изящные гладкие руки, — он погладил узкую Машину кисть. — Вижу, что вы регулярно ходите в солярий.

— Да. Ноги у меня тоже гладкие и загорелые.

Вроде бы ничего особенного она не сказала, но Лютов мгновенно представил ее ноги и тут же захотел оказаться с ней в постели. Несомненно, на такой эффект она и рассчитывала.

— Сейчас я работаю в службе безопасности «Консорциума», — продолжил Лютов, чтобы перевести игру на свое поле.

Девушка вздрогнула, и ее тонкие длинные пальцы едва не выпустили чашечку с саке. Глаза испуганно округлились, лоб вспотел. Старые воспоминания накатили на Машу, заставив ее сердце болезненно сжаться. Если что-то и было в ее прошлом, что она стремилась забыть, так это именно все то, что связано с «Консорциумом»...

— Вижу, вам моя фирма хорошо известна, — уже не глядя на нее, но чувствуя, как изменилась атмосфера за столом, сказал Павел. Он раздавил окурочек в стоящей рядом с ним пепельнице, потом залпом выпил теплую рисовую водку, которая по крепости не могла даже близко сравниться со своей знаменитой русской сестрой.

— Да. Я когда-то встречалась с Ринатом Шалибовым, он тоже работал в «Консорциуме».

Она еще надеялась, что это просто совпадение. Мало ли кто где работает. Ей приходилось ужинать и с прокурорами, и с офицерами уголовного розыска, и с депутатами. В штанах у любого мужика одно и то же, независимо от того, какой документ лежит в нагрудном кармане.

— Интересно, что будет, если бросить этим рыбкам кусочек суши? — Она переводила разговор на нейтральную тему, надеясь, что все обойдется, и понимая, что вряд ли: таких совпадений не

бывает.

— Давайте попробуем, — легко откликнулся Павел и, взяв прямо пальцами ломтик сырого лосося, просунул его в прорезь под стеклянной крышкой и бросил в подсвеченную воду. Гладкая поверхность всплеснула, плоские рыбки со всех сторон стремительными торпедами бросились к добыче и сшиблись в желто-черный клубок, на миг вода замутилась, потом клубок распался, а кусочек лосося бесследно исчез.

— Ой! А что будет, если я опущу туда палец? — спросила Маша. Сейчас она работала под девочку — неопытную и наивную, нуждающуюся в утешении и покровительстве. Интуитивная защитная реакция.

Лютов снисходительно улыбнулся.

— Не стоит. От вашего хорошенького пальчика останется только косточка. Лучше давайте продолжим обед.

В тишине Маша довольно ловко управлялась палочками. Но аппетит пропал — ее явно что-то заботило.

— Надеюсь, вы пришли ко мне не как работник «Консорциума»? — Тревога прорвалась в ожидаемом вопросе.

— Нет. Я пришел как поклонник вашей красоты. Но у меня есть и деловые вопросы.

— Так я и знала!

Она бросила палочки и быстро встала, но Лютов ухватил ее за руку чуть выше кисти и удержал на месте. Крепкие пальцы до боли сдавили узкое запястье. Маша поморщилась, и Лютов ослабил хватку.

— Пустите меня, — с искаженным то ли от страха, то ли от гнева лицом прошипела Маша.

— Не торопись, детка. — Лютов по-прежнему излучал добродушие, но под ним таилась угроза. Так под шелком азиатского халата в момент дворцового переворота вдруг обозначается острый отравленный клинок кривого кинжала.

— Я не хочу экспериментировать с вашим замечательным пальчиком и этими прожорливыми тварями, — произнес он и погладил аккуратный, с малиновым маникюром ногтей. — Я действительно ваш поклонник, и мы вполне могли бы подружиться, — продолжил Павел как можно искренне. — Но сейчас я должен задать вам один вопрос по службе.

— Что вам от меня надо? — резко спросила Маша, садясь на место. Ее жизненный опыт подсказывал, что переть против грубой силы просто глупо.

— Нас интересует Карданов. Где он, что вы о нем знаете, поддерживаете ли отношения?

— Карданов? — Маша скривила губы. — С этим человеком у меня связаны самые кошмарные воспоминания и крах моей прежней жизни. Больше не хочу ни слышать о нем, ни говорить!

— А придется! — Глаза Лютова хищно блеснули. — Иначе я действительно засуну вашу ручку к пираньям!

— Да я ничего не знаю о нем! Что вы ко мне привязались?! — закричала девушка. Она была

близка к истерике.

Но Лютов был глух к любым проявлениям эмоций.

— Придется оказать нам содействие. По нашим данным, Карданов должен появиться в столице в самое ближайшее время. И скорей всего он придет к вам!

— Ко мне?! Да что он, совсем идиот? Мы расстались со скандалом, он напустил на меня бандитов! Я чудом осталась в живых!

— Придет к вам. Или позвонит! А ты сообщишь об этом нам. Тут же!

Лютов говорил так уверенно, будто никакого другого варианта развития событий и существовать не могло. Он вынул новую сигарету и вставил ее в жесткий рот, сжав фильтр чуть потрескавшимися от ветра губами. Придвинул к себе пепельницу.

— Принесите и мне сигарет, — капризно произнесла Маша, надув губки. — Только с ментолом.

— Возьми мои, — он подвинул пачку.

— Я курю редко, когда волнуюсь, и только ментоловые, — сказала Маша. — А сейчас ты меня разволновал. Принеси пачку, жалко, что ли?

Лютов пожал широченными плечами.

— Да чего там жалко. Сейчас.

Как только он вышел из кабинки, Маша выхватила из сумочки крохотный красный телефончик и нажала кнопку прямого набора, лихорадочным взглядом торопя соединение.

— Это я, я в ресторане «Кабинет»! — срывающимся, приглушенным голосом затараторила она. — Какой-то парень меня прессует! Серьезный, из «Консорциума»! Он мне угрожает! Помоги мне!

Выслушав короткий ответ, она спрятала телефон обратно в сумку. Настроение у нее сразу улучшилось, даже аппетит вернулся.

— На, держи! — Отдернув черную шторку, Лютов вошел в кабинку и протянул Маше плоскую, туго обтянутую целлофаном пачку.

— Спасибо.

Не притронувшись к сигаретам, Маша за обе щеки уплетала сырую рыбу, вымачивая каждый ломтик в соевом соусе и смазывая пронзительной зеленой васаби.

— Да размешай ты эту зеленую дрянь в соусе, как все делают, — посоветовал Павел.

— Мне так больше нравится.

— Твое дело. Ты все поняла?! Как он появится, сразу стукнешь нам!

Маша усмехнулась. Этот тип поднялся из низших слоев. Поэтому сквозь внешний лоск невольно прорывается хамство. Он привык иметь дело с зависимыми людьми. И не думает, что может ошибиться.

— Мне кажется, Павел, что у вас резко ухудшились манеры!

— Что? — Лютов поперхнулся дымом.

— Макс периодически пропадал надолго. Однажды он объявился у меня после шестилетней разлуки. Но сейчас он ко мне не придет. Однозначно не придет.

Лютов покачал головой.

— Вы просто не знаете ситуации, — серьезно произнес он, глубоко затягиваясь густым табачным дымом. — Он придет именно к вам. И от вас не требуется ничего особенного. Не надо будет удерживать его силой, играть в любовь, подливать клофелин в коньяк или минеральную воду. Один звонок, и все. Вот номер. — Свободная от сигареты рука Лютова нырнула в нагрудный карман пиджака и выудила оттуда картонный прямоугольник визитной карточки.

Павел положил визитку на прозрачное стекло, под которым клубились, ожидая очередного угощения, пираньи. Но Маша не собиралась брать визитку. Она смотрела на собеседника и чуть заметно улыбалась.

— Если он появляется, вы звоните и сообщаете нам. И больше ничего. Все ведь так просто. Чего тут нервничать?

— А если он не появляется? — спросила Маша.

— Если он не появляется, то тут вообще все как в песне. Я имею в виду — настолько просто. Вы нам не звоните и ничего не делаете в принципе. Живете себе спокойно той жизнью, к которой вы привыкли за последние два-три года.

После этих слов, когда его глаза и глаза Маши встретились, Лютов заговорщически подмигнул девушке, давая понять, что «Консорциуму» многое о ней известно.

Но Маша этой осведомленности не оценила. Осторожно, как использованный тампон, она взяла визитную карточку. Логотип «Консорциума» и реквизиты: Каймаченко Владислав Игоревич, начальник службы безопасности, четыре телефона и факс.

— Раньше у вас был другой начальник службы безопасности, — медленно сказала она. — Не помню его фамилии.

— Это неважно, — сказал Лютов, Свободное и уверенное поведение девушки настораживало его. — Зачем ты гоняла меня за сигаретами, если не куришь?

— И это неважно.

Маша покрутила между пальцев визитку, затем вытянула руку и пощекотала острым уголком нос Павла. Тот отшатнулся.

— Ты что?!

Она звонко рассмеялась, опустила визитку обратно в нагрудный карман пиджака Лютова и утрамбовала ее указательным пальцем, загоняя поглубже.

— Ты что?! — взревел Павел.

— Вы ошиблись, уважаемый! — Маша невозмутимо улыбалась. — Вы приняли меня за беспризорную девчонку, которую можно купить хорошим обедом или запугать! Но за мной стоят серьезные и влиятельные люди, которым может очень не понравиться, что кто-то смеет со мной так обращаться! Так что, Павел, лучше сами поговорите с ними.

Она отдернула черный занавес и тонким пальчиком, который могли обглодать пираньи, указала в сторону входной двери. Лютов повернул голову.

По проходу между пустыми столиками к ним направлялись три человека. Посередине шел квадратный коротышка ростом вряд ли выше метра шестидесяти пяти и примерно такой же в ширину. На нем были черные джинсы, рубашка навыпуск и надетая поверх нее кожаная жилетка. Справа от коротышки следовал сутулый парень, похожий на орангутанга, с вытянутой грушевидной головой на толстой шее и висящими почти до колен руками, которые заканчивались кулаками размером с дыню. На нем тоже была немаркая просторная одежда: куртка и широкие штаны. Слева от коротышки, раскачиваясь, как моряк в шторм, шел столь же могучий тип с расплюснутым носом. Расстегнутый широкий плащ топорщился внизу справа, как будто там висел на ремне пятизарядный «ремингтон». Лица всей троицы были лишены даже отдаленных признаков человеческого интеллекта. Это были «быки», «мясо», «бойцы», причем из известной в Москве оргпреступной группировки. Последнее обстоятельство осложняло дело: с такими типами в наше время приходится считаться.

— Ай-ай-ай! — Лютов перевел взгляд на Машу. — Обманула? Попросила за сигаретами сходить, а сама этих уродов вызвонила? Стыдно, девушка!

Но говорил он без азарта: перед надвигающейся опасностью хитрость Маши отходила на второй план. Лютов неторопливо выбрался из кабинки, привычно распахнул пиджак, но это был просто устоявшийся рефлекс, поднимать тут стрельбу нельзя: себе дорожке обойдется! Во всех смыслах.

— Так, пацаны, в чем дело? — спросил он у зловеще приближающихся бойцов. — Какие непонятки?

Бывший десантник хотя и попал в неприятную ситуацию, но держался достаточно уверенно, ни на секунду не сомневаясь в том, что перекалечит этих гоблинов голыми руками.

— Ты в чужой огород залез, фраер, — грубо сказал коротышка, подходя вплотную, его спутники обступили Лютова с двух сторон. — Теперь надо рассчитаться!

Лютову не раз приходилось принимать участие в «разборках», «терках», «толковищах» разного масштаба, он имел немалый опыт в переговорах с блатными. Но в данном случае ситуация была не той, где можно обойтись распальцовкой и перетиранием темы в надежде на то, что непонятки в итоге разрешатся. Гоблины не были настроены ни на какие переговоры, они пришли не для этого. Ситуация приторно пахла кровью.

— Подожди, ты чей? — задал Павел обязательный вопрос, но ожидать на него ответа не собирался: шагнув вперед и немного влево, он ребром раскрытой ладони ударил коротышку в кадык. Спазмы сковали горло неприятеля, он упал на колени и зашелся в безудержном кашле. Но в голову Лютова уже ударила одна дыня, потом другая, раздался треск — то ли это трескались дыни, то ли голова. Все вокруг окуталось туманом, из него с силой вылетали ноги и руки, одни он отбивал, другие вонзались в тело, причиняя нестерпимую боль. Одну ногу Лютову удалось поймать за щиколотку, он выкрутил ее и рванул вверх, раздался грохот упавшего тела.

Туман постепенно рассеивался, он увидел, что коротышка поднялся и раскладывает металлическую дубинку, грушевидноголовый, широко размахнувшись, метил в голову надетым на дыню кастетом, Лютов еле успел увернуться, присел и впечатал кулак ему в пах. Тот завыл и закрутился на месте, как юла. Но тут на плечо с лязганьем обрушилась стальная дубинка, и правая рука бессильно повисла вдоль туловища. Он принялся отбиваться левой и ногами, но коротышку удары не пробивали, да и тот, с маленькой головой, не вырубился, а пришел в себя и снова бросился в бой. Тревожило то, что не видно третьего, и тут же откуда-то сбоку в лицо ударила струя перцового газа, обожгло лицо, огнем запылали глаза, сознание помутилось. Он еще сопротивлялся, отчаянно жалея, что не воспользовался тем преимуществом, которое дает законно носимый пистолет, но тут в висок ударило тараном, и он провалился во мрак.

— Гля, вот жрут! А ты не верил! — Лютов пришел в себя и прямо перед лицом увидел освещенную воду аквариума, в которой озверевшие пираньи рвали какой-то небольшой предмет, от него густым облаком растекалась кровь. Тут же он ощутил резкую боль в почти парализованной правой руке и понял, что пираньи раздирают его собственный мизинец!

— Ах гады! — Он рванулся, но холодная острая сталь проехала по горлу, пока разрезая только кожу. Так делали пробный замах «чехи» перед тем, как расплосовать горло пленному.

— Ладно, хватит с него, — сказал невидимый человек, по вескому тону Павел понял, что он здесь главный.

Его руку выдернули из аквариума, его самого рывком посадили на стул. Он тупо смотрел на свою правую кисть. Затуманенное сознание смягчало ужас увиденного: мизинец исчез, из обильно кровоточащих лохмотьев кожи и мышц торчала только обглоданная кость!

— Вы что же, суки!

У него не было сил даже окончить фразу. Тело одеревенело, руки и ноги не слушались. Может, его сделали инвалидом? Ах сволочи! Надо вызвать Шашкова с бригадой и покрошить их в пыль.

— А что мы? Мы — как ты, все по понятиям! Это ведь ты девочку пугал рыбами? Ну, вот и мы тебя поугали!

Незнакомый человек наклонился над ним, вздернул подбородок и заглянул ему в глаза. Даже разбитый в кровь нос Павла уловил тончайший запах дорогого одеколона.

Они встретились взглядами. Над жестоко избитым, истерзанным Павлом Лютовым склонился броский, породистый брюнет с зелеными глазами, правильной формы носом и волевым подбородком. Чисто выбритые, до синевы, щеки, надменный, уверенный взгляд. Даже по первому впечатлению это был преуспевающий, влиятельный и властный человек.

— Значит, очухался? — коротко осведомился незнакомец. — Ну, давай знакомиться. Ты Лютов Павел Васильевич, родился в Норильске, служил в шестнадцатой бригаде ВДВ, сейчас работаешь у Каймаченко. А я Стаховский Андрей Андреевич, небось слышал обо мне?

— Приходилось, — с трудом вытолкнул из себя Павел. Шашкову тут делать нечего, это не его уровень.

— Значит, полный порядок. А то так бы и ушел, не познакомившись со мной. Как-то это даже неприлично, уважаемый. С девушкой с моей познакомились, даже, как я слышал, делали ей какие-то интересные предложения. А меня, значит, побоку?

— Откуда я знаю, кто чья девушка, — с трудом произнес Лютов, поморщившись. У него раскалывалась от боли голова, с трудом шевелились распухшие губы. — Я говорил с ней о деле, которое никого не касается.

— Откуда ты знаешь, что кого касается? — Стаховский засунул руки в карманы и раскачивался с пятки на носок и обратно. На нем было черное кашемировое пальто и темный костюм, из-под которого выглядывал тонкий джемпер с высоким горлом. — Меня все касается! И в первую очередь сама Мария. И никто не может лезть к ней в обход меня! Я решаю, что ей делать, с кем ей спать, кому помогать!

Лютов попытался повернуть голову, чтобы увидеть Машу, посмотреть ей в глаза и показать то, что осталось от мизинца, но что-то холодное, похожее на водопроводную трубу больно уперлось ему в щеку. Он скосил глаза. Точно, «ремингтон», сейчас на них повальная мода!

— Не дергайся, мозги вышибу! — грубо сказал кто-то, стоящий вне поля зрения. Скорее всего, это был тип со сплюснутым носом. В слове «мозги» ударение он почему-то сделал на первом слоге. Причем совершенно очевидно, что он действительно вышибет ему мозги. И не посмотрит, что это центр Москвы и кругом куча свидетелей! Он вообще ни на что не посмотрит. Ему не за то платят деньги, чтобы он смотрел по сторонам и оценивал ситуацию. Плохо дело: надо договариваться по-хорошему.

— Короче, какие вы мне выкатываете предъявы? Чуть не убили, палец оторвали, пушкой тычете, грозитесь. За что?!

Проанализировав ситуацию, Лютов понял, что по всем бандитским понятиям и воровским законам предъявить ему ничего невозможно! Он не скрысяничал и не присвоил чужие деньги, никого не подставил, не убил, даже эту сучку не трахнул по беспределу! Что он сделал? Пригласил бабу в кабак, накормил хорошим обедом, задал несколько вопросов. Пусть вел себя навязчиво, немного грубовато, пусть припугнул рыбами, но это только слова, вреда-то он никому не причинил! А значит, все, что с ним сделали, это полнейший беспредел! Наглая демонстрация силы и безнаказанности!

— Ты влез на чужую территорию! — презрительно вытянув губы, сказал Стаховский.

Это серьезное обвинение. Особенно если бы оно было правдивым.

— На какую территорию?! Где она, эта чужая территория?!

— Везде, где есть мои интересы! — сухо отрезал Стаховский. И, не переставая раскачиваться, продолжил: — Послушайте меня внимательно и передайте мои слова тем, кто направил вас сюда. Хоть этому Каймаченко.

Стаховский небрежно выудил из бокового кармана пальто ту самую визитку, которую Павел показывал Маше и которую та с издевкой запихала ему в карман. Значит, они его обыскали.

— Начальник службы безопасности, как страшно! — Стаховский презрительно бросил картонный прямоугольник под ноги представителю могущественного «Консорциума», она угодила в лужу крови, накапавшую из отъеденного пираньями пальца. — Передайте кому другому из вашей шарашкиной конторы: я мало кого боюсь. Если не сказать — вообще никого. А с Петром Георгиевичем Горемыкиным мы хорошие приятели. При случае я ему скажу, какие методы работы вы практикуете. Вряд ли он вас за них похвалит!

Лютов понурился. А ведь действительно скажет. И виноватым окажется именно он, Павел

Лютов. Вот влип!

— Я вижу, вы начинаете кое-что понимать! — Стаховский пригладил ладонью густые ухоженные волосы. — Так что я надеюсь, что это наша последняя встреча. И оставьте в покое Машу. Решайте свои проблемы сами. Вы меня поняли?

Никогда еще бывший десантник, побывавший во многих опасных боевых операциях, не чувствовал себя таким беспомощным и униженным. Никто и никогда не разговаривал с ним таким тоном. Как с мелкой бродячей собакой, с которой можно сделать все, что угодно.

— Ты понял?! Отвечай! — Ствол ружья больно ударил его в скулу.

— Да. Я все понял, — тихо сказал Лютов, не поднимая головы, чтобы никто не видел бешеного огня ненависти в его глазах. Потому что тогда его могут пристрелить или зарезать, как барана, и все на этом закончится. А так лента жизни продолжит раскручиваться, он залижет раны, а поскольку земля, как известно, круглая, он обязательно встретится с этим самоуверенным и наглым красавчиком. При более выгодных обстоятельствах. И тогда рассчитается сполна, заставит этого чертова сутенера проглотить все произнесенные сейчас дерзкие слова. Он самолично запихнет их Стаховскому в глотку, так что тот подавится.

— Ну и хорошо. — Стаховский достал перчатки, похлопал ими по ладони и улыбнулся. — Что ж, мальчики, позаботьтесь о нашем госте. А я пошел. Дела-с.

Он развернулся и молча пошел к выходу, где его почтительно ждали два высоких, респектабельного вида телохранителя. А Павла что-то больно кольнуло в шею, и он мгновенно потерял сознание.

* * *

— Вы неправильно называете этот предмет, — Ремезов энергично покачал головой.

— Не ядерный фугас — такое название придумали досужие газетчики. По технической документации — это «изделие С». Его полное название — «боеприпас ядерный специальный малогабаритный». Тот, который вы описываете, имеет уточнение: «ранцевого ношения».

Завершив точный и четкий ответ, отставной подполковник замолчал в ожидании следующего вопроса. Он во всем был точен, четок и краток. Первое, что он сделал при встрече, проверил у Нижегородцева удостоверение и спросил, имеет ли он допуск к материалам, связанным с ядерным оружием. А ведь встреча происходила не на улице и не в квартире ветерана, а в кабинете заместителя начальника Тиходонского УФСБ. Чувствовалась старая закалка.

— И где могла произойти утечка такого изделия? Нижегородцев машинально поскреб ногтями подбородок, а затем вновь перевел взор на своего собеседника, маленького проворного человечка, пальцы которого, казалось, жили своей собственной, самостоятельной жизнью. Внешне бывший куратор атомной промышленности был воплощением спокойствия и невозмутимости. Его лицо выразительнее любых слов говорило, что в этом мире нет ничего, способного вывести его из состояния равновесия. На столь серьезной линии работы исполнитель должен распрощаться с такими человеческими эмоциями, как удивление, любопытство, волнение. Но его пальцы...

Вампир вновь скосил взгляд и остановил его на сухощавых, с характерными пигментными пятнами руках отставного сотрудника КГБ. Пальцы собеседника все время находились в движении. То разминали неприкуренную сигарету, старательно перекатывая ее в различных

направлениях, то извлекали из кармана платок, несколько секунд беспричинно комкали его и возвращали на прежнее место, то просто вступали в противоборство сами с собой. Переплетались, соприкасались, с хрустом заламывались. Ни секунды они не находились в покое.

— В Кротове был НИИ экспериментальной физики, — буднично произнес тщедушный старичок с невозмутимым лицом и беспокойными руками. — Непосредственно по линии контрразведки их обслуживала Москва. А я был допущен постольку-поскольку. Но они занимались лазерным оружием и разрабатывали «изделие С». Кажется, несколько экземпляров. Но институт давно закрыли, на территории потом разместили другой режимный объект.

— А другие варианты? — поинтересовался Вампир.

— Других нет и быть не может, майор, — веско заявил старичок и скрестил руки на груди, чтобы усмирить пальцы. Однако из этой затеи ничего не вышло. Пальцы тут же пустились в пляс, выбивая бравурную дробь на плечах отставного гэбиста, словно намекая на то, что раньше здесь покоились погоны. Очень серьезные по тем временам!

— У нас в крае только в Кротове занимались этой проблематикой. Ни одно другое учреждение не имело соответствующих полномочий. Я как раз и следил за этим. То есть именно я и стоял у руля...

Маленький сухощавый старичок печально улыбнулся, и Вампир понял, что его нередко мучает чувство ностальгии по ушедшим годам, молодости, власти, причастности к важнейшим государственным тайнам.

«Да, отправят на пенсию, будет кисло», — неожиданно подумал Нижегородцев, поставив себя на место ветерана. Странно, раньше такие мысли не приходили ему в голову. Наверное, устал.

Он тряхнул головой. Что за ерунда! Ему-то еще рано задумываться над проблемами пенсионеров!

Ремезов вызывал у него симпатию и доверие. Даже соскучившийся по общению, отставник и сейчас сохранял бдительность. Он упомянул про новый режимный объект в Кротове, но умолчал, что это за объект. База «атомного поезда». Поэтому Кротово всегда находилось в сфере внимания оперативников службы безопасности.

— От института что-то осталось? — спросил Нижегородцев.

Он придвинул к себе стул и привычно сел на него верхом. Снял очки и осторожно опустил их в левый внутренний карман пиджака. Свет в комнате был не слишком ярким, что давало возможность освободить глаза от постоянной защиты.

— Уже нет, — со знанием дела ответил Ремезов. — Три года назад его полностью ликвидировали, а на его месте создали... Ну, я полагаю, вы и сами знаете, что создали в Кротове три года назад.

— Так, слышал краем уха.

Нижегородцев кивнул. На самом деле спецобъект входил в его линию работы и он являлся одним из немногих осведомленных лиц. Три года назад в Кротово была создана засекреченная база боевого ракетного железнодорожного комплекса. Важнейший стратегический объект, привлекающий повышенное внимание руководства ФСБ и вызывающий острейший интерес

ЦРУ. Американская разведка носом землю роет, чтобы выяснить истинное место расположения БЖРК. Потому что только там он уязвим. Во все другое время поезд с межконтинентальной атомной ракетой носился по просторам страны, оставаясь практически неуязвимым и являясь гарантией ответного удара при атомной войне. Но раскрывать свою осведомленность перед отставным чекистом Вампир не стал. Хотя и полностью доверял ему. Он усмехнулся про себя. Настороженность и недоверие у каждого из них в крови.

— Как проходила ликвидация? — спросил майор.

— Штат был полностью расформирован. — Ремезов в очередной раз извлек из кармана свой носовой платок и стал перебирать его тонкими пальцами, как мусульманин перебирает четки. — Я был уже в отставке, но меня нередко привлекали в качестве консультанта. И при закрытии НИИ — тоже. Так вот, у них имелись два готовых «изделия». Один направили для испытаний на Новую Землю, а второй попросту ликвидировали.

— Как ликвидировали?

Нижегородцев зажал в зубах сигарету и, не встретив возражений собеседника, щелкнул зажигалкой.

— Очень просто, — пожал плечами бывший куратор научно-исследовательского института. — Разобрали на части. Урановый заряд извлекли и сдали на завод, детали уничтожили по акту. И «изделие» перестало существовать.

— А вы уверены, что его разобрали? — не отставал Вампир.

Ремезов пожал плечами.

— Ну, я лично не присутствовал при этом. Но никаких оснований для подобных подозрений не возникало.

Дым сигареты Вампира рваными хлопьями отрывался от тлеющего на конце уголька и уходил под потолок. Майор в очередной раз глубоко затянулся и, подавшись вперед, стряхнул пепел в стоящую на столе пепельницу.

Если фугас у Гепарда был, значит, его не разобрали. Если его разобрали, то откуда он у Гепарда? Значит, акт составили, а «изделие» не разобрали. Это самый логичный вывод.

— Владимир Александрович, — Вампир уже мысленно прикидывал план дальнейших действий. — А у вас сохранились контакты с бывшими сотрудниками института? Можете назвать кого-то из них?

Минуты две Ремезов хранил напряженное молчание. Две узкие бороздки морщин прорезали его маленький, скрытый седой челкой лоб.

— Все сотрудники НИИ были строго засекречены, майор, — наконец вымолвил он, складывая носовой платок вчетверо и пряча его обратно в боковой карман. — К тому же каждый знал только свой участок работы. Поэтому общаться имеет смысл только с руководством.

— А кто там был «руководством»? — спросил Нижегородцев.

— Профессор Абрикосов, доктор технических наук, заслуженный деятель науки, — скрупулезно перечислил отставник. — Он работал на нас, как и все руководители режимных

объектов. Как и все их сотрудники. Тогда каждый понимал: если ты работаешь в ядерном институте, это накладывает на тебя определенные обязательства, связанные с безопасностью страны. Он бдительно относился к подчиненным, выяснял, о чем думает каждый из них. Инакомыслие, да и просто вольнодумство не приветствовалось.

Ремезов оживился, взмахнул рукой.

— Да что там вольнодумство! Каждый кандидат на работу проверялся тщательнейшим образом. Случайный, не внушающий доверия человек не мог стать даже техническим сотрудником института. Лаборантом или даже дворником.

Отставник улыбнулся.

— Я помню, был случай, когда один молодой специалист еще до работы в НИИ имел весьма скоротечную связь с одной замужней дамочкой. Два или три свидания на стороне. Затем она вместе с мужем отбыла в Канаду. Никакой политики: просто муж получил там какую-то выгодную работу. Так вот, когда это выяснилось, молодого человека уволили в двадцать четыре часа! Моральный облик, связи с границей — тогда это были не пустые слова, это было очень серьезно! Вы помните те времена?

— Да, конечно. — Личность уволенного за связь с границей сотрудника Вампира не интересовала. Так же, как и ностальгические воспоминания подполковника Ремезова. — А где сейчас этот Абрикосов? Чем он занимается?

— Ничем не занимается, — вновь помолчав, выдал очередную порцию информации старик. — Он уже умер. Хороший был человек, к слову сказать. Вишневый ликерчик любил...

— Каким образом он умер? Когда это случилось? — насторожился Вампир. Любая смерть, обрывающая цепочку расследования, кажется профессионалу подозрительной.

Но Ремезов, судя по спокойному тону, ничего не подозревал.

— Катастрофа. Автомобильная катастрофа. Слава поздно возвращался домой из гостей. Вероятно, выпил... Но точно я не могу сказать. Так или иначе, не справился с управлением и вылетел в кювет... Машина взорвалась, прежде чем Слава успел из нее выбраться.

Красные воспаленные глаза Нижегородцева настороженно сузились. Смерть в катастрофе подозрительна вдвойне. Да и вообще любые случайные смерти не нравились Вампиру.

— Когда произошла катастрофа, Владимир Александрович? — спросил он, гася окурки в пепельнице. — Когда погиб Абрикосов?

— В прошлом году, — как всегда без запинки ответил Ремезов. — Это было на Пасху. Я помню это совершенно точно. Слава звонил мне утром и поздравлял... А вечером разбился!

— Большое спасибо, коллега! — Нижегородцев пожал ветерану руку. — Вы оказали мне огромную помощь!

Ремезов скромно кивнул.

В тот же день, вечером, Нижегородцев отправился в Кротово. За рулем служебной «Волги» привычно сидел Бурик, майор развалился рядом. Серая полоса разбитого асфальта резво ложилась под колеса, по бокам тянулся один и тот же бесконечный пейзаж пустынных,

пересеченных лесополосами полей. Над разрыхленным черноземом кружили стаи ворон. Сумерки постепенно сгущались. Машину бросало на выбоинах, жалобно скрипела подвеска. Упираясь ногами, Вампир по телефону разговаривал с Рожковым:

— ... да, Абрикосов Вячеслав Романович. До две тысячи первого года возглавлял закрытый институт в Кротове. В прошлом году он погиб в автокатастрофе... Это было на Пасху... Разнюхайте все, что можно. Лады? Ну и замечательно!

— Чего ты усложняешь, Вампир? — недовольно отозвался Бурик. — По-твоему, этого Абрикосова намеренно убрали? Как свидетеля? Но свидетеля чего?

— Посмотрим, Паша, посмотрим, — философски ответил Нижегородцев.

Свет встречных фар на мгновение ослепил обоих, машина вильнула, но Бурик быстро выровнялся. Нижегородцев привычно достал из кармана темные очки и надел.

— Ну, ты ас! — сказал он тоном рекламирующего кофе полярника.

— Да, — непривычно кротким голосом ответил Бурик, изображая второго полярника.

Он внимательно смотрел на дорогу. Обе руки с жесткими, чуть сплюснутыми пальцами уверенно лежали на баранке автомобиля. Лицо бойца было сосредоточенным.

— Зачем мы вообще туда едем? — пробурчал он. — Что искать? Что можно найти через несколько лет?

Вампир вздохнул.

— Можно найти, можно.

Перед выездом он проконсультировался с профессором Шелестовым — заместителем начальника Тиходонского института ядерной физики. Тот сказал, что при разборке заряда обязательно остаются три детали, обладающие повышенной радиоактивностью. Цилиндр, вилка и уголок. Их вполне могли забетонировать в какой-нибудь яме или выбросить на свалку. Профессор даже нарисовал, как они выглядят, и указал размеры. Кроме того, дал еще несколько консультаций, которые могли облегчить майору Нижегородцеву поисковую работу.

Но советы советами, а вот как их реализовать на практике, это Вампир представлял с трудом.

Они прибыли в Кротово ночью, остановились в довольно приличной частной гостинице, которую отстроил новый владелец консервного завода. А утром Вампир попытался пройти на территорию базы. Но его документов оказалось для этого недостаточно. Пришлось звонить в Тиходонск, оттуда дали шифротелеграмму в Москву, потом пришлось ждать.

Бурик с Нижегородцевым сидели в машине около КПП, как обычные посетители, прибывшие проведать служивого родственника. Это никого не обижало. Секретный объект жил по своему внутреннему распорядку, и заезжие фээсбэшники были тут посторонними. Пока информация перекачивалась с одного телефона на другой, они дремали, прикрыв глаза и откинувшись на спинки сидений.

Наконец особист базы майор Маслов пригласил Нижегородцева на территорию и, приветливо улыбнувшись, спросил, что ему необходимо.

— Мне поручили оказать вам содействие, — сообщил майор. И с нажимом подчеркнул: — В разумных пределах.

Вампир кивнул. Ясное дело, никому не по душе, когда появляется какой-то чужак и лезет в твою епархию!

— Меня интересуют только ваши предшественники. Институт. Акты приема-передачи, оставшееся от них оборудование, материалы, места захоронений предметов повышенной радиоактивности. Может быть, у них была своя свалка.

Маслов задумался. Это был импозантный молодой человек в тщательно отутюженной форме.

— Да ничего от них не осталось! Повышенного фона у нас нигде нет, это проверяется каждый месяц. Свалка была, но мы ее бетоном залили. Акты тоже есть, а всю остальную документацию они отправили в Москву. — Он развел руками. — Так что чем можем — поможем, чем не сможем — извините.

Нижегородцев кивнул:

— Начнем со свалки.

— Со свалки?! — Особист надел фуражку. — Пойдемте, я вас провожу.

Обижаться на Маслова не пришлось. Он сделал все, что хотел майор Нижегородцев. Даже выделил взвод солдат, которые разбили забетонированную яму и со счетчиком Гейгера перебрали содержимое свалки бывшего института. Ни цилиндра, ни вилки, ни уголка там не оказалось. Не удалось найти и повышенного радиоактивного фона.

Потом Нижегородцев ознакомился с документацией.

Маслов достал из сейфа серую папку. Вампир подсел к старенькому, покосившемуся столу и развязал тесемки. Первую бумагу он осмотрел лишь поверхностно, вторую и третью тоже. Акты приема-передачи были составлены на здания и сооружения части. Электрогенераторы, водокачка, дрезина. Ни составные части ядерного фугаса, ни урановый заряд в актах передачи не отражались. Хотя... Перелистав все документы, Вампир оживился. Последним листком в папке лежал отпечатанный на раздолбанной машинке акт передачи восьми килограммов урана-235. Правда, без подписей, без печатей, без утверждающих резолюций начальства. Это был не акт, а проект акта. Но восемь килограммов — это и есть боевая начинка «изделия С»!

Майор закрыл папку и протянул странный документ особисту.

— Что это?

Маслов внимательно осмотрел неутвержденный акт, даже с чистой стороны листа заглянул. Потом недоуменно пожал плечами.

— Не знаю. Мы просто не могли принять на баланс расщепляющиеся материалы. Они сдаются только на завод, производящий «изделия». Почему они составили такой документ, я не знаю.

Нижегородцев не выдал охвативших его эмоций. Выражение лица осталось тем же, что и раньше. Глаза по-прежнему скрыты темными очками, сквозь непроницаемые стекла которых Маслов не мог рассмотреть сузившихся зрачков Вампира.

— Спасибо за консультацию. Я могу забрать документ с собой?

Особист повертел листок в руках.

— Это не документ, просто бумажка. В описи ее нет, никакого факта она не удостоверяет, юридической силы не имеет. Можете взять, если надо.

Маслов протянул лист Нижегородцеву, и тот сунул его в карман. В графах утверждения акта были напечатаны фамилии начальников. От института — профессор Абрикосов, от воинской части — полковник Булатов. Это свидетели. Под текстом акта тоже имелись две подписи — от института завсектором Веревкин, от войсковой части — капитан Древнев. Это первые реальные свидетели. Они должны знать, при каких обстоятельствах был составлен данный документ и почему он не был утвержден.

Попрощавшись с Масловым, Вампир покинул территорию базы. Бурик так и сидел в машине, казалось, он даже позу не менял.

Они поехали в поселок и зашли в новый ресторан. Там был весьма приличный интерьер, и даже кухня оказалась неплохой. На удивление.

Фээсбэшники с аппетитом съели вкусную солянку и теперь разбирали золотистых жареных цыплят.

— Откуда здесь такой ресторан? — спросил Бурик у дородной, полной официантки.

Та скрестила на груди крепкие, как у молотобойца, руки.

— Хозяин наш построил, — с достоинством ответила она. — Степан Григорьевич Бабиян из Тиходонска. Он здесь много чего построил: и гостиницу, и клуб, и консервный завод восстановил.

Когда они закончили ужин, уже стемнело. Подул холодный степной ветер, редкие прохожие ежились и поднимали воротники курток.

Заложив руки в карманы, Вампир поднял голову и уставился в черное, обильно усыпанное звездами небо. Было полнолуние. Бледный величавый диск луны висел над землей, побуждая психопатов и маньяков к кровавым и диким выходкам. Майор неотрывно смотрел на диск сквозь темные очки, будто рассчитывая, что земной спутник подскажет ему какое-то решение.

— Поехали, — сказал Бурик и хлопнул дверцей. У Нижегородцева в левом кармане призывно запиликал мобильник. Звонил Рожков.

— Слушаю со вниманием, товарищ майор, — откликнулся Нижегородцев. — Уже раскопал что-то существенное?

— У тебя волчья интуиция, коллега! — ответил начальник угрозыска. — Авария действительно была, машина вместе с водителем сгорела. Но штука в том, что личность водителя никто не проверял.

— Как так? — изумился Вампир.

— Да очень просто, — буднично пояснил милиционер. — Сомнений не возникало: тачка — Абрикосова, обгоревший паспорт — Абрикосова, значит, и труп — Абрикосова. Все. Дело

прекратили за отсутствием состава преступления. Это всех устроило.

— Не все так просто, коллега! — сказал Нижегородцев. — Это же не слесарь дядя Вася попал в аварию, а директор, сам знаешь, какого института! Не хочу говорить по телефону.

— И что теперь? Возиться с эксгумацией? — В голосе Рожкова не было энтузиазма.

— Без этого не обойдется, сто процентов!

Бурик завел двигатель, и автомобиль, подсакивая на ухабах, тронулся с места, оставляя позади базу БЖРК.

— Я думаю, надо провести эксгумацию трупа и опознание по стоматологической карте. Мы это сделаем обязательно. Но если результат окажется неожиданным, то сам понимаешь, чья задница окажется под угрозой!

— У меня такое впечатление, что в любом случае под угрозой оказывается моя задница, — мрачно отозвался Рожков.

Бурик вывел машину на трассу и вдавил в пол педаль акселератора. Автомобиль, стремительно набирая скорость, помчался в сторону Тиходонска. Прохладный ночной ветерок врвался в салон через приспущенное боковое стекло, шевеля волосы на висках Вампира и обдувая его жесткое лицо с рельефно очерченными скулами.

* * *

Рыбацкая шхуна «Морская звезда» подпрыгивала на свинцового цвета волнах. Неказистое суденышко явно не оправдывало своего названия. Оно было дряхлым и давно нуждалось в ремонте. Парус сильно хлопал и норовил сорваться с мачты, двое рыбаков с трудом управлялись с ним, хотя ветер был самым обычным.

«Похоже, что-то не в порядке с оснасткой», — подумал Макс и, не торопясь, прошел на нос. Шхуну сильно раскачивало, и он опирался на трость, заостренный конец которой впивался в доски палубы и позволял сохранять равновесие.

Снизу поднялся мрачноватый немолодой капитан в синем морском берете с красным помпоном. Его звали Пьер. Это с ним договорился Карданов за двести фунтов переправиться через Дуврский пролив в Кале. Цена была явно завышена, столько стоила каюта люкс с обедом на комфортабельном пароме. Здесь комфорта было немного: сильно пахло рыбой, кубрик для экипажа напоминал крошечную каморку в привокзальной ночлежке, поэтому Макс, несмотря на ветер, прогуливался по палубе — пятнадцать метров от кормы до носа и пятнадцать — от носа до кормы.

— Сколько нам еще идти, капитан? — спросил он у Пьера. Тот озабоченно посмотрел на часы.

— Часа четыре, — не очень уверенно сообщил он.

— Почему так долго? Здесь же небольшое расстояние? — удивился Макс.

— Шестьдесят километров, мистер. А вы видите, какой ветер? Он нам здорово мешает.

— Может, лучше повернуться к нему кормой? Когда волна бьет в борт, это не прибавляет скорости.

— Доверьтесь нам, мистер. Мы доставим вас в Кале, как и договорились.

Капитан зашел в рубку.

Матросы наконец закрепили парус и тут же спустились в кубрик. Они тоже были немолоды, по возрасту им следовало быть боцманами или шкиперами. В экипаже из пяти человек юнг не было; впрочем, Макс особенно не рассматривал матросов, в основном они находились в помещениях шхуны. Очевидно, и ему придется спуститься вниз, потому что четыре часа на ветру выдержать трудно.

В Кале Карданов собирался взять напрокат машину. Во Франции не надо задерживаться, давняя перестрелка в Антибе наверняка не забыта. Девяносто километров до бельгийской границы, еще сто до Брюсселя. По хорошему шоссе два часа езды. Пограничного контроля в Объединенной Европе нет, да и полицейские не останавливают автомобили для проверки. Там вообще не видно полицейских, они появляются только в случае необходимости. В отличие от России, где милиционеры мозолят глаза, то и дело лезут тебе в документы, багажник и кошелек, но если что-то случится — найти их совершенно невозможно. К счастью, в Европе все по-другому. Он беспрепятственно доберется до брюссельского аэропорта и по американскому паспорту вылетит в Москву. К Маше!

Качка почти прекратилась. Макс шел по пустой палубе и постукивал тростью по перилам. Взгляд упал на трос, удерживающий парус. Странно! Обычный двойной узел, так завязывает шнурки на ботинках маленький Том, для которого бантик, особенно двойной, пока слишком сложен. Но на любом судне в ходу морские узлы! Очень странно! Эти двое матросов явно не умели обращаться с парусами и вязать морские узлы. Но почему тогда остальные не пришли им на помощь? Почему капитан измеряет расстояние в сухопутных километрах, а не в морских милях? Почему на палубе шхуны вообще нет людей, словно на «Летучем голландце»? Похоже, что моряки «Морской звезды» все как один не знают, что надо делать на борту плывущего судна! Но такого просто не может быть!

Он обошел палубу еще раз, тщательно осматривая не слишком чистые доски, бухты каната, стены рубки. Что он искал? Следы преступления? Разгадку какой-то зловещей тайны? Он сам не знал этого. Не знал он, и зачем ему нужно лететь в Москву. Но эта мысль не вызвала противодействия, а вот возвращение к Маше казалось сомнительным. С одной стороны, его влекло к этой женщине, с другой — с ней были связаны неприятные ассоциации.

В районе кормы Макс обнаружил затертые пятна неопределенного цвета, из грузового трюма воняло испорченной рыбой. Все это ему не нравилось, и он уже начинал жалеть, что взошел на первое попавшееся суденышко.

— Спускайтесь к нам, мистер! — Из кубрика высунулась всклокоченная голова помощника капитана. Кажется, его звали Поль. — Погреемся, перекинемся в картишки! Глядишь, и время пройдет быстрее!

Поль приветливо улыбался, хотя глаза были невеселыми. Скорее настороженными.

— Ну что ж, спасибо за приглашение. — Макс осторожно спустился по крутой лестнице.

В крохотном помещении тускло светила лампочка под крохотным черным конусом абажура. Лампочка болталась на шнуре в такт качке, и световой круг метался от борта к борту. За столом сидели двое. Тот, что повыше, тасовал выдавшую виды колоду, его приземистый товарищ разливал по кружкам дешевое виски. Прямо на досках лежал круг кровяной колбасы и буханка свежего, дурманяще пахнущего хлеба. Макс сглотнул слюну.

Поль пропускал Макса, чтобы тот протиснулся к высокому. Но тогда, когда Поль займет свое место, Макс окажется зажатым между ними. Такие проигрышные положения Карданов не любил: даже в кругу друзей, на семейных торжествах и в театре он всегда старался садиться с краю.

Поэтому, дружелюбно хлопнув Поля по плечу, он сел напротив, рядом с приземистым, поставил трость между ног и сложил руки на удобной рукояти. Поль, не переставая улыбаться, придвинул одну кружку к себе, вторую Макс.

— Как тебя зовут, дружище? — спросил Макс у приземистого. Тот ответил странным взглядом и после заметной паузы нехотя произнес:

— Жорж.

Поль со щелчком раскрыл большой складной нож. Макс напрягся и повернул затейливо-украшенное кольцо трости. Но клинок ножа нарезал колбасу и отхватил несколько ломтей хлеба. Поль выпил и с аппетитом закусил, Жорж последовал его примеру, высокий выпил, но не притронулся к закуске. Карданову кусок не лез в горло. Ему не нравилось, что пища без какой-либо подстилки лежит на не очень чистом столе, не нравилась обстановка, не нравились окружающие его люди.

— Сыграем, мистер? — Высокий профессионально щелкнул картами, раскрывая и, как баян, собирая обратно колоду. — У вас ведь есть деньжонки, и немалые? — Он засмеялся, обнажая редкие острые зубы.

— Это точно, Грег, это ты попал в самую точку! — закатился и Поль.

Происходящее не нравилось Максиму все больше. Только капитан видел у него деньги, когда он сдуру, развращенный безопасной английской жизнью, «засветил» всю пачку. Значит, его деньги оказались в центре внимания всего экипажа. И хорошо, если они намерены только обыграть его.

Сверху раздался топот, на крутом трапе показались сначала ноги в давно нечищенных башмаках, а потом и их обладатель — сухощавый вертлявый парень неопределенного возраста. Лицо его показалось Максиму знакомым. Парень бесцеремонно сел на лавку к Карданову, потеснив его и запирая между собой и Жоржем.

— Ну что, играем! — утвердительно сказал он, будто слышал весь разговор. Или знал сценарий, по которому должны развиваться события. В тот же миг Макс понял, где он видел его лицо. На экране телевизора в паркинге. Это разыскиваемый преступник! И Жорж, если подстричь густые, торчащие во все стороны волосы, будет вылитой копией второго!

Вот и объяснение многочисленным несуразностям в поведении лжерыбаков! Это не моряки, это бандиты. А настоящий экипаж скорей всего в грузовом трюме, в том же виде, в котором пребывает там обычно выловленная рыба. В виде трупов!

— Я не буду играть, — резко сказал Макс. — Меня укачало. Пропустите, я хочу выйти на воздух.

Все четверо рассмеялись, будто услышали что-то очень смешное. И Макс понял, что они собирались не обыграть богатого попутчика. Они собирались его убить. И тоже бросить в грузовой трюм.

— Попалась птичка, так сиди тихо, — процедил Поль. Он перестал улыбаться.

— Хватит ломать комедию, он все понял! — грубо сказал Жорж и, схватив Макса за волосы, оттянул его голову назад. Поль перегнулся через стол и выбросил руку с ножом. Действовали они согласованно, и кровь Карданова должна была брызнуть на кровяную колбасу. Но вышло иначе.

Индийская трость под столом уперлась Полю в живот, Макс нажал потайную кнопку, и мощная пружина выбросила из потайного канала узкое трехгранное лезвие. Раздался дикий вопль боли и ужаса, Поль выронил нож и отпрянул, схватившись руками за пронзенный живот. Его приятели оцепенели, рука Жоржа ослабла, Макс резко дернул головой и освободился. Локтем он ударил в лицо вертлявого и, навалившись всем телом, сбил его с лавки. Жорж полез за пазуху. Макс рванул трость обратно, вскочил и, орудуя антикварным раритетом будто шпагой, сделал выпад, проколов возившегося за пазухой Жоржа. Тот тоже дико заорал и рухнул под стол. Теперь настала очередь вертлявого. Макс перехватил трость, и косою штыковой удар сверху вниз буквально пригвоздил тощее тело к дощатому полу. Сильным рывком Макс без труда освободил оружие. В чем преимущество конструкции старинного стилета: он хорошо входит в тело и, не застревая, легко выходит. Недаром знаменитый русский штык сохранил эту форму.

Любой бой, и штыковой в том числе, ведется до полной победы. Макс повернулся к высокому. Сейчас тот уже не смеялся. Скованный ужасом, он забился в угол и что-то быстро говорил на незнакомом языке. В испуганном оскале открылись острые, как у животного, зубы. До него было больше двух метров, поэтому Макс перехватил трость, как копьё, и с силой метнул. Окровавленный стилет, как иголка ткань, прошил клетчатую рубашку, грудную клетку и вонзился в стену. Высокий любитель чужих денег повис на клинке, как пришипленный к картону жук. За двести лет своей жизни искусно выкованная итальянская сталь не раз пила человеческую кровушку, но сегодня у нее явно был рекордный день.

Макс профессионально осмотрелся. Все четверо врагов были надежно выведены из строя и не представляли опасности. Все были пока живы. Ножом и даже штыком убить человека не так легко, как показывают в лихих кинокартинах. Если бы в эпоху дуэлей существовала современная медицина, число погибших исчислялось бы единицами. Ведь в основном раненные шпагой или рапирой умирали от перитонитов и других осложнений. Сейчас в кубрике стонали и булькали четверо тяжело раненных, если они своевременно получат врачебную помощь, то, возможно, останутся в живых.

Карданов дотянулся до рукояти трости и рванул ее на себя. Клинок вырвался из плотной древесины, со скрежетом проехался по ребрам и выскочил из человеческого тела. Высокий со стоном сполз на пол. А Макс поднялся на палубу и вошел в рубку.

— Как дела? — не оборачиваясь, спросил капитан.

— Смотря у кого, — сдерживая ярость, ответил Макс. — У меня нормально. А у твоих дружков похуже. Можно даже сказать, что очень плохо.

Руки на штурвале дрогнули, и шхуна рыскнула из стороны в сторону. Пьер ожидал услышать совершенно другой голос. И совершенно другую информацию. Сообщение о том, что с глупым чужаком покончено. Что он, Макс Карданов, брошен в трюм к другим трупам и протухшей рыбе!

Ярость захлестнула Макса, и он, подскочив, ударил Пьера ногой. Так посылают в ворота мяч с

пенальти.

«Капитан» взвыл и обернулся, шхуна рыскнула еще сильнее. Окровавленный стилет уперся в небритую щеку. Скосив глаза, Пьер увидел кровь на клинке и пришел в ужас.

— Вы кто?!

Правильный вопрос. Законопослушный гражданин, даже попавший в рискованную переделку, стремится выбраться из нее — и только. О том, чтобы расправиться с нападающими, он обычно не думает. На это способен либо такой же бандит, либо тот, кто борется с бандитами.

— Вы кто?!

Но Макс при всем желании не мог ответить на этот вопрос.

— Давай в Кале, Пьер, и побыстрее! — приказал он. — Если, конечно, хочешь, чтобы твои дружки остались в живых.

По виду «капитана» он понял, что на дружков ему наплевать.

— И если сам хочешь остаться в живых!

Острый клинок хищно клюнул и проехался по щеке до подбородка. Из глубокой царапины хлынула кровь, потекла по граням клинка, смешиваясь с кровью его сотоварищей. Это оказало большее воздействие: Пьер вскрикнул, зажал рукавом рану и передвинул рычажок оборотов на максимум.

— Молодец, у тебя есть шанс, — приободрил его Макс. Но, чтобы не расхолаживать, добавил: — Впрочем, небольшой.

Капитан съежился и пригнулся к штурвалу.

* * *

Павел Лютов очнулся через сутки в отдельной палате частной больницы. Правая кисть была забинтована и напоминала подушку, забинтованная голова кружилась, в вене торчала игла капельницы, а рядом с кроватью сидел Каймаченко.

— Дожили! В наше время даже проститутки могут иметь силовое покрытие, — озадаченно произнес шеф, мрачно взирая на изукрашенное кровоподтеками, распухшее лицо своего старого боевого товарища. — Сколько их было? Мы их в куски порвем!

— Трое. Это люди Стаховского. Машка — его телка. Нижняя губа Лютова вновь начала кровоточить, и он свободной левой рукой осторожно приложил к ней краешек белоснежного пододеяльника. На крахмаленной ткани остался красный полукруг. Каймаченко присвистнул.

— Стаховский — это серьезно. Он крышует группировку Фомича. И потом, тут нужна санкция Горемыкина. А он ее не даст!

— Так что, утереться и заткнуться? — глухо спросил Лютов. — Я не сам по себе пошел к этой бабе, я твое задание выполнял.

Каймаченко отвел взгляд в сторону.

- Будем думать. Не волнуйся, Павел, я ведь помню свои приказы.
- Пистолет цел? — спросил Лютов.
- Цел. Все цело. Деньги, документы, мобила. И тачка цела. А главное — череп уцелел и все кости. Только мизинец ампутировали. Что с ним случилось? Доктора все не могли понять.
- Они меня в больницу привезли?
- Да нет. Мы тебя нашли хрен знает где — у выезда на Рублевку. Ты сидел на пассажирском месте в полном отрубняке.
- А как нашли? Каймаченко почесал затылок.
- Странное дело: баба какая-то позвонила. На мой прямой телефон. Кто бы это мог быть, не знаешь?
- Только эта сука, Машка.
- Да ну?!
- Больше никому. Она твою визитку вертела, вот телефон и запомнила.
- Так чего ж ты ее ругаешь? Девочка о тебе позаботилась.
- Ладно, к черту, — недовольно процедил Павел. — Дай мне лучше сигарету.
- Тебе нельзя. Доктора запретили. Так что произошло с твоим мизинцем?
- Пираньи обглодали.
- Что?! Где ты их нашел?
- К черту смешочки, Влад, — недовольно буркнул Павел. — Опустили не только меня. Опустили всех нас. Уже завтра хабар об этом обойдет всю Москву. Фомичевские будут хвалиться на всех углах, нас перестанут бояться, а значит, мы потеряем уважение. Надо включить «ответку» на полный ход, чтобы все поняли! Этих троих порвать, если до Стаховского не дотянемся!
- Охолони, братишка, — устало бросил Каймаченко. Он поднялся, придерживая накинутый на плечи халат, прошелся по палате. — Мы же не беспределычики, которые творят, что хотят! Мы живем в Системе и подчиняемся правилам. Представь, что твой солдат проштрафился, ты набил ему морду, а он подговорил двух дружков, они вынули из пирамиды автоматы и пошли тебя мочить! Это разве правильно?
- Конечно, нет! Чего ты сравниваешь жопу с мордой?!
- Это одно и то же. Никого рвать мы пока не будем. Только войны нам сейчас не хватало! Придет время — разберемся. Это я тебе обещаю. Но не сейчас.
- Но почему, Влад?
- Потому что на это нужна санкция Горемыкина, вот почему! А как я к нему пойду? Сейчас наша цель — Карданов. Если верить расчетам профессора Брониславского, со дня на день

Карданов рванет в Россию. Маша — наиболее вероятный объект явки. Вокруг нее все должно быть тихо!

Лютов выругался.

— Эта коза, Маша, сказала, что он к ней не пойдет. Потому что они сильно поругались напоследок! Так что все наши расчеты могут и не сбыться.

И без того мрачное лицо Каймаченко стало еще мрачнее. Он со злостью скрипнул зубами и вновь подхватил пальцами сигарету.

— Это единственный реальный для нас вариант! Если он провалится, нам всем придется подыскивать себе новую работу а то и... — Владислав помедлил и тяжело вздохнул. — А то и место на кладбище.

Лютов исчерпал все свои аргументы и, окончательно лишившись сил, откинулся на подушку.

Глава 3

ЭХО ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Тиходонск,

3 октября 2004 года,

9 часов 13 минут.

Тиходонск встретил Карданова резкими порывами ветра и морозящим дождиком. Такой же погодой его проводил Лондон, сходная погода была и в Брюсселе. Карданов был в той же самой одежде, в которой покидал свой дом в Смитфилде. Костюм, башмаки на толстой подошве, легкое осеннее пальто. Не хватало только итальянской трости и автомобиля. «Мерседес» он бросил у лондонского универсама, а отмытую трость отправил из Брюсселя домой по почте. Костюм и пальто несколько измялись в путешествии, но смены одежды у него не было. Даже никакого багажа у него с собой не было.

Макс неторопливо брел по Магистральному проспекту. Он не знал, куда идет, не знал, зачем он здесь, не знал, почему он вообще оказался в Тиходонске. Хотя память у него на этот раз была в полном порядке. Теперь не зомбированный работяга Лапин, а бывший спецкурьер, на счету которого имелось не одно блестяще выполненное задание, бесцельно брел по до боли знакомому городу, разглядывая прохожих и проносящиеся мимо автомобили.

Многие воспоминания были связаны с Тиходонском — вдруг его потянуло в «Маленький Париж». Интересно, как там поживают Ашот с Самвелом? Процветает ли их ресторанный бизнес или шустрые ребята давно вышли в тираж, не выдержав конкуренции? Да и существует ли вообще «Маленький Париж»? За семь лет многое могло измениться. Хотя нет, ведь фильм снимали именно там!

И все же, невзирая на схожую погоду, воздух в Тиходонске был совсем другим, нежели в Лондоне. Макс чувствовал это при каждом глубоком вдохе. И в нем что-то менялось. Какая-то часть его сознания сейчас невольно превращалась в сознание Сергея Лапина. Лапин мог часами бесцельно бродить по городу, наслаждаясь любой погодой. Лапин любил этот город.

Значит, любил его и Карданов. Любил этот город и Макс Томпсон. Но сейчас каждый из них любил его по-разному.

Лапин ни о чем не размышлял, наслаждаясь видом родных улиц и чистым донским воздухом. Карданов не мог понять, как и почему он здесь оказался, какая потребность и необходимость привели его в город из прошлого. А Макс Томпсон тяготился неопределенностью своего положения и хотел как можно скорее вернуться в Лондон.

«Шизофрения, — подумал Макс. — Так кого же во мне больше? Какая из трех личностей является доминирующей?»

Но он не мог ответить на этот вопрос.

Тем временем ноги сами привели его туда, куда он подсознательно стремился. Он стоял у входа в «Маленький Париж». Когда-то забитый работяга Лапин, скопив немного денег, приходил сюда выпить чашечку настоящего ароматного кофе с рюмкой коньяка. По этой привычке Ашот распознал в нем непростого человека. Он был удивительно пронизательным, этот небольшой, похожий на птичку паренек. Внутри ресторана тоже ничего не изменилось, за исключением незначительных деталей. Однако одно изменение бросилось в глаза сразу.

За стойкой стоял совершенно незнакомый ему кавказец. Такой же маленький и проворный, как Ашот, но вот глаза какие-то неприятные. Маленькие, бегающие, будто он ежесекундно опасался какого-то подвоха. Посетителей в зале не было. Ни одного. Впрочем, еще рано. В начале десятого утра приличному человеку нечего делать в злачном месте. Судя по взгляду, который он метнул в сторону вошедшего Макса, маленький человечек за стойкой именно так и думал.

— Хотите выпить? Или покушать? — почти без акцента спросил бармен. — Выпить подходите ко мне, кушать — присаживайтесь за столик. Вас сейчас обслужат. Место у нас знаменитое. Знаете, какое место? О-о-о-о!

— А чем же оно знаменито? — поинтересовался Макс, подходя вплотную к стойке.

— О-о-о! — подкатил глаза бармен. — Тут такое было! Однажды бандиты напали, хотели уважаемых людей убить! А здесь как раз майор из РУБОПа отдыхал, отважный такой парень, боевой. Он их всех и перестрелял. Правда, и сам погиб. Про это потом кино сняли.

Бармен печально понизил голос. Макс мысленно усмехнулся. Шипулин был продажным ментом и состоял на окладе у Тахира. Чистильщики «Консорциума» охотились на Тахира, а майор просто попал под раздачу. А разделался с нападающими он сам, Макс Карданов. Вот как было в действительности. А теперь произошедшее трактуется совсем по-другому.

— Не огорчайтесь, — по-своему истолковал бармен задумчивость Макса. — Садитесь, покушайте.

— Спасибо, дорогой, — в южной манере произнес Макс. — А где Ашот?

— Кто? — В глазах бармена отразилось недоумение, но почему-то Максу оно показалось не очень искренним. Или только показалось?

— Ашот. Или Самвел. Кто-нибудь из них... — Карданов невольно запнулся, обескураженный тем, насколько пристально стоящий за стойкой человек вглядывался ему в лицо.

— А-а-а, вспомнил! Ашот с Самвелом здесь уже не работают. Давно. А ваше лицо мне знакомо.

В душе Макса шевельнулось нехорошее предчувствие. Уж больно подозрительно вел себя этот тип. И говорил вроде нормально, и держался естественно, но что-то в нем настораживало. Скорее всего взгляд. Этот все время бегающий, увиливающий взгляд. Карданову даже показалось, что он пару раз невольно покосился в сторону телефонного аппарата. Долгие годы оперативной работы научили Макса фиксировать даже незначительные на первый взгляд мелочи.

— Вы — актер? — Неожиданный вопрос застал Карданова врасплох.

— Что?

— Точно, актер! Я видел вас в фильме!

Бармен оживился, и взгляд у него стал самым обычным.

— И я помню, как его снимали. Вот здесь положили рельсы, еще пол поцарапали. Актеры мне понравились — веселые! Но тогда вы выглядели немного по-другому. Наверное, грим-шмим. Я так ничего и не понял. То вас по-одному называли, то по-другому. Запутано все! Ни черта не ясно!

Позади мягко скрипнула дверь, и Макс оглянулся через плечо. С улицы зашла девушка лет двадцати. Стройная, высокая, в длиннополом светлом плаще и в плотно обхватывающих ноги сапогах на высоком каблуке. Девушка молча опустила на стул возле ближайшего к выходу столика, расстегнула плащ, умело продемонстрировав двум мужчинам высокий бюст, туго обтянутый малиновой блузкой, и достала пачку сигарет. Профессионалка! Но почему так рано? Час развода наступит не скоро. Однако, увидев, как бармен и девушка обменялись взглядами, он все понял.

Что ж, бармены тоже имеют право на маленькие радости.

— Так кого вы там играли в этом кино? Макс широко и добродушно улыбнулся.

— Вот уж не знал, что похож на актера. Я-то в кино никогда не снимался. Просто бывал тут раньше. Ашот с Самвелом были моими хорошими знакомыми. Может, вы знаете, где я могу их найти?

— Понятия не имею, — медленно, растягивая слова, ответил бармен. — Они уехали. Совсем уехали, их нет в городе. Но, может, я могу помочь?

— Вряд ли. У меня нет никаких конкретных дел.

— Тогда, может, кофе? — Маленький смуглый человечек будто сумел каким-то образом прочесть затаенные мысли клиента. — Другого такого вы не найдете во всем Тиходонске. Отменное качество. Поверьте мне.

Карданов кивнул. Да, когда-то он был лучшим в мире. Макс еще помнил вкус этого кофе во рту — единственный светлый момент в его обыденном сером существовании. Но тот кофе Лапин пил при Ашоте и Самвеле, в другой жизни, убогой и беспросветной. Сейчас он наверняка имеет другой вкус. Бармен вновь покосился на телефонный аппарат, и Карданов нахмурился.

— Я верю. — Макс заложил руки в карманы пальто. — Но мне нельзя кофе. Давление шалит.

До свидания.

Развернувшись, Карданов зашагал к выходу мимо сидевшей в явно вызывающей позе девушки. Она курила сигарету, завесив лицо облаком сизого дыма. В Англии проститутки ведут себя гораздо скромнее. Увидеть их можно только в борделях Сохо, причем закон запрещает им показываться на улице, самые отчаянные могут рискнуть и выйти на ведущую в подвал лестницу или будто невзначай стать в дверях.

На пороге Макс спиной почувствовал, что бармен продолжает буравить его взглядом.

Когда дверь за Максом закрылась, бармен нырнул под стойку и принялся шарить по полкам в поисках своего блокнота. Он все понял! Никакой это не актер! Это тот мутный тип, который был здесь во время той знаменитой перестрелки. Где же блокнот? А, вот он.

Забыв про девушку, бармен лихорадочно рылся в пухлом потертом блокноте.

— Ну чего, Ваню, делом займемся или как? — спросила девица и зевнула. — Я специально в такую рань притащилась, пока и ты, и я свободны.

— Подожди, подожди, Полиночка, — горячечно проговорил бармен, листая страницу за страницей. — Некогда сейчас. Пойди погуляй часок. Нет, лучше полчаса. Да. Выйди, выйди, дорогая.

Он наконец нашел то, что хотел, и, бросившись к телефону, набрал нужный номер.

— Алло, мнэ майор Рожкова очен срочно надо!

От волнения его акцент резко усилился. Сейчас можно было сделать беспрюирышную игру. На майоре Рожкове до сих пор висело дело о расстреле господина Тахирова. А услуги, оказанные уголовному розыску, оперативники не забывают! Ему нетрудно позвонить, а майору это может помочь!

Ждать ответа пришлось недолго. Из трубки донеслось какое-то постороннее шуршание — то ли помехи на линии, то ли перебираемые кем-то рядом с аппаратом документы, потом Рожков взял трубку.

— Майор Рожков слушает!

— Товарищ майор, — едва ли не заблеял Ваню. — Это Киджаян вас беспокоит, из «Маленького Парижа». Вы меня помните? Вы еще приходили тогда и этот мне показывали, фотомашину. Ну да, фоторобот! Так вот, он только что у меня был!

— Кто? — Рожков чуть не поперхнулся. — Лапин? Не может быть!

— Не знаю фамилии, но лицом он. Что на этом фоторисунке! Точно говорю, сто процентов!

— Где он сейчас? — резко оборвал собеседника майор.

— Ушел.

Киджаяну показалось, что Рожков скрипнул зубами. Да, конечно, Ваню и сам прекрасно понимал, что перед тем, как звонить в райотдел, ему следовало под любым предлогом задержать разыскиваемого. Но как? Значимость услуги, оказанной уголовному розыску, стремительно уменьшалась, а может, и вообще сводилась к нулю.

— Ладно, будем искать! — сдержанно сказал Рожков.

* * *

Карданов-Лапин-Томпсон вышел из «Маленького Парижа». Моросящий дождик сошел на нет, но хмурые тучи на небосклоне не собирались сдавать позиций. Отсутствовали даже легкие порывы ветра. Пахло прибитой к земле пылью и влагой.

У стены дома, под балконом, просила милостыню опрятная старушка в белом платочке. Томпсон посмотрел на нее непонимающе, Карданов пошарил в кармане и вложил в сухую морщинистую ладонь десять рублей. Лапин запрокинул голову и глубоко вдохнул порцию свежего воздуха. Его тянуло в убогую квартиру на Мануфактурном, где прожиты памятные годы жизни. Почему-то хотелось увидеть Антонину. Совсем недавно Карданова так же тянуло к Маше. Но сейчас личность Лапина доминировала, и ноги сами понесли его к Богатыновскому спуску.

Правда, может, Антонина с Димкой бесследно растворились в этом мире, как сгнули неизвестно куда Ашот и Самвел. Хотя вряд ли. Те пришлые, мигранты, не прижились и укатили в родной Ереван или еще куда-нибудь, где есть родня и знакомые. А Антонина... Антонина — другое дело. Она в этом городе родилась, выросла, работала. У нее, можно сказать, вся жизнь прошла в Тиходонске, значит, ее с родимой Богатыновки и бульдозером не сдвинешь. Откуда всплыла в голове эта поговорка, Лапин не понял, но она ему понравилась, и он криво усмехнулся.

Вот и знакомая улица, спускающаяся к реке вначале полого, потом все круче. Богатыновский спуск, так же как и весь прилегающий к нему район, окрещенный в народе Богатыновкой, был опутан сотнями легенд, занимательных историй, а также вполне реальными фактами, находящими отражение в криминальных сводках.

Знаменитая песня «На Богатыновке открылась пивная, там собирается компания блатная» очень точно отражала дух, атмосферу этого района. В былые времена в близкой к порту слободке жили грузчики и чернорабочие порта, здесь было много судимых, здесь легко находили приют люмпены, беглые преступники и прочая уголовная мелочевка. Дома, построенные еще при царском режиме, вконец обветшали, вечерами жители города старались без необходимости не заходить в этот район, особенно в темное время суток.

Карданов-Лапин прожил тут без малого семь лет, он хорошо знал местные нравы и, хотя держался в стороне от криминала, неоднократно получал предложения поучаствовать в каком-либо «верняковом» дельце.

Подпрыгивая на ухабистом спуске, вниз проехал большой черный джип. Такой был у Терещенко из «Тихпромбанка»! Встреча с ним сыграла большую роль в судьбе Лапина. Да и обратная связь была. Терещенко умер от сердечного приступа, буквально на следующей день после встречи с ним. Совпадение? Может быть.

Он свернул в сторону и через два квартала подошел к глухому бетонному забору, напоминающему крепостную стену. У ворот с металлической калиткой он осмотрелся.

Внешне здесь мало что изменилось. Те же видеокамеры, индукционная система открывания ворот.

Макс в нерешительности потоптался пару минут, а затем, подчиняясь какому-то глубокому внутреннему импульсу, вдавил кнопку электрического звонка. Створка отъехала в сторону, на

пороге появился крепкий плечистый мужчина, фигура которого была плотно утянута в традиционный камуфляж.

— Тебе кого, брат? — вяло поинтересовался охранник, перекатывая в зубах изжеванную спичку. — Главный вход с другой стороны. Тут для сотрудников. Ты же не сотрудник?

Он ухмыльнулся. Охранникам тоже бывает скучно.

— Нет, — честно ответил Карданов. Почему этот тип считает его братом, он не понял, но панибратское обращение, привычное для Лапина, его покорило. А все было просто: человек со спичкой воспринимал его именно как бесправного и беспомощного Сергея Лапина.

— Тогда в чем проблемы? Заблудился?

— Да нет. Просто вы систему охраны так и не переделали. А я ведь говорил Терещенко.

— Кому?! — изумился охранник.

— Неважно. Мне Юмашев нужен, — мягко, но настойчиво произнес Карданов.

— Кто?!

На этот раз реакция камуфлированного была более наглядной. Сначала густые брови удивленно поползли вверх, потом на лице появилось откровенное пренебрежение к неизвестно откуда взявшемуся парню, явно пьяному или наколотому какой-нибудь дрянью.

— Директор.

Охранник выплюнул изо рта спичку, и та угодила на левый ботинок Макса. Карданов совершенно спокойно стряхнул спичечный огрызок с ноги и продолжал молча смотреть в серые волчьи глаза.

— Ты что-то путаешь, зема, — буркнул тот, закрывая калитку. — У нас совсем другой директор. Это здание «Тихпромбанка».

— Я знаю, я сам сюда устраивался, — промямлил Лапин. — Тогда Юмашев был директором.

— Вам лучше подойти к главному входу и все расспросить у менеджера, — сказал охранник через узкую щель. —

Я вам только одно скажу: сейчас ни один, ни второй у нас не работают!

Калитка захлопнулась. Камуфлированный вернулся в комнату охраны.

— Кто это был? — встретил его вопросом напарник. Невысокого роста седовласый мужчина в расстегнутой по пояс куртке выполнял функции старшего смены. Николай Петренко, или попросту дядя Коля, проработал в банке уже десять лет.

— Не знаю. Плел всякую хрень. Юмашева какого-то спрашивал, директором называл. Потом какого-то Терещенко. Видно, перепутал что-то.

— Перепутал, говоришь? Нет, он ничего не перепутал! Седовласый мужчина, который всего пару минут назад выглядел усталым и безразличным, мгновенно подобрался, распрямил спину, вскинул подбородок. Взгляд дяди Коли стал острым и колючим. Его молодой напарник не мог

не удивиться столь разительной перемене.

— Покажи запись! — коротко приказал Петренко. — Отмотай пленку видеонаблюдения за периметром. Я хочу видеть этого человека.

Через несколько минут на сером экране монитора появился топчущийся перед калиткой Карданов.

— Да-а-а, — задумчиво произнес старший смены. — Он ничего не перепутал. Несколько лет назад этот мужик такой тарарам здесь поднял! Надо доложить Тимохину!

Он неспешно зашел в здание, прошел в приемную, молоденькая секретарша Ирочка пропустила его без доклада.

— Переключите на себя монитор, Александр Павлович! — попросил он.

С первых же кадров Тимохин узнал человека, спрашивавшего Юмашева. И даже вспомнил его фамилию: Лапин! Но настоящей оказалась другая, сильно засекреченная, — Карданов! А может, и та ненастоящая. Бог его знает, кто он вообще такой. В прошлый раз, когда он появился в банке, начались большие неприятности. В «Маленьком Париже» расстреляли Тахира с командой, прилетели спецы из «Консорциума», Юмашев скоропостижно умер, а трое сотрудников банка взлетели на воздух в Москве! И сейчас, конечно, он неспроста тут появился!

Лицо Тимохина превратилось в мраморную маску, возможно, посмертную: он побледнел, брови сошлись в области переносицы, губы сомкнулись в плотную линию.

Охранник видел, что с начальником творится что-то неладное, но не осмеливался спросить, в чем дело.

Тимохин налил в хрустальный стакан воды, жадно выпил и откинулся на спинку кресла. Ему не хватало воздуха, и нынешний директор «Тихпромбанка» теребил тугой узел своего галстука, глядя остановившимися глазами на светящийся экран моноблока, на котором крупным планом застыло лицо зловещего пришельца. Он пришел не сам по себе: его прислали некие силы, причем силы могущественные и безжалостные. Это был посланец с «черной меткой»! Но за что?

Впрочем, если поддаваться панике, то быстро окажешься в отставке или на кладбище! Тимохин взял себя в руки. Все-таки он много лет работает в службе безопасности банка, а до этого прослужил в органах КГБ. Профессиональные навыки подобного рода не исчезают бесследно. К тому же по нынешним временам банкир — профессия военная, надо постоянно отражать нападения или самому идти в атаку!

— Ладно. — Он поднялся из-за стола и вышел навстречу Петренко. — Николай, Моташов до завтра в Москве, поэтому вы займетесь этим человеком. Сколько сотрудников вы сможете организовать прямо сейчас?

Петренко замялся. Ему почти не приходилось заниматься оперативной работой, только охраной. Впрочем, в наши дни эти функции тесно связаны.

— Могу резерв смены задействовать, двоих. Из дома поднять троих, а то и пятерых. Кто к теще на блины не уехал или на рыбалку. Люди-то сменились, как хотят, так и отдыхают.

— Значит, так! — жестко скомандовал Тимохин. Он уже полностью пришел в себя. — Его фамилия Лапин, — указательный палец банкира ткнул в направлении застывшего изображения. — У нас на него есть досье, поднимите в архиве. Проверьте все адреса, по которым он может находиться. Возьмите людей с оружием и прочешите все один за другим! Найти его и задержать!

— Как задержать? — переспросил Николай.

— Очень просто: захватить и привезти ко мне! И имейте в виду: он может быть опасен! С ним связаны смерть нашего директора и еще несколько смертей!

Дядя Коля озадаченно поскреб пальцами в затылке. Меньше всего ему хотелось влезать в какие-то незапланированные и рискованные операции.

— А сколько людей взять-то? — опасливым тоном спросил он.

— Пятерых, а то и шестерых, не ошибешься, — посоветовал банкир. — И бронежилеты наденьте на всякий случай!

Николай выругался про себя. Черт его дернул проявлять инициативу! Пришел кто-то, спросил кого-то... Ну и что? Зачем было лезть не в свое дело?!

Но вслух он своих сомнений не проявил. Молодых, резвых и рискованных охотников за приличным окладом пруд пруди. Только дай слабинку и мигом окажешься за воротами!

— Конечно, захватим, куда он денется! — молодежато отчеканил дядя Коля и, подтянув живот, лихим шагом направился к двери.

Оставшись один, Тимохин поднял телефонную трубку и, набрав московский код, соединился со службой безопасности «Консорциума». Когда ответил дежурный, он представился и попросил связать его с Каймаченко. Тот сразу взял трубку.

— Владислав Игоревич, — почтительно произнес Тимохин, но внутренне его всего передернуло. Он, подполковник КГБ, вынужден докладывать капитану-десантнику! Воистину все перевернулось с ног на голову. Смутные времена наступили, ох смутные! — Это «Тихпромбанк», Тимохин. Сегодня у нас объявился некий Лапин. Вы, наверное, его не помните?

В глубине души Тимохин опасался, что грубый десантник пошлет его на три буквы с такой ерундой. Но ответная реакция оказалась совершенно неожиданной.

— Что?! — взревел на другом конце провода Каймаченко. — Это точно?! Именно Лапин?!

— Конечно, — с достоинством ответил банкир. — У меня имеется запись видеонаблюдения. Он пытался пройти на территорию банка примерно полчаса назад... Его цели, правда, мне неизвестны...

— Молодец, Тимохин, молодец! — Каймаченко радостно захохотал. — Постарайся его задержать, я сегодня же вышлю своих людей! Он нам очень нужен!

Странно. Такое впечатление, будто Каймаченко ожидал, что Лапин вынырнет из небытия, только не знал — где! А может... может, он и послал его сюда? Прошлой появлению Лапина тоже вызвало бурную реакцию «Консорциума», а что случилось потом — печально известно.

Тимохин отлепился от своего стола и на цыпочках прошел к двери. Осторожно выглянул в приемную. Что он ожидал увидеть? Неведомых врагов? Лазутчиков-конкурентов? Готовых к исполнению своей работы наемных убийц?

Но ничего этого он не увидел. Ирочка сидела на месте, заполняя на компьютере какие-то документы. При виде шефа она привстала и сверкнула гладкими длинными ногами, едва прикрытыми мини-юбкой. Но Тимохин небрежно махнул рукой и закрыл дверь.

И все же успокаиваться рано! Нельзя доверять Каймаченко, нельзя полагаться на дядю Колю, нельзя расслабляться уходом Лапина. Тимохин полез в сейф и достал именной пистолет, полученный еще в годы чекистской службы. И еще один звонок надо сделать...

Жилистая рука вновь ухватила черную трубку радиотелефона. Палец пробежался по мягким, попискивающим кнопкам. Тимохин закусил губу. Звонить этому человеку следовало сразу. Раньше, чем Каймаченко. Уж это точно не он прислал Лапина!

— Дежурный старший лейтенант Орлов слушает! — резким молодым тоном отозвалась трубка.

— «Тихпромбанк», Тимохин. Свяжите меня с генералом Лизутиным. — Банкир обошел стол и плюхнулся в кресло.

— Слушаю вас, — послышался через несколько секунд густой баритон начальника Тиходонского УФСБ.

* * *

Оперативник умеет собирать информацию. «Сдаивать» информацию, как говорят они сами. Личные наблюдения, сообщения агентов, рассказы соседей, сослуживцев или любых других осведомленных лиц образуют плотную паутину, в которой потенциальный преступник запутается еще до момента реализации преступного замысла. Вернее, должен запутаться. В настоящее время всеобщая депрофессионализация и дилетантство проникли и в сферу оперативной работы. Специалистов, умеющих, а тем более желающих плести такие сети становится все меньше. Начальник УР Центрального РОВД относился к таким специалистам.

— У него была любовница. Нет, жена у него тоже, конечно, была. Так же, как и две дочки. Проживают здесь, в Тиходонске. Я уже навестил их сегодня с утра. Милая такая женщина в летах, работает технологом в частной фирме по производству колбасных специй, дочки ходят в школу: одна в четвертый класс, другая уже в девятый. То есть тут все как и полагается... Тихомирно и не пахнет шпионажем. Вдова уверена, что она вдова, а девочки...

— Ты начал с любовницы, коллега, — напомнил майору Рожкову майор Нижегородцев.

— Да, конечно. — Тот нахмурился. — Любовница. Верно. У Абрикосова была любовница. Она жила там же, где и он: в Кротове. Некая Галина Выдренкова. Сама не работала. Муж вкалывал на железной дороге как вол, тянул семью. Когда он узнал о романе благоверной с профессором, они разошлись. С ним я тоже уже побеседовал, но только по телефону. Договорились встретиться завтра после обеда. Но вот что удивительно. — Майор Рожков поднял палец. — Этот Павел Выдренков сказал мне, что женушка его бывшая, Галина Викторовна, уехала из Кротово год назад. Собрала чемодан и укатила в неизвестном направлении. Он о ней больше ничего не слышал и ни разу не видел. А случилось это вскоре после той самой автомобильной катастрофы! В которой якобы погиб наш профессор.

— Какой он наш, — хмуро сказал Нижегородцев. — Похоже, он чужой!

Дело закручивалось в тугий клубок. Эксгумация трупа Абрикосова и последующие экспертизы показали, что в разбившейся машине погиб не ее хозяин, не бывший директор научно-исследовательского института в Кротове. В ней погиб кто-то другой. А это была очень серьезная информация! Может, исчезнувший Абрикосов — иностранный шпион и сейчас наслаждается плодами государственной измены где-нибудь в Майами. И уж, во всяком случае, совершенно ясно, что он причастен к хищению «изделия С».

Встречная проверка документации расформированного НИИ показала, что восемь килограммов урана так и не были сданы в головной московский институт. Не была обнаружена ни одна деталь из якобы разобранный фугаса.

Значит, портативная атомная бомба похищена Абрикосовым, который воспользовался беспрецедентным бардаком и отсутствием государственной дисциплины.

Нижегородцев развернул широкомасштабные поиски Вячеслава Абрикосова. Отправной точкой в этом розыске была его бывшая любовница. Опрашивались ее коллеги, родственники, знакомые, соседи.

Люди любят лезть в чужие дела, любят судачить о своих ближних, охотно передают сплетни, особенно если речь идет о каких-то необычных событиях или поворотах судьбы. Это помогло в розыске.

— Одна женщина видела Галочку, — округлив глаза, рассказала дальняя знакомая пропавшей. — Они вместе платья шили у одной портнихи. А потом эта женщина отдыхала в Сочи и там ее встретила. Причем не один раз. Городок маленький, за месяц их пути несколько раз пересекались. То Галя в дорогом бутике маечку за десять тысяч покупала, то в салоне красоты маску за четыре тысячи делала. Значит, не бедствует, видно, нашла солидного человека. Да, на красивой машине разъезжает, сама за рулем, все как в кино!

Получив такую информацию, майор Рожков нашел портниху, потом свидетельницу и выяснил, в каком салоне красоты Галина Выдренкова делает дорогие маски.

Нижегородцев с Буриком вылетели в Сочи. Курортный сезон закончился, и город потерял свой обычный лоск. Застроенный ларьками и палатками бульвар вдоль пляжа был пустынным, ветер мел по нему клочки газет, сигаретные пачки, полиэтиленовые кульки и прочий мусор. Гости из Тиходонска наведались в местный горотдел ФСБ и заручились поддержкой коллег.

С фотографией Выдренковой оперативники отправились в салон красоты и установили личность постоянной клиентки. Только знали ее здесь не как Галину Выдренкову, а как Татьяну Ивлеву, жену крупного бизнесмена, владельца процветающего туристического бюро и патентного агентства Романа Ивлева.

Ну, с туристическими бюро все понятно, сейчас их открывают все кому не лень. А вот патентную работу организовать непросто. Местные контрразведчики прояснили круг интересов Ивлева, его привычки и связи. Ничего предосудительного установить не удалось: ограниченный круг общения, размеренный образ жизни, никаких вредных привычек или излишеств. Все говорили, что Роман Альбертович широко образован и хорошо разбирается в технических вопросах, а также обладает хорошими организаторскими способностями.

Майор Нижегородцев пришел познакомиться со столь разносторонним человеком. Он уже видел его фотографию. Уверенный взгляд, резкие черты лица, отсутствие броских примет. Так бывает после пластической операции. Когда Нижегородцев в темно-синем двубортном костюме и темных очках вошел в приемную туристического агентства «Вояж», он уже ни на йоту не

сомневался в том, что Ивлев и Абрикосов — один и тот же человек. Теперь следовало в этом убедиться.

Обычно Ивлев появлялся около одиннадцати, майор пришел в половине двенадцатого, но хозяина еще не было.

Секретарша Ивлева, курносая, рыжеволосая, с покатыми плечами, с интересом посмотрела на элегантного посетителя.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Спасибо, мне нужен Роман Альбертович, — ответил Нижегородцев, отметив выучку персонала. Ивлев действительно умел организовать работу на должном уровне.

Хозяин появился к двенадцати. Дородный человек с красным лицом, уверенными манерами и напористостью локомотива.

— Здравствуй, Светочка, — вальяжно кивнул он секретарше. — Сегодня на дорогах редкостные пробки. Скоро будет как в Москве!

— Здравствуйте, Роман Альбертович! — улыбнулась девушка.

Нижегородцева Ивлев вначале как бы не заметил, но потом повернул к нему вытянутое лицо с пухлыми губами.

— Вы ко мне? — деловито осведомился он. И тут же лицо изменилось: губы подобрались, напряглись мышцы, заострились скулы. Элегантный молодой мужчина в темных, непроницаемых очках вызвал у него страх.

— Да, Роман Альбертович, — Нижегородцев поднялся.

— Проходите.

Голос его дрогнул. Светочка, почувствовав что-то неладное, оторвалась от своих бумаг. Но Ивлев уже взял себя в руки и по-хозяйски указал на дверь собственного кабинета. Нижегородцев распахнул тяжелую полированную створку и шагнул внутрь. Ивлев двинулся следом, но интуитивно оглянулся. На пороге приемной стоял излучающий силу и решительность Бурик. Хозяин, будто спасаясь, нырнул в кабинет и захлопнул за собой дверь. Бурик подошел к ней вплотную. Несколько местных чекистов заняли места под окнами. Капкан был взведен и готов поймать дичь.

Ивлев прошел к своему месту — кожаному крутящемуся креслу под копией картины Дали. Нижегородцев сел на стул для посетителей. Мягкие циферблаты похожих на яичницу часов символизировали растянутое время. И действительно, время в кабинете преуспевающего бизнесмена замедлило свой бег. Рука майора нестерпимо медленно потянулась к нагрудному карману, очень медленно извлекла бордовую книжку, неторопливо раскрыла ее и со скоростью миллиметр в минуту протянулась через стол, навстречу жадно и нетерпеливо распахнутым глазам Романа Альбертовича. Его лицо уже не было красным, но сейчас обычный цвет щек сменялся ослепительно белым, как будто на коже застывала алебастровая маска. Наконец расширившиеся зрачки сфотографировали шрифт в удостоверении.

— Вы... из Тиходонска? — на выдохе произнес Ивлев. И тем подтвердил подозрения Вампира. Это был вопрос человека, привыкшего иметь дело с сотрудниками ФСБ, но чувствующего за

собой грех в Тиходонском крае.

— Да, — кивнул Вампир. — Тиходонское управление ФСБ. Майор Нижегородцев.

Он представился, как положено, хотя все это было написано в удостоверении, поднесенном к лицу Ивлева. Но тот вряд ли был способен сейчас прочитать его или понять, что там написано. Бессильно откинувшись на спинку кресла, он жадно хватал ртом воздух.

Майор закрыл удостоверение и сунул его обратно в карман.

— А вы, надо полагать, бывший директор Научно-исследовательского института экспериментальной физики в Кротове Вячеслав Петрович Абрикосов?

— Я не понима...

— Бросьте, Вячеслав Петрович, — недовольно поморщился Нижегородцев. — Несolidно получается, по-детски. Зачем дурака валять? С чего вдруг к вам заявился контрразведчик из Тиходонска? Не из Саратова, не из Владикавказа, а именно из Тиходонска?

Маленькие глазки Абрикосова под нависшими черными бровями беспокойно забегали из стороны в сторону. Он неожиданно потянулся к ящику стола, и Нижегородцев привстал.

Но Абрикосов трясущимися руками достал сначала стопку каких-то документов, затем шариковую ручку. Положил все это перед собой. На бумагах остались влажные пятна от его вспотевших ладоней. Нижегородцев пристально наблюдал за его действиями. Писать Вячеслав Петрович вроде бы ничего не собирался. Тогда зачем ему понадобилась вся эта канцелярия? Гладкий, лишенный морщин лоб Абрикосова тоже покрылся капельками пота.

— Как вы меня нашли? — глухо спросил он после паузы.

— Это имеет для вас значение, Вячеслав Петрович?

— Нет. То есть да. — Он блуждающим взором обвел пространство кабинета. Потянул вниз узел галстука, расстегнул воротник. Стены сжимались, опускался потолок, катастрофически не хватало воздуха. — Хотя... нет. Не имеет... Какая теперь разница? Но что я такого сделал? Запутался в личных проблемах и, когда в моей машине сгорел другой человек, симитировал свою смерть? Это очень нехороший поступок перед семьей, но государству до этого нет никакого дела!

— Кражу «изделия С» вы называете личной проблемой? — усмехнулся Нижегородцев. — В последние годы мы привыкли ко всяким глупостям, но до такого пока никто не додумался!

Майор перевел взгляд с бледного лица Абрикосова на плотно зажатую в его изнеженных, почти женских пальцах шариковую ручку. Пластмасса потрескивала, казалось, что Абрикосов хочет переломить ее пополам.

— Ядерный фугас — совсем не личная проблема. Тем более что он находится в руках террористов!

— Какой фугас? — слабым голосом спросил Абрикосов.

— Тот, который якобы был разобран на части и сдан по описи расщепляющих элементов на склад головного института. — Каждое слово майор вколачивал, как гвоздь, и от этого

Абрикосов непроизвольно вздрагивал. — На самом деле вы ведь продали его? Не так ли?

Снова повисла напряженная пауза.

— Да, — выдавил из себя бывший директор НИИ. — Продал. Мне нужны были деньги. А эта война не имела для меня никакого значения. Мне наплевать на судьбу сионизма...

— Какого сионизма? — Нижегородцев удивленно вскинул брови.

— Против которого он собирался использовать этот фугас.

— Кто он?

— Араб, предложивший мне полмиллиона долларов. — Абрикосов заговорил быстрее, будто неожиданно заторопился куда-то: — Он сказал, что собирается шантажировать «изделием С» Израиль. А я... Какое мне дело до всего этого?

— И вы получили деньги?

— Вначале он заплатил мне триста пятьдесят тысяч, и я отдал ему фугас, но взрыватель оставил себе до окончательного расчета. Он обещал, что пришлет деньги через две недели. А прислал через несколько лет! Пару недель назад от него прибыли двое. Они заплатили оставшиеся сто пятьдесят тысяч, забрали взрыватель и уехали.

Абрикосов говорил спокойным, несколько обиженным тоном, как будто к нему умышленно придирались из-за какой-то ерунды. Нижегородцева это разозлило.

— Похоже, вы считаете, что ничего особенного не произошло?

Бывший директор пожал плечами.

— Я не сделал ничего более серьезного, чем делают все вокруг. Просто я попался, и теперь вы на мне отыграетесь по полной программе.

Теперь и лицо у него стало обиженным. Но только на миг. Потому что кулак майора Нижегородцева, прорвав тягучее время мягких часов, метнулся вперед, пересек пространство над столом и смачно врезался в вогнутую переносицу.

Абрикосова отбросило назад, кресло по инерции отъехало и ударилось в стену. Короткопалые руки закрыли ушибленное место, между пальцев протекла кровь.

— Ты продал атомную бомбу террористам, сволочь! И еще изображаешь из себя целку! Да я тебя прямо сейчас в расход пущу!

Нескрываемая ярость овладела майором. И Абрикосов почувствовал, что над ним нависла вполне реальная угроза физической расправы.

— Перестаньте, что вы делаете! — слабым голосом сказал он. — Я же признался во всем!

Он достал платок, смочил его водой из графина, вытер лицо и приложил мокрую тряпку к носу, останавливая кровотечение.

Ярость прошла. Майору стало стыдно. Но только на миг.

— Смотри сюда! Узнаешь?

Вампир достал из кармана несколько фотографий и веером разложил перед Абрикосовым.

— Да. Вот этого слева. — На фото был изображен Дебзиев. — Он привез мне две недели назад оставшиеся деньги. Сто пятьдесят тысяч. И я отдал ему взрыватель. Его напарник держался в отдалении.

Нижегородцев скрипнул зубами. Мозаика сошлась. Но испытывал ли он от этого удовлетворение? Скорее наоборот.

— А теперь послушайте, уважаемый. — В голосе майора зазвенел металл. — Эти люди вовсе не арабы, и бомба им нужна не для шантажа Израиля. Это чеченские террористы. И фугас, который вы им продали за полмиллиона долларов, предназначен для проведения широкомасштабной кровавой акции на территории России.

— Не может быть! — Абрикосов нервно облизал губы и убрал от лица окровавленный платок. Пот уже не струился по его вискам, и руки дрожали не столь заметно. — Использовать ядерный фугас против российского населения?..

— Собирайтесь! — приказал Нижегородцев и, повернувшись к двери, крикнул: — Бурик!

Коренастый, бугрящийся мышцами человек тут же появился на пороге.

Нижегородцев встал. Абрикосов зачем-то взял лежащую на столе ручку. В душе майора шевельнулось неясное подозрение. Щелчок — и вместо пишущего стержня из ручки выдвинулась игла, точно такая, какими делают прививки против гриппа. Вампир прыгнул через стол, но не успел. Своеобразный шприц воткнулся в запястье левой руки, Абрикосов откинулся на спинку крутящегося кресла. Его глаза безжизненно застыли, а сведенное судорогой лицо превратилось в неприятную перекосившуюся гримасу.

Вампир выругался. Ручка, снабженная отравленной иглой, как маятник покачивалась из стороны в сторону, понемногу уменьшая свою амплитуду.

* * *

Москва,

Центральный аппарат

ФСБ России.

— Мы обобщили все агентурные донесения, сводки наблюдений, хронику происшествий террористической направленности, провели аналитический мониторинг по трем совпадающим основаниям: крупная фигура уровня координатора «Аль-Каиды», обучение в СССР, приключения в Гондурасе: Вахид Бекмурзаев объединяет все перечисленные признаки.

Заседания штаба противодействия операции «Рука Аллаха» проводились регулярно — два раза в месяц. Информация о них поступала на самый верх, формируя представление, что контрразведка не спит, а активно работает. Хотя на самом деле, как и всегда, эффективная работа производилась внизу, на «земле», и выполняли ее конкретные рядовые оперативники: старшие лейтенанты, капитаны, майоры. Именно они не спали ночами, рисковали своей

шкурой, причем в самом прямом, а не переносном смысле.

Генералы не выполняют оперативных заданий, они их контролируют, хотя исполнители бывают невысокого мнения о подобном контроле. А в штабе в основном заседали генералы: Вериченко, Золотарев, Говоров и еще трое начальников главков. Поэтому единственной рабочей лошадкой являлся здесь полковник Яскевич: именно он проводил аналитическую работу и регулярно о ней докладывал. Остальные члены штаба с той же регулярностью критиковали его действия и учили, как надо было поступать. Что характерно, советы всегда давались задним числом, после того, как дело было сделано. Сейчас Станислав Яскевич делал свой очередной доклад.

— Подходящих фигур выявлено четыре: одна находится в Ираке, одна — в Афганистане, одна — в Иордании, одна — предположительно в Чеченской республике.

Лазерной указкой Яскевич показал местонахождение фигурантов розыскного дела: красная точка обжигала раскрашенную поверхность карты мира, как бы подчеркивая особую опасность каждого из отслеживаемых террористов.

— Кроме того, по данным нашего Тиходонского управления, там ведется работа по отработке связей Бекмурзаева.

— Вы уверены, что тиходонские коллеги не ошибаются? — перебил докладчика начальник Управления «Г» генерал-майор Говоров и поправил дымчатые очки в тонкой титановой оправе. — Это связи Бекмурзаева или человека, которого они хотят считать Бекмурзаевым?

Яскевич понятия об этом не имел, ибо проникнуть в мысли и предположения коллег не может ни один из руководителей, начиная от зонального опера и кончая директором ФСБ. Но отвечать так было нельзя.

— Я согласен с их мнением, — как можно увереннее кивнул он. — А они считают, что идут по следу именно Бекмурзаева.

— Кто непосредственно ведет разработку в Тиходонске? — спросил генерал Вериченко.

— Майор Нижегородцев, — четко ответил Яскевич, продемонстрировав свое знание обстановки.

Говоров кивнул.

— Это серьезный офицер. Он руководил захватом Абдуллы и ликвидацией Салима.

Вериченко наморщил лоб.

— Это ему мы персонально продлевали разрешение на службу? Он повредил глаза. И у него какая-то странная кличка.

Говоров выпрямился.

— Так точно, товарищ генерал-полковник. Свето-шумовая граната разорвалась прямо перед лицом, снижение зрения. А прозвище у него Вампир!

Вериченко кивнул.

— Да, это боевой, неоднократно проверенный офицер. Что ж, пусть работает.

Через полчаса очередное заседание штаба благополучно завершилось. Яскевич перевел дух.

* * *

Управляемый неведомой программой, объяснить которую сейчас не смог бы даже профессор Брониславский, Карданов шел по старым улочкам Богатыновки. Мимо двух-трехэтажных домов из парамоновского дореволюционного кирпича, с наглухо забитыми парадными, над которыми криво висели выцветшие фонарные полукружья из проржавевшей жести. Это был единственный район, где еще сохранились подобные раритеты старины.

Когда-то городской или квартальный, а потом участковый уполномоченный заставляли хозяев регулярно обновлять свежей краской название улицы и номер дома, ввинчивать лампочки в выдвинутый стеклянный треугольник. Потом порядок кончился, хотя об этом никто не говорил: говорили про плохое финансирование ЖКХ и отсутствие денег. Но независимо от того, что кончилось — деньги или порядок, — теперь прочитать название улицы или номер дома было невозможно, особенно в сумерках. Стены домов избороздили трещины, причем трескался не кирпич, а расходились швы — это подтверждало высокое качество парамоновского кирпича и наличие грунтовых вод.

На углу Мануфактурного переулочка он остановился: сверху бежала мощная река из лопнувшего канализационного коллектора, причем бежала уже давно, так как размыва булыжную мостовую и проложила себе довольно глубокое русло. Чтобы перебраться через поток нечистот, пришлось подняться на полквартиры вверх, где кто-то набросал камней, ящиков и бревен. Когда он прыгал с камня на ящик, а с ящика на бревно, в нос ударил густой туалетный дух, так что закружилась голова. Когда-то Лапин воспринимал такие вещи как должное, сейчас Карданов и Томпсон ужаснулись: в Смитфилде такое могло произойти только в том случае, если бы нашествие марсиан оказалось успешным.

Что его сюда занесло? — в очередной раз появилась пульсирующая мысль. Но уже возникло предчувствие близкой разгадки. Сейчас он увидит Антонину, Димку, переночует у них и вспомнит, зачем он сюда стремился.

Богатыновка жила своей жизнью. Шумел канализационный поток, переругивались визгливыми голосами толстые неопрятные тетеньки, гомонили дети, для которых весь ужас вокруг был привычной средой обитания, громко орал выставленный в окно магнитофон. Зачем его выставили в окно? Разве мистер Голдсмит может позволить себе такое? Конечно, нет, надо быть сумасшедшим, чтобы так поступать! Если кто-то хочет слушать громкую музыку, он должен законопатить окна и двери да развернуть динамики к себе, а если он хочет нарушать благочинную тишину и покой соседей, то его должны немедленно арестовать. Но здесь нет ни благочиния, ни тишины, ни покоя, а арестовывают только за убийства и террористические акты.

Все, что происходило вокруг, бессовестно и нагло врывалось в голову Карданова, заставляя мозг реагировать тупой, ноющей болью. Макс остановился и перевел дыхание. Его ботинки были забрызганы нечистотами и изгвазданы пылью, еще той, которую вздымали сто лет назад пролетки лихих жиганов в затомленных на затылок восьмиклинках и с «наганами» за пазухой, уносившихся во тьму после удачного налета.

— Эй, ты! — сухой надтреснутый голос окликнул Карданова из подворотни, и Макс машинально повернул голову. Прямо на проезде сидели на корточках трое. Двое совсем молодых подростков, лет по девятнадцати, и мужчина постарше, которому можно было с одинаковым успехом дать и тридцать лет, и сорок, и пятьдесят. Растянутое спортивное трико,

жеваная майка канареечного цвета, небрежно брошенная кожаная куртка явно с чужого плеча. Небритое лицо, синяки под глазами, впалые синюшные губы.

Руки у всех троих вытянуты и локтями лежат на коленях. Это поза опытных арестантов, которые используют для отдыха каждую минуту остановки этапной колонны. Но, судя по синим узорам, сливающимся со спортивным трико, специфический опыт был только у старшего, а молодые просто ему подражали и учились манерам. Это старый лагерный волк и его пристяжь.

— Чего вылупился? А ну-ка иди сюда! — развязно, с блатными интонациями обращался к Карданову один из молодняка. — Ты че, глухой? — Парень вынул изо рта чинарик и небрежно протянул его сидящему рядом товарищу. — Иди, куртку купи!

— Куртка мне не нужна, — спокойно ответил Макс.

— Ну, тогда свое шмотье продай!

— Не продается.

— Да иди сюда, побазарим! Чего ты здесь вынюхиваешь?

— Тебе надо, ты и иди!

— Ах так! Смотри, сам нарвался!

Парень поднялся. Он был высокого роста и настроен явно на драку. Почему здесь столько агрессивных и недоброжелательных людей?

— Подожди, Кирюха. — Из подворотни вышел еще один человек и схватил парня за руку. Он тоже был в дешевом трико, небритый, с татуировками на пальцах. И пристально всматривался в Макса. Так смотрят знакомые.

— Чокнутый, ты, что ли? Не узнаешь?

Небритый улыбался, обнажая тусклые железные зубы.

Да это Витька Кружок — приятель из прошлой жизни! Он здорово изменился и постарел, и неудивительно: богатыновские жители не ездят в санатории, а в тех местах, куда они периодически попадают, молодости и здоровья не добавляется. У Кружка было две «ходки» — одна за вооруженный разбой, поэтому на Богатыновке он считался в авторитете.

— Привет, Витя. Узнаю. Только я уже давно не Чокнутый.

— Да вижу, вижу. Забурел, разбогател. Мы тебя по телику видели! То ли ты, то ли не ты, а просто похожий. Мы так и не поняли. Но бабок ты огреб круто!

— Каких бабок? За что?

— Ладно, неменьжуйся, — засмеялся Кружок, ощерив в улыбке свою железную пасть. — За киношку небось «капусты» нехило нарубил!

— Да нет, — Макс пожал плечами. — Мне ничего не заплатили. Я же не актер.

Он тут же понял, что ни Кружка, ни матерого арестантского волка с учениками-волчатами

такой ответ не убедил. Им нет никакого дела — заплатили Карданову или нет. Раз они считают, что он при деньгах, никакие объяснения не «хилят».

— Ну отстегни немного бабла, не жмись! — натянуто улыбнулся Кружок. — У тебя вон один лапсердак небось тыщу рябчиков стоит!

Пальто Макса стоило тысячу фунтов, но разубеждать Кружка он не стал. Осторожно отделив в кармане купюру, он вытащил ее и протянул Витьку. Это оказалась сторублевка. Кружок одобрительно присвистнул.

— Порядок. — Он быстро выхватил купюру и зажал в кулаке. — А ты чего к нам-то? К Тоньке, что ли?

— Была такая мысль, — честно признался Карданов. — Как она?

— А чего ей сделается! — Цепкие проворные пальцы в синих татуировках помяли благоприобретенный стольник, и тот фактически растворился в пространстве. Вроде как и не было его совсем. — Батрачит, шмотки какие-то перепродает прямо на дому, мужиков разных приваживает. Короче, все как обычно. Без изменений.

— А Димка?

— Пацан у тебя правильный. Поднялся хорошо, — хмыкнул Кружок. — Бригаду собрал свою. Небольшую, конечно, но вес кой-какой имеет... Только замели его. Три месяца как на нарах парится. Вон теперь Кирюха за него бригадирит!

Кружок кивнул в сторону длинного волчонка.

— Дал бы лавэ на подогрев Димкин, — вмешался тот, будто только и ждал повода.

— Слышь, братское сердце, помоги и мне сколько можешь, — скрипучим голосом произнес арестантский волк. — У меня туберкулез никак не рубцуется, лекарства дорогие, да и продукты хорошие нужны: курица, масло, фрукты.

— А у меня мать болеет, — тут же присоединился к просителям второй волчонок. — Дай хоть полтинник!

Макс мог дать всем по стольнику. Но делать этого было нельзя. Ибо по местным понятиям это не было бы жестом благородства и милосердия. Напротив — признанием своего богатства и страха перед местной хеврой. А значит — приглашением отнять все, что есть, а самого насадить на пику и спустить в канализационный люк.

— В собес идите! — грубо сказал он. — Я Кружку на всех дал.

Такое объяснение всем присутствующим показалось вполне понятным и справедливым.

Макс двинулся дальше. Он зашел в знакомый убогий подъезд и громко постучал кулаком в облупленную дверь. Возле нее его когда-то чуть не убили.

Антонина открыла почти сразу. Глаза ее округлились.

— Это ты, Лапин?! Откуда ты нарисовался? Ну, ты даешь, бродяга!

Она ненатурально захохотала.

Кружок был не прав. За семь лет мало что изменилось только по здешним меркам. От прежней Тоньки ничего не осталось. Отечное лицо, квадратная ширококостная фигура, засаленный потрепанный халат, накинутый, похоже, прямо на голое тело... Вид у нее был еще более потасканный, чем прежде.

Карданова передернуло. И как он мог жить с этой женщиной, спать в одной постели?

Наверное, на его лице отразилось отвращение. Но Тонька не обращала внимания на всякие мелочи.

— Ты теперь знаменитым стал, разбогател! Но меня, я вижу, не забыл. Что встал, как член у кобеля? — Тонька захохотала еще громче. — Заходи в родную хату!

Схватив Макса за руку, она втянула его в квартиру. Карданов и Томпсон в ужасе озирались по сторонам. Низкие потолки со следами многочисленных протечек, кривые облупленные стены с многочисленными трещинами, дощатые щелястые полы, под которыми в изобилии водились мыши. Десяток водочных бутылок возле батареи. В таком помещении не могут жить люди! Даже незаконные мигранты из Индии, Африки и Пакистана.

Лапин же на миг испытал ностальгические чувства. На этой крохотной кухоньке он когда-то спал, прямо на полу, подстелив жидкий матрас, покрытый старым солдатским одеялом. С тех пор квартира стала богаче, глаза Лапина заметили явные предметы роскоши: новый телевизор SONY, видеомагнитофон, стеклянный столик рядом с диваном, на котором стояла заполненная до краев окурками пепельница в виде кленового листа, настенное бра с хрустальными висюльками. Видно, Димка действительно хорошо поднялся!

— Располагайся, не тушуйся, как-никак домой пришел! — ободрила его Антонина. — Выпить хочешь?

При последнем предложении она заговорщически подмигнула и повернулась к древнему буфету. Короткий халат открывал мощные ноги с выпирающими икрами, широкие щиколотки и желтые с натоптышами пятки, плотно прилегающие к смятым задникам заношенных домашних тапок. Карданова передернуло еще раз.

— Нет, нет, я пить не буду. Ты же знаешь, я не пью!

— Так это раньше не пил, когда на заводе горбатился да по психушкам валялся! А теперь ты артист, при деньжищах громадных! Так чего ж не пить?

— При чем это? Не пью я!

— Ну да. Ты же всегда был вольтанутым. Ой, не обижайся. Но тараканы у тебя водились, сам знаешь.

Она достала початую бутылку, налила большую рюмку и привычно опрокинула, понюхав засаленный рукав. Томпсон поразился: в Англии на порцию крепкого спиртного наливают двадцать пять граммов и пьют целый час.

— А где ты был столько времени? В Москве небось ошивался?

— Да нет, подале.

— А про нас с Димочкой забыл? — Глаза Антонины довольно естественно наполнились

слезами. — Я одна мыкаюсь, Димочку, сыночка моего, посадили ни за что, жить не на что, с хлеба на квас перебиваюсь!

Слезы потекли по щекам, веки набухли, нос покраснел. Тонька зарыдала навзрыд.

— А сколько мы тебе добра сделали! Сколько я на тебя денег потратила! Сколько кормила, поила!

Она опрокинула еще несколько рюмок подряд. Шесть-восемь английских доз. Запредельно даже для здорового мужика!

— Хорошо хоть наконец совесть проснулась. — Она перестала плакать, подошла вплотную и прижалась к Максусем всем телом, Тот отступил и плюхнулся на продавленный диван. Тонька тут же уселась ему на колени. Сильно запахло потом. — Ты же дашь мне денежек?

Макс полез в карман и вытащил десяток сторублевок, которые немедленно оказались в кармане у Антонины.

— И Димочку моего выпустишь? Он поперхнулся.

— Как я его выпущу? Я что — прокурор? Встань, пожалуйста.

Тонька хихикнула.

— Тебе и не надо быть прокурором. Ты знаменитый, про тебя кино сняли. Значит, попросишь кого надо — и все в порядке.

— Встань, пожалуйста, — повторил Макс.

Но она только сильнее заерзала на его коленях.

— Зачем ты пришел?

— Кто, я? Гм... — Макс задумался. Действительно, зачем? — Не знаю. Ноги сами сюда привели.

— А я знаю!

Антонина плотоядно улыбнулась, ухватила Карданова за руку и засунула под халат. Пальцы Макса коснулись влажной волосатой промежности. Тонька всегда готова, как пионер. Это рефлекс, как у собак Павлова.

— Вот это тебя привело! Моя киска!

Карданов с отвращением выдернул руку и грубо сбросил Тоньку на пол. Раздался звук, будто на некрашенные доски упал мешок с картошкой.

— Ты что, офонарел, Чокнутый?!

Не слушая ругательств бывшей сожительницы, Макс выскочил на улицу.

* * *

Тиходонск,

28 сентября 2004 года,

11 часов 31 минута.

Времена, когда Николай Петренко был недоволен своей судьбой, давно канули в Лету. К настоящему моменту у этого седого низкорослого, но все еще крепкого человека уже не осталось амбиций. Перегорели обиды, исчезли честолюбие и целеустремленность, не стало инициативы. Сейчас он просто доживал, катился по течению.

После армии он поступил в милицию, учился в школе МВД и ставил перед собой весьма высокие цели. Однако все кончилось крахом. Причем из-за пустяка, просто не повезло. Встретил пьяного возле подъезда его дома и, поскольку тот был хорошо одет, а следовательно, перспективен, задержал и доставил в райотдел. Дело обычное: какой смысл грязных бродяжек подбирать? С них ни денег, ни полезных знакомств, только возня. Но на этот раз задержанный оказался чиновником городской администрации. И закрутилось, мигом все встало с ног на голову! Почему не помог зайти домой? Какие основания для доставления? Милиция должна помогать гражданам! И уволили без выходного пособия!

Благодаря одному знакомому Николаю удалось пристроиться в службу безопасности «Тихпромбанка», и он надеялся, что здесь достигнет успеха. Однако и здесь не везло. Годы просочились, как песок сквозь пальцы, а дядя Коля так и остался неприметным сотрудником среднего звена. Но сейчас у него появился шанс.

— Останови здесь, — коротко приказал Петренко Васе Лугахову, сидевшему за рулем черного служебного «БМВ».

Парень послушно прижал автомобиль к обочине. Заглушил мотор. Вниз к набережной уходил вымощенный еще сто лет назад булыжником легендарный Богатый спуск. Ветерок слегка раскачивал кроны скрипучих акаций.

Дядя Коля посчитал, что директор сгущает краски и для задержания незнакомца трех человек будет вполне достаточно. Трое против одного — оптимальное численное преимущество. Пятеро уже будут только мешать друг другу.

— Фотка-то его у нас есть? — бросил с заднего сиденья молоденький охранник Андрей Гордеев, облаченный в серую дутую куртку и чуть съехавшую набок кепку.

— Нам она без надобности, — отмахнулся Петренко. — Я знаю клиента в лицо. Так что не ошибемся. Запирай машину, Вася, и пошли.

Он первым вышел из чистого уютного салона и ступил на мокрый, в выбоинах асфальт. За дядей Колей последовал и Гордеев, мягко захлопнув дверцу автомобиля. Парнишка поежился и, сунув руку в карман, положил пальцы на рукоятку пистолета. У Богатынок была дурная слава.

Вася Лугахов покинул «БМВ» последним, включил сигнализацию. Пикнувший в руках крепкого широкоплечего парня брелок провалился в карман широкого плаща. В отличие от напарника, Лугахов не взял пистолет, только привесил к поясу раскладную дубинку — хлопот меньше. Дубинка — единственная память об отце, тоже охраннике, безвестно сгинувшем в спецзоне как раз за то, что неправильно применил оружие.

У Петренко в плечевой кобуре ждал своего часа служебный «ИЖ-71». Он редко покидал

кобуру — только для тренировочных стрельб и обычной чистки. В этот раз дядя Коля тоже надеялся, что ствол не пригодится, поэтому кожанка пожилого охранника оставалась наглухо застегнутой под воротник. То, как он выполнил указания Тимохина, объясняло все его жизненные неудачи гораздо лучше, чем он сам.

Трое охранников молча двинулись по замызганной улице. Каждый думал о своем. Петренко мечтал о наваристом борще, дожидавшемся его дома еще со вчерашнего вечера. Настоявшись, борщ становится вкуснее, и если натереть ржаную горбушку чесноком... Дядя Коля почувствовал, что у него выделилась слюна, и отогнал эти мысли.

Лутахову надо было успеть отогнать на ТО-2 новую «девятку», потом потягать с приятелями железо в спортзале, а вечером, расслабившись с пивом, посмотреть боксерские матчи по телевизору.

А у Гордеева намечалось свидание, и он предвкушал, как разденет стройную и охочую до постельных утех Ирину, при этом у него возникала реакция, схожая с реакцией организма дяди Коли на мысли о борще.

Дядя Коля чуть замедлил шаг, прикуривая на ходу сигарету. Прикрыл огонек зажигалки от ветра, втянул в себя первую порцию дыма. В подворотне кучковались какие-то типы. Они в упор рассматривали чужаков, но их решительный вид заставлял воздерживаться от активных действий.

А навстречу шел человек, который был им нужен.

— Вот он! — сказал дядя Коля.

Макс вывернул из-за угла и, понуро глядя себе под ноги, перебрался через бурный канализационный поток. Он старался понять, зачем он здесь. И, сосредоточившись на своих размышлениях, почти не смотрел по сторонам. Реальный мир потерял четкие очертания, он плохо понимал, где находится и куда идет. Очень важная мысль ускользала, не давая ухватить себя за кончик.

Расстояние между Максом и тремя охранниками сокращалось.

— Брать будем? — дрогнувшим голосом спросил Гордеев, хрустнув костяшками пальцев.

— Нет, выпить пригласим, — отрывисто ответил дядя Коля.

Сейчас он понял, что не выполнил ни одного указания шефа и что результат этого может оказаться непредсказуемым. Но решительными действиями он хотел внушить уверенность напарникам и взбодрить самого себя.

— Конечно, брать. Чего ты тупые вопросы задаешь? Значит, так, парни. Действуем, как в хоккее. Я на месте центрфорварда. Андрей, ты заходишь с левого фланга, ты, Вася, — с правого. Атаку начинать строго по моему сигналу. И никаких пируэтов. Ни словесных, ни...

Он так и не сумел подобрать нужного слова, а потому вместо продолжения просто взмахнул рукой, будто шашкой кого-то на полном скаку срубил.

— Короче, никаких. Валим с ходу этого придурка и тащим в машину. Наручники взяли?

Молчание было достаточно красноречивым ответом.

С досадой швырнув под ноги только что прикуренную сигарету, дядя Коля тараном двинулся вперед. Шел точно лоб в лоб с Кардановым. Лутахов с Гордеевым потянулись следом, каждый слегка изменив траекторию движения по заданному дядей Колей курсу.

Макс заметил охранников слишком поздно. Петренко уже был в двух шагах, когда Карданов поднял глаза и сфокусировал взор на сосредоточенной физиономии седовласого мужчины, на плотно сомкнутых губах и рельефно очерченных скулах. Макс скорее почувствовал, чем увидел взметнувшуюся руку дяди Коли. Кулак был нацелен ему в лицо, и Карданов за одно мгновение до удара успел отклониться в левую сторону. Костяшки пальцев жестко скользнули по щеке. По инерции Петренко повалился вперед, Карданов перехватил его руку и, резко вывернув вверх, сделал подсечку. Седовласая голова врезалась в грязную землю. Справа будто из-под земли вырос Гордеев и, получив удар в солнечное, попятился и сел на землю.

Третий нападающий сунул руку под плащ, вытащил какой-то предмет, резко встряхнул. С треском раскрылась складная дубинка с шариком на конце. Шарик описал полукруг, метя. Макс в темя, но он поднырнул вперед, прямо под удар, подставил левую руку, захватил правой бьющую кисть, резко развернул. Раздался крик, хруст, дубинка упала на землю, а колено Карданова взметнулось вверх, встретив на своем пути опустившуюся голову Лутахова. Раздался глухой удар. Из разбитого носа брызнула кровь, глаза Василия закатились, и он, потеряв сознание, рухнул в грязь.

— Гля, как он их сделал! — с улюлюканьем закричали из подворотни. — Рви когти, кореш, мы ничего не видели!

Макс на миг замешкался, оценивая обстановку. Петренко и Лутахов лежали неподвижно. Второй был действительно без сознания, а первый притворялся. Рука была сломана или вывихнута, так что боеспособность была наполовину утрачена. Воспоминания о дождавшемся дома борце тоже не способствовали героическим поступкам.

Гордеев сидел, держась за живот, и испуганно смотрел на страшного незнакомца. Про пистолет он забыл начисто и даже не пытался сунуть руку в карман.

— Все нормально? — спросил у него Макс. Тот поспешно закивал головой.

— Ну и ладно! Кто вы такие? Что вам от меня нужно? — уточнил Карданов.

— Мы это... из «Тихпромбанка», — шмыгнул носом Гордеев. — Это, значит, вас приказано доставить к директору.

— Зачем?

— Не знаю. Матерью клянусь, не знаю!

— Ну ладно. — Макс похлопал съжившегося охранника по плечу. — Но больше так не делай!

Стремительными шагами он направился прочь. Когда Макс отошел на достаточно большое расстояние, дядя Коля позволил себе очнуться.

— Где он?! Ты почему его упустил?! — накинулся он на молодого человека.

— Так что я сделаю, вы вон лежите!

Вдвоем они стали приводить в чувство Василия. Тому досталось больше всех: лицо

окровавлено, нос расплющен — он был в нокауте. Наконец и третий участник группы захвата открыл глаза.

— Да, вот что значит — не везет! — горестно вздохнул руководитель операции дядя Коля. — Теперь меня точно выгонят! А за что?

Но никто из напарников ему не ответил.

* * *

Тиходонск,

29 сентября 2004 года,

12 часов 43 минуты.

Майор Нижегородцев был одним из немногих, кто свободно чувствовал себя в кабинете генерала Лизутина и запросто называл начальника УФСБ Матвеем Фомичом. По большому счету, их связывали отношения не начальника и подчиненного, а доброго наставника и благодарного ученика. В основе этих отношений лежала длительная совместная служба, схожие черты характера и доверительность, обусловленная тем, что генералы не могут общаться исключительно с другими генералами или большими начальниками, так же, как не могут жить в безвоздушном пространстве. Майор был смел, инициативен, умел держать язык за зубами, он охотно брался за любое поручение Лизутина, и каждое из них он старался выполнить на совесть. Поэтому ему поручались особо важные, конспиративные служебные задания, а также особо щекотливые и конфиденциальные личные поручения. Справедливости ради надо сказать, что первых было значительно больше, а вторые носили разовый характер и были связаны с обычным адресом в спальном микрорайоне Тиходонска, куда генерал «нырял» несколько раз в месяц, а Вампир прикрывал его, как на встрече с агентом. Больше того, он искренне делал вид, что старший товарищ занимается там служебными делами государственной важности.

Сейчас разговор шел о «Руке Аллаха».

— С Гуссейновым мы облажались, — задумчиво говорил Лизутин, постукивая по столу обратной стороной авторучки. — С ним такие твои номера, как с Лучником, не проходят. Я до сих пор за него объясняюсь.

— Это факт, — признал Нижегородцев. — Действительно облажались.

Сразу же после задержания Арсена Гуссейнова Лизутину и его замам посыпались телефонные звонки. Руководители различных рангов характеризовали разыскиваемого особо опасного террориста как уважаемого бизнесмена, который много сделал для области и города, а потому требует к себе самого пристального и доброжелательного внимания. Дурдом какой-то! Раньше за подобный звонок любого начальника бы выгнали из партии и бросили, как обосравшегося щенка, на рядовую работу. А может, и в камеру, рядом со своим протезе! А то на тебе: «Много сделал для области!». Да он со своим дружкой еще больше сделает, только виновными окажутся не те, кто звонил, а те, кто отпускал! А конкретно — сам майор Нижегородцев! А пока он оказался виноватым в том, что задержал уважаемого бизнесмена на основе необходимой информации, без доказательств и уголовно-процессуальных гарантий. Но отделался устным замечанием — большое спасибо, товарищи руководители. Хорошо еще, что он не успел сводить Гуссейнова в подвал, к забрызганному кетчупом щиту. Хотя именно этот

путь мог привести к Вахиту!

Вампир был крайне раздражен. В кабинете генерала он не надевал темные очки, а старался сесть спиной к окну.

Сейчас ему это не удалось и он раздраженно шурился на свет. Но не только этим объяснялось его раздражение.

— Так что выходов на Вахита нет, — продолжил Лизутин. Майор кивнул.

— И это факт.

— И мне кажется, что появление у нас этого Лапина связано с этим делом. Пока не знаю как, но связано.

На улице ярко светило солнце. Майор потер начинающие слезиться глаза.

Действительно странно. Буквально несколько дней назад Лизутин лично привез распоряжение из Москвы отработать личность Макса Карданова, некогда проживавшего в Тиходонске под именем Сергея Лапина. Когда-то тот был фигурантом темной и достаточно запутанной истории, причем оказался человеком очень непростым. Имел дела с разведкой, центральным аппаратом контрразведки, потом покинул пределы России и осел где-то в Англии... В самом задании не было ничего необычного, кроме того, что поступило оно с самого верха. Вопрос отработали и убедились, что никаких связей Лапина-Карданова с Тиходонском не существует, а вероятность появления его в городе практически равна нулю. Так и отписали инициатору запроса.

И вдруг Лапин всплывает из небытия именно в Тиходонске! Совпадение? Но ни одна оперативная служба не верит в совпадения, а контрразведка — особенно! Значит, очередной прокол исполнителей! А конкретно — майора Нижегородцева!

— Чего молчишь? — поторопил генерал. Потом встал и задернул шторы. Майор благодарно улыбнулся.

— А чего он делал в банке?

— Да ничего! Пришел и ушел. А потом отмудохал троих охранников, которых за ним послали!

— А какая связь с «Рукой Аллаха»? Каким боком он тут привязан?

— Не знаю. Но устрица он еще та! И с Вахитом этим несколько раз встречался! И объявился как раз тогда, когда самым важным делом является «Рука Аллаха»! Ты веришь в совпадения?

Нижегородцев только усмехнулся.

— Вот то-то! — Генерал прихлопнул одной ладонью другую. — Значит, поднимай его досье, изучай, устанавливай адреса, в которых он может появиться.

— И?.. — Вампир поднял брови.

— И найди его.

— И?.. — повторил Вампир. Он терпеть не мог загадок. Особенно если они исходят от начальства. Задание должно быть поставлено четко, ясно и недвусмысленно. Тогда меньше

шансов оказаться крайним. Впрочем, ненамного: в случае победы лавры снимают руководители, в случае поражения отвечают подчиненные.

— И поговори с ним. Просто доверительно поговори. Обычная оперативная беседа. Если почувешь что-то подозрительное, возьмем его под наблюдение. Я тебе скажу вот что: скорей всего он появится у своей сожительницы. Поэтому установи ее адрес.

— Антонина Крылова, Мануфактурный, дом 9! — перебил шефа майор.

Лизутин не удивился. Или скорей не подал вида.

— Молодец. Иди работай.

— Есть! — Вампир встал и быстро направился к двери.

— Только не надо геройствовать! — сказал ему вслед генерал. — Он легко уложил троих голыми руками. А семь лет назад перестрелял профессиональных убийц!

Майор на миг остановился.

— Причем все попадания точно между глаз. Спасибо за подсказку, Матвей Фомич.

Дверь за оперативником закрылась. Генерал пристально смотрел ему вслед и едва заметно улыбался.

* * *

Приблизительно в то же время, когда майор Нижегородцев выходил из кабинета Лизутина, в аэропорту Тиходонска приземлился рейсовый «Ту-154» и по трапу спустились пять человек, которые сразу выделялись в пестрой толпе пассажиров.

Первым со спортивной сумкой через плечо шел Артур Сова, бывший командир одной из групп захвата столичного СОБРа, уволенный шесть лет назад за то, что при задержании опасного преступника неудачно выстрелил и тяжело ранил заложницу. Журналисты раздули из этого прискорбного факта большой скандал, и Артур чудом избежал суда и обвинительного приговора. Отделался, можно сказать, малой кровью.

Следом из металлического чрева авиалайнера вышел его друг и постоянный напарник Роман Чибисов с точно такой же сумкой. В отличие от Артура, у Романа были светлые волосы и вытянутое лицо. Он был чуть выше напарника, но уже его в плечах. Губы Чибисова с трудом скрывали его здоровые лошадиные зубы, которые делали парня крайне непривлекательным для противоположного пола.

Затем по трапу спустились две женщины, за ними молодая семья с ребенком, мужчина в деловом костюме и небрежно наброшенном на плечи плаще. Когда Сова и Чибисов ступили на твердый асфальт аэродрома, на трапе появились еще двое мужчин в коротких кожаных куртках и джинсах. На лице каждого из них явно читались следы многочисленных рукопашных схваток: деформированные уши и носы, шрамы на бровях; ножевой шрам на щеке одного свидетельствовал, что схватки были не спортивными, а боевыми. Парни степенно спустились по трапу и встали рядом с коллегами.

Группу «острых акций» замыкал сам командир, и это свидетельствовало о важности порученного им задания. Дмитрий Шашков имел самый цивилизный вид. Его длинное

демисезонное пальто из тонкой шерсти развевалось по ветру, открывая строгий серый костюм и черную водолазку, обтягивающую могучую шею. Если судить по одежде и внешнему виду, то могло показаться, что этого элегантного господина ничто не связывает с самыми отчаянными бойцами группы.

К трапу подъехал черный микроавтобус «Мерседес» с тонированными стеклами, наружу упруго выскочил кряжистый юркий мужичок с покатым лбом и двумя острыми, как волнорезы, залысинами. Это был начальник службы безопасности «Тихпромбанка» Моташов.

— Добрый день. Как долетели? — Он поздоровался за руку с каждым из посланцев «Консорциума».

Своим внешним видом Моташов ничем не напоминал начальника СБ. Администратора отеля — да, забитого жизнью инженера какого-нибудь агонизирующего НИИ — тоже, пожалуй... Ну, на худой конец, он сошел бы за мелкого предпринимателя, скрывающегося за неприличной и обидной аббревиатурой ПБОЮЛ. Но никто с первого взгляда не сумел бы угадать в Моташове бывшего комитетчика, проработавшего полтора десятка лет в аналитическом отделе. Оттуда Тимохин и перетянул его в «Тихпромбанк».

— Без проблем, — улыбнулся Шашков. — Все как положено.

Такой ответ означал, что на борт их провели без досмотра и они спокойно привезли с собой оружие. Подчиненные Шашкова считали, что это дело само собой разумеющееся, и вообще не обратили внимания на вопрос.

Они вообще были не очень-то разговорчивыми. Поэтому погрузились в микроавтобус, не проронив ни слова, и ехали молча, глядя в затемненные окна на оживленные тиходонские улицы.

— Где объект? — спросил Шашков. Моташов пожал плечами.

— Мы послали трех остолопов захватить его, но он уложил всех троих. Один лежит в больнице с сотрясением мозга, у второго сломана рука, а объект скрылся.

— Где его можно найти? — без эмоций поинтересовался командир группы. Похоже, что судьба предшественников его совершенно не заинтересовала и ни в коей мере не озаботила.

— Скорей всего он вернется к сожительнице. Больше ему деваться некуда.

— Адрес известен?

— Да. Мануфактурный, дом 9.

— Значит, туда и отправимся! — подвел итог Шашков. — Подвезете нас поближе, оставите машину и уходите. Потом мы с вами свяжемся. Скорей всего нам понадобится какое-нибудь уединенное место. Подвал, заброшенный дом или что-то в этом роде.

Моташов кивнул.

— Найдем. С этим проблем не будет.

* * *

Нижегородцев, Молотов и квадратный спецназовец с детской фамилией Бурик прибыли на

Мануфактурный в серой служебной «Волге». Они заехали не с Богатого спуска, а с Соляного переулка, поэтому им не пришлось перебираться через бурный и шумный канализационный поток. Свой скромный транспорт они оставили у дома номер 2, чтобы не привлекать внимания, а к нужному адресу двинулись пешком.

— Мотор не глуши, — распорядился Нижегородцев, обращаясь к сидящему за рулем Бурику. — Не отвлекайся, слушай эфир, поддерживай визуальный контакт.

С этими словами он толкнул тугую и скрипучую дверцу автомобиля и выбрался из салона. Высокий, широкоплечий, облаченный в короткую кожаную куртку и солнцезащитные очки, Вампир больше походил на супермена из какого-нибудь голливудского боевика, нежели на оперативника контрразведки. Он неторопливо двинулся вперед и, как полагается суперменам, расстегнул куртку, чтобы быстрее можно было добраться до двадцатизарядного «стечкина».

Молотов шел в нескольких метрах сзади. На Вадиме был кожаный пиджак и синие брюки. Ноги, обутые в тяжелые шнурованные ботинки, уверенно попирали столетний булыжник мостовой. Он цепко оглядывался по сторонам, отмечая любые мелочи. Потому что в подобных делах мелочей не бывает. Недаром все трое надели под одежду кевларовые бронежилеты.

Дом номер 9 встречал их зияющим, как черная дыра, подъездом. Оперативники осторожно вошли внутрь и постучали в обшарпанную дверь. Через несколько минут за ней послышался недовольный женский голос:

— Кого еще принесло?

— Откройте, милиция! — сказал Нижегородцев. У него действительно имелось удостоверение капитана уголовного розыска.

Дверь приоткрылась. В неширокую щель выглянуло опухшее лицо женщины, которая явно злоупотребляла спиртным.

Бурик внимательно наблюдал за улицей и в то же время следил за черным провалом подъезда. Рация лежала наготове на соседнем сиденье. Вдруг со стороны Богатынковского показался черный микроавтобус «Мерседес» с сильно затемненными стеклами. Он сразу привлек внимание спецназовца: такой машине попросту нечего здесь делать. Тем временем Вампир вел беседу с Антониной:

— Мы ищем Сергея Лапина. Когда вы его видели в последний раз?

— Чокнутого? — уточнила женщина. — Да сегодня и видела. Пришел ко мне, пальцы веером, стал клинья подбивать! Нет чтобы денег подкинуть, сразу под юбку залезть норовит. Не на такую напал! Надавала по морде и выставила на улицу!

— Вот так, да? — обескураженно спросил Вампир.

— А то ты не знаешь! — Антонина подмигнула. — Все вы такие!

— Первый, я — Третий, — внезапно громко заговорила рация в руке Вампира, и Тонька испуганно захлопнула дверь. — Тут подъехал микроавтобус «Мерседес», — исправно докладывал Бурик. — Вышли четверо, направляются к вам.

— Кто такие? — настороженно спросил Вампир.

— Рожи бандитские. Похоже, под одеждой оружие.

— Хорошо. Прикрой в случае чего.

Вампир сунул руку под куртку и обхватил теплую рукоятку пистолета.

— Сюда гости, — отрывисто сообщил он напарнику, и Молотов тоже приготовил оружие.

Шашков и четверо его спутников с трудом перебрались через поток нечистот и подошли к дому номер девять. Они чувствовали себя очень уверенно, настолько уверенно, что, подходя к черному провалу подъезда, Сова и Чибисов синхронными движениями достали пистолеты. На стоящую в стороне неброскую «Волгу» они внимания не обращали. А зря!

— У них стволы, Вампир! — крикнул Бурик, выпрыгивая из кабины и прикрываясь дверцей. Рука поспешно нащупывала застежку кобуры. — Эй вы, стоять! Оружие на землю!

Реакция у Совы была самой быстрой. Он вскинул руку и, мгновенно прицелившись, дважды выстрелил. Бурик присел. Со звоном разлетелось стекло, и осколки посыпались на спину и голову фээсбэшника. Бурик инстинктивно прикрылся руками. Один из осколков впился в тыльную сторону ладони, и бурая струйка крови покатила за рукав рубашки.

— Стреляют, Вампир, они стреляют! — завопил он во весь голос уже без всякой рации, чтобы предупредить друзей, как будто стрельба могла быть кем-то неслышанной.

Но те уже и сами сориентировались.

— Бросай стволы, ФСБ! — крикнул Нижегородцев, появляясь в проеме подъезда с оружием в руках. Громоздкий «АПС» [5] выглядел весьма внушительно, но Вампир имел достаточный боевой опыт для того, чтобы не надеяться на психологический эффект. Поэтому одновременно с командой он выстрелил Шашкову под ноги. Пуля со свистом срикошетила от булыжника и ушла в небо.

Сова снова спустил курок. Пуля вырвала кусок древесины из косяка подъездной двери. Тут же открыли огонь Шашков и Чибисов, за ними начали стрелять остальные двое бойцов.

Нижегородцев шарахнулся назад в темноту. Рой пуль влетел в подъезд, кроша давно не беленные стены и выбивая из них снопы известковой пыли.

— Мочим? — спросил Молотов, прячась в простенке и прижимая к правой щеке взведенный пистолет.

— Огонь! — приказал Вампир. Он прекрасно знал, что в боевой ситуации промедление подобно смерти. Нет смысла выкрикивать грозное название своей конторы, еще более глупо размахивать удостоверением, не дадут эффекта и предупредительные выстрелы в воздух. Все разбирательства откладываются на потом, огонь можно пресечь только огнем. Если, конечно, у тебя нет желания распрощаться с жизнью. У майора такого желания не было.

Присев на одно колено, он уперся локтем и, выставив оружие перед собой, профессионально прицелился. Бах-бах-бах! Три одиночных выстрела прозвучали как одна очередь. Сравниться в меткости стрельбы с Нижегородцевым не мог никто в Управлении. По штатному расписанию в группе захвата он значился снайпером. А боевой опыт помогал ему сохранять хладнокровие и в экстремальных обстоятельствах. Три девятимиллиметровые пули веером разлетелись между бойцами «Консорциума», а одна с чавкающим звуком вошла человеку с ножевым шрамом под

кадык. «ТТ» с глухим стуком брякнулся на мостовую, тут же его накрыло тяжелым телом убитого.

У Чибисова пуля пролетела над ухом. В ответ его указательный палец несколько раз заставил пистолет натужно кашлянуть, извергая из дула зеленоватое пламя.

От расстрелянной «Волги» наконец открыл огонь Бурик. «Стечкин» — очень эффективное оружие, особенно когда стреляет очередями. Правда, мало кто в таком режиме способен попасть в цель. Но Бурик это умел. Шквал пуль обрушился на группу «острых акций». Чибисова ранило в плечо, Шашкову вскользь зацепило ногу. Сова перенес огонь на Бурика, пули прошивали дверь «Волги» насквозь, одна ударила спецназовца в грудь, но застряла в бронежилете, хотя от удара у него хрустнуло ребро, перехватило дыхание и потемнело в глазах. Он перестал стрелять и тяжело откинулся на порог машины.

Противоборствующие группы почти в упор поливали друг друга свинцом. Двойное численное превосходство бойцов «Консорциума» компенсировалось двадцатизарядными магазинами «стечкиных» фээсбэшников. К тому же оперативники использовали средства защиты, которых у москвичей не было. Молотов получил пулю в живот и скорчился от динамического удара, зато одного из нападавших пуля прошла насквозь, и он замертво упал неподалеку от своего товарища.

вернуться

5

«АПС» — автоматический пистолет Стечкина.

Щелкнув, замолк пистолет Сова, стал на затворную задержку «макар» Шашкова, подходил к концу боезапас у Чибисова. А из подъезда гремели выстрелы, пришедший в себя Бурик тоже выпустил очередную очередь, прошив Сова икру. Тот уронил запасную обойму и с трудом удержался на ногах.

— Уходим! — скомандовал Шашков, и они бросились к микроавтобусу. Шашков и Сова сильно хромали и оставляли за собой пятна крови, Чибисов зажимал простреленное плечо. На этот раз они вброд перебрались через канализационный поток, Чибисов сел за руль микроавтобуса, остальные повалились на пол салона. «Мерседес» рванул с места и скрылся в путаных улочках Богатынówki. Его никто не преследовал. Только в кино погони и перестрелки сменяют одна другую. В реальной жизни измочаленные люди не могут бесконечно вести бой или преследование. Да и не хотят этого делать.

— Эй, вы как, целы?! — громко крикнул Вампир, и его голос прогрохотал в наступившей тишине.

— Я контужен, — сквозь зубы произнес Молотов.

— Я вроде цел, — отозвался Бурик.

— Вы что там творите, сволочи! — орала за обшарпанной дверью Антонина. — Совсем охренели! Я сейчас ментов вызову!

— Давно пора, дура! — рявкнул Вампир. У него дрожали руки и ноги, он кулем опустился на

пол, однако на всякий случай перезарядил оружие и стал искать на полу рацию, но в темноте не мог найти.

— Вызывай милицию, быстро! — скомандовал он орущей за дверью Тоньке.

* * *

Завод «Электроприбор» за последние годы неузнаваемо изменился. Там, где был глухой высокий забор, теперь стояли магазины и коммерческие палатки, будто доказывая, что торговля сегодня гораздо важнее, чем производство военной продукции. Забор отступил на полторы сотни метров, он утратил монументальность, кое-где зияли бреши, в которые мог свободно пролезть взрослый человек. Карданов неприкаянно бродил по бывшей заводской территории, потом подошел к сохранившейся проходной. Здесь тоже все изменилось: вместо десятка турникетов, пропускавших внутрь рабочий люд, остались только два. Освободившееся пространство было огорожено кирпичной стеной без штукатурки, за которой располагался какой-то офис.

Вахтером была, как обычно, кряжистая женщина в форме, но без обязательного в прошлом «нагана» на ремне. Она листала яркую газету.

Макс подошел к женщине и поздоровался. Она вопросительно подняла голову.

— Завод работает? — спросил Макс.

— А как же! Конечно, работает! Чего ему сделается?

— А можно я пройду?

— Куда это? — Вахтер нахмурила брови.

— В восьмой цех. Я там когда-то работал.

— Восьмой цех теперь снаружи. Там магазин открыли. И зайти туда можно свободно. А на завод без пропуска нельзя.

— Так в заборе-то дырки. Кто захочет, тот и залезет. Женщина пожала плечами.

— За забор я не отвечаю. Я за проходную отвечаю. А чего вам там делать-то?

Макс задумался.

— И сам не знаю. Извините.

Он вышел на улицу. Он не знал, куда идти. Он не знал, зачем он здесь. Он ничего не знал. Но хотелось есть, и ноги вновь привели его в «Маленький Париж». Бармен встретил его как родного. Такой же маленький и юркий чернявый официант расторопно принес слабосоленую семгу, графинчик водки, потом солянку. Когда Карданов доедал толстую свиную отбивную, в ресторан стремительно вошли два человека, лица и манеры которых не оставляли сомнений в их профессии.

— Приятного аппетита, — сказал тот, что постарше, и поднес к лицу обедающего милицейское удостоверение, которое никак не способствовало процессу пищеварения, напротив, было способно отбить аппетит у кого угодно.

— Начальник уголовного розыска Центрального района майор Рожков.

— Оперуполномоченный Петров, — синхронно предъявил такое же удостоверение молодой рыжеволосый паренек.

— Вы Лапин, он же Карданов? — спросил майор.

По взгляду, который бросил на вошедших бармен, Макс понял, что он и вызвал милицию. Но все происходящее его совершенно не волновало. И если он отодвинул тарелку с недоеденной отбивной, то не потому, что пропал аппетит, а потому, что он насытился.

— В чем дело, господин майор? Вернее, товарищ майор, — поправился Макс. В обиход сотрудников органов новомодное «господин» так и не вошло. — У меня есть несколько имен, но подробности этого являются государственной тайной. Я не смогу говорить с вами об этом.

Рожков кивнул, а Петров только развел руками. Он на каждом шагу наталкивался на государственные секреты.

— К вам нет никаких претензий, — сказал майор. — Речь идет о свидетельских показаниях по давнему делу. Перестрелка здесь, в ресторане. Помните?

— Конечно, — кивнул Макс и вытер губы салфеткой. — Но похоже, что сейчас те события трактуются совсем по-другому.

— В уголовном деле все задокументировано предельно точно, — пояснил майор. — Вы можете проехать с нами?

— Почему нет? — Макс встал и положил на стол несколько купюр.

Все трое вышли и сели в служебную «шестерку». Почти сразу заговорила рация:

— Четвертый, я «Океан», перестрелка на Мануфактурном, девять, есть убитые.

— Я понял, выезжаем! — ответил Рожков. — Вы не против заехать в адрес? Это почти по дороге.

— Конечно! Я ведь жил в том доме. И сегодня заходил туда!

Его согласие особого значения не имело, потому что Петров, включив сирену, уже гнал машину в сторону Богатыновки. Через несколько минут они прибыли к адресу.

Место происшествия окружала пестрая толпа зевак. Богатыновская хевра бурно обсуждала происшедшее.

— Да это нахичеванские, зуб даю, — божился Кружок. — Они с нашими пацанами уже стрелялись в Театральном.

— Я сама видела, как трое убежали. Во-о-он туда. Милиционеры привычно врезались в толпу.

— Быстро расходимся! Только свидетели остаются! Быстро, я сказал!

Возле подъезда лежали два трупа, валялись десятки гильз. Неподалеку стояла расстрелянная «Волга». Человек в черных очках вышел из подъезда навстречу милиционерам.

— Ба, знакомые все лица! — воскликнул Рожков. — Круто вы тут развернулись! Что произошло?

Вампир подошел вплотную, обнял его за плечи и отвел в сторону.

— Мы работаем по «Руке Аллаха», — понизив голос, сообщил он, и Рожков кивнул. Уж кто-кто, а он понимал, что стоит за этими словами. — Здесь когда-то жил интересующий нас фигурант, некий Лапин. Мы пришли проверить адрес, а тут неизвестно откуда появились эти типы и открыли огонь. У нас двое контуженых.

Нижегородцев запнулся, уставившись взглядом в лицо вышедшего из машины Макса. К тому тут же подошел Кружок.

— Брателла, ты живой! Я думал, это тебя замочили! Давай выпьем на радостях!

— Это кто? — Вампир напрягся. — Он очень похож...

Вампир снял темные очки и тут же надел обратно. Теперь он выжидающе смотрел на начальника УР. Тот кивнул.

— Да. Это Лапин. Мы нашли его в «Маленьком Париже».

Вампир больше ничего не слушал.

— Я должен его забрать.

— В качестве кого? — поинтересовался майор.

— В качестве оперативного контакта, разумеется.

— Но мне он нужен как свидетель. Нижегородцев устало смежил веки, но из-за темных очков никто из окружающих не мог этого заметить.

— Потом я направлю его к тебе. Нам он нужен очень срочно.

— Договорились, — согласился Рожков. — Но тебе надо будет уговорить его.

Карданов рассматривал лица убитых и задумчиво морщил лоб. Его внимание привлекла татуировка на запястье у коренастого: оскаленная волчья пасть. Потом он увидел точно такую же и у второго убитого. В это время из подъезда вышла Антонина в красном «выходном» халате. Она была сильно пьяной и едва держалась на ногах.

— Эй ты, Чокнутый, ты что здесь творишь? Почему хулиганишь? А ну, быстро домой!

Вампир улыбнулся.

— Думаю, с этим проблем не будет, — сказал он и оказался прав.

* * *

Тиходонск,

3 октября 2004 года,

17 часов 10 минут.

Изрешеченная пулями «Волга», как ни странно, ехала вполне нормально. Если можно считать нормальным движение по центральной улице города машины с простреленной дверью, капотом и выбитым лобовым стеклом. Карданов, сидя на заднем сиденье рядом с Нижегородцевым и соприкасаясь плечом с грязной и порванной на рукаве курткой майора, ждал, что каждую минуту их будут останавливать, однако если гаишники и встречались по дороге, то делали вид, что не замечают непорядка.

Макс пребывал в растерянности. Нападение трех неизвестных, теперь эта перестрелка. Все это, несомненно, каким-то образом связано с ним. Таких совпадений не бывает.

— Зараза, все внутри болит, будто палкой саданули! — морщась, произнес сидящий за рулем Бурик.

— И у меня, — сказал Молотов. — Если бы не жилеты, нас бы не было в живых.

— А кто заставил их надеть? — спросил Нижегородцев, и его тон сам по себе мог служить ответом на этот вопрос.

Но настроение у всех было довольно мрачным, и всю дальнейшую дорогу они ехали в молчании.

Через полчаса Нижегородцев завел Макса в Управление и провел прямо в приемную начальника.

Генерал поднялся навстречу вошедшим. Это был крепко сбитый, но уже начавший полнеть мужчина с отработанными манерами руководителя. На нем был строгий приталенный костюм черного цвета, розовая рубашка и темный клетчатый галстук. Максимум этот наряд показался безвкусным.

— Здравствуйте, Макс Витальевич!

Голос у Лизутина был зычным и властным. Из него вполне мог выйти хороший певец. Конечно, не тенор, а баритональный бас.

— Здравствуйте, — Макс пожал протянутую руку, продолжая рассматривать хозяина кабинета.

Реденькие светлые волосы зачесаны через лысину справа налево, но не могут ее скрыть, однако выдают скрытые комплексы генерала. И уши смешно оттопырены в стороны, почти как у Чебурашки. Однако комичный вид хозяина кабинета компенсировали его глаза. Маленькие, глубоко посаженные, они обладали почти гипнотическим действием. Карданов почувствовал это сразу, едва пересекся взглядом с этим человеком. А уж сам Макс о гипнозе знал немало, и не понаслышке!

Лизутин взял Карданова под руку и провел к двум креслам у журнального столика в углу кабинета.

— Здесь нам будет удобнее, — доверительно произнес он, давая понять, что беседа будет неофициальной.

Сам Лизутин испытывал определенную неловкость, потому что не владел ситуацией. Он знал,

что Макс связан с органами безопасности и разведки, что он не раз оказывался в центре важных политических событий, но как этот человек оказался в Тиходонске, будто по заказу, как раз в тот момент, в который понадобился, оставалось для него загадкой.

— Чай, кофе? — Генерал и Карданов сели друг напротив друга, а Нижегородцев остался стоять. Если бы Макс согласился, выполнять роль официанта пришлось бы ему. Но руки так дрожали, что он вряд ли смог бы принести чашку. Хотелось выпить водки или коньяку, принять горячую ванну и отключиться хотя бы до утра.

— Нет, спасибо, я пообедал, — покачал головой Макс, хотя кофе он выпить не успел.

— Нам нужна ваша помощь, — перешел к делу Лизутин. Гипнотический взгляд генерала буквально ввинтился в переносицу Макса, и молодой человек почти физически ощутил давление на свой мозг. Он вспомнил Брониславского и поморщился.

— Речь идет о Вахите Бекмурзаеве, — продолжил генерал.

— О ком?! Я такого не знаю!

— Псевдоним Гепард.

— Гепарда знаю. Недавно он мне даже приснился, — с детской непосредственностью сообщил Макс.

— Вы единственный, кто видел его после пластической операции, — продолжил Лизутин.

— Да, — оживился Карданов. — Раньше у него был такой крючковатый нос, а потом стал совершенно нормальный. Хотя вряд ли исправление носа было его единственной целью.

Лизутин позволил себе осторожную, скупую улыбку, но только на миг.

— Это точно. Вахит руководит операцией, связанной с ядерным фугасом. Вы понимаете, что это значит! А вы единственный человек, который может его опознать.

— Составить фоторобот? — уточнил Макс.

— Для начала.

— А что потом?

— Я не знаю. — Ответ был неопределенным, но честным. — Я надеюсь на вашу помощь. Без нее нам будет гораздо труднее обезвредить террориста! Как видите, я вполне откровенен с вами!

Генерал откинулся на спинку кресла. Он отыграл свою партию.

— Можно, я тоже буду откровенным? — спросил Макс. и тон его насторожил Лизутина.

— Конечно!

— Почему вы хотите переложить на меня свои проблемы? Я много лет работал на Службу и что получил взамен? Кроме больших неприятностей — ничего! И вот теперь вы предлагаете мне гоняться за каким-то негодяем только потому, что мне уже приходилось встречаться с ним много лет назад. Но уже тогда он ждал удобной возможности для того, чтобы отправить меня на тот свет!

— Это нелегко сделать, Макс Витальевич, — генерал улыбнулся, и неподвижно стоящий в стороне Нижегородцев улыбнулся тоже.

— Да, иначе меня бы давно не было в живых.

— Но научили вас такой жизнестойкости именно в нашей Службе! Так что получили вы от нас не только неприятности!

Макс встал.

— Спасибо за беседу и оказанное доверие. К сожалению, в мои планы не входит возвращаться к прежней работе. Я постараюсь в ближайшее время вернуться в Лондон. Там меня ждет семья.

— Что ж, — Лизутин пожал плечами. — Дело ваше. Но боюсь, что в Лондон вы попадете не скоро.

— Почему? — Макс насторожился.

— Вас разыскивает Интерпол. По подозрению в вооруженном налете в Антибе пять лет назад. Перестрелка, четыре труп. К тому же тройное убийство на рыбацкой шхуне тоже требует расследования. Скорее всего, вас отвезут во Францию.

— Я всегда только защищался! Генерал пожал плечами еще раз.

— Одна и та же ситуация выглядит по-разному на месте событий и в судейском кабинете. Боюсь, что это не только у нас.

— И потом, я британский подданный!

— Тем более. Россия входит в Интерпол и обязана экстрадировать разыскиваемого иностранца!

Макс снова опустился в кресло.

— Впрочем, вы пересекли российскую границу по поддельному паспорту, возможно, вначале вам придется отсидеть в российской тюрьме!

Наступила томительная пауза. Нижегородцев подошел поближе и, наклонившись, контролировал каждое движение Карданова. Но тот не был склонен к глупым и бесполезным поступкам, основанным на эмоциях. Через несколько секунд он вздохнул и улыбнулся.

— Так чем я могу быть вам полезен? Лизутин улыбнулся в ответ.

— Мы обратимся к вам, когда понадобится, Макс Витальевич. И дадим подробные инструкции. Не хотите ли все-таки чаю?

Улыбка генерала стала лучезарной. Но Карданов улыбнулся еще лучезарнее.

— Большое спасибо. Где я могу составить фоторобот?

— Я вас провожу, — вмешался Нижегородцев. — А потом вам надо еще заехать в Центральный райотдел и дать показания.

— Конечно, конечно, — изображая полную готовность ко всему, Макс заметно утрировал. — Я

готов составлять портреты, давать показания и делать все, что от меня потребуется.

Фээсбэшники не поняли иронии.

— Ну и отлично! — Генерал встал и протянул руку. — До встречи.

— До встречи! — Макс пожал сухую твердую ладонь. Они расставались друзьями. Политика кнута и пряника — вот как это называется! Старо, банально, но эффективно.

* * *

Через час Карданов покидал здание Тиходонского управления ФСБ. Синтетический портрет получился неплохо, но вряд ли по нему можно было безошибочно опознать Гепарда. Как всегда, в таких портретах не было души, а внешние признаки совпадают у слишком многих людей.

В отличие от Москвы и Лондона, Тиходонск — город небольшой, и до Центрального райотдела можно было дойти пешком минут за двадцать. Макс решил прогуляться. По дороге он напряженно думал — какие дать показания. Дело об убийстве Тахирова в «Маленьком Париже» в любом случае подлежало сдаче в архив. Как без его показаний, так и с ними. Потому что все его активные участники мертвы. Кроме самого Макса Карданова, показаний которого ждут с таким нетерпением. Рассказать им все, как было на самом деле? Признаться, что двух заезжих киллеров он застрелил своей собственной рукой? Эта мысль ему не понравилась. Ясно, что он действовал в состоянии необходимой обороны и обезвредил преступников. Но это ясно ему самому. Как оценят его действия сейчас? Как признание в убийстве двух человек? Вполне может быть. Нет, лучше не рисковать!

ЧАСТЬ II

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Глава 1

ПРАВО ВЫБОРА

Тиходонск,

2 октября 2004 года,

16 часов 12 минут.

Они втроем сидели в загородном клубе — ресторане «Северное сияние» — и по-хозяйски оглядывались вокруг. Смуглый узколицый Бараев был однофамильцем печально известного полевого командира, ликвидированного в одной из целевых спецопераций. Предприимчивый, как большинство единоверцев, он использовал чрезвычайно одиозную фамилию двойко, но с максимальной выгодой. В официальных документах он от нее избавился, исправив три буквы и став Барановым, зато при общении с земляками подчеркивал бараевские корни и выдавал себя за близкого родственника убитого. Сейчас он поглаживал роскошные густые усы и черными, блестящими, как мокрые маслины, глазами рассматривал стройную длинноногую официантку в сине-белой униформе. Симпатичная, коротко стриженная брюнетка у него почему-то ассоциировалась со школьницей-десятиклассницей, хотя ей было уже за двадцать.

Напротив сидел Арсен Гуссейнов, как всегда в дорогом костюме и благоухающий тонким одеколоном. Когда он заходил в зал, с ним почтительно поздоровались несколько человек. Солидные мужчины выходили навстречу, обнимались и целовались, приглашали за свои столы. Его знали многие влиятельные люди Тиходонска, он был вхож во многие кабинеты. Арсен устанавливал контакты с начальниками различного уровня, политиками, бизнесменами, потом, проявляя кавказскую щедрость и гостеприимство, переводил знакомство в современный эрзац дружбы.

Его внешность преуспевающего бизнесмена, или на современном новоязе «коммерса», была обманчива — на самом деле он был агентом влияния «Аль-Каиды» и ему лично доводилось убивать людей, правда, тогда выражение лица у него было совсем другим. Деньги на приемы и подарки он вынимал не из собственного кармана, а из кассы «Аль-Каиды», но его новых «друзей» такие мелочи не интересовали. Впоследствии, после создания Северо-Кавказского халифата, Арсен Гуссейнов должен был стать министром иностранных дел и завоевывать сопредельные территории.

Рядом с ним курил вечно хмурый, немногословный Заурбек Рохланов с украшенной бриллиантовой россыпью массивной золотой печаткой на среднем пальце правой руки. Вид у Арсена и Заурбека был недовольный. Развязное поведение Бараева раздражало обоих.

— Кончай пялиться на девчонку! — сказал Арсен. — Мы тут не за этим. У нас серьезное дело.

Слово старшего на Кавказе — закон. Однако сейчас многие законы не соблюдаются. Конечно, в родном селе приходится держать себя в рамках, но в другом городе, а особенно в России, молодежь не очень склонна соблюдать законы предков. Тем более что Бараев считался приближенным Вахита Бекмурзаева. Это очень много значило. Правда, имя Вахита не такое громкое, как у старшего Бараева, но скоро все изменится!

— Одно другому не мешает, — ухмыльнулся Ильяс. — Я собираюсь ее трахнуть.

Сомнения не мучили Бараева. Он считал, что ему позволено абсолютно все. А кто запретит? Ему было уже под тридцать, последние двенадцать все, что ему нужно, он добывал с помощью мощных кулаков и автомата, поднаторев в этом до виртуозности. Мечтой детства для Ильяса были гладиаторские бои, но когда он подрос, то понял, что опоздал родиться как минимум на несколько веков. Занимался Дзюдо, кунг-фу, карате, выполнил несколько мастерских нормативов. Правда, много позже ему удалось реализовать свою мечту. В родовом селе он устраивал бои с пленными русскими и безжалостно убивал их под одобрительные крики односельчан.

— Смотри, как бы тебя самого не трахнули, — угрюмо сказал Рохланов. Ему не нравилось наглое поведение забывшего свое место юнца.

— Что?! — Тот привстал, впившись глазами в непроницаемое лицо соплеменника.

Приглушенный свет ламп имитировал северное сияние, мелодичная, умиротворяющая музыка лилась из подвешенных под потолком динамиков, от сектора боулинга доносился стук и треск шаров. Однако сейчас уютная атмосфера заведения нарушилась. Ильяс Бараев посчитал себя оскорбленным, в нем забурлила кровь горца. Девушка нравилась Ильясу, он ее хотел. Он сильный мужчина, за пазухой у него скрыт пистолет, в кармане лежит граната, на голени — нож, которым перерезано не одно горло. Так какие же еще тут могут быть сомнения или вопросы?

— Что слышал, — флегматично ответил Заурбек. — Это любовница Кулика. Он здесь хозяин.

— И что с того?! — брызнул слюной Ильяс. — Что он мне сделает?

— Не надо привлекать к нам внимания, Ильяс, — раздраженно сказал Гуссейнов. — Нам и так очень трудно постоянно доказывать, что мы добрый и цивилизованный народ и только отдельные бандиты портят все впечатление. Русаки и так чрезмерно терпеливы. Как думаешь, могли бы трое русских сидеть в ресторане в Гудермесе, вот как мы сидим, и смотреть такими глазами на наших девушек?

— Нет, конечно, — зло ответил Ильяс. — Но это к делу не относится. Мы — не они! Что он мне сделает?!

— Да что захочет, — по-прежнему угрюмо сказал Заурбек. — У него мощная бригада, и он в авторитете. Однажды к этой девчонке пристали какие-то залетные — двое полных отморожков. Хотели увезти ее, к машине тащили. Так их вывели на берег и хребты сломали!

— Ну?! — Услышанная история заметно сбила спесь с Ильяса. — И чего было?

— Вот тебе и «ну»! Ничего не было. Этих инвалидов — в больницу, виноватых не нашли, а девчонка работает как ни в чем не бывало.

Ильяс снова развалился на стуле.

— Подумаешь! Нужна она мне. Да я если захочу, таких телок сниму!

Он говорил вполне искренне. Сейчас официантка уже не казалась ему красивой и желанной. Если за нее могут сломать хребет, то как она может сохранять привлекательность? Заказ принесла уже вполне заурядная, склонная к полноте молодая женщина.

Рохланов молча положил в свою тарелку всего понемногу: суджук, бастурму, сыр, отварную осетрину, грибочки, рис, оливки, корейскую морковь, консервированную рыбу — все это обильно сдобрил острым соусом. Затем, не приглашая никого в компанию, поднял рюмку водки, понюхал и, опрокинув содержимое себе в глотку, жадно накинулся на еду с таким видом, будто голодал уже неделю. Спутники не обращали внимания на манеры соплеменника. Он считал, что в желудке все равно еда перемешается, и оснований разубеждать его никаких не было.

— Чего ты не ешь? — спросил Гуссейнов.

Ильяс махнул рукой. Настроение у него было испорчено.

— Осетрину нам нельзя, у нее крест в позвоночнике, — мстительно буркнул он.

— Чего ж ты водку пьешь? Ее нам тоже нельзя, — с набитым ртом огрызнулся Заурбек. Он был зрелым мужчиной, под сорок, и поведение юнца ему тоже не нравилось.

— Нет. Коран запрещает пить вино. Про водку там ничего не сказано. — Двумя пальцами Бараев пригладил усы, и тут же его лицо расплылось в улыбке. — Алик пришел!

В зал легкой размашистой походкой вошел мужчина вполне славянской внешности, с правильными чертами лица. Стройный, подтянутый, он производил впечатление довольного жизнью человека, заботящегося о своей физической форме. Прямой нос, тонкие губы, острый подбородок. Глаза миндалевидные, голубые благодаря контактными линзам. И волосы уже не иссиня-черные, характерные для кавказцев, теперь он был обычным шатеном, с аккуратным

пробором. Вообще, он выглядел очень импозантно, особенно в белом пиджаке, кремовой водолазке и темных брюках. На ногах блестящие черные полуботинки, в правой руке портфель из натуральной кожи. На губах играет приветливая улыбка, но это тоже деталь маскировки: ближайшее окружение прекрасно знало, что на самом деле он очень редко позволяет себе улыбаться.

Вошедший был похож на кого угодно: на преуспевающего бизнесмена, муниципального чиновника, врача или университетского профессора. Но не на координатора «Аль-Каиды», опаснейшего преступника-террориста Вахита Бекмурзаева по прозвищу Гепард. Впрочем, у него были другие имя и фамилия, другое прозвище, а главное — другая внешность. В своей настоящей ипостаси он был невидимкой, потому что новое лицо не было включено ни в один, даже самый полный информационный банк данных МВД, СВР и ФСБ.

Сотрапезники встали ему навстречу, вышли из-за стола, пожали руку, по очереди обнялись и соприкоснулись щеками. Откуда появился Алик, давно ли он прибыл в Тиходонск, где остановился и с кем встречался, никто из присутствующих не знал. И спрашивать об этом никому бы не пришло в голову.

Алик сел рядом с Ильясом, неодобрительно посмотрел на графинчик с водкой, маслины и корейскую морковь, брезгливо поморщился, хотел что-то сказать, но сдержался.

— Кушать будешь, Алик? — почтительно спросил Гуссейнов.

— Овощи. Мусаха, помидоры, овечий сыр. Короче, сам знаешь — только чистую пищу.

Арсен сделал знак официантке и отдал распоряжение.

Гепарду было уже за сорок, хотя выглядел он моложе. Его окружение ничего не знало о давней пластической операции и относило это на счет неизменной овощной диеты. К тому же он не пил и не курил.

— Как дела, Алик? — так же почтительно спросил Арсен.

— Все идет по плану. — Гепард цепко огляделся по сторонам. — Наши вожди уверены в успехе. И знаете почему?

— Почему? — с самым живым интересом спросили все трое. Скорей всего, их эмоции были неискренними. И Арсен, и Ильяс, и Заурбек были предельно конкретными людьми, и далекие последствия любых поступков их не интересовали, как не интересуется большинство жителей Земли судьба Солнечной системы через два миллиарда лет. Но выказать безразличие к вопросу Алика — означало выразить ему неуважение, а такого никто из них позволить себе не мог.

— Да потому, что неверные слабы и трусливы! Когда наши братья произвели серию взрывов в Испании, она тут же вывела свои войска из Ирака! И вся Европа затрепетала! А ведь это были обычные, динамитные взрывы! — Глаза Гепарда зажглись адским огнем, который не могли приглушить даже контактные линзы, голос обрел силу взрывной волны. Он даже привстал. — Атомный взрыв в Москве поставит на колени не только Европу, но и Америку! Мы будем диктовать свою волю всему миру! Мы парализуем весь земной шар! Рука Аллаха повиснет над всей землей, заставив трепетать правительства и народы!

Адский огонь погас, будто кто-то нажал кнопку выключателя. Порыв фанатизма прошел. Алик вновь опустился на стул.

— Как наши связи? — обычным голосом спросил он у Арсена. — Ты выполнил мое задание?

— Конечно, — кивнул Гуссейнов. — Все начальники любят уважение, деньги и подарки. К тому же они нас побаиваются, хотя и не подают вида. Поэтому прячут страх под маску дружбы. Почти все серьезные фигуры в Тиходонске кормятся с моей ладони.

— Это хорошо, — кивнул Алик. — Вкладыш привезли?

— Пока еще нет, — ответил Ильяс, вновь рассматривая ноги официантки. Что ни говори, а черные колготки действуют очень возбуждающе.

Бокал минеральной воды выплеснулся ему в лицо. Намок ворот рубашки, вода просочилась за воротник. На мокрой коже лопались пузырьки газа.

— Ты куда смотришь, падаль! Ты с кем разговариваешь?! Ты понимаешь, о чем я говорю?! — Алик пригнулся к столу, испепеляя Бараева взглядом. Пустой бокал он крутил в руке и вполне мог бросить его в голову. Ильяс отпрянул и поднял руку, защищая лицо.

— Извини, Алик-муалим [6], прости! — Бараев сложил ладони перед грудью, как будто молился. — Я просто так посмотрел, клянусь!

Ножка бокала лопнула, на пальце выступила капля крови. Она медленно сползла по грубой коже и капнула на скатерть. Еще с минуту Гепард гипнотизировал сидящего напротив молодого человека, и эта минута была не самой лучшей в жизни Бараева. Он побледнел, на лбу выступили бисеринки пота. Наконец холодный давящий взгляд переместился с Ильяса на его приятелей.

— Где начинка, я вас спрашиваю?!

Все трое почувствовали себя виноватыми. Гуссейнов развел руками.

— Не было, Алик. Никто не появлялся.

— Мы каждый день ждем, — озабоченно добавил Заурбек.

Лицо Алика исказилось гримасой гнева. Немногие из тех, кто видел эту гримасу, остались в живых и могли рассказать о ней.

— И долго будете ждать?! Молчание стало ему ответом.

— Вы забыли Коран, забыли заветы отцов, забыли обычаи предков! Вы пьете водку, едите нечистых животных, занимаетесь развратом! Вы даже не выполняете поручений, имеющих особую важность! Почему вы не проверили, где курьеры?!

Верхняя губа Алика хищно поднялась, подрагивая и обнажая острые белые зубы. Сейчас он не был похож на врача, профессора и бизнесмена. Только на того, кем являлся в действительности, — на безжалостного убийцу. В портфеле у него всегда был портативный автомат, и он мог прямо сейчас, за обеденным столом расстрелять проштрафившихся соучастников.

— Извини, Алик, у нас возникли проблемы. Большие проблемы, — Гуссейнов осторожно прокашлялся в кулак. Разговаривать с координатором так же свободно, как с Бараевым, он не мог. Именно от этого человека зависело его благополучие, его положение и его жизнь.

— Какие проблемы?

— наших ребят арестовали на базаре, одного убили. Потом меня взяли в бильярдной. И Бычка со мной, авторитета местного. Фээсбэшник по борьбе с террором нас повязал. Его многие наши знают. Вампир у него кличка.

— Вампир? — переспросил Алик. — Почему?

— Видно, кровь из людей сосет, паскуда, — сказал Ильяс, стараясь сгладить размолвку, и бросил жадный взгляд на рюмку с водкой. В присутствии координатора он не решался выпивать, хотя организм этого требовал.

— Не знаю, как там с кровью, у меня до этого не дошло, слава Аллаху! Он постоянно в темных очках ходит. Света он не переносит, в точности как вампир. Ты Дракулу видел?

— А это еще кто такой? Из местных? — спросил Ильяс.

— Да нет, фильм такой был. «Граф Дракула». Тоже света не переносил. Вот он кровь и сосал.

— Я телик не смотрю. Там одну туфту показывают, — сказал Бараев. — Вон про республику что несут, будто там тихо, спокойно, все довольны.

— Что же он от тебя хотел, этот Вампир? — прищурился Алик. — И как ты на свободе оказался?

— Про тебя расспрашивал.

— Про меня?! А что именно?

— Где ты да как тебя найти.

— А ты что?

— А что я? Я про тебя ничего и не знаю. Бараев подскочил на стуле.

— А знал бы, сказал?!

Его крик перекрыл шум бросаемых шаров, и несколько человек, включая официантку, невольно обернулись в их сторону. Гуссейнов почувствовал неловкость. Как будто сидел на допросе у Вампира. Даже еще хуже. Взгляд карих глаз Бараева сделался цепким и колючим. Того и гляди насквозь пронзит. И не только взглядом — под правой брючиной у него всегда спрятан нож. Арсен машинально скосил взгляд на руки земляка. Пальцы Ильяса сжались в кулаки, костяшки пальцев побелели от напряжения.

— Что за гнилые предьявы? — От возмущения Гуссейнов перешел на язык своих тиходонских партнеров. — Ты думай, что говоришь!

— Помолчи, Ильяс, — тихо произнес Алик. — Что ты ему сказал, Арсен?

Тон его был ужасен. Гуссейнов отшатнулся назад, как от полученной пощечины. Кровь бросилась ему в лицо, руки нервно задрожали. Рохланов прекратил жевать и напрягся. Рука Бараева скользнула под стол. Если бы Гуссейнова принесли в жертву, то его пошатнувшееся положение могло восстановиться.

— Вы что, с ума сошли?! — взвился Арсен. — Ничего я ему не сказал. Знать, мол, ничего не

знаю, ведать не ведаю, впервые слышу про Бекмурзаева. За кого ты меня принимаешь, Алик?

— Значит, ничего не сказал? — Напряжение, повисшее над столиком, никуда не уходило, а, напротив, с каждым мгновением сгущалось. — А как же ты вышел?

Гуссейнов перевел дух.

— Друзья наши заступились. Иван Петрович, этот, как его, Салтыков, потом Геннадий. Депутат тот, фамилию забыл. Когда звонки начались, шум поднялся, они от меня и отстали. Ничего конкретного у них ведь и не было. Схватили по беспределу.

Алик недобро усмехнулся.

— Ничего не было, говоришь? А откуда они мою фамилию знают? Откуда знают, что мы с тобой знакомы? Откуда знают, что я здесь объявлюсь?

При каждом вопросе Гуссейнов все ниже опускал голову.

вернуться

6

Муалим — учитель, на Кавказе уважительное обращение к старшему.

— Кто остался в живых на базаре? — неожиданно спросил Алик.

— Лучник, а с ним еще один, но тот не в курсе наших дел. Кстати, их тоже Вампир задерживал!

До Гуссейнова и его приятелей начинало доходить, что дело оказывается не таким простым, как казалось.

— Вот Лучник и указал на тебя! А почему этот твой Вампир вышел на Лучника? Что произошло перед этим? Почему они зашевелились? Что этот Вампир ищет?

Гепард требовательно оглядел присутствующих, но те только отводили взгляды.

— Не знаете? А я вам скажу!

Он обличающе наставил указательный палец на Гуссейнова. Тот поежился. Вместо пальца мог мгновенно появиться ствол.

— Что-то случилось с курьерами! Вот почему они начали розыск! Вот почему этот Вампир идет по моему следу! И если бы вы меньше пили, а больше думали, то уже выяснили бы, почему начинку не доставили до сих пор!

— Мы все узнаем, Алик! — заверил Ильяс как приближенный к координатору. Но тот смотрел на него так же строго, как на остальных.

— Значит, так! Ты, Арсен, займись ментами. Через наших друзей разузнай все, денег не жалея! А ты, Ильяс, проверь больницы! Куда привозят раненых? С аварий там всяких, с пожаров?

— В «Скорую помощь» или ЦГБ.

— Вот и выясни, не привозили ли туда курьеров! Это такие ребята, что их без стрельбы не возьмешь! Скорей всего, убили их. Или ранили тяжело. Но это легко проверить.

Бараев шумно отодвинул стул и поднялся на ноги. Вслед за ним из-за стола встал и Гуссейнов. Неподвижно сидеть остался только Рохланов, так как ему лично не было отдано ни одного приказа.

— Хотя постой, я поеду с тобой. — Бекмурзаев одним глотком осушил бокал с минеральной водой и мягко опустил его на белоснежную скатерть. — И Заурбек с нами. А ты, Арсен, давай к нашим друзьям. Мы же не даром платим им большие деньги!

Официантка принесла заказ Алика, но тот встал и кивнул Ильясу.

— Расплатись за стол. Я есть не буду, некогда. Только воды еще выпью!

Ильяс поспешно налил еще один бокал. Пузырьки газа медленно поднимались со дна и лопались на поверхности. Алик жадно выпил, вытер рот тыльной стороной ладони. И совсем неожиданно сказал:

— Надо разобраться с этими: Лучником и Бычком. Если они выскочили сухими, значит — предатели! Тогда положите их в землю!

Гепард никогда не упускал деталей.

* * *

Даже в образе Сергея Лапина, коренного жителя Тиходонска, Макс никогда не был внутри здания Центрального райотдела внутренних дел. Только в отдельном помещении паспортного стола, которое вроде бы милицией не считалось. Однако в былые времена и дверь в основное здание была всегда открыта, в нее то и дело входили и выходили какие-то бомжеватого вида люди. Данью современной криминальной обстановке стала стальная запертая дверь с решетчатым окошком. После звонка в окошко выглянуло равнодушное молодое лицо, выслушавшее о цели визита. Фамилия начальника УР Рожкова сделала свое дело: лязгнув засов, дверь отворилась, к равнодушному лицу добавилось тело в зеленом бронежилете поверх формы и с коротким автоматом на плече.

— Подойдите к дежурному, — сквозь зубы сказал постовой. Скорей всего, он вовсе не испытывал к посетителю неприязни, просто у него была такая манера, которая никем из начальников не пресекалась. Он думал, что равнодушие и небрежность по отношению к проходящим в отдел гражданам — вещь вполне допустимая и обычная. В последнем он был на сто процентов прав: действительно обычная. В Англии констебль с такими манерами был бы немедленно уволен. Потому там подобное поведение не может стать обычным.

Продираясь между дверью и бронежилетом, Макс подумал, что если даже милицейская власть опасается преступных посягательств на себя, то это наглядно свидетельствует о состоянии законности и правопорядка. А также о способности власти защищать от этих самых посягательств своих граждан. К тому же все предосторожности напрасны, в газетах неоднократно сообщалось о нападениях на райотделы, расстрелах дежурной смены и захватах оружия или освобождении арестованных. Что толку в запорах, если в налетах всегда участвуют предатели из своих с равнодушными лицами и манерой говорить сквозь зубы. Когда Система прогнила, стальные двери тоже становятся трухлявыми.

Дежурный капитан сидел за стеклом, на мятой форме висел бейджик с надписью: «Ромашин

М. И. » Он встретил посетителя скучающим выражением лица и безразличным взглядом тусклых глаз. Что может сказать ему очередной визитер? Что его ограбили или обворовали? Или он потерял паспорт? Вряд ли это может представлять интерес. Судя по мешкам под глазами и сизому носу, дежурного интересовала универсальная российская забава, которая никого не облагораживает и не делает богаче и сильнее.

— Я могу увидеть майора Рожкова? — вежливо обратился к Ромашину Макс.

— А почему нет? — последовал встречный вопрос. — Если зрение в порядке, вполне можете.

— А где его найти?

— Не знаю. В отделе его нет, — вяло откликнулся дежурный.

Его рука неторопливо потянулась к стоящему справа телефонному аппарату и сняла захватанную многими пальцами серую трубку. Кому он намеревался звонить? Жене, любовнице, приятелю? Во всяком случае, не Рожкову и не тем, кто знает, где можно отыскать майора.

— А когда он будет? — Набравшись наглости, Макс оторвал офицера от важного дела. Простой посетитель на это бы не осмелился.

Ромашин поднял голову и взглянул внимательнее, на этот раз оценив дорогое пальто и прямой взгляд настойчивого визитера.

— Понятия не имею. Он на выезде. Сегодня вообще может не быть, — сказал Ромашин. — Зайдите к лейтенанту Петрову, кабинет двадцать четыре на втором этаже.

Петров был в обшарпанном кабинете один, он как раз читал досье на Сергея Лапина.

— Можно? — Макс без стука вошел.

Лейтенант поспешно убрал папку в верхний ящик стола и с приветливой улыбкой поднялся навстречу.

— Конечно, я вас жду. Присаживайтесь. Лейтенант приветственно протянул руку и уверенно стиснул крепкую ладонь нынешнего подданного английской королевы. Он чувствовал себя не очень уверенно. Кто же в действительности этот Карданов-Лапин? Преступник? Шпион? Агент ФСБ под прикрытием? Или просто обычный человек, волей обстоятельств затянутый сразу в несколько неприятных историй? Впрочем, последняя версия была наименее вероятной. Но одно лейтенант знал точно: перед ним сильный, волевой, уверенный в себе мужчина, за плечами которого имеется немалый опыт. Колоть его бесполезно. Надо только задать вопросы и записать те ответы, которые он сочтет нужным дать.

— Майор Рожков выехал в связи с перестрелкой на Мануфактурном, — сообщил лейтенант и провел ладонью по рыжей шевелюре. — Вы в курсе дела, что там произошло?

Макс развел руками.

— Откуда? Я же вместе с вами туда приехал.

— Ах да, конечно.

Петров кивнул головой и записал ответ.

— А теперь вспомните, пожалуйста, события семилетней давности в «Маленьком Париже». Вы знаете, о чем идет речь.

— Боюсь, что нет. — Макс пожал плечами. — Я обедал в одной из кабинок, услышал стрельбу. Когда вышел в общий зал, там лежали убитые люди. Я испугался и ушел.

Петров постучал пальцем по толстой картонной папке.

— Свидетели показали, что вы подняли пистолет и застрелили двоих. Очень хорошие выстрелы. К тому же это явная самооборона.

Макс снова пожал плечами.

— Где эти свидетели? Сегодня я искал Ашота и Самвела, но они уехали.

— Даже дальше, чем вы думаете, — сказал лейтенант. — Их нашли в Дону с простреленными головами.

Макс вздохнул. Вот бедняги! Искали счастья, а нашли по пуле.

— Они ошиблись. Там была суматоха, один из убитых, насколько мне стало известно впоследствии, имел со мной некоторое сходство. Это и объясняет путаницу в показаниях. — Карданов поднял руку и провел ладонью по отросшей щетине. — Вокруг этого много напридумывали, даже фильм сняли. Актер похож на меня, но все было не так.

— А как? Мне надо записать в протокол.

— Я обедал в «Маленьком Париже». Или просто пил кофе, сейчас точно не помню, — пустился в повествование Макс. — Слышал, как в соседней зашторенной кабинке гуляла компания. Человека три, может, четыре. Потом оказалось, что среди них был и Тахиров. Все как обычно: пили, шутили, смеялись. А потом раздались приглушенные выстрелы. Я даже не сразу понял, что это выстрелы. Какие-то хлопки. Там был еще один человек, из милиции. Он и застрелил нападающих. Но я лично этого не видел, просто потом слышал от многих людей.

— Что ж, — Петров тяжело вздохнул. — Есть и такая версия.

— Она ничуть не хуже любой другой.

— Не хуже, — кивнул лейтенант и стал заполнять протокол.

* * *

— Все провалилось, Владислав, у нас ничего не вышло. — Шашков тяжело дышат в телефонную трубку ВЧ-связи и приглушал голос, чтобы вышедший в собственную приемную Тимохин не мог ничего расслышать. — Его прикрывали серьезные люди, профессионалы! Они сразу открыли огонь! Игорь и Женька убиты, мы все ранены! Я и Сова в ноги, Чибис в плечо.

— Кто это был? — Голос Каймаченко, тихий после шифровки и дешифровки, был напряженным и озабоченным. — Бандиты или...

— Скорей «или», — не задумываясь, ответил Шашков. — Они собранные, организованные. Да и команды выкрикивали.

— Документы у убитых забрали?

— Нет. Не до того было. Но у них только паспорта, что по ним установишь? Москвичи без определенных занятий.

Высокочастотные сигналы донесли из Москвы в Тиходонск тяжелый вздох.

— Дурак ты, Дима. Я постараюсь прислать тебе подкрепление. Хотя обстановка у нас тоже сложная. А пока прими меры к установлению местонахождения объекта и его нейтрализации.

— Да кем устанавливать?! Сова ходить не может, я хромаю, у Чибиса одна рука в ходу!

— Попроси людей у Тимохина. От моего имени. И выполняй задание, если хочешь остаться в штате!

Разговор закончился на явно угрожающей ноте.

Шашков подошел к двери. Опасность своей раны он несколько преувеличил, пуля только поверхностно задела голень. Но он действительно прихрамывал. Он выглянул в приемную. Хозяин кабинета встал с кожаного дивана для посетителей и вернулся на свое место.

— Владислав Игоревич Каймаченко обращается к вам с просьбой, — сказал Шашков.

Тимохин только вздохнул. В тихую и размеренную жизнь «Тихпромбанка» посланцы «Консорциума» ворвались, как банда скинхедов в армянский ресторан. Перестрелка, трупы, частный хирург, место для лечения раненых — все эти проблемы свалились на его плечи. И еще неизвестно, чем все это закончится. Больше всего хотелось послать их всех на три буквы, но «Консорциум» посылать нельзя! Прежний директор Юмашев пытался это сделать и скоропостижно умер!

— Я весь внимание, — Тимохин изобразил на лице искреннее радушие.

— Надо послать на Мануфактурный, 9, людей, чтобы они выяснили, где сейчас находится Лапин.

— Мои люди сегодня туда ходили, трое. Один лежит в больнице, двое лечатся дома. Потом туда ходили вы. Двое убитых, двое на лечении, да и вы еле стоите на ногах. Как можно посылать туда еще людей? Я этого не понимаю.

Тимохин развел руками, надеясь, что он не перегнул палку.

— И надо выделить людей мне в помощь, чтобы захватить этого Лапина. Думаю, человек пять.

Тимохин развел руками во второй раз. Ему никак не хотелось ввязываться в это дело. Но если отказать могущественным людям — наживешь врагов. А если выполнить их просьбу наполовину или даже на четверть, то продемонстрируешь лояльность и понимание, тем самым сохранив дружбу.

— Я пошлю на Мануфактурный Моташова. Его там никто не видел, к тому же он очень осторожен. А вот для «острых акций» у меня людей нет. Разве что дядя Коля.

Через двадцать минут Моташов был у дома номер 9 по Мануфактурному переулку. Самый обычный дом за сегодняшний день приобрел одиозную славу. Впрочем, так было и семь лет назад, когда здесь жил Лапин. «То есть дело не в доме, а в этом человеке!» — сформулировал Моташов, подходя к оживленно разговаривающим людям. Несмотря на то что летняя жара

осталась в прошлом, многие по инерции были в майках, открывающих синие татуировки, или вообще голыми по пояс. Некоторые сидели на корточках, в характерных позах бывших экзков, и курили. Тут и там улавливался пряный аромат анаши.

— Я те говорю: как приехали, так и стали шмалять!

— А я говорю: вначале дрались, ножами махались.

— Кружок видел, что базар был, но без ножей. Скажи, Кружок!

Моташову стало неудобно. И двое охранников, оставленные за углом, уже не казались надежной защитой. Потому что служба всегда слабее образа жизни. Но деваться некуда.

— Здорово, пацаны, — с блатными интонациями начал он. — А где мне Лапина найти?

Богатынские аборигены шарахнулись от него, как от чумного. Наступила тишина.

— Гля, как этот Чокнутый все замутил! — раздался чей-то визгливый голос. — Все было тихо-спокойно, а как он заявился, такое мутилово началось! То стреляют, то шастают — менты, комитетчики, еще кто! Скоро по улице домой не пройдешь!

— Не шуми, Иван. — К Моташову подошел Кружок. — Видите, какое дело, Чокнутый сейчас в милиции. В Центральном райотделе. Вы бы попросили, чтобы его оттуда и не выпускали. А то порядку нет, очень беспокойно стало!

— Правильно, не выпускать, — одобрительно загалдели аборигены. — Пусть посидит малек, ума наберется!

* * *

Черный навороченный «Мерседес», неизвестно у кого и когда угнанный, ходко шел по Южному мосту в город. За рулем сидел Ильяс, рядом развалился на кожаных сиденьях Алик, сзади полулежал Заурбек. Номера у «Мерседеса» были местными, фальшивые документы оформлены на брата Заурбека, проживающего в славном городе Гудермесе. Поэтому и водитель, и пассажиры были спокойны. Милиционеры, как правило, избегают связываться с водителями дорогих иномарок — в конечном счете себе дороже обойдется. Куда проще раскрутить по полной программе какого-нибудь селянина, захавшего под знак на проржавевшей «шестерке»: он законопослушен, уважает власть и не имеет за спиной никакой поддержки. А если тачка стоит больше ста тысяч баксов, то инспектор с годовой зарплатой в две тысячи трижды подумает, стоит ли свистеть и махать своей палочкой. Но если даже и махнет — посмотрит в льдистые глаза Бараева, сунет нос в липовые документы, увидит между страниц стодолларовую купюру и сделает выбор. А выбор простой: прикинуться глухим, слепым и придурковатым, получить большую половину месячного содержания и жить дальше, как получается, или начать артачиться, умничать и принципиальничать с большой долей вероятности получения пули в живот и переселения с этого света на тот. Что тут выбрать — дело совершенно ясное.

Правда, можно нарваться на ОМОН или СОБР, те по-другому работают, жестко, тут за косой взгляд можно прикладом по ребрам получить, а если за ствол взяться, то и пулю схлопочешь с такой же легкостью, с какой сам можешь эту пулю вогнать не в меру подозрительному гаишнику. Но далеко вперед заглядывать ни к чему, поэтому и едут спокойно по Тиходонску трое террористов, по-хозяйски смотрят по сторонам да сигналият перебегающим дорогу симпатичным девушкам.

Первой по пути оказалась ЦГБ, подъехали к шлагбауму, сторож быстро поднял его вверх, объяснил, к какому корпусу проехать. Ильяс зашел в приемник первым, спросил про родственников: Аслана Дебзиева и Умара Мутаева, дескать, пропали бесследно, мол, не случилось ли что.

Женщина неопределенного возраста и непонятной внешности, в непонятного цвета халате достала толстый рукописный журнал, спросила односложно:

— Когда пропали? Ильяс наморщил лоб.

— Дней десять-двенадцать.

Палец с облупленным маникюром побежал по строчкам.

— Дорохин, Дорофеев, Деницкий, Дебзиев. Есть такой, вернее, был. С огнестрельными ранениями привезли. Только он того... умер.

— Умер?! Когда?

— Да почти сразу. Через сутки. Вы лучше в хирургию поднимитесь, там вам все и скажут. Только сейчас карантин по гриппу, маски нужны и сменная обувь.

Бараев полез в карман, вынул толстую пачку пятисотенных купюр, порылся, нашел три десятки и положил на стойку перед женщиной.

— Нас трое, найдите нам все, что надо.

Через несколько минут три человека в замызганных шлепанцах и несвежих марлевых повязках на лицах зашли в кабинет заведующего хирургией.

— Мы ищем родственника, Аслана Дебзиева, — сказал Ильяс.

— Дебзиев? — переспросил Приходько, и его морщинистое лицо с усилием приняло скорбное выражение. Доктор насторожился. С этим пациентом было связано много хлопот. Вначале он никому не был нужен, а потом такая карусель закрутилась! И милиция, и прокуратура, и ФСБ. По десять раз допрашивали, наконец все успокоилось. А теперь опять начинается.

— Помню, огнестрел. Операцию провели блестяще.

— Почему же он умер? — Голос Гепарда звучал глухо. Хирург развел руками.

— Мало хорошо прооперировать. Надо поставить больного на ноги. А лекарства сейчас знаете сколько стоят? А нам копейки выделяют. Мы и лечим на копейки.

— Но его можно было спасти? — бесцеремонно спросил Ильяс.

Приходько повторил жест, традиционно выражающий отношение маленького человека к большой и сложной жизни.

— Все опять-таки упирается в деньги. Сейчас с самого начала надо спрашивать: есть у вас, например, сорок тысяч? Есть. Тогда делаем операцию, покупаем эффективные импортные препараты и вытаскиваем человека. А если нет, какой смысл оперировать? Все равно толку не будет!

Завотделением извлек из ящика стола пухлую историю болезни.

— А как про деньги спрашивать? Дело щекотливое! К нам попал один начальник, немаленький — областного уровня, я спросил его супругу: есть шестьдесят тысяч? А мне через полчаса звонок от министра здравоохранения: вы что там вымогательством занимаетесь?!

Приходько вздохнул и полистал растрепанные листки.

— Я взял под козырек, извинился и дал лечащему врачу команду: лечить точно по инструкции, чтобы комар носа не подточил! Стали лечить тем, что в финансирование входит. И через два дня с ним попрощались!

Он нашел наконец то, что искал, и развернул историю болезни, чтобы визитеры могли прочитать написанное черными размашистыми буквами заключение: «Лечение проведено в соответствии с установленными требованиями».

Но никто из незнакомцев этой записью не заинтересовался.

— Что ты нам туфту всякую гонишь? — раздраженно прошипел Бараев.

— Я просто объясняю ситуацию. Теперь мы не имеем права говорить, что у нас необходимых препаратов нет и их должен покупать сам больной. Делаем вид, что все хорошо. Значит, что? Значит, смертность резко возрастет! И к этому надо быть готовым,

— Что ты туфту гонишь?! — зло повторил Ильяс. Словарный запас Бараева явно не отличался разнообразием. Гепард тронул его за рукав, и тот замолчал.

— Значит, если бы мы пришли сразу и купили все, что нужно, Аслан был бы жив? — спросил Гепард.

Приходько замешкался с ответом. Профессиональный цинизм столкнулся со здравым смыслом. Прямолинейность в данной конкретной ситуации могла оказаться опасной. От неожиданных гостей можно было ждать всего, чего угодно.

— Нет. — Старый хирург так сильно закрутил головой, что небритая морщинистая шея готова была перерваться. — Это не тот случай. Три пули в жизненно важные органы — даже волшебник не поможет!

Вдруг Приходько вспомнил, что в его сейфе лежат золотые часы и перстень погибшего. Как честный человек, он должен их отдать. Но врачу с окладом пять тысяч рублей в месяц делать этого не хотелось. Тем более что сам он оперировал все реже, а ведь именно гонорары за операции составляют основной доход хирурга.

— Кто его лечил? — спросил Гепард.

— Забелина Анна Станиславовна. Это она блестяще провела операцию.

— Позовите ее сюда!

Приходько позвонил по внутренней связи. Мысли о золотых изделиях не выходили из головы. В конце концов он решил быть честным в современном понимании этого слова: если родственники спросят про ценности, он их немедленно вернет. Если нет...

Через несколько минут доктор Забелина в очередной раз рассказала заново всю историю. И

про Вахита, и про руку Аллаха, и про непонятный блестящий цилиндрик, который прятался в потайном кармане ботинка. Последнее сообщение взволновало посетителей.

— Куда его дели? — нетерпеливо воскликнул один из них, и голубые глаза над маской живо блеснули.

— А его милиционер забрал. Лейтенант. Рыжий такой.

— А фамилия как? Не запомнили?

— Почему не запомнили, у нас даже акт остался! — Порывшись в столе, Приходько вынул помятый листок бумаги. — Вот, лейтенант милиции Петров, оперуполномоченный уголовного розыска Центрального райотдела внутренних дел! — Заведующий показал акт родственникам покойного Дебзиева. Ему казалось, что официальный документ должен их успокоить.

— А кто еще видел этот цилиндрик? — спросил голубоглазый. И его молчаливые спутники замерли в ожидании ответа.

— Больше никто, — сказал Приходько. — Только я и доктор Забелина.

Похоже, что про золото родственники спрашивать не собирались. Он перевел дух.

— Ну и хорошо, — сказал голубоглазый. — Нам меньше работы. Ильяс!

Врачи ничего не поняли. Они были уверены, что посетители сейчас уйдут. Но нет. Двое отошли к двери и остановились, будто ожидая чего-то. В руках у третьего появился пистолет с глушителем на стволе. Как в кино.

— Что вы делаете?! — Приходько привстал. На миг мелькнула мысль, что это месть за присвоенное золото. — Что вы делаете?!

Приглушенно хлопнул выстрел, щуплое тело вновь отбросило в кресло, на белом халате расплылось красное пятно.

Забелина в ужасе прижала руки к лицу, машинально бросилась к выходу, но путь к спасению преграждали две зловеще застывшие фигуры в плохо сидящих халатах. Сильные руки оттолкнули ее назад.

Хлопок, и красное пятно вспыхнуло на рукаве. Она закрутилась на месте и метнулась к окну. Ужас парализовал голосовые связки, и она не издавала ни звука. Сейчас лейтенант Петров не узнал бы милovidного лица. Вытаращенные глаза, прокушенная губа, текущая на подбородок струйка крови. Она металась между столом и окном, как загнанный в овраг заяц. Бараев выругался и ухватил пистолет двумя руками. Раздался еще один хлопок, потом еще и еще. Наконец женщина упала.

— Ты что, стрелять не умеешь? — спросил Заурбек Рохланов.

— Она крутится, сам попробуй! — зло огрызнулся Ильяс. Приходько застонал и открыл глаза.

— Заканчивай, быстро! — раздраженно приказал Гепард.

Хлопнули два контрольных выстрела. На этот раз Бараев подошел вплотную и попал куда надо.

— Теперь поехали к этому лейтенанту, — сказал голубоглазый.

* * *

Через десять минут черный «Мерседес» уже подкатил к зданию Центрального РОВД и остановился в двадцати метрах от входа.

— Рыжих среди ментов, я думаю, немного, — сказал Алик. — Узнаем. Только смотрите внимательно, не пропустите!

В это время сзади подъехала неприметная «девятка» с тонированными стеклами и стала прямо за «Мерседесом».

— Это что еще за фрукты нарисовались? — процедил Алик. — А ну-ка, Ильяс, пробей их!

За рулем «девятки» сидел проклинающий судьбу многострадальный дядя Коля, рядом с ним — Шашков, на заднем сиденье морщился при резких движениях Чибисов. Левая рука у него висела на перевязи.

— Чего ты так стал, дядя Коля? — сказал Шашков. — Мы же ничего не увидим! Надо вперед выдвинуться.

— Там места не хватит. А станешь наперекосяк, так неизвестно, кто в этом «мерсе» сидит. Вполне могут и по голове настучать!

Шашков обернулся, и они с Чибисовым обменялись многозначительными взглядами. Такого напарника у них еще не было.

— Не бойсь, дядя Коля! Мы не в таких переделках бывали!

Но успокоить старого охранника не удалось.

— Знаю, слышал, — пробурчал он. — Этот ваш объект сегодня нас голыми руками как щенков искалечил. А потом вы в перестрелку влезли. Ничего хорошего не выходит!

В это время открылась дверца «Мерседеса», оттуда вышел человек — узколицый, но с тренированной фигурой борца. Он подошел к «девятке» и рывком распахнул переднюю дверь. Шашков расценил это единственно возможным образом — как нападение.

— Зэмляки, закурить не будет?

Ильяс наклонился, заглядывая в салон. Прямо в лицо ему смотрел ствол «ТТ». Чуть выше ствола решительно блестели стальные глаза командира группы «острых акций». Он перевел взгляд назад и наткнулся на жесткий взгляд Чибисова. Ясно, что за спинкой сиденья у него в руках тоже готовое к бою оружие.

— Не курим, земляк! — холодно сказал Шашков. — Для здоровья вредно.

— Извинитэ. — Ильяс захлопнул дверцу и вернулся в свою машину. — Там здоровые амбалы с короткими стрижками, — сообщил он. — И с пушками. Похоже, серьезные.

— Из каких? — спросил Гепард.

— Кто их разберет. По виду — цветные [7].

— А пушки у них какие?

— «Тэшки».

— Откуда у цветных «тэшки»?

— Есть, Алик, есть. У СОБРа, у других спецов. Они бронезилет пробивают, машину пробивают, за то их и любят.

— «Тэшки» больше у бандюков, — сказал с заднего сиденья Заурбек. — Но у СОБРов тоже есть, это правда.

— Ладно. — Гепард вынул из портфеля миниатюрный пистолет-пулемет «кедр» — тоже оружие российских спецподразделений. — Они не за нами охотятся?

— Не похоже, — ответил Ильяс, приготовив свой «макар» и гранату.

— Да мы ни на чем и не «засветились», — убежденно сказал Заурбек, тоже доставая оружие.

— Скорей всего это блатные своего ждут, — продолжил Заурбек. — Может, ихнего босса из ментовки выпускают.

— Тогда бы ближе подъехали, — возразил Ильяс.

— А может, грохнуть кого-то хотят. Свидетеля или мента.

— На это больше похоже.

— Нас их дела не касаются. Пусть делают, что хотят.

— Может, лейтенанта Петрова завалить собираются! Наверное, он многим навредил!

— Вот и пусть валят!

Ильяс и Заурбек рассмеялись.

— Много вы понимаете, — раздраженно сказал Гепард. — Нам с ним сначала потолковать надо. Узнать, куда нашу штучку дел!

— Гля, какие сиськи! — Ильяс, опустив стекло, разглядывал проходящих мимо девушек. — В Тиходонске вообще отличные телки.

— Опять?!

Наткнувшись на ледяной взгляд Алика, Бараев осекся и сделал вид, что внимательно рассматривает выход из РОВД. Но было уже поздно. Гепард пришел к выводу, что партнер ненадежен и серьезных дел с ним иметь нельзя. Такой вывод при определенных обстоятельствах равносителен смертному приговору.

Стальная дверь распахнулась, и на улицу вышел человек. Гепард напрягся.

— Да нет, он не рыжий! — успокаивающе сказал Ильяс. Но Гепард обладал фотографической памятью, и этот человек был ему знаком! Он направился в сторону «Мерседеса», и взгляд Гепарда сканировал черты его лица. Они встречались. Несколько раз. Причем оба были на одной стороне. Точно! Это спецкурьер, который привозил ему деньги! Но что он делает в Тиходонске, в милиции?

— Что с тобой, Алик? — Бараев заметил, что лицо шефа изменилось, будто он увидел привидение. — Ты его знаешь?

— Да, — сквозь зубы процедил тот. — Когда-то он спас мне жизнь. Но я не пойму, что он здесь делает!

Спецкурьер вынырнул из прошлого, из другой жизни. Здесь его просто не могло быть!

Тем временем Карданов прошел мимо и поравнялся с «девяткой».

— Включай движок, сейчас я его приведу, — сквозь зубы сказал Шашков. — Прикрой меня, Чибис, если кто вмешается, стреляй, вали всех подряд, ты меня понял?

Спрятав оружие под пиджак, Шашков вышел из машины, оставив дверь открытой.

— Как «стреляй»?! — вытаращил глаза дядя Коля и повернулся к Чибисову. — Как «вали»? Вы что, с ума сошли?!

— Заткнись! — бросил тот, не отрывая взгляда от подходящего к объекту Шашкова.

— Спокойно, Карданов! — Дорогу Макс заступил человек крепкого телосложения и решительного вида. — Садись в машину, дело есть. И без глупостей!

Он откинул пиджак, и Макс увидел тускло блестящий пистолет «ТТ», пуля которого пробивает человека насквозь даже в бронежилете.

Гепард тоже увидел это движение и догадался, что скрывается под пиджаком у коротко стриженного незнакомца. И понял, что это не милиция и не спецслужбы.

— Прикроем его, быстро! Ильяс, мочи этого, на улице! Заурбек, бей по машине!

Макс, судя по всему, не собирался подчиняться Шашкову, и Чибисов прицелился в него для подстраховки.

— Нет уж, я на такое не подписывался! — закричал дядя Коля и, распахнув дверцу, полез из машины. Чибис невольно оглянулся на него, рука дрогнула, и прицел сбился.

— На место! Сядь на место!

В это время из «Мерседеса» выскочили два человека.

— В машину, пристрелю! — Плюнув на конспирацию, Шашков обнажил оружие и прицелился Макс в живот. При этом он соблюдал дистанцию и держал «ТТ» так, чтобы его нельзя было выбить ногой. Завидев пистолет, прохожие быстро разворачивались и шмыгали в разные стороны, оживленная улица в этом месте опустела, как военный Невский проспект в период артобстрела. И вовремя!

Дядя Коля не послушал команды Чибисова и стал первой жертвой. Заурбек направил двумя руками «ПМ» с навинченным глушителем в сторону «девятки» и открыл огонь. Пш-ш! Пш-ш! Пш-ш! Две пули попали в торчащего мишенью старого охранника, он кулем рухнул на асфальт. Тогда Заурбек принялся палить в лобовое стекло. Пш-ш! Пш-ш! Пш-ш! Сквозь придушенные звуки выстрелов прорывался лязг затвора и сухие удары пуль о стекло. По триплексу разбежались круглые отверстия, окруженные концентрическими и радиальными трещинами.

Ильяс из такого же пистолета выстрелил в Шашкова, но не попал. Тот мгновенно развернулся и открыл ответный огонь, но Макс, воспользовавшись моментом, ударил его в живот, и пули зацокали по асфальту, веером засвистели рикошеты. Ничем не приглушенный грохот «ТТ» разорвал противоестественную тишину, придав перестрелке присущей ей звуковой фон. Бах!! Бах!! Пш-ш! Пш-ш! Пш-ш!

Уходя от летящих сквозь салон пуль, Чибисов пригнулся, раненое плечо отозвалось резкой болью, в глазах потемнело. Заурбек расстрелял обойму и, вставив новую, осмотрелся. Расстрелянная «девятка» опасности не представляла, Шашков неподвижно лежал на асфальте, закрывая голову руками. На грохот «ТТ» из стальной двери неспешно вышел постовой в бронежилете и принялся стаскивать с плеча автомат.

— В машину! Все в машину! — властно кричал Гепард.

— Уходим! — Ильяс схватил Макса за руку и увлек за собой. Сам он прыгнул за руль, Макс рыбкой нырнул на заднее сиденье, рядом с вспотевшим Заурбеком. Хлопнули дверцы.

«Мерседес» рванул с места и сразу набрал огромную скорость. Милиционер так и не успел открыть огонь. С того момента, как Макс Карданов вышел из Центрального РОВД, прошло меньше минуты. Рулетка судьбы крутилась как стремительно, что он не мог ничего понять. Кто хотел его убить? Кто и почему его спасал? Сидящий впереди человек обернулся, они оказались лицом к лицу, и Макс мгновенно узнал Гепарда!

* * *

Москва,

4 октября 2004 года,

10 часов 03 минуты.

Последний разговор с Тиходонском вконец озадачил Каймаченко. Похоже, что у Карданова мощное физическое прикрытие. При последней попытке его захвата охранник «Тихпромбанка» получил тяжелое ранение, Шашкова зацепило по касательной, а Чибисов чудом уцелел.

Он долго раздумывал, как быть, и выходило, что без привлечения к делу Маши Смулевой обойтись не удастся. Значит, придется вторгаться в сферу интересов Стаховского. А это невозможно без санкции Горемыкина.

Он позвонил в приемную. День у председателя правления «Консорциума» был плотно распланирован, но еще со времен работы в ЦК КПСС Горемыкин привык внимательно относиться к сообщениям службы безопасности. Поэтому он принял Владислава через сорок минут после звонка.

— Как я понимаю, у вас плохие новости? — прогудел Горемыкин. Его массивная фигура с пулевидной лысой головой возвышалась над столом, как олицетворение власти «Консорциума» над остальным миром. Начальнику службы безопасности шеф сейчас напоминал каменного Будду в индийском храме.

вернуться

7

«Цветными» на жаргоне называют сотрудников милиции.

— Да. «Код возвращения» подействовал, и Карданов вернулся. Но почему-то не в Москву, а в Тиходонск. Мы послали за ним группу. Его дважды пытались захватить, но оба раза попытки были пресечены. Двое наших убиты, трое ранены.

— Действительно плохо, — Горемыкин кивнул головой. — Вы хотите, чтобы я разрабатывал тактику захвата?

Следующий вопрос был ясен: «А за что вы получаете деньги?»

Каймаченко поднял руку, стараясь, чтобы его действия и выражение лица оставались солидными и уверенными, как и подобает человеку, владеющему ситуацией.

— Нет, Петр Георгиевич. Нужна ваша санкция.

— Интересно. Разве я прокурор? — По лицу Горемыкина было видно, что слушает он вполуха и все, что говорит начальник СБ, его не затрагивает, слова сотрясают воздух впустую и отскакивают от толстой, выдубленной десятилетиями аппаратной работы кожи. Даже глаза были открыты не по-настоящему: под кожаными веками находились еще одни — веки безразличия. И они были закрытыми.

— Я решил сменить тактику: раз силовые акции не увенчались успехом, надо прибегнуть к хитрости. Ласка зачастую эффективнее силы. Успех в этом деле может обеспечить девушка Карданова — Мария Смудева. Но она входит в сферу интересов господина Стаховского.

Фамилия Стаховского выполнила роль длинной и острой булавки, которая проткнула толстую кожу и достала до болевого центра. Даже глаза раскрылись по-настоящему, и в них обозначилась тень интереса.

— Что значит «в сферу интересов»?

— Она его девушка. И когда Павел Лютов попытался привлечь ее к сотрудничеству, гориллы Стаховского избili его и даже отъели ему мизинец. Его пришлось ампутировать.

Интерес в глазах каменной статуи выразился еще отчетливее.

— Они что, действительно отгрызли ему палец?

— Не сами. Рыбами. — Под взглядом ожившего камня Каймаченко смешался и чувствовал, что несет полную чушь. — В том смысле, что засунули его руку в аквариум с пираньями, а эти твари обглодали ему мизинец.

На несколько секунд Горемыкин вновь превратился в камень.

— Стаховский достаточно влиятельная фигура, — наконец пророкотал человек-статуя.

То, что он не добавил уважительной приставки «господин» и прилагательное «очень» заменил менее значимым «достаточно», обнадежило Каймаченко.

— Я прошу вашей санкции на вторжение в сферу интересов Стаховского, Петр Георгиевич. То, что он сделал с Лютовым, это проявление крайнего неуважения ко всему «Консорциуму». По Москве уже гуляют всякие слухи, подрывающие наш авторитет!

Голос Каймаченко дрогнул от волнения. Кожаные веки безразлично качнулись.

— Это эмоции. Ими никогда нельзя руководствоваться в серьезных делах!

— И он запретил нам вторгаться в сферу его интересов! То есть обращаться к девушке Карданова! Какая-то девчонка объявляется недоступной для нас только потому, что он с ней спит! Деловые интересы «Консорциума» должны подчиняться сексуальным прихотям Стаховского!

От возмущения голос начальника СБ обрел силу и зазвенел непривычно для этого кабинета.

В глазах человека-горы вновь вспыхнула искорка интереса.

— А вот это совершенно недопустимо, — пророкотал он. — Тут я с вами полностью согласен.

— Значит, вы даете санкцию?

— Никакие санкции тут не нужны. Вы должны действовать исходя из наших интересов. Плевать нам на чьи-то капризы. Интересы члена не могут перекрывать дорогу деловым интересам. Чей бы это член ни был!

Рокот человека-горы напоминал рокот вулкана перед извержением. Но никакого извержения не произошло.

— А со Стаховским я побеседую, — обычным тоном завершил беседу Горемыкин. — Можете идти!

Окрыленный Каймаченко направился к двери.

* * *

Боксер подогнал черный «Гелиндваген» к ажурным воротам и нервно нажал на клаксон. Раз, второй, третий. Ворота распахнулись, он въехал на со вкусом спланированный и тщательно ухоженный участок, напоминающий сочинский дендрарий. Сделав полукруг по кремовой мозаичной плитке, он подъехал к парадному входу загородного дома Андрея Андреевича Стаховского.

Дверь открылась, и на улицу вышел Гиббон. Это прозвище показывало, что его внешность оценивается окружающими правильно. Хотя если бы они больше разбирались в обезьянах, то назвали бы его орангутангом. Вытянутая, грушевидной формы голова, бочкообразная грудная клетка и длинные, низко свисающие передние конечности больше характерны именно для этой породы. На нем, по старой моде, был спортивный костюм с сине-белыми полосами и накинутая поверх кожаная куртка. На затылке красовалась замшевая кепочка, явно маловатая по размеру. В руке он держал помповый «ремингтон».

— Че ты сигналишь? — недовольно буркнул он, приблизившись к автомобилю и заглядывая в открытое окно. — Торопишься, что ли, куда? Шило в жопе?

— Фильтруй базар, Гиббон. — Боксер щелкнул зажигалкой и подпалил кончик сигареты. С наслаждением затянулся. — У меня сегодня, в натуре, времени в обрез. С Галкой «стрелку» на вечер застолбил. Помнишь, в том стриптизе на набережной? Она сегодня выходная, в полдесятого должен ее забрать.

— Помню, телка классная. — Гиббон бросил взгляд на часы. — Только до полдесятого ты точно не отстреляешься, братан. Это я тебе гарантирую. — Гиббон разговаривал гнусаво, поблатному растягивая каждое слово. И ему явно нравилось сообщать другим неприятные вещи. — Пока Андреич со своей накувыркается, пока мы ее до дома доставим, пока Куль хату проверит... К тому же сразу сваливать нельзя, надо постоять, понюхать.

— Да не сунутся они, зуб даю! — набычился Боксер. — Мы их конкретно раком поставили! А с пальцем Куль здорово придумал! Вся Москва смеется.

Гиббон ощерился.

— Да, клево. Только ребята говорят, что они крутые. И крыша у них гэбэшная!

— И что? Мы тоже не пальцем деланные!

— Че ты мне это трекаешь? Че ты тут сигналишь, как на пожаре? Пойди к Андреичу и скажи: заканчивай, мол, скорей, а то у меня, в натуре, дела! — Гиббон ощерился еще шире. — Может, он тебя и послушает. А может, прикажет посадить жопой в тот аквариум, гы-гы-гы-гы. Помнишь, как они палец отъели? Вот и у тебя чего-нибудь отъедят, гы-гы-гы.

Боксер отвернулся и молча курил, рассматривая неработающий фонтан, окруженный голубыми елями. Оставшись без собеседника, Гиббон замолчал и, положив ружье на широченное плечо, отправился обходить периметр. Хотя это была обязанность сторожевой охраны, он не терпел простоя — подвижная нервная система требовала решительных действий. Он шел вдоль забора, постоянно поворачивая свою обезьянью голову, как будто подозревал, что кругом затаились враги.

Собственно, так оно и было. Напротив дачи Стаховского, по другую сторону дороги, начиналось строительство очередного особняка, пока выполнялся нулевой цикл: выбиралась земля под фундамент. За одной из куч земли лежал человек в летнем камуфляже «тьень» и в маленький, но сильный бинокль наблюдал за территорией дачи. С другой стороны тоже велось наблюдение, причем наблюдатель сидел в кроне высоченной корабельной сосны. Как он смог подняться по толстому, гладкому в нижней части стволу, для непосвященного человека оставалось загадкой.

Прошел час, полтора, два. Смеркалось, температура воздуха опустилась до двенадцати градусов. Боксер поднял стекло и включил печку. Гиббону надоело ходить по территории, и он залез на заднее сиденье «Гелиндвагена».

Внезапно по всему двору зажглись лампы подсветки, разноцветные огоньки вспыхнули в кронах деревьев, лучи прожекторов скрестились на фонтане, из которого забили разноцветные струи. Андрей Андреевич Стаховский любил эффекты.

Разгоряченная Маша появилась в дверях, обходительный кавалер помахал ей рукой, но из дома на свет прожекторов не вышел, наученный опытом десятков предшественников, забывших про возможности снайперов и жестоко за это поплатившихся.

Маша была в облегающих брючках, ботиночках на «шпильке» и короткой кожаной курточке с меховой оторочкой. Выглядела она весьма эффектно, впрочем, как и всегда. Следом за ней вышел Куль, квадратный коротышка с покатым лбом, развитыми надбровными дугами и плоским от природы носом. Если Он охранял девушку, а считалось, что именно это он и делает, то ему следовало идти первым, чтобы предупредить возможную опасность, а в случае необходимости прикрыть охраняемую своим телом. Но беда «новых русских» состоит в том, что

ни они сами, ни их телохранители не представляют, как надо организовать охрану. Телохранители являются частью имиджа так же, как красивые девушки и навороченные автомобили. Но оправдывают они себя лишь в бытовых уличных ситуациях, хорошо отпугивают хулиганов и всякую шантрапу. При серьезном нападении они гибнут вместе с хозяином, красивой девушкой и навороченным автомобилем. Впрочем, девушки и автомобили гибнут реже.

Шпильки процокали по мозаичной плитке, тонкий гибкий силуэт пересек яркие лучи прожекторов, и изящная девичья фигурка оказалась у «Гелиндвагена». Боксер поспешно затушил очередную сигарету и, сунув окурочок в пепельницу, опустил обе руки на рулевое колесо. Гиббон предупредительно распахнул переднюю дверцу. Девушка ловко забралась в высокую кабину и скрылась в обитом кожей салоне. Тяжелая дверь с лязгом захлопнулась. Гиббон и Куль прыгнули назад. Гиббон поставил «ремингтон» между колен и скомандовал Боксеру:

— Поехали!

Черный квадратный джип выехал на дорогу и покатил по направлению к трассе. Яркие фары высвечивали световой коридор в темноте подмосковного леса, дорога еще не освещалась, и только впереди, в непроглядном мраке мигал синий маячок.

— Гля, менты, что ли? — прищурился Боксер.

— Ну и что, покажешь им «вездеход», и все дела! — гнусавя, сказал Гиббон.

Действительно, на краю дороги стояла милицейская машина, рядом — милиционер в люминесцирующей портупее и со светящимся жезлом. Жезл требовательно перегородил дорогу и властно указал на обочину.

— Не останавливайся, хер с ним! — сказал Куль. И тут же поправился: — Черт с ним то есть, у нас же пропуск. Извините, Мария Евгеньевна!

Но рядом стоял еще один милиционер с автоматом, и этот аргумент был гораздо убедительнее жезла.

— Нельзя, еще стрелять начнут! — сказал Боксер. — Это же правительственная трасса.

Он притормозил и послушно прижался к обочине, нашаривая под потолком литерный талон «Досмотру и контролю не подлежит». Процедура, в общем-то, была обычной: заглянув в спецталон, гаишник отдавал честь и желал счастливого пути. На такой сценарий и были настроены все сидящие в машине, что являлось ошибкой: охрана всегда должна ожидать нападения. Второй ошибкой было то, что двери джипа не были заперты изнутри.

Клац! Клац! Клац! — дверь водителя и задние двери распахнулись одновременно. Боксер получил прикладом автомата в лицо, и в следующую секунду, оглушенный, оказался выброшенным на твердую землю.

— А ну не дергаться, суки! — властно приказал высокий плечистый парень в камуфляже и с побитым оспой лицом, появившийся в проеме левой задней дверцы. Раструб пламегасителя короткого автомата смотрел точно в лоб Гиббону. Это был «АКМС-74 У», стреляющий пулями уменьшенного калибра со смещенным центром тяжести. Такая пуля может войти в локоть, а выйти из пятки.

— Брось пушку, козел! Живо! Ну! Стопроцентная уверенность, что парень выстрелит и его нутро превратится в изъеденное червем яблоко, подействовала на Гиббона парализующе. Он разжал пальцы и выбросил «ремингтон» в ночную черноту.

— Выходи! Мордой в землю! — раздалась еще две команды, а вязкий чавкающий удар засвидетельствовал, что выполнены они были недостаточно быстро.

Справа сзади стоял человек в камуфляже, причем не в комбинезоне, в каких, несмотря на запреты, ходит половина Москвы от охранников пивных баров до сторожей продуктовых складов, а в камуфляжной военной форме с несколькими орденами и медалями, с желтыми и красными планками ранений. Он молча целился в Куля из автомата, но держал его левой рукой, а правой, забинтованной, как подушка, поддерживал под магазин. Но когда в тебя целятся, не важно — какой рукой. Важно другое: будут стрелять или берут на понт. В данном случае никаких сомнений не было: глаза военного горели такой ненавистью, что Куль и не помышлял о сопротивлении. Впрочем, если бы и помышлял, ничего бы не изменилось — возможности для сопротивления ему никто предоставлять не собирался. Человек, не ограничившись угрозой, сделал штыковой выпад, и ствол «акаэма» вонзился в лицо Кулю, разрывая щеку и выкрашивая зубы. Затем сильная рука выбросила его из машины.

На улице тем временем происходило изменение дислокации. Милиционеры погрузились в свою машину и уехали, сзади вплотную к «Гелиндвагену» подъехал огромный «Лендровер», куда загрузили оглушенных и окровавленных Боксера, Гиббона и Куля. И они сами, и замершая в салоне Маша были уверены, что это проводит арест милиция. Никого из всей четверки такой поворот судьбы особенно и не удивил: дело житейское, обычное. Раз арестовали, надо выкручиваться, откупаться, запугивать свидетелей, воздействовать на следователей и прокуроров — словом, действовать по хорошо отработанной и достаточно эффективной методике. Деньги есть, покровители есть, друзья есть, надо только потерпеть какое-то время. Может, ночь, может, три дня, может, месяц.

Из «Лендровера» тем временем выбрался Каймаченко. В новой блестящей куртке, в отутюженных брюках, улыбающийся, он выглядел джентльменом.

— Извините за беспокойство, Мария Евгеньевна, — учтиво произнес он, садясь за руль вместо Боксера. — Я немедленно доставлю вас домой. Все дело в ваших спутниках. К ним накопились большие претензии. Но вы об этом, разумеется, не знали.

— Ну конечно! Откуда я могла это знать! — Маша обескураженно развела руками.

«Ишь, как играет, сука! — зло подумал Каймаченко. — А сама придумала, чтобы Пашкин палец тварям скормить! Дать бы ей в морду, чтобы зубы выскочили!»

А вслух сказал:

— Мы это прекрасно понимаем. И лично к вам у нас нет никаких претензий! — и широко улыбнулся самой располагающей из своих улыбок.

— Вы из милиции? — спросила Маша.

— Почти.

Джип выехал на освещенную трассу и на полной скорости несся к Москве.

— Меня зовут Владислав, фамилия Каймаченко. Вот моя визитная карточка.

Оторвав одну руку от руля, он вытащил из кармана белый прямоугольник и протянул Маше. Она с интересом взяла его, включив подсветку, прочла, и лицо ее мгновенно изменилось. Взглянув в окно, она несколько успокоилась, но все равно не знала, что сказать.

— Павел пытался вам ее вручить при предыдущей встрече, но тогда вы не проявили к ней интереса. Правда?

Она испуганно молчала. Щекотала того типа в носу, издевалась, как хотела. Потом натравила на него Боксера с компанией, а те его почти искалечили. Конечно, она лично ничего не делала, но как бы ей не пришлось за это платить! Несмотря на дружескую улыбку Каймаченко, от него исходили ощутимые биоволны реальной физической угрозы. Андрей и его люди сейчас далеко, а этот тип — рядом.

— Не бойтесь, в мои планы вовсе не входит вас пугать. Дело в том, что в Россию приехал из Англии ваш знакомый — Макс Карданов.

— Как?! Приехал все-таки? — Удивление Маши было ненаигранным.

— Конечно. Но приехал в Тиходонск. Там у него бывшая жена, там воспоминания детства.

— Ну а при чем здесь я? Я предупреждала, что у меня он не появится!

— Напрасно вы так думаете. Только волей случая он не приехал к вам. Но зато вы можете приехать к нему.

— Я?! — Глаза девушки округлились.

— Именно вы. Это будет командировка, причем хорошо оплаченная. — Каймаченко сунул руку за борт пиджака. — Все имеет свою цену. И ваше драгоценное время тоже.

Из внутреннего кармана он извлек пухлый увесистый конверт, который небрежно бросил девушке на колени.

— Здесь пять тысяч долларов. Нормально за три дня работы. Вы со мной согласны? В случае положительного результата получите еще столько же.

Тонкие женские пальчики с длинными алыми ногтями осторожно коснулись конверта, как будто внутри таилось взрывное устройство. Деньги приятно жгли нежную кожу ног даже сквозь брюки. Мысли вихрем пронеслись под тщательно уложенной прической. Что она теряет? Положить пять тысяч в карман и съездить на пару дней в Тиходонск. Ей, наверное, скажут, где искать Макса. Найдет — найдет. Нет — извините!

Нет, согласившись, она ничего не теряет! А вот если откажется, то неизвестно, как обернется дело. Насколько она знала обычаи и правила того мира, в котором вольно или невольно вращалась, ее руку вполне могут засунуть в аквариум с пираньями. Или полоснут бритвой по лицу прямо сейчас, немедленно, с той же легкостью, с которой предложили пять тысяч долларов!

— Хорошо, я согласна. — Она взяла конверт и сунула в карман куртки.

— Ну и отлично! — еще более дружески улыбнулся Каймаченко.

— Когда я должна лететь?

— Сейчас. Мы уже едем в аэропорт. Все необходимое купите. Впрочем, в хороших гостиницах дают и халаты, и лосьоны, и зубные щетки. Так что, Машенька, — рука Владислава уже по-свойски опустилась на округлое девичье колено, — никаких проблем у вас не будет!

Маша никак не отреагировала на этот жест. Ее занимали другие мысли.

— А у этих ребят? У Боксера, Куля?

— У них будут! — Каймаченко построжал лицом. — Большие проблемы. Но недолго.

— Хорошо хоть недолго.

Маша с облегчением перевела дух.

Каймаченко скосил глаза и посмотрел, искренна ли она. Ему показалось, что да. Легкая улыбка тронула жесткие губы.

Проблемы у людей Стаховского уже начались. Они скрючились на земле со скованными за спиной руками. Яркие ксеноновые фары освещали разбитые, окровавленные лица. Их тщательно обыскали, при этом у Боксера нашли нож.

Лютов потрогал острое лезвие.

— Точно, тот самый! Значит, это ты мне глотку резать хотел?!

Очередной зверский удар напомнил закованным в наручники бандитам о превратностях судьбы и коловращении жизни. Несколько дней назад они куражились над этим типом, а теперь он куражится над ними. Только они свою партию уже сыграли, и он отделался тем, что потерял палец. А вот какой финал разыграет он? Великая мудрость поговорки «Земля круглая» доходила до всей троицы в полной мере своего пугающего смысла.

Тем временем Лютов поднял с земли «ремингтон» и съездил прикладом по лицу Гиббона.

— Значит, это ты мне в щеку ствол втирал?! А я теперь знаешь что сделаю? Я его тебе в зад воткну и выстрелю. На спор с ребятами: живот лопнет или голова слетит?

— Не, не я это, — мычал разбитым ртом Гиббон, пытаюсь восстановить справедливость: в тот день «ремингтоном» орудовал Боксер. Но справедливость никого не интересовала, особенно в его, Гиббоновом, понимании. Лютов вел разбор дальше.

— Гляньте, какой у меня сувенирчик есть! — Из внутреннего кармана он вынул трехсуставный костяной стерженок на серебряной цепочке. Издали он напоминал миниатюрную палочку регулировщика. Но все заинтересованные лица поняли, **что** это.

— Я его всегда с собой носить буду. Часть тела все-таки. На счастье сделан, вы ведь мне и голову спокойно могли отстричь! Бог сохранил!

Лютов нагнулся и по очереди поднес косточки собственного мизинца к затуманенным болью глазам каждого.

— Узнаете? Кто это придумал с аквариумом? Ну, давайте колитесь, а то хуже будет!

Вытаращив глаза, Гиббон показал зрачками на Куля. Он больше не хотел отвечать за чужие грехи.

— Ты, гад! — Футбольный удар ногой угодил Кулю в бок. Внутри у него что-то утробно екнуло, и он скособочился еще больше, но протестующе мотал головой.

— Фэф пыкасал. Не я.

— Шефа твоего здесь нет, с ним отдельный разговор будет! — Лютов замахнулся еще раз, но в последний миг сдержал удар и только ткнул Куля тупым носком начищенного до блеска армейского ботинка. — Вы все трое меня говняли! Били, крутили, связывали! Да?! Было такое?! Кто пером Щекотал, кто пушкой в лицо тыкал, кто газом прыскал, кто наркотики вкалывал! Меня, офицера! Гляньте сюда, мразь! Видите? Это орден Красной Звезды, а это орден Мужества, а это медали «За отвагу»! Две медали! Знаете, за что их давали? А что за нашивки, знаете? Это ранения — легкое и тяжелое да контузия в придачу! Я за Родину кровь проливал! А вы за что мне кровь пускали?! За что?! И кому?! Да вам бежать надо было от меня без оглядки!

Если бы «быки» Стаховского знали, что дело обернется таким образом, они бы бросили доходную работу, уехали из Москвы и занялись сельским хозяйством. Или, по крайней мере, никогда бы и ни под каким видом не зашли в ресторан «Кабинет» и уж, боже упаси, никогда бы не осмелились поднять руку на этого трясущегося всем телом капитана-десантника. Но человеку не дано заглядывать в свое будущее. А «бойцы», «торпеды», «гладиаторы» и прочее «мясо» вообще лишены дара предвидения. Они уверены, что сила и победа всегда будет на их стороне. Что только они будут избивать, калечить других людей, связывать их, засовывать в багажник, пытать и убивать. Предвидеть «обратку» и примерять аналогичную ситуацию на себя никто из них не умеет, иначе эта криминальная профессия перестала бы существовать.

— А теперь ваше время свою кровь проливать! Только за что? За Стаховского?! За эту сучку?! За что?!

Вновь на всех троих обрушился град сильнейших ударов. Прошлые ранения и контузия сказывались: Лютов окончательно утратил контроль над собой, изо рта у него пошла пена. Рябой парень обхватил его за плечи, отвел в сторону и заставил отхлебнуть из фляжки водки. Это подействовало. Крупная дрожь перестала бить сильное тело, Лютов вытер рот платком и отбросил его в кусты.

— Ладно, все, поехали! Федор, Семен, грузите это дерьмо! Избитых бандитов положили на пол, Семен и Федор, взгромоздившись на заднее сиденье, придавили их ребристыми подошвами армейских ботинок. Лютов сел рядом с водителем.

«Лендровер» выехал на трассу и помчался в Москву. Лежащие на полу люди превратились в одно большое ухо, которое ловило каждый звук, чтобы определить, куда их везут. От этого зависело главное: будут они жить, постепенно зализывая раны и восстанавливаясь, или умрут. Шум цивилизации усиливался, и это наполняло их призрачной надеждой.

— А здорово придумали, правда? — вдруг весело обернулся назад Лютов. Сейчас это был совсем другой человек: он находился в хорошем настроении и говорил совершенно спокойным тоном. Только чувствовалась некоторая взвинченность, как у пьяного, который усилием воли взял себя в руки и изображает трезвого. — Догадались палец к рыбам засунуть! Спрашивают все: что с пальцем? Отвечаю: пираньи отъели! А где ты нашел пираний-то? Вот смех!

Лютов действительно засмеялся.

— Я теперь всем объясняю, где нашел пираний в Москве! Ну, хохмачи!

Он засмеялся еще веселей.

— Нет, правда, где могут тебе палец обглодать, будто в Амазонке? Ну где? Ни в жизнь не придумаешь!

Семен и Федор сидели с каменными лицами. Ничего смешного в ситуации они не находили. Но Лютов не унимался:

— По-моему, у них бошки работают, молодцы! Только не учли, что офицера говняют, — вот что плохо!

Он перестал смеяться, и лицо приняло серьезное, даже скорбное выражение.

— Если они офицеру палец обглодали, то что с ними самими сделать?

Лютов осмотрел сидящих сзади товарищей, перевел взгляд на водителя и даже перегнулся через спинку сиденья в надежде, что кто-нибудь ему подскажет. Но ответом было только молчание и сдавленные стоны.

— Я вот думаю, что их должны целиком обглодать, как считаешь, Семен? Ну там лев, или тигр, или медведь.

Семен не отвечал, молча глядя перед собой.

— Да и не всех обязательно обглаживать: того, который на обезьяну похож, можно обезьяне отдать, пусть поборются — кто кого ломает! Вот потеха будет! А, Федя? Правильно я говорю?

Но и Федор опасного разговора не поддержал.

— Только где взять этих льва, тигра, медведя? — В тоне Лютова появилась озабоченность. — В Москве-то такие звери не водятся! Как же быть-то, Семен? Не знаешь? Так давай подумаем! Пираньи-то в Москве тоже не водятся, а ребята нашли, молодцы!

«Ребята» застонали громче. Судя по всему, дело приближалось к нехорошей для них развязке.

— О! — Лютов обрадовано хлопнул себя по лбу. — Может, в зоопарке поискать? Точно, в зоопарке! Я послал Серафима, он уже все и разведал! Давай, Володя, гони в зоопарк!

— Да приехали, шеф. Вот он, — отозвался водитель. Он уже заключил с Семеном пари, сколько продержатся звери Стаховского против диких зверей. Володя давал им три минуты, Семен настаивал, что все закончится за несколько секунд.

«Лендровер» подъехал к воротам Московского зоопарка. Они сразу же открылись. Сегодня лев Радж, тигр Усман и двухметровый орангутанг Боло не получили еды и находились в крайне раздраженном состоянии. Голодный рык Раджа раздался совсем неподалеку. Рычал и бросался на прутья решетки двухсоткилограммовый Боло. Протяжно выл Усман. Услышав этот вой, завыло и понявшее свою участь «мясо». Но тяжелые армейские ботинки с ребристыми подошвами тут же пригвоздили их к полу.

Глава 2

ПОИСКИ В ТИХОДОНСКЕ

Тиходонск,

4 октября 2004 года,

8 часов 12 минут.

Всегда тяжело оказаться в незнакомом городе, особенно если первые минуты пребывания в нем выпадают на глубокую темную ночь. Разумеется, люди, привыкшие путешествовать по делам бизнеса, криминала или каким-то другим нуждам, не обращают внимания на подобные мелочи.

Но Маша не относилась к этой категории. В половине четвертого ночи, когда ее самолет приземлился в аэропорту Тиходонска, чужой город показался мрачным и пугающим. Она впервые летела одна, без багажа, без встречающих, без привычно определенной цели и сейчас чувствовала себя шпионкой, заброшенной на вражескую территорию.

По почти пустому залу она прошла к выходу с рамкой металлоискателя и милицейским нарядом. Какие-то темные личности предлагали такси, но она даже не поворачивала головы. Стюардесса сказала, что прямо на площади есть гостиница, и она прошла сто метров до пятиэтажного, облицованного туфом здания. Здесь было теплее, чем в Москве, и пахло югом.

В гостинице не давали ни халатов, ни зубных щеток; чтобы скоротать время, она легла в постель, но заснуть так и не смогла, ворочаясь с боку на бок до самого рассвета. Она никого не знала в этом городе, никто ее не ждал, потому ей было тоскливо и одиноко. Несколько раз Маша хваталась за мобильный телефон, но всякий раз перед глазами вставало лицо Каймаченко с фальшивой добродушной улыбкой и естественным взглядом — холодным и жестоким. Он запретил звонить в Москву без крайней необходимости. Только решив вопрос с Максом, она могла сделать звонок своему работодателю. И только получив инструкции, имела право позвонить Андрею. Не раньше! А она видела, как расправляются с теми, кто идет против Каймаченко и его команды. Это был хороший урок! Настолько хороший, что она даже выключила свой мобильник: вдруг позвонит Стаховский и придется нарушить строгий запрет?

Маша встала, приняла душ и подошла к окну. Дворники мели и без того чистую пустынную площадь. Она вынула конверт и распечатала его. Новенькие зеленые банкноты достоинством по пятьдесят долларов каждая согрели ее Душу. Не столько для проверки, сколько для удовольствия она пересчитала хрустящие купюры. Пять тысяч, как и обещано.

Еще в конверте лежал сложенный вчетверо блокнотный лист. Маша достала и его. «Мануфактурный, 9» — было написано мелким, убористым почерком, а напротив имя: «Антонина Крылова». Маша вспомнила, что Макс рассказывал ей об этой женщине, ее передернуло от отвращения. Почему Каймаченко решил, что Макс вернется к ней?

Кроме имени и адреса Антонины, тем же почерком на листке было написано: «Кузьяевка. Психиатрическая больница». Еще одно место возможного появления Карданова. Кстати, зачем он вдруг им так срочно понадобился? Впрочем, это ее не касается.

Девушка вышла на площадь, подошла к стоянке такси и назвала адрес.

— Двести рублей, — ответил затрапезный мужичок с бугристым лицом. За эту сумму можно было пересечь центр Москвы. Но она только кивнула.

Через полчаса она стояла у дома по нужному адресу. Таксист быстро уехал, а она осталась в начале прошлого века. Неужели здесь живут люди?!

Да, живут. У мрачной подворотни сидел на разбитой скамейке похмельный мужичок в потрепанной замшевой курточке и грязных кроссовках. Рядом грузная женщина красила вонючей краской ставни вросшего в землю домишки. Что-то оживленно обсуждали три неопределенного возраста мужчины, то и дело сдобряя речь матерными словами. Они считали, что все нормально. Но Маша, которая всю жизнь прожила в благоустроенном районе Москвы, была шокирована. Это просто парагвайское гетто!

С отвращением войдя в замызганный подъезд с искovyрянными стенами, она постучала в облупившуюся дверь.

— Вам кого? — спросил сонный женский голос из-за закрытой двери.

— Макса. Он дома?

— Кого?!

— Макса Карданова.

Щелкнули замки, лязгнула металлическая цепочка, и дверь приоткрылась на расстояние, достаточное для того, чтобы взгляду Марии открылась неопрятная грузная женщина с наметившимися под глазами синими мешками. Ощутимо пахло перегаром.

— Ты кто? — грубо спросила Крылова, окидывая Машу долгим взглядом с головы до ног и снова с ног до головы. Хорошо одетая элегантная дама казалась здесь пришелицей из другого мира.

Под колючим изучающим взглядом Маша невольно отступила на шаг назад.

— Мое имя вам ничего не скажет, — попыталась объяснить она. — Я из Москвы.

— Да хоть с луны! Зачем тебе Чокнутый? Антонина с видом обиженной собственницы наступала, а Маша шаг за шагом пятилась назад.

— Я... Я его давняя знакомая, Маша. Мне надо...

И тут произошло нечто неожиданное. Во всяком случае, опыт Маши никак не позволял предугадать подобное развитие событий, хотя для Богатынвки оно было вполне обычным. Антонина стремительно ринулась на нее, и цепкие пальцы с обломанными ногтями крепко ухватились за отворот Машиной куртки. Крылова дернула ее на себя и принялась трясти, как трясут яблоню, чтобы с вершины опали спелые плоды.

— Маша, значит! На чужое рот разеваешь!

— Отпустите! Вы что, с ума сошли?! — Она пыталась вырваться, однако все попытки оказались напрасными. Антонина крепко держала свою жертву и выпускать явно не собиралась. Теперь она пыталась затащить девушку к себе в квартиру. Маша сопротивлялась: левой рукой она уперлась в косяк, правой зацепилась за ржавую дверную ручку. Пару минут борьба шла молча, но никто не мог взять верх.

— Ах ты, сука! — Крылова замахнулась и изо всей силы вlepила Марии звонкую пощечину. На матовой коже отпечаталась короткопалая пятерня. Маша изо всех сил рванулась назад, ей удалось освободиться, и сила инерции бросила ее на грязный, заплеванный пол подъезда. Такого унижения она никогда не испытывала.

— За что? — На глазах Маши выступили слезы то ли боли, то ли обиды. — За что вы меня бьете? Что я вам сделала?

— Она еще спрашивает!

Как пикирующая сова бросается на беззащитного мышонка, так Антонина стремительно наклонилась к ней, почти вплотную приблизив к лицу Марии свою огромную заплывшую физиономию.

— Я кормила-поила этого Чокнутого, заботилась о нем, а потом он взял и смотался! Из-за тебя или такой фифы, как ты! Деньги появились, и я стала ненужной. А то, что я осталась с дитем на произвол судьбы без копейки денег, это его не колышет!

— Я-то при чем? Разве я его увела?

Маша слегка отползла в сторону и, нервно сглотнув, поднялась на ноги.

Но подобный ответ распалил Антонину еще больше.

— Ах ты, гадина! — глухо зашипела она и снова ухватилась за воротник Машинной куртки. — А кто виноват? Я с моим дитем?

«В рукопашных схватках главное не сила, а дух», — так говорил инструктор на престижных и дорогих курсах самообороны. На Машу вдруг накатила холодная волна злости, причем такой, какой она никогда не испытывала. Тут же включились рефлексy.

Ладонями она сильно хлопнула нападающую по ушам, та еще не успела ощутить резкую боль, как правая рука Маши накрыла Тонькину ладонь, левая ударом снизу сбила захват, используя силу инерции, она двумя руками выкрутила широкую кисть.

По-заячьи заверещав, Тонька согнулась, как будто хотела давно не мытыми волосами протереть пол в подъезде. Маша рванула надломленную кисть вверх, и соперница, издав отчаянный вопль, ткнулась-таки головой в заплеванные доски.

— Где Макс, отвечай! — приказала Маша, и оказалось, что Тонька хорошо понимает этот язык.

— Пусти, больно. Он заходил ненадолго и ушел, куда — не знаю.

Маша разжала захват, и Антонина Крылова с криками повалилась на пол. Инструктор учил никогда не останавливаться на полпути и добивать нападающего. В данной ситуации следовало острой шпилькой дорогого ботиночка ударить Тоньку в лицо. Но Маша этого не сделала.

— Что здесь происходит, дамы? — Прозвучавший за спиной Маши голос был тихим и спокойным. Она обернулась. В проеме двери стоял тот самый мужичок в замшевой куртке, который безучастно сидел на скамейке несколько минут назад. Только сейчас он уже не производил впечатления мучающегося похмельем алкаша. Напротив, взгляд открытый и осмысленный, черты лица заострились, спина ровная. Маше показалось, что и выглядел он теперь значительно моложе. Но главное — властные манеры и уверенный голос. Маша поняла, что это отнюдь не простой житель Богатяновки.

Охая и вздыхая, Тонька поднялась, однако выпрямиться не смогла: схватившись рукой за поясницу, так и осталась согнутой, как буква Г.

— Ты мне спину сорвала, сука! — плачущим голосом произнесла она. — У меня же грыжа.

— Будьте добры, гражданочка, вернитесь к себе в квартиру, — сказал незнакомец Антонине, а затем перевел взор на возбужденную Машу с красным следом пощечины на щеке. — А вас, девушка, я попрошу выйти со мной.

Крылова, на удивление, послушалась с первого слова и, не разгибаясь, тяжело протиснулась в щель своего логова.

— Пройдемте, я все объясню, — мягко произнес «замшевый». Было совершенно очевидно, что это представитель власти. Маша как загипнотизированная вышла следом за ним на улицу. Еще не хватало ей неприятностей с властями!

— Можно мне заглянуть в ваш паспорт? — спросил незнакомец.

— А вы кто? — в свою очередь, настороженно спросила она.

— Старший лейтенант Шорохов, — мужчина раскрыл бордовую коленкоровую книжку и поднес к лицу девушки. В растерянности она так и не разобрала, в какой форме сфотографирован старший лейтенант и какую службу он представляет. На самом деле Шорохов являлся оперуполномоченным ФСБ, хотя предъявил документ прикрытия, выданный на имя сотрудника уголовного розыска.

— Пожалуйста, — Маша отдала ему паспорт.

— Мария Евгеньевна Смулева, из Москвы. Скажите, пожалуйста, зачем вы приходили в эту квартиру?

— Человека одного искала, — честно ответила Маша.

— Какого?

— Макса Карданова...

— Минуточку.

Шорохов отошел в сторону, извлек из кармана мобильный телефон и, отвернувшись, набрал номер Нижегородцева.

— Товарищ майор, это я. В адрес пришла девушка — Мария Смулева из Москвы. Ищет Карданова.

— Молодец. Сейчас я пришлю машину.

Через десять минут к дому на Мануфактурном подъехала неприметная серая «Волга», и Маша, как растрепанный напуганный воробышек, вжавшись в заднее сиденье, отправилась в неизвестном для себя направлении, которое на самом деле вело в Тиходонское управление ФСБ, в кабинет номер тридцать четыре, который занимал майор Нижегородцев.

Свидетельницу он встретил приветливой улыбкой, как будто она пришла на свидание к шикарно накрытому столу в роскошном ресторане. Впрочем, такую девушку, как Маша, он вполне мог пригласить куда угодно. Если бы, конечно, она не являлась фигурантом розыскного дела.

— Садитесь, пожалуйста. Я майор ФСБ Нижегородцев. С дамами Вампир всегда оставался доброжелательным и подчеркнуто вежливым. Правда, это правило не распространялось на террористок.

За последние десять минут Нижегородцев изучил выписки из досье Карданова, которые касались Маши, прозвонил в Москву и постарался максимально их обновить. К тому моменту, как изрядно напуганную и подавленную девушку, доставили в кабинет, майор уже знал о ней если не все, то почти все.

— Мария Евгеньевна, времени мало, поэтому я сразу перехожу к делу!

Нижегородцев взял стул, поставил напротив девушки и сел верхом, ткнувшись квадратным подбородком в высокую спинку. Темные очки майора покоились в нагрудном кармане рубашки, что было показателем высшей степени расположенности к собеседнику.

— Нам очень нужен Макс Карданов. На днях он прибыл в Тиходонск, и мы его нашли. Но вчера он снова бесследно исчез!

— Исчез?

— Да. Он отправился в Центральный РОВД для дачи показаний, когда он выходил, у здания вспыхнула перестрелка, а он пропал! Вопрос к вам: где он может быть?

Маша растерянно пожала плечами.

— Но откуда я знаю? Я прилетела сегодня ночью.

— Кто вас прислал, с какой целью?

Майор Нижегородцев умел задавать быстрые и цепкие вопросы. Маша поняла, что лично к ней претензий у органов нет, и приободрилась. Врать ей не было никакого резона.

— Каймаченко, начальник службы безопасности «Консорциума». Это очень серьезная структура, может, слышали?

Вампир чуть заметно прикрыл веки. «Консорциуму» уделялось немало места в досье Карданова. Службу безопасности там возглавлял бывший комитетчик Куракин. Очень серьезная фигура! Но он взлетел на воздух в микроавтобусе, его сменил Атаманов, вскоре умерший при странных обстоятельствах, теперь у руля Каймаченко. Личность пока малоизвестная, но приуменьшать его возможности было бы ошибкой. Теперь ясно, чьи ребята подкатили на «Мерседесе», и проверка убитых на причастность к «Консорциуму» наверняка даст положительный результат.

— И что он вам поручил? — спросил Вампир. Глаза начали слезиться, он прищурился.

— Найти Макса. В смысле Карданова. И постараться привезти его в Москву.

— Когда это было?

— Вчера вечером. Поздно. Около десяти.

Вампир снова прикрыл веки. Если бы Макса захватили люди Каймаченко, он бы не стал посылать в Тиходонск Машу. Он потерял глаза. Черт!

— Где вы должны его искать?

Маша полезла во внутренний карман курточки и протянула свернутый листок бумаги.

— Извините! — Привычным движением Вампир надел темные очки. — Мануфактурный, 9, и Кузьевская психбольница! Да, точно, у него большие проблемы с психикой, он вполне может оказаться там. Спасибо, Мария Евгеньевна, вы нам очень помогли, — произнес майор обычную в таких случаях фразу. И продолжил: — Но ведь вам все равно надо ехать в Кузьевку? Давайте поедем вместе.

— С удовольствием, товарищ майор! — улыбнулась Маша.

— Можете звать меня Анатолием, — дружеским тоном предложил Нижегородцев. — Где вы остановились?

— В аэропорту, в гостинице.

— Это не самый лучший вариант. Я сейчас позвоню в «Сапфир» и сниму приличный полулукс. А вам дам машину, чтобы вы перевезли свои вещи.

— Спасибо, вы очень любезны. — Маша поняла, к чему клонится дело, и глаза ее заблестели. — У меня нет вещей. Только то, что на мне.

— Замечательно. Тогда вас отвезут в «Сапфир», и вы сможете отдохнуть. А вечером я хочу пригласить вас на ужин.

Маша улыбнулась. Неожиданная командировка обещала стать приятной.

— Договорились.

* * *

В итальянских фильмах мафиози легко вычисляют предателя. Потому что не мудрствуют и не усложняют, а идут по прямому и ясному до примитивизма пути.

Почему шофер Поли не повез дону Корлеоне в день покушения? Заболел? Перепил накануне? Решил проведать больную маму? Можно дать еще двадцать пять вполне убедительных и достаточно правдоподобных объяснений, долго ломать голову, искать доказательства и улики, а в результате так и не прийти ни к какому выводу. Во всяком случае, ни один суд присяжных — не только либеральный европейский, но и суровый американский — не вынес бы водителю обвинительного приговора. А для членов семьи Корлеоне никакой загадки нет. Дело ясное и понятное: раз не поехал под выстрелы, значит, знал про предстоящее нападение, значит, он предатель и должен быть уничтожен! Простая логика оказывается правильной и заменяет хитроумные выводы сложных умопостроений. Поэтому народы с пережитками родоплеменного строя зачастую оказываются рациональней технологичных и образованных наций.

Как и рекомендовал Алик, Рохланов не стал подгонять автомобиль непосредственно к территории рынка. Прокатив два квартала вперед, он свернул на тихую узкую улочку и только тогда прижался к обочине. Город уже окутали предвечерние сумерки, столь характерные для начала осени, и Заурбек несколько минут молча сидел в салоне «Мерседеса», держась руками за баранку и вглядываясь в подернутый густеющей синевой небосвод.

Бараев передернул затвор пистолета, и этот звук заставил Рохланова выйти из состояния

прострации. Он повернул голову. Ильяс сунул оружие под куртку и наполовину застегнул «молнию». Глаза Бараева возбужденно поблескивали в полутьме салона. Предстоящее убийство возбуждало его не меньше, чем крупная карточная игра.

— Пошли? — нетерпеливо обратился он к Рохланову и, не дожидаясь ответа, потянул на себя ручку дверцы. В нагретый салон ворвался прохладный воздух.

Заурбек молча покинул насиженное место водителя. Бойцы Гепарда с неотвратимостью самонаводящихся торпед неторопливо двинулись пешком в обратном направлении к территории Центрального городского рынка.

Рынок в Тиходонске являлся чем-то вроде города в городе. Во всяком случае, именно так воспринимали его коренные жители. Высокий капитальный забор огораживал среди трупп старого Тиходонска прямоугольник шириной в один квартал и длиной в целых четыре. А за забором уже шла своя жизнь, невидимая покупателям, но хорошо известная тысячам продавцов. Здесь были свои законы, свое правительство, заседавшее в здании администрации рынка, собственные карательные органы в виде красноповязочных горластых теток и разбитных мускулистых парней с волчьими глазами.

Богом здесь были деньги, и молились этому богу истово даже в те времена, когда официальная идеология ставила на первое место совсем иные, идейно-патриотические ценности. Директор рынка считался миллионером во все времена, так же, как врач СЭС или начальник местной милиции.

С рынка жили многие. И мошенники, и карманники, и картежники, и сбытчики наркотиков, и проститутки. Именно этот контингент определяли режим территории после закрытия. У решетчатых ворот дежурил крепкий мужичок в красной фланелевой рубашке и заношенном картузе. Бараев глянул на него сверху вниз, цыкнул длинным плевком рядом с давно нечищенным сапогом и рванул створку так, что зазвенела запирающая ворота цепь. Внимательно посмотрев на лица поздних гостей, страж отпер замок и приоткрыл ворота.

— Где Лучник? — небрежно спросил Ильяс.

— Она, — мужичок корявым пальцем указал направление. — Во втором ряду. Где автозапчасти.

Пустые ряды напоминали улицы вымершего города. Только у мясного павильона несколько человек жарили над костром что-то насаженное на палки. Да за невысоким заборчиком вокруг мусорника слышалась какая-то возня.

Шаги бойцов громко отдавались по сторонам. Очень быстро они нашли павильон «Автозапчасти».

Дверь оказалась закрытой изнутри, но Бараев бесцеремонно постучал в нее кулаком. Осмотрелся по сторонам. Ни он, ни Заурбек пока ничем не привлекли к себе лишнего внимания. Каждый на рынке занимался своим делом и не стремился вникать в суть чужих проблем. Длинные руки Рохланова расслабленно, как плети, висели вдоль тела, зато Ильяс подпрыгивал, как заводная игрушка.

— Кто там? — спросили из-за закрытой двери по-русски, но с характерным гортанным акцентом.

— Мы к Лучнику, — ответил Бараев по-чеченски. — Открывай, брат.

То ли знакомое наречие, то ли уверенный тон Ильяса заставили хозяев палатки щелкнуть замком и чуть приоткрыть металлическую створку.

— А кто вы такие? — настороженно спросил низкорослый смуглый мужчина с тоненькой ниточкой усов под крючковатым носом. Вместо ответа Бараев сунул ботинок в образовавшийся проем, толкнул дверь плечом и решительно шагнул в помещение. Правая рука Ильяса распрямилась подобно пружине и с силой врезалась в лицо соотечественнику. С характерным чавкающим звуком хрустнула носовая перегородка. Мужчина бухнулся на колени, и на его элегантные усики заструилась кровь. Он не вскрикнул, не застонал, но чуть раскосые карие глаза округлились то ли от испуга, то ли от удивления. Земляки не должны так поступать! Напротив, на чужой земле они должны помогать друг другу!

— За что, брат?! — невнятно спросил он, зажимая руками разбитый нос.

Незванные гости не ответили. Рохланов с невозмутимым видом зашел вслед за напарником, аккуратно прикрыл за собой дверь и задвинул массивную, отполированную до белизны задвижку.

В помещении горела всего одна лампочка, но достаточно яркая, позволяющая рассмотреть лица местных обитателей. Их было всего трое. Один стоял на коленях, как будто молился православному богу, его изящные тонкие усики слиплись от крови, утратив былой лоск.

Коренастый тип могучего телосложения с угрюмым лицом и коротко стриженными волосами отреагировал на вторжение мгновенно: стремительно расстегнул линялую синюю олимпийку и сунул за отворот правую руку. Сразу было ясно, что первый, с усиками, — обычный коммерсант, а второй — профессиональный боец, телохранитель Лучника, который сидел чуть левее. Но в данной ситуации исполнить свои функции он не успел. Рохланов оказался проворнее и, вытянув руку, удлиненную двадцатью восемью сантиметрами вороненой стали, прижал удлиненный глушителем ствол «ПМ» к широкому покатоному лбу, который вмиг покрылся потом. Крепыш замер и медленно вынул руку обратно. Напряженный палец Рохланова, лежащий на спусковом крючке, был красноречивее любых окриков и предупреждений. Тем более что по холодным, ничего не выражающим глазам непрошеного гостя было предельно ясно: это не понты, рассчитанные на то, чтобы напугать противника, это приготовление к убийству.

— Вы что? От кого?! — спокойно спросил Лучник. Он сидел у стола вполоборота к вошедшим. В руках он держал увесистую пачку денег, а слева от него на шероховатой деревянной поверхности лежала еще одна пачка, вдвое толще первой. По губам Бараева скользнула глумливая ухмылка.

— Деньги делите? Те, что от ФСБ получили?

— Ильяс?!

Лучник тоже признал гостя. И отнюдь не обрадовался. Авторитетный в определенных кругах, он был далеко не робкого десятка, но дурная слава Бараева, шедшая впереди него, повергала в смятение и тех, кто был покрепче духом.

Ильяса знали и боялись многие. К тому же Лучник чувствовал свою вину.

— О чем ты говоришь?

На лице Лучника отразилась напряженная работа мысли. Перед мысленным взором тут же

нарисовался образ Вампира. Всплыла в памяти и тема их беседы. Говорили об Алике, а Бараев работает как раз на него. И то, что теперь он с напарником пришел сюда, вряд ли можно было считать случайным совпадением. Скорее это месть.

— Какая ФСБ? — Ощущение вины сказывалось — голос Лучника потерял свою уверенность.

Низкорослый с разбитым носом зашевелился и попытался подняться с пола, однако Бараев тяжелым ботинком наступил ему на ногу. Тот застонал. Рохланов, не сводя ледяного взгляда с телохранителя, сунул руку ему под куртку и извлек старый «наган».

— Совсем плохо живешь, брат, бедно, — сказал он. — Денег много, купи хороший ствол. Чтоб не стыдно было.

Лучник неторопливо опустил пачку денег в карман своей просторной куртки, остальные смел в ящик стола. Все это время он старательно взвешивал ситуацию, прикидывая все «за» и «против». Попробовать оказать сопротивление? Но незваные гости отрезали в своей жизни столько голов, что вряд ли оно окажется успешным. Это отпетые головорезы, причем не в переносном, а в самом прямом смысле. И ситуацию они уже взяли под контроль. Значит, надо договариваться.

Вымученная улыбка напозла на губы Лучника.

— В чем дело, брат? — нарочито приветливо обратился он к Бараеву, приподнимаясь со стула и раскидывая руки в стороны то ли в знак радушия, то ли демонстрируя свою безоружность. — Зачем оружие? Зачем бить моих людей? Мы же земляки. Я всегда рад гостям. Тем более таким...

Бараев шагнул навстречу Лучнику, как будто хотел обняться с ним по кавказскому обычаю.

— Каким? Лучник смешался.

— Как каким? Землякам, родственникам, уважаемым людям.

— И добрым товарищам из ФСБ!

— О чем ты говоришь, Ильяс?!

Лучник невольно отступил на два шага назад и едва не споткнулся о стоящую на его пути коробку. Он по-прежнему придерживался спокойного, невозмутимого тона, но Бараев заметил перемены. Улыбка стала более напряженной, выступающий острый кадык нервно дернулся, лицо побледнело.

— Какие товарищи из ФСБ?..

— Иди, я шепну на ухо, — Ильяс заговорщически подмигнул.

Подходить к страшному визитеру вплотную Лучнику не хотелось, но надо было показать, что совесть у него чиста и он ничего не боится. Лучник сделал шаг вперед. Бараев тут же схватил его за голову, рывком развернул, локтевым сгибом зажал горло и подхватил под подбородок клинком ножа. Лучник моргнул и вздрогнул от неожиданности, почувствовав, как острый холодный металл взрезал кожу. Осторожно скосив глаза, он посмотрел вниз, будто не верил, что находится в положении приготовленного к закланию барана. За воротник рубашки покатила горячая капля, потом вторая, потом целая струйка. Страх парализовал Лучника.

— Ильяс! Ты что?! — с трудом прохрипел он. Ему много раз приходилось резать баранов, он видел десятки видеозаписей, как подобным же образом режут пленных русских солдат, поэтому очень хорошо представлял, что сейчас произойдет. Но не верил, что такое может произойти именно с ним.

Соплеменники Лучника поняли, чем дело пахнет, но повели себя по-разному. Низкорослый коммерсант нервно и безуспешно пытался вытереть запачканные кровью усы, посчитав, что уже пострадал больше чем достаточно и искать новых приключений на одно место не имеет никакого смысла.

Коренастый телохранитель хотя и находился в незавидном положении, но выполнял свой долг до конца.

— Эй, оставь шефа в покое! — угрожающе сказал он. — Ты что, забыл наши обычаи? За кровь надо отвечать кровью!

— Ты и отвечай! — сказал Рохланов и выстрелил.

Огонек желто-зеленого пламени опалил лоб телохранителя, стремительная пуля пробила лобную кость, прошла мозг и вылетела через затылок, со звоном врезавшись в ящик с запчастями. Выстрела слышно не было, только лязгнул затвор да шумно упало на пол тяжелое тело.

Заурбек с тем же невозмутимым видом перевел ствол на обмершего коммерсанта с разбитым носом. Тот интуитивно заслонился растопыренной ладонью. Снова лязгнул затвор. Пуля пролетела между растопыренными пальцами и вошла в глаз обладателю щеголеватых усов. Он рухнул лицом вниз, в быстро натекающую лужицу крови.

Лучник заверещал.

— Почувствовал правду жизни, сука? — зловеще спросил Бараев. — Ты тут прижился, бабки зашибаешь, про родину забыл! Нас за козжих пастухов держишь, которые газетой подтираются!

Глаза Бараева налились кровью, он умышленно заводил сам себя и с каждым выплевываемым словом все больше и больше входил в раж.

— А сам с кровопийцей, Вампиром сговорился! Думаешь, мы этого не знаем?

Лучник обмяк, глаза его потускнели. Неминуемая смерть смотрела прямо ему в глаза. Это отсвечивал свет лампочки, отражаясь в полированной стали клинка.

— Я не сговаривался. Я ничего не сказал ему, Ильяс! Лучник хотел было отшатнуться от прижатого к горлу клинка, но Бараев крепко держал его за шею, так что деваться было некуда.

— Я все знаю, предатель, — леденящим кровью голосом сказал Ильяс. — Ты продал Гуссейнова. Если хочешь жить, скажи, что он рассказал в ФСБ?

Бараев превратился в слух.

Возможность выжить взбудоражила Лучника, он напрягся.

— Кто рассказал? — переспросил он.

— Гуссейнов. Что он рассказал Вампиру?

— Откуда я знаю? — заголосил Лучник. Сейчас авторитет среди рыночных рэкетиров сам превратился в забитого рэкетлируемого торговца, не смеющего ни слова возразить вымогателям. — Скорей всего ничего не сказал, потому что на второй день его выпустили. У Арсена знаешь какие связи?

— Знаю!

Бараев резко рванул клинок слева направо и отскочил назад. Раздался короткий вопль, перешедший в хрип. Бьющееся в агонии тело Лучника упало на пол.

Ильяс осмотрелся. Кровавое дело он сделал умело: ни одной капли не попало на одежду. Бараев взял со стула чью-то куртку и вытер об нее нож.

— Посмотри снаружи, — отдал он распоряжение Заурбеку. — Не слышал ли кто чего.

— Вряд ли, — пожал плечами тот. — Здесь все глухо, как в танке.

Но на всякий случай вышел и посмотрел. Все действительно было глухо, как в танке. Обитателям рынка хватает и своих неприятностей, чужие их не интересуют.

* * *

Высотное здание «Интуриста» за последний год преобразилось. Отделанное плиткой, со вставленными синими стеклами, оно приобрело дорогой, «заграничный» вид. Еще большие метаморфозы произошли в холле. За счет никому не нужного, захламленного внутреннего дворика он здорово расширился, вдоль мраморной стены расположился бассейн с живописно бьющими фонтанами, на второй этаж вела широкая, изогнутая полукругом мраморная лестница.

— Вот что значит московский капитал! — восхищались осведомленные люди, понижая голос. Здание действительно выкупили представители московских деловых кругов. Вокруг этой сделки ходило множество слухов, некоторые связывали с ней убийство, происшедшее недавно в самом центре Тиходонска: два киллера сноровисто застрелили местного авторитетного предпринимателя, садящегося в свой шикарный джип. Впрочем, официальных подтверждений эта связь не имела: мало ли совершается убийств в миллионном городе!

Но общественное сознание сделало свои выводы. «Москвичи не торгуются. Они делают предложение один раз. Согласился — хорошо. Заартачился или стал выторговывать условия — извини, обсуждений не будет, просто появится человек с бесшумным пистолетом» — примерно так шептались местные коммерсанты, и это мнение в немалой степени способствовало тому, что столичные капиталы уверенно завоевывали город. Впрочем, от этого была и несомненная польза: вместо одного ресторана открылись сразу два с великолепными интерьерами и неплохой кухней. Нижегородцев пригласил Машу в Золотой зал, выдержанный в радостных желтых тонах. Не успели они углубиться в меню, как к майору подошел метрдотель, одетый, как посол иностранного государства.

— Анатолий Сергеевич, вас приглашают в банкетный зал, — с достоинством поклонился он.

— Кто приглашает? — насторожился Вампир и на миг снял темные очки.

— Там много ваших друзей, — уклончиво ответил метрдотель. — Прощу вас!

Банкетный зал мог вместить человек шестьдесят, но за сдвинутыми буквой П столами сидело чуть больше половины этого количества. Беглого взгляда для опытного Нижегородца было достаточно, чтобы определить: здесь собрались начальники различных уровней, несколько депутатов Законодательного собрания, владельцы влиятельных газет.

В свою очередь, многие из собравшихся неплохо знали майора; круглолицый мужчина с морщинистым лицом и большой плечью приветливо улыбнулся и помахал ему рукой. Это был начальник Центрального райотдела милиции Симаков, и они часто контактировали по службе. Армейский генерал в полной форме снисходительно кивнул — с командующим авиацией округа они познакомились на месте происшествия, когда разбился транспортный самолет. Грузный лысый человек тоже обозначил приветствие — с начальником Управления железной дороги Нижегородцев встречался, когда застрелили одного из его заместителей.

Здесь были представители администрации, областных министерств, много силовиков. С некоторыми майору приходилось участвовать в рыбалках, охотах и банкетах. Словом, здесь собрался весь бомонд, люди властные, вальяжные, знающие себе цену и зачастую ее завышающие. Критически настроенный Вампир отметил, что плебейские лица большинства вступали в явное противоречие с их регалиями. Впрочем, это последствия давней и неистребимой тенденции кадровой политики советского и постсоветского государства, отдававшей преимущество кухаркиным детям. Но кто именно его пригласил?

Метрдотель посадил их с Машей на свободные места, расторопные официанты мигом наполнили тарелки закусками, а рюмки — хорошим коньяком. Вампир проголодался и без проволочек с аппетитом принялся за еду. Маша не отставала.

— Я вижу, вас в городе хорошо знают, — проговорила она, лукаво блестя глазами. — Вы человек известный. Я таких люблю.

— Ну, это некоторое преувеличение, — ответил Нижегородцев и поднял рюмку. — За знакомство.

Они выпили, и официант тут же налил коньяк снова.

На дальнем конце стола поднялся невысокий брюнет в хорошо сидящем дорогом костюме и с бокалом шампанского в руках.

— Дорогие друзья! — хорошо поставленным голосом начал он. — Мы переживаем сейчас не самые лучшие времена. Очень трудно живется у нас на родине, нелегко и заниматься бизнесом. К сожалению, чеченский народ скомпрометирован отдельными бандитами, за которых мы не несем никакой ответственности. Разбой и бандитизм не в наших традициях, кавказский народ всегда отличался радушием, щедростью и гостеприимством. И я хочу поблагодарить всех вас за то, что вы понимаете наши трудности и не приравниваете каждого из нас к людям, которых наш народ искренне стыдится и осуждает.

«Гуссейнов!» — узнал Нижегородцев человека, которого он не так давно задерживал. Так вот кто пригласивший его «друг»! Он ощутил неловкость: не следовало попадать в такую компанию. Хотя если отвести взгляд от хозяина стола, то комар носа не подточит.

— За вас, уважаемые друзья! — провозгласил Гуссейнов и выпил шампанское.

В ответ в единодушном порыве взметнулись тридцать бокалов. Вампир чокнулся с Машей.

— Нам надо уходить, мы попали не в ту компанию!

— Разве? Атак и не скажешь! — Маша покраснела от выпитого и многозначительно улыбалась. — Или вы хотите перейти ко второй части?

— Надо уходить, — повторил майор. Он чувствовал себя дураком: никто из присутствующих здесь начальников не считал ситуацию неудобной. А он считал ее не только неудобной, но и недопустимой.

— А хотите, я устрою здесь проход? — Маша наклонилась совсем близко, от нее сильно пахло коньяком. — Настоящий демонстрационный проход?

— Что это значит?

— Сейчас увидите. Я разденусь до белья и сделаю дефиле вдоль зала.

Вампир не успел возразить, как Маша вскочила и принялась расстегивать блузку.

— Перестань! — Вампир схватил ее за руку. — Я и так попал в дурацкое положение, не надо его усугублять!

— Извините. — Девушка тряхнула головой, мягкие волосы рассыпались по плечам. — Я же модель, ничего зазорного в этом нет!

Нижегородцев встал и, взяв Машу под локоть, повел к выходу. Гуссейнов сверлил взглядом его прямую спину.

— Если хотите, можно зайти ко мне в номер и выпить чаю, — целомудренно предложила Маша.

Нижегородцев на миг задумался, но покачал головой.

— Лучше поедем ко мне. У меня чай лучше.

«И наверняка нет видеокамер», — подумал он про себя.

На такси они приехали к Нижегородцеву. Усадив Машу за стол, он вышел на кухню и принялся заваривать чай, чтобы соблюсти формальные приличия. Но когда он вошел в комнату, оказалось, что гостя сидит на диване совершенно обнаженная. Взгляд Вампира уперся в небольшие, округлой формы, красивые груди с аккуратными розовыми сосками. От неожиданности даже бывалый боец потерял дар речи.

Маша поощрительно улыбалась.

— Я что-то сделала не так? — кокетливо спросила она.

— Да нет, все так, — только и смог ответить он. И сделал несколько шагов вперед.

Чаепитие отменялось.

* * *

— Правильно говорят: не хер связываться с черными! Только понты и неприятности от них. А я с этим лидером Арсеном Гуссейновым хотел дело делать, вроде нормально «капусты» можно было срубить, — громко и разнузданно, не задумываясь, что его кто-то может услышать, рассказывал Бычок, картинно размахивая руками. — Ну и попал с ним под раздачу! За ним, оказывается, фээсбэшники охотились. А меня взяли только потому, что с ним в бильярд играл!

Так он, гад, на второй день отмазался подчистую, а про меня и не подумал слова сказать!

Бычок вытер вспотевшую голову. Она была гладкой, как колено.

— Он, сука, гуляет на воле, а меня Вампир рвет, как тузик грелку. Знаете Вампира? Это ваше счастье, братва! С Вампиром шутки плохи. Засунет тебе ствол в задницу и начнет крутить, пока кишки наружу не вытянет!

Рыхлый задел локтем только что принесенную официанткой тарелку с салатом, и та плюхнулась на пол, разбросав под ногами у девушки тонко нарезанные полоски капустного листа, кружочки лука, аппетитно розовые креветки и измельченный грецкий орех. Официантка невольно шагнула в сторону. Рыхлый и не заметил бы этого инцидента, если бы не громкий смех его сотрапезников.

— Э, да ты уже изрядно набрался, братан!

Шуруп ткнул в направлении сидящего напротив товарища зажатым меж пальцев окурком «Винстона». Надо заметить, что и сам Шуруп был далеко не трезв. Плечи его ссутулились, глаза неестественно поблескивали.

Компания расслаблялась в полутемном помещении пивного ресторана «У Михаила». Это заведение пользовалось дурной репутацией, и собирались здесь далеко не самые честные и порядочные жители Тиходонска.

Обычно бледное лицо долговязого Шурупа покраснелось и напоминало сейчас переспелый помидор, забытый на поле под палящими лучами солнца.

Бычок выглядел менее пьяным, хотя пил наравне с приятелями. Впрочем, даже трезвым он мог учинить скандал, затеять драку и наделать шуму гораздо больше, чем пьяные Рыхлый и Шуруп вместе взятые.

— Рыхлый чем больше пьет, тем становится толще и неповоротливее. Нам надо было сдвинуть два стола сразу, — гаркнул Бычок, заглядывая в вырез кофточки официантки, которая, присев на корточки, принялась торопливо собирать с пола разбросанный салат. — Ты нас так разоришь, Рыхлый. За салатик-то один хрен платить придется. Или ты доешь его?

Бычок захохотал над своей шуткой, Шуруп тоже зашелся в смехе.

— Да пошли вы! — беззлобно буркнул Рыхлый и лихо выпил бокал, наполовину наполненный зеленым абсентом. Шумно захрустел маринованным ананасом. Эту закуску он предпочитал всем остальным.

Компания собиралась в кабачке с дурной репутацией почти каждый день. Проведя необходимые «стрелки», собрав дань с подведомственных точек и уладив все непонятки, братки здесь ужинали и расслаблялись. Сегодня героем был Бычок: его отпустили из-под следствия, и сейчас он откровенно хорохорился и рисовался перед своими корешами, раз за разом пересказывая историю своего недавнего ареста. Долговязый Шуруп, не так давно примкнувший к группировке и еще ни разу не попадавший в жесткие руки милиции, и Рыхлый с обвисшими, как у английского бульдога, щеками слушали приятеля внимательно, ловя каждое произносимое им слово. В их глазах Бычок набрал дополнительные баллы.

— А они это... всегда буцкают? — спросил Шуруп.

— А ты как думал?! — захохотал Бычок. — Надо характер иметь!

Девушка собрала салат и молча удалилась, лавируя между занятыми клиентами столиками. Посетителей в кабаке «У Михаила» всегда хватало с избытком. В основном это была братва низшего звена из новой «спортивной» волны и наркоманы, прекрасно знавшие о том, что в районе полуночи «У Михаила» обязательно нарисуеться известный в этом городе барыга по кличке Мясо и у него можно будет приобрести дозу за вполне приемлемую цену. Ну и, конечно же, среди этой толпы, как бабочки, пестрили достаточно дешевые и привыкшие к риску проститутки. Местная клиентура вполне могла кинуть любую, поставить «на хор» или устроить «субботник». Поэтому они заметно отличались от своих коллег, работавших, скажем, в том же престижном «Континентале». Однако этот факт не мешал им гордо именовать себя по новой моде индивидуалками, что по сути своей означало работу в одиночку и независимость от других таких же охотниц до мужских кошельков, присутствующих в полумрачном тесном зале «У Михаила». Девушки даже старались делать вид, что незнакомы друг с другом. У регулярно бывавшего здесь Бычка и знавшего лично каждую из путан не только в лицо, но и по профессиональным качествам, подобная конспирация вызывала только пренебрежительную усмешку.

— Ну а чего они от тебя хотели-то? — Рыхлый снова налил себе абсента, а товарищам плеснул недорогой водки. — Трясли насчет этого козла Демина, поди? Колись, Бычок! Ведь было дело?

Герой дня никак не отреагировал на вопрос приятеля. Покручивая в пальцах тонкую трехзубую вилку, Бычок смотрел вслед удаляющейся официантки. Эта девушка была явно из новеньких. Бычок не видел ее прежде.

— Ты че, уснул, брателла?

Бычок встрепенулся. Отложил вилку в сторону и потянулся пальцами к наполненной рюмке.

— Давайте телок снимем — и в баню, — не к месту ляпнул он. — И эту шкурку возьмем.

— Не выйдет, — покачал своей коротко стриженной бесформенной головой Шуруп, неловко пытаясь поддеть с тарелки остатки грибного рагу. — Она не подпишется. Не по этому делу.

Бычок засмеялся:

— Да кто ее спросит? Посадим в машину — и все дела! Бычок, чуть качнувшись, поднялся из-за стола.

— Ладно. Я пойду отолью, а вы закажите еще водяры. Посмеиваясь, Бычок двинулся к выходу. Сейчас он уже выбросил из головы и Гуссейнова, и Вампира, и всю эту неприятную историю. Так устроена жизнь: то ты кого-то прессуешь, то тебя, потом опять ты. Сегодняшний вечер сулил благоприятный расклад.

Бычок вышел на улицу. Подвал находился ниже уровня городской канализации, поэтому туалет был во дворе. Бычок никогда в него не заходил, справляя нужду прямо на улице, под деревом. А кого бояться?

Завернув за угол, Бычок пристроился на привычном месте и, покопавшись, расстегнул наконец ширинку. Раздалось характерное журчание. Сзади послышались шаги, но Бычок не обратил на них внимания.

Шаги прекратились за спиной, и это ему не понравилось.

— Эй, какого хера? — не оборачиваясь, спросил он.

— Ты болтливый, как баба, Бычок.

Жесткий уверенный голос с кавказским акцентом заставил братка обернуться. Он даже забыл застегнуть ширинку. В проулке за кабаком было темно, и Бычок не мог разглядеть лица человека, затеявшего с ним беседу. Но интонации ему не понравились.

— Ты кто такой, мудила?

В моменты опасности Бычок всегда старался проявлять еще больше гонора и нахрапистости. Он считал, что такое поведение способно напугать противника. Дескать, вот он какой крутой! Сам черт ему не брат! И клал он на всех! Бычок много раз участвовал в разборках, и почти всегда его метод оказывался эффективным.

Но не сегодня.

— О чем ты болтан с майором? — невозмутимо спросил стоящий в темноте мужчина.

— С каким майором? — оторопело спросил Бычок и наконец застегнул ширинку.

— Сам знаешь с каким. С кровопийцей. С Вампиром проклятым!

Мысли стремительно заметались в голове рэкетира. Это люди Гуссейнова! И пришли они не просто поговорить с ним. Дело плохо. Даже очень плохо!

Алкоголь мигом выветрился, оставив после себя только неприятную головную боль. Но нужно взять себя в руки. И попытаться выжить. Бычок прикинул, что противник один. Если хорошо вмазать ему в торец, то можно уложить на землю и надолго вывести из строя. Когда-то Бычок занимался боксом и достиг неплохих результатов. К тому же в кармане лежал острый нож с выкидным клинком.

— Послушай, братан. Я с майором хоровады не разводил. — Бычок прикинул ориентировочно, где находится лицо неприятеля, и незаметно перенес центр тяжести на левую ногу. — За кого ты меня держишь? За сексота? За стукача? Мент мне не кум и не сват. Что я, закона не знаю? Какие предъявы, брат?

Темная тень не ответила. Похоже, разговорная часть была окончена.

Бычок рванулся вперед. Кулак двигался по заданной траектории, но невидимый противник оказался быстрее и проворнее. Рука незнакомца со свистом рассекла воздух. Что-то блеснуло перед лицом Бычка, но он не успел понять — что. Горло обожгло адским пламенем, и это было последнее в жизни ощущение.

Из перерезанного горла кровь брызнула во все стороны, но Бараев успел отскочить, держа на отлете испачканный клинок. Бычок упал в лужу собственной мочи, и Ильяс вытер нож о его одежду. Спрятав оружие в рукав, оглянулся. Свидетелей расправы не было. Он развернулся и неторопливо зашагал к машине. В тени шевельнулась еще одна фигура. Рохланов страховал его с пистолетом в руке. Но страховка не понадобилась.

Внизу пили водку Рыхлый и Шуруп. Сегодня им повезло.

* * *

Тиходонск,

5 октября 2004 года,

11 часов 00 минут.

Серая «Волга» подъехала к «Сапфиру» ровно в одиннадцать. Бурик сидел за рулем, Нижегородцев — рядом с ним. На мощенной рифленой плиткой площадке, прямо под прозрачным синеватым навесом, их ожидала Маша. Она прекрасно выглядела. Вампир улыбнулся, по привычке огляделся по сторонам и, выйдя из машины, приглашающе распахнул заднюю дверцу.

— Здравствуйте, Мария Евгеньевна, прошу вас!

— Вы очень любезны.

Они обменялись многозначительными взглядами и сели на заднее сиденье, касаясь коленями друг друга. Машина промчалась по Магистральному проспекту и вырвалась за город. Светило южное солнце, в зеленой окраске придорожных лесополос появлялись желтые и красные разводы. Настроение у Маши и Вампира было прекрасным. Они держались за руки, тихо переговаривались и смеялись.

В отличие от них, Бурик мрачно насвистывал, глядя на отблескивающую солнцем дорогу. Не потому, что переживал стресс от недавнего огневого контакта. Хотя боестолкновения часто надолго выбивают участников из обычной жизненной колеи, он был лишен фантазии и не склонен к рефлексиям. Хотя ребра еще побаливали после динамического удара, про перестрелку он уже забыл. Практический склад ума был озадачен конкретными задачами.

— Товарищ майор, так что с машиной делать? — неожиданно спросил он.

— С какой машиной? — удивился Нижегородцев. Тонкий запах Машиных духов кружил ему голову и будоражил все его существо.

— С той, что на Мануфактурном покарбовали. На ремонт полторы тысячи выделили, это только стекла поменять. А там дверь, капот, радиатор. Еще штук шесть надо, и то по дружбе.

— А что Ганутин говорит? — Вампир нежно разглядывал длинные тонкие пальчики с миндалевидными ноготками, покрытыми перламутрово-бордовым лаком.

— Что они всегда говорят: мол, сами виноваты, скидывайтесь втроем и ремонтируйте.

— Ну, чего делать, придется скидываться, — отвлеченно сказал Нижегородцев, осторожно поглаживая Машины коленки.

— Да откуда деньги?! — возмутился Бурик. — Боевые давно потрачены, а из зарплаты столько не выкроишь. Вы бы поговорили с генералом, он вам не откажет.

— Ладно, поговорю.

Нижегородцев отвечал рассеянно. Маша поглощала все его внимание. Такого у майора никогда не было. Может, он влюбился? Но для того чтобы полюбить человека, нужно хорошо узнать его, понять его характер, узнать душу, мысли. А у Маши он узнал только тело... И все же из каждого правила бывают исключения!

Внезапно майор подумал, что происходящее с ним вполне охватывается механизмами «медовой ловушки» — подставой женщины, которая влюбляет в себя объект и получает возможность успешно манипулировать им. От этой мысли его бросило в жар. Нет, не может быть! Не Маша по своей инициативе пришла к нему, не она пригласила на ужин, не она. Хотя она явно форсировала события!

Вампир отпустил мягкую ладонь девушки и убрал ладонь с ее коленки. Он отвернулся к окну и отодвинулся, усилием воли подавляя ненужные эмоции. В атмосфере салона что-то неуловимо изменилось. Только Бурик продолжал насвистывать какую-то знакомую, но сильно перевираемую мелодию.

Комплекс областной психбольницы располагался в семнадцати километрах от Тиходонска. С годами название Кузьевской клиники стало нарицательным, и в обыденную речь тиходонцев прочно вошли двусмысленные обороты типа: «Ему уже давно место в Кузьевке», «По тебе Кузьевка плачет», «Ты что, из Кузьевки вернулся?»

А в разгар борьбы с диссидентами эта шутка имела крайне зловещий оттенок. Потому что все они считались психически больными и без лишней шумихи и судебной волокиты попадали на первый этаж режимного блока, где подвергались лечению без ограничения срока, до «полного выздоровления».

«Волга» заехала на территорию больницы. Когда-то специально закрепленный оперативник КГБ курировал это заведение, в последние годы подобную практику отменили. Нижегородцев слышал много историй, связанных с Кузьевской клиникой, но сам оказался здесь впервые. Настроение почему-то испортилось, в душе шевелились неприятные ощущения. Майор снял очки, энергично растер переносицу и вновь защитил глаза.

— Похоже на тюрьму, — сказала Маша. — Я не знала, что Макс сидел за решеткой.

Слева за глухим, обнесенным колючей проволокой забором виднелись верхние этажи режимного блока. Сейчас здесь остались только проходящие экспертизу подследственные: убийцы, поджигатели, насильники, растлители малолетних.

— Нет, это секция для преступников, — рассеянно ответил Нижегородцев, настраиваясь на предстоящую работу.

«Волга» проехала мимо наркологического отделения к длинному трехэтажному зданию, часть которого занимала кафедра Тиходонского мединститута, а часть — отделение острых психозов. В пристройке, расположенной под прямым углом, располагалась администрация. Машина притормозила у входа.

— Пошли, — Нижегородцев первым покинул салон и даже не подал Маше руки. Бурик остался в машине.

По старой обшарпанной лестнице они поднялись на второй этаж. В отсек администрации дверь была открыта. Вытертая до тканой основы дорожка из красного ковролина, горшки с пожухшими цветами в проволочных подставках, мятые шторы на окнах, стенд с фотографиями лучших врачей — все эти детали говорили о том, что больница по-прежнему находится на госбюжете.

Приемная выглядела по-другому: здесь был сделан евроремонт, стояла хорошая мебель и компьютер. За ним сидела молоденькая девушка в белом халате с ярким макияжем на симпатичной мордашке. Казалось, что все это перенесено в дотируемую психбольницу из

преуспевающего банка.

— Майор Нижегородцев, Управление ФСБ. Леонид Порфирьевич у себя? — казенным голосом произнес майор официальную формулу.

Ему даже не пришлось предъявлять удостоверение. Внешний вид и манеры говорили сами за себя. Доложив по селектору о визитерах, девушка вежливо кивнула:

— Пожалуйста, проходите.

— Подождите здесь, Мария Евгеньевна, — кивнул девушке майор и толкнул тяжелую полированную дверь.

Главврач оказался пожилым человеком с наметившимся брюшком и седыми редкими волосами на голове. Белый халат был тщательно отутюжен.

Поскольку оперативные сотрудники ФСБ всегда тщательно готовятся к встречам, майор предварительно изучил досье главврача. Нечаев Леонид Порфирьевич, шестьдесят два года, давно разведен, по оперативной информации, не подтвержденной документально, склонен к гомосексуализму. В свое время охотно содействовал КГБ, впрочем, тогда все с готовностью помогали органам, даже многие из тех, кто сейчас рядится в тогу ярых правозащитников.

— Чем могу быть полезен? — Главврач поднялся и стал по стойке «смирно». Видно, к нему давно не заходили сотрудники контрразведки, и этот визит его насторожил.

По живым голубым глазам майор понял, что когда-то в молодости Нечаев был энергичным и полным сил, но возраст и специфика работы сделали свое дело: сейчас он создавал впечатление утомленного жизнью человека, по инерции дорабатывающего последние годы и опасющегося пенсионного одиночества и ненужности.

Нижегородцев без приглашения прошел к столу и опустился в низкое кресло с широкой спинкой. Нечаев какое-то время продолжал стоять, неловко переминаясь с ноги на ногу, но затем тоже опустился на свое место. Вампир снял темные очки и как можно проникновеннее заглянул в голубые, начавшие выцветать глаза.

— Как обычно. Сведения об одном из пациентов.

— О ком? — Нечаев облизал тонкие пересохшие губы.

— Лапин Сергей Иванович. Находился у вас на обследовании в сентябре девяносто первого. Понимаю, времени уже прошло с тех пор немало, много воды утекло, но вы должны его помнить. К тому же сведения сохранились в архиве...

Нервы у Нечаева были железными. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Действительно помню. В конце девяностых ко мне приходил наш бывший куратор — Ходаков, он расспрашивал о Лапине. Хотя Василий Иванович и пытался уверить меня, что интерес его сугубо частный, но я, извините, ему не поверил. Вы знаете Василия Ивановича Ходакова?

— Не очень близко, — сказал Вампир чистую правду. — Пару раз в год видимся на торжественных собраниях, когда приходят ветераны.

Нечаев оценил его искренность и удовлетворенно кивнул головой.

— И потом появлялся один человек, он представился аспирантом из Москвы, он тоже интересовался Лапиным, но в замаскированной форме. Но подробностей я не помню. Что касается архива, то он сгорел еще осенью девяносто первого. Тогда был большой пожар.

Леонид Порфирьевич отвернулся к окну и принялся рассматривать крупных черных ворон, перелетающих с одного дерева на другое. Ему было неприятно вспоминать те события. Это он дал ключ, а поджигал регистратуру и архив лично Ходаков. Соучастие в преступлении, вот как это называется. Правда, тогда это называлось по-другому: специальная операция. Успели вовремя — через три дня явилась комиссия по расследованию злоупотреблений КГБ, но фактов использования психиатрии в карательных целях обнаружить не удалось. Нашли только пепел. Это было выгодно и главврачу.

— Так что история болезни не сохранилась.

Нечаев замолчал и беспомощно развел руками, как бы говоря: увы, но поделать теперь ничего нельзя.

— А врачи? — не отставал Нижегородцев. — Остались врачи, которые работали в тот период и могут помнить Лапина?

Направленность разговора Нечаеву не нравилась. Когда в прошлом остались неприятные тайны, то лучше, если это прошлое никто не ворошит. Но и врать нельзя, потому что проверить личные дела сотрудников очень легко.

— С ним работала доктор Белова, сейчас она заведует отделением психической реабилитации. Ходаков беседовал с ней в свой последний визит.

— Я бы хотел с ней переговорить, — сказал Нижегородцев, и главврач снял трубку внутренней связи.

— Зоя Васильевна, зайдите, пожалуйста, ко мне. Через несколько минут на пороге кабинета возникла привлекательная блондинка. Броский, но с чувством меры макияж, тонкие полукружья бровей, миндалевидные, чуть раскосые глаза, подтянутая фигура, тонкая талия, широкие бедра. Опытный взгляд майора определил, что ей за сорок, хотя выглядела она на удивление молодо. Короткий халат открывал стройные ноги, свежая кожа лица, прямой взгляд.

— Это майор Нижегородцев из Федеральной службы безопасности, — представил Вампира главврач. — Его интересует Сергей Лапин. Помните такого?

В серых глазах вспыхнули яркие искры личной заинтересованности.

— Еще бы! Ни одним пациентом не интересовалось столько народа! Особенно по прошествии ряда лет!

Она сказала правду. Но не всю.

Любой человек многосторонен, и не всегда отдельные стороны его жизни известны окружающим. Зоя Васильевна Белова в обычной жизни являлась заведующей отделением психической реабилитации, кандидатом медицинских наук и членом диссертационного совета. Но она выступала и в иной ипостаси, о которой не подозревали ни сослуживцы, ни главный врач — вообще никто, кроме нескольких человек. В свое время Белова была агентом

областного УКГБ, имела оперативный псевдоним Лиса и состояла на связи у оперуполномоченного Ходакова, носившего псевдоним Кедр. Как нередко бывает, тайные доверительные отношения курирующего офицера с агентом переросли в интимные. Потом и те и другие прекратились, но когда Ходаков приехал узнавать о Лапине, многолетняя привычка вновь бросила их в объятия друг друга. Возобновившаяся связь продолжалась до сих пор. Одинокой Лисе требовалась поддержка в жизни, и Кедр интересовал ее не только как сексуальный партнер, но и умный, понимающий и надежный человек. Недаром говорят: «Старая любовь не ржавеет!»

— Так что я прекрасно его помню.

Белова держала руки в боковых карманах халата и слегка покачивалась на каблуках, свысока рассматривая Вампира. Не сверху вниз, а именно свысока. Нижегородцев почувствовал неловкость и встал. Женщина чуть заметно улыбнулась.

— У него была амнезия, наблюдались элементы модифицированного сознания. Судя по интересу к его персоне, у него действительно было модифицированное сознание! Хотя с научной точки зрения это невероятно.

Майор кивнул, хотя мало что понял. Но ему и не надо было вникать в тонкости психиатрических диагнозов.

— Сейчас этот человек в Тиходонске. Он приехал внезапно, без видимой причины и бесцельно ходит по старым адресам. Меня интересует: может ли он приехать сюда, к вам? И вообще, чего можно от него ожидать?

Белова пожала плечами.

— Если он вернулся на прежний уровень психики, то обязательно придет к нам в клинику. А поведение... обычное поведение вменяемого человека. Оно будет определяться его потребностями, принципами, убеждениями.

Нижегородцев достал из кармана две визитные карточки, на которых были написаны только фамилия, имя-отчество и номер служебного телефона. На обороте он написал номер мобильного.

— Я попрошу, если он появится, сразу же позвонить мне. А ему сказать, что его искала невеста, ее зовут Маша.

— Это она сидит в приемной? — спросила Белова. Вампир кивнул.

* * *

Тиходонск,

5 октября 2004 года,

12 часов 51 минута.

Тонкие лучики солнца, с трудом пробившиеся сквозь серую пелену облаков, слабо обогревали мокрую землю. Тиходонцы уже понимали, что настоящего тепла не будет до следующего года. Октябрь принес холодную, пасмурную погоду с обилием дождей и резкого степного ветра.

Промелькнуло уже и недолгое в этом году бабье лето, унеся вместе с собой последнюю возможность погреться перед зимой. Нет, дело уже близилось к холодам. Неспешно, шаг за шагом, но зима все-таки приближалась. Она угадывалась в пронизывающих порывах ветра, в клубящихся на горизонте черных тучах, в серой ряби на поверхности Дона.

Ходаков выключил стеклоочиститель, слегка повернул голову, и отраженные зеркальцем заднего вида солнечные зайчики пробежались по его худому волевому лицу много испытавшего в жизни человека, погладили хищно загнутый тонкий нос и заставили прищуриться пронзительные голубые глаза. Василий Иванович любил теплую ясную погоду, да и вообще любил ясность во всех делах.

Красный глаз светофора сменился на желтый, потом вспыхнул зеленый. Сзади начали сигналить нетерпеливые участники дорожного движения. Ходаков энергично тряхнул головой, прогоняя меланхолию, выжал сцепление и включил первую передачу. Видавший виды серебристый «Фольксваген» мягко тронулся с места.

У супермаркета он притормозил, покинул салон машины и скрылся за стеклянными матовыми дверями. Вернулся минут через сорок с двумя увесистыми пакетами. Гостей в Тиходонске принято принимать щедро и хлебосольно.

Еще через полчаса Ходаков подкатил к своему дому. Солнце пригрело сильнее, мокрые тротуары начали высыхать. Бравурный марш, прославившийся вместе с фильмом «Бригада», прозвучал, как только он выключил двигатель. Ходаков потянулся за телефоном, привычно взглянул на высветившийся на дисплее номер и улыбнулся. Зоя!

— Привет, Лисичка! — бросил он в трубку. Но голос Беловой был серьезен.

— Я звоню по делу. Нас никто не слушает?

Это говорила не влюбленная женщина, а конспиративная агентесса.

— Возле меня — нет, а на линии — кто знает? Но у нас нет тем, которые могут заинтересовать бывших коллег. Что случилось?

— Помнишь, несколько лет назад ты интересовался моим больным? Его фамилия Лапин.

Конечно, Василий Иванович помнил Лапина-Карданова. Когда Куракин и еще несколько человек полезли в микроавтобус делить деньги из титанового «дипломата», именно Ходаков остался охранять его в «Волге». А через минуту микроавтобус взлетела на воздух! Такое не забывается!

— Помню. И что?

— Его опять спрашивали сегодня. Твой бывший коллега, майор Нижегородцев. Сказал, что Лапин вернулся в Тиходонск. А значит, он должен появиться у нас!

— Молодец, Лисичка. Держи меня в курсе дела. Я буду дома, должны приехать старые знакомые из Москвы.

Разъединившись, Ходаков подумал несколько секунд и, позвонив Тимохину, сообщил ему эту новость. Через пять минут ее узнал и Шашков.

Глава 3

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Москва,

4 октября 2004 года,

9 часов 52 минуты.

Андрей Андреевич Стаховский проснулся в отличном расположении духа. Вчера они с Машей отлично провели время. Просто великолепно. Она была в ударе и доставила ему немало удовольствия. Надо взять ее с собой на Мальдивы!

В начале перестройки Стаховский торговал цветами в подземных переходах и понятия не имел о Мальдивах, да и о других жизненных радостях. У него имелась судимость за спекуляцию, наглухо закрывающая выезд за границу и любое продвижение по должностной лестнице. Но! Наступили новые времена, спекуляция, частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество из статей уголовного кодекса превратились в основное занятие большинства российских граждан, а судимость перестала быть позорным пятном в биографии — напротив, позволяла выдавать себя за борца со старым режимом и носителя передовых идей плюрализма и демократии.

Стаховский тонко чувствовал конъюнктуру, поэтому не пожалел денег на «раскрутку» своего имени в печати, или, как стало модным обозначать это явление, на пиар. Он примыкал к спешно создаваемым партиям власти, щедро спонсировал их развитие и наконец попал в партийный список кандидатов в Госдуму. Став депутатом, он получил неприкосновенность, возможность беспрепятственно развивать собственный бизнес, скупил несколько гостиниц, построил рестораны, вошел в число учредителей известного банка. Как известно, деньги идут к деньгам. Известно и то, что деньги рождают власть, а власть приносит деньги. За несколько лет он сказочно разбогател, причем одновременно приобрел имидж прогрессивного общественного деятеля и друзей в самых разных сферах: в правоохранительных органах, мэрии, правительстве. И близко сошелся с крупняковской группировкой, которая в материалах РУБОПа имела прилагательное «преступная», а во всех других документах именовалась то «фондом», то «общественно-благотворительной организацией», то как-нибудь еще, но не менее благозвучно.

Поддержка в «белом» и одновременно в «черном» мире делала его практически неуязвимым. Обычный бизнесмен, даже с депутатской поддержкой, мог на пять лет погрязнуть в арбитражном процессе с недобросовестными контрагентами, а крупняковские получали долги в два дня.

Словом, все у него шло хорошо: шикарная квартира в Москве и дом в Подмосковье, вилла в Антибе, яхта, спортивный самолет. А Маша была тем одушевленным бриллиантом, который оживлял все это и заставлял жизнь играть всеми цветами радуги.

Накинув махровый халат и сладко зевнув, Андрей Андреевич вышел в огромную гостиную, включил телевизор и, плюхнувшись в кресло, взял телефонную трубку.

Но домашний телефон Маши молчал, а мобильный был отключен. Странно!

Он набрал номер Боксера. Никто не брал трубку. Гиббон и Куль тоже не отвечали. Такого просто не могло быть! Душа Стаховского стала наполняться тревогой. Так чувствует себя хозяин замка, в котором внезапно рухнули крепостные стены.

Стаховский позвонил Николаю Уварову, отвечавшему в фирме за безопасность, но тот был настроен благодушно.

— Боксер вчера на встречу с телкой собирался, — спокойно ответил он. — Наверное, и пацанов с собой потащил. Загуляли где-то за городом, мобильники разрядились, вот и все дела!

— Короче, найди их немедленно! — приказал Андрей Андреевич, доставая электробритву.

Но в этот момент коротко прозвонил один из трех его мобильников — тот, номер которого был известен только VIP-персонам. Трем или четверем, не больше.

— Здравствуй, Андрей Андреевич! — прогудел в трубке голос Петра Горемыкина. И его интонации насторожили Стаховского. Впрочем, «насторожили» — не то слово. Неурочный звонок и недоброжелательный тон испугали его. — Зазнался? Уважение ко мне потерял? Это ты зря!

По спине Стаховского пробежали мурашки, в животе заглодело. Он сразу понял, в чем дело.

— Что вы, Петр Георгиевич! И в мыслях не было! Ваши «шестерки» подвернулись под руку.

— У меня нет «шестерок»! У меня сотрудники. Они выполняют свои задачи в соответствии с моими установками. И если интересы твоего члена вытесняют мысли из твоей головы, то это твои проблемы! Но если ты поднимаешь руку на моих сотрудников, ты бросаешь вызов мне!

— Петр Георгиевич, я и не думал.

— Зря! Надо думать!

Горемыкин отключился.

Андрей Андреевич положил телефон на стол, машинально взял бритву, нажал клавишу выключателя и поднес еле слышно жужжащую машинку к лицу.

По телевизору началась программа новостей. Стаховский брился и слушал вполуха.

— Минувшей ночью на территорию Московского зоопарка проникли трое неизвестных мужчин, — плотоядно сообщила миловидная дикторша. — Они забрались в клетки ко льву, тигру и орангутангу. В результате все трое погибли. Как неизвестным удалось открыть клетки, остается загадкой. Удивительно и то, что, по предварительным оценкам врачей, погибшие находились в трезвом состоянии.

Камера садистски смаковала зрелище растерзанного трупа на фоне умывающегося лапой льва, потом окровавленные куски мяса и бьющего хвостом тигра. В клетке орангутанга изломанной куклой лежало тело в изорванной одежде. Трансфокация, крупный план — и Стаховский вскрикнул и выключил тихо жужжащий «Браун».

Это был Гиббон! Сразу стало ясно, чьи тела находятся в других клетках.

Отбросив бритву, Андрей Андреевич вновь позвонил Уварову.

— Новости смотрел? — спросил он тоном, не предвещающим ничего хорошего.

— Нет, шеф. Я послал ребят, чтоб привезли Куля: он у барменши из «Треугольника».

— Не владеешь ты обстановкой, Коля, ни черта не владеешь. Гнать тебя надо!

— Почему, шеф? Что я не так сделал?

— Да все не так! — потеряв самообладание, заорал Стаховский. — Собирай всех по тревоге! Охрану дачи усилить, выставить дополнительные посты, усиленно вооружить внутреннюю охрану! А сам в зоопарк езжай!

— Зачем в зоопарк, шеф?

— Да затем! Куля, Гиббона и Боксера скормили зверям в зоопарке!

В трубке наступила тишина.

— Не может быть. Кто?!

— Да те, кого вы скармливали пираньям, тупица! Это «ответка»!

— Но я никого не...

— Заткнись! Неважно кто! Сейчас нас начнут мочить! Делай, что я сказал!

Отключившись, он нервно схватил VIP-телефон и набрал номер Крупняка. На определенные вызовы тот отзывался лично. Но сейчас трубку взял телохранитель.

— Это Андрей. Виктора позови, пожалуйста!

— Он не может ответить. — В трубке слышались короткие гудки. Было ясно, что это значит.

Стаховский бросил трубку и, подбежав к сейфу с оружием, выбрал мощный нитроэкспресс для охоты на африканских животных. Ему казалось, что вот-вот враги ворвутся в его дом. А престижный и дорогой штуцер даже слона сажает на задние лапы. Правда, ворвутся сюда скорее всего не слоны, а тот мрачный тип, избитый по его приказу и с отъеденным пальцем. Сам по себе он ничего не значит, но раз его поддержало руководство «Консорциума»... Да, дела плохи!

Через полчаса приехал Уваров с десятком бойцов, они быстро рассредоточились вокруг дома, стали у входной двери и окон. За забором то и дело сигналили подъезжающие машины: это подтягивались все новые и новые силы. Стаховский почувствовал себя увереннее. В конце концов, он не бедный, не слабый и не безвестный человек, с которым в наши дни можно разделаться быстро и без проблем. Даже без Крупняка он может постоять за себя!

В горле пересохло, и Стаховский налил себе стакан родниковой воды. Подчиненные возили ее за сто километров, причем каждый день, чтобы она была свежей.

— Все в порядке, шеф! — В комнату быстро вошел Уваров. — Охрана усилена. К тому же я позвонил ментам, если понадобится, автоматчики приедут очень быстро.

— Хорошо! — кивнул Андрей Андреевич.

— В зоопарк я послал Егора с двумя парнями. Они выяснят все, что нужно.

— Хорошо! — кивнул Стаховский второй раз. — Возьми под контроль «Консорциум». И найди того, ну, которому палец...

— Знаю, Лютов его фамилия, — сказал Николай.

— С ним надо разобраться. Ты меня понял?

— Понял, — живо отрапортовал Уваров. — Я сейчас же займусь этим вопросом.

— И еще: Маша куда-то пропала. Она была с ребятами. «Лучше бы эту блядь зверям скормили», — подумал Уваров, но изобразил глубокую озабоченность и готовность искать девушку шефа, не щадя сил и даже самой жизни.

— Я не хочу в столь сложный момент распылять силы, — продолжил Стаховский. — Мне нужно солидное сыскное агентство, которому можно поручить ее поиск. Но я не люблю шарлатанов. Там должны быть люди, которым можно верить!

— Я знаю подходящую фирму, — сказал Уваров, радуясь, что одной заботой у него будет меньше. — Агентство «Гудвин». Его держат бывшие менты и комитетчики. Там серьезные люди. И как минимум у одного есть серьезные счета с «Консорциумом».

— Это то, что надо, — в третий раз кивнул Стаховский.

* * *

Охранно-сыскное агентство «Гудвин» располагалось на первом этаже старинного особняка в Столешниковом переулке. Особняк ждал капитального ремонта, и блестящая медная вывеска с названием агентства производила более солидное впечатление, чем здание в целом. Зато такая диспропорция благотворно сказывалась на арендной плате.

Обстановка одной из двух арендуемых комнат с высоченными потолками и высокими окнами должна была производить впечатление на клиентов, но, конечно, не слишком взыскательных: и письменный стол, и приставной столик, и телевизор, да и все остальное уже отслужили один срок.

«Менты и комитетчики», о которых говорил Уваров, были представлены в единичных экземплярах. Майор Клевец раньше служил в уголовном розыске, а подполковник Фокин работал следователем ФСБ. Они не были загружены работой и, соответственно, избалованы заработками. Сейчас они сидели в потертых креслах и неторопливо беседовали.

— И как там, в спецзоне? — вроде бы лениво спросил Клевец. На самом деле этот вопрос живо интересовал любого мента: при оперативной работе поговорка «Не зарекайся от сумы и от тюрьмы» очень актуальна, особенно во второй своей части. И хотя Клевец уже три года был на пенсии, у него сохранялась «льгота»: милиционеров, осужденных в течение пяти лет после увольнения, все равно направляют в колонию для бывших сотрудников. Если пять лет истекли, они идут в общую зону, как будто за это время все их враги из уголовного мира напрочь забудут их, вымрут или переселятся на Марс.

— Условия получше, кормежка жирней? — Клевец был огромным мужиком с широким лицом и едва заметными пятнышками оспин на щеках.

Фокин отрицательно покачал головой.

— Почему-то все так думают. На самом деле зона как зона... Отряд-барак — длинный, как казарма, шконки в два яруса. Производство мебели: деревообработка еще нормальная, а если попал в лакокрасочный цех, то здоровье садилось только так.

Фокин был такой же огромный, не улыбочивый, косолапый, как медведь из Завидовского заповедника, с холодными, словно айсберги, серыми глазами. Они были похожи, как близнецы: атлетически сложенные, сильные, с большими руками и ногами, с уверенными манерами. Только Клевец был чуть ниже, приземистее, более раскрепощенный и разговорчивый. Возможно, потому, что не «отмотал» пятилетний срок.

— А контингент?

— Теперь не то, что при СССР. Тогда там и министры сидели, и секретари ЦК из Узбекистана, Молдавии и всемогущий Чулпанов — зять генсека: от его имени вздрагивали милицейские генералы. У них золото ведрами изымали! А сейчас осталась одна шелупонь. Начальник паспортного за взятку в полторы тысячи, патрульные сержанты, обобравшие пьяного, участковый, который не так применил оружие.

Фокин полез в карман и извлек пачку сигарет.

С недавних пор он предпочитал в одежде темные тона. Сейчас на нем были темно-синие джинсы, черная рубашка и черный кожаный пиджак. Коротко стриженные волосы, крупная голова с квадратной массивной челюстью, прямой нос, большие, широко распахнутые глаза. На висках уже обозначилась преждевременная седина.

— Некоторые и вовсе ни за что сидят.

— Совсем ни за что?!

— Ну, сам посуди. — Фокин зажал фильтр крепкими зубами, щелкнул зажигалкой и прикурил, не переставая рассказывать, отчего его голос приобрел некоторую неразборчивость: — Майор милиции, эксперт, едет в автобусе, там пьяные хулиганят, он им замечание, они выходят за ним и начинают его бить. Могли и забить насмерть — разве мало таких историй? Только, на счастье майора, у него при себе был пистолет, он их и пострелял!

Фокин зажег сигарету, выпустил дым, и голос его стал обычным:

— Одного убил, двух ранил. Превышение пределов необходимой обороны, восемь лет! Он себя виновным не признает до сих пор, говорит: почему какая-то мразь должна бить майора милиции?

— Правильно говорит! — Клевец выругался. — Должна же быть справедливость!

— Да, в спецзоне она выглядит особенно наглядно. Те секретари уже давно дома: когда Союз распался, их перевели в родные республики, реабилитировали, может, и ведра золота вернули. — Он усмехнулся. — А Чулпанов отсидел до «звонка»! Потому что человек без клана. Тесть умер — и все, он никому не нужен!

Клевец тоже закурил, но свои сигареты.

— А кто-нибудь из старых там остался? Фокин усмехнулся еще раз, теперь весело.

— Есть один забавный старикан, бывший начальник средней руки. В восемьдесят шестом его приговорили к расстрелу за хищение в особо крупном размере. Помнишь, тогда это было десять тысяч рублей: стоимость «Волги»!

Клевец кивнул.

— Потом «вышку» заменили на двадцать лет, он чувствовал себя страшным преступником, очень раскаивался. Называл себя последним коммунистом. И кликуха эта к нему приклеилась: пусть Последний Коммунист барак подметет, оставь Последнему Коммунисту кусок колбаски. Только потом погоняло сократили и стали его звать просто «Последний».

— Символично! — усмехнулся Клевец. — А в чем он раскаивался-то?

— Считал себя страшным преступником! Подойдет и шепчет на ухо: «Я ведь дачу знаешь какую выстроил? Полтора этажа, почти сто квадратных метров, да еще с подвалом!» А сам оглядывается по сторонам, тревожно так. Или шепчет: «Хорошо, что не узнали, как я машину списал, „Москвич“. Вроде шоферу продали по остаточной стоимости, а он почти новый — четыре года всего!»

— Видно, в камере смертников крыша у него съехала. Фокин пожал плечами.

— В остальном вроде нормальный. Но когда я ему рассказывал, что сейчас эшелонами воруют и за границу вывозят, — не верил!

— Подожди! — вдруг перебил его Клевец и подошел к окну. — Погляди, куда это они?

Прямо под окнами остановилась кавалькада машин: черный джип с синим проблесковым маячком, а за ним несколько представительских «Мерседесов». Раскрылись дверцы, шустрые охранники с наушниками перекрыли тротуар, один сунулся в подъезд «Гудвина».

— Это к нам богатый клиент! — сыронизировал Фокин.

— Похоже, что так! — кивнул напарник, разглядывая представительного мужчину в расстегнутом плаще, под которым был виден строгий костюм с галстуком. — Он напоминает какого-то деятеля. Я видел его по телевизору!

Фокин тоже подошел к окну, всматриваясь в окруженного телохранителями человека.

— Да это Стаховский! Неужели и правда к нам? Хочет, чтобы мы выследили его жену?

Через минуту сомнения рассеялись. В комнату вошел Андрей Андреевич Стаховский собственной персоной.

За эту минуту обстановка в комнате изменилась: Клевец неторопливо наливал из термоса кофе в фарфоровую чашку, а Фокин сидел за столом и делал вид, что изучает очень важные бумаги. Обыденность происходящего должна была «приземлить» значимость визита столь важной персоны и показать, что он не является чем-то исключительным.

— У меня есть для вас поручение, — не тратя времени на предисловия, с порога заявил Стаховский.

Распахнув плащ, но не снимая его, он сел в нагретое Фокиным кресло и забросил ногу на ногу.

— Пропала моя девушка, и я хочу, чтобы вы ее нашли. Я подозреваю, что к ее пропаже могут иметь отношение люди из «Консорциума».

Фокин вздрогнул от ненависти.

— Но у вас есть собственная служба безопасности! — Густые брови Клевца над маленькими карими глазками удивленно взметнулись вверх. — Почему вы не поручили это своим людям?

— На то есть ряд причин, — туманно ответил Стаховский. — К тому же у вас хорошая репутация.

Такое объяснение было шито белыми нитками, но целью гудвиновцев был заработок, а не выяснение мотивации клиентов.

— Что произошло с вашей девушкой? И при чем тут «Консорциум»?

Визитер посмотрел на часы.

— Включите телевизор.

Фокин нажал кнопку пульта. Начинаясь программа новостей. Поглядывая на экран, Стаховский рассказал об инциденте в «Кабинете»: наглом обращении Лютова с Машей и о пираньях.

— Что, совсем отгрызли палец? — Сыщики переглянулись. Клевец допил кофе, отставил чашку в сторону и, сцепив пальцы в замок, оперся на них подбородком. Лицо его было хмурым и сосредоточенным. Слишком мерзкой оказалась поведенная им история. Похожее выражение сохранялось и на массивной физиономии Фокина.

— Нет, не совсем, — смягчил факты Андрей Андреевич. — Но потом врачи все равно его ампутировали. Это всего-навсего мизинец.

— Я бы не хотел потерять мизинец, — мрачно сказал Фокин. — Тем более таким образом!

— Они нас перецеголяли! — Стаховский поднял руку и указал на экран. Там как раз начинался сюжет из зоопарка. Камера привычно смаковала растерзанные человеческие тела в звериных клетках. — Это они, — сказал Стаховский, когда сюжет завершился. — Мои ребята, которые были в «Кабинете». Все трое.

— Но при чем здесь девушка? — спросил Клевец.

— Вчера именно они отвозили Машу. Но домой она не доехала, на работу не вышла, подруга о ней ничего не знает, мобильный телефон отключен!

Детективы вновь переглянулись.

— Тогда ясно.

На некоторое время в офисе повисла напряженная тишина. Клевец сосредоточенно разглядывал свои ногти, анализируя ситуацию. Она была достаточно стандартной. Одни бандиты наехали на другого, в результате он потерял палец. Потом пострадавший с друзьями наехал на обидчиков. За обглоданный палец они заплатили жизнями, причем их обглодали целиком. Действительно, это не случайное совпадение: тут прослеживается прямая связь, заметим, подчеркнуто демонстративная! Вот только при чем тут девушка? Конечно, она была поводом к расправе в «Кабинете», но это не повод, чтобы мстить ей! Напротив, это против правил! Однако и потерянный палец не повод для тройного убийства! Это тоже против правил, это полный беспредел.

Фокин машинально постукивал ручкой по столу. Он думал о том же самом. Скорей всего девчонку завезли куда-то, изнасиловали и убили. Или собираются убить, а пока держат для развлечений. В принципе, исходные данные позволяют начать розыск.

— Вы можете найти Машу? — не выдержал затянувшейся паузы Стаховский.

— Думаю, мы можем за это взяться, — сказал Клевец, и Фокин кивнул, соглашаясь. — Предсказать результат заранее невозможно почти никогда.

— Сколько это стоит?

— Тысяча долларов в сутки. На двоих. Не считая расходов, — сказал Клевец. — В случае ранений или смерти — отдельная плата. В договоре все расписано подробно. Ознакомьтесь.

Он протянул стандартный бланк, но Стаховский подписал его, не читая, и вытащил из внутреннего кармана пачку купюр.

— Пишите расписку. Пока на десять тысяч. Это аванс.

— Хорошо, — Клевец взял лист бумаги. — А вы напишите установочные данные девушки, ее контакты, адреса, мобильные телефоны.

Стаховский нервно сглотнул и достал золотой «Паркер».

— Все это есть. Сгоняйте к Галке — это ее ближайшая подруга. Проверьте вокзалы, аэропорты. Побывайте у нее дома, опросите соседей.

— Спасибо за подсказку, — тщательно скрывая сарказм, произнес Клевец.

— Да, это очень ценные советы, — вполне серьезно сказал Фокин.

Когда формальности закончились, Стаховский застегнул плащ и, не прощаясь, двинулся к выходу. «Менты и комитетчики» внимательно смотрели вслед; когда дверь захлопнулась, сыщики подошли к окну. Только когда кавалькада машин уехала, они посмотрели друг на друга.

— Начнем с телефона? — спросил Клевец.

— Конечно, — Фокин кивнул.

Мотаться по всей Москве из конца в конец, как подсказал Стаховский, не было никакой необходимости. Любой сотовый телефон постоянно излучает радиосигналы. Мало кто знает, что если он выключен, ничего не меняется, сигналы все равно идут в эфир и улавливаются базовыми станциями соответствующего оператора. Если телефон обычный, его местонахождение можно установить в пределах соты — ближайшей ретрансляционной станции. Местоположение специальных аппаратов устанавливается с точностью до нескольких метров. Конечно, такие тонкости известны только специалистам, но Фокин и Клевец были специалистами и в период своей службы неоднократно использовали эти свойства мобильных телефонов.

Фокин придвинул к себе телефонный аппарат и набрал нужный номер. Старые связи оказываются иногда более длинными, чем должностные полномочия.

— Привет, старина! Узнал? Мне нужна твоя помощь. Запиши телефончик. Нет, не распечатку. Координаты. Через десять минут? Хорошо.

Отведенное время они провели в напряжении. Сейчас многое выяснится. Телефон может оказаться под землей или в воде, это выдадут ослабленные сигналы или их полное отсутствие,

тогда сбудутся самые худшие предположения. Он может оказаться у постороннего человека, тогда надо целенаправленно работать с ним, и если правильно и настойчиво спросить, то можно получить вполне информативный ответ. А если повезет, то можно получить положительный результат и без особого труда, даже не выходя из кабинета, установить местонахождение пропавшей девушки. Причем это не помешает включить в отчет якобы выполненные советы заказчика. Ему это будет только приятно.

Через десять минут Фокин повторил звонок, выслушал ответ, поблагодарил и положил трубку.

— Ну? — нетерпеливо спросил Клевец.

— С сегодняшней ночи аппарат находится в Тиходонске, — торжественно объявил Фокин. — Думаю, вместе с хозяйкой. Скорей всего, девушка просто сбежала от этого типа!

Детективы с облегчением вздохнули.

— Надо лететь, — сказал Фокин. — У меня есть в Тиходонске один проверенный человек, из наших. Комитетский ветеран. Сейчас работает в службе безопасности банка. В случае чего он нам поможет.

— Это кстати! — пробурчал Клевец, пристегивая к поясу оперативную кобуру со служебным «ИЖ-71».

Внешне пистолет ничем не отличался от «Макарова», но имел патрон на один миллиметр короче, в связи с чем переходил в другую категорию и состоял на вооружении частных охранников.

— Где разрешение? — Он порылся в столе. — А, вот оно. Сейчас лететь с оружием — целый геморрой!

Надев дутую спортивную куртку и натянув на голову черную облегающую шапочку, Клевец взял портфель с необходимыми вещами и посмотрел на напарника.

— Как фамилия этого твоего ветерана?

У Фокина оружия не было: судимым лицензии не выдавались, поэтому ему на сборы потребовалось еще меньше времени.

— Я когда-то работал с ним по одному делу, лет десять назад. — Фокин тоже облачился в черную спортивную куртку. — По линии контрразведки. Ходаков его фамилия.

Через два часа напарники вылетели в Тиходонск.

* * *

Тиходонск, левый берег

Дона, база отдыха «Фрегат»,

4 октября 2004 года,

19 часов 11 минут.

Острые крепкие зубы, еще ни разу не встречавшиеся с бормашиной или другим стоматологическим инструментом, хрустко вгрызлись в сочный соленый огурец. Чавканье разносилось на несколько метров, но вокруг никого не было, и никто не упрекал Заурбека в чревоугодии. Он сидел на скамейке в красивой желтой беседке и держал под контролем ворота и причал, откуда могли появиться неожиданные гости. Хотелось есть, но ужин задерживался: хозяин беседовал со странным чужаком, к которому проявил столь неожиданное внимание и в судьбу которого столь неожиданно вмешался. Поэтому он позаботился о себе сам, захватив на пост банку с соленьями и батон. Это несколько скрашивало тяготы караульной службы. Ильясу, который присматривал за VIP-коттеджем с другой стороны, приходилось сложнее, тем более что его прохватывало резким ветром с Дона.

В комфортабельной гостиной двухэтажного коттеджа было уютно: камин, на стенах висели кабаньи головы и казачьи шашки, на полу лежали толстые ковры. За пустым деревянным столом сидели напротив друг друга Алик, он же Гепард, он же международный террорист Вахит Бекмурзаев, и Сергей Лапин, он же Макс Карданов, он же Макс Томпсон.

— Так я ему и сказал: «Ничего не знаю, ничего не видел!» Потом вышел на улицу, а тут понеслось — опять нападение, опять стрельба, какие-то люди меня спасают, сажают в машину — а там ты! Откуда ты взялся, Гепард?

Макс рассказал практически всю правду, начиная со странных ощущений после просмотра «Оперативного псевдонима» до допроса у Петрова. Он рассказал и о бойне на «Одинокой Звезде», и о драке на Богатыновке, и о перестрелке на Мануфактурном. Только об одном он ничего не сказал — о посещении Тиходонского Управления ФСБ. В принципе, изложенные им факты очевидны и легко проверяемы.

Но лицо Гепарда непроницаемо. Он молчит. В тягостной тишине только трещат дрова в камине.

— Очень много случайностей. Так не бывает! — наконец говорит он.

— Не бывает! — соглашается Макс. — Ты знал, где я нахожусь?

— Нет, — Алик покачал головой.

— А я знал, где ты находишься? Алик опять покачал головой. — Нет.

— А я по своей воле в твою машину полез? — Макс задавал вопросы, как гвозди забивал.

Гепард снова покачал головой.

— Нет.

— Значит, случайность! Хотя их и не бывает. То, что в Гондурасе у меня оказалась противоземная сыворотка, тоже чистая случайность?

Лицо террориста осталось таким же мрачным.

— Я помню. Ты спас мне жизнь. Но это мало что значит. На свете часто так: сегодня друзья, завтра — враги! А мы с тобой никогда не были друзьями.

— Но и врагами никогда не были!

— И врагами.

Бекмурзаева мучили сомнения: опытный и осторожный человек не верит в совпадения и случайности, но встреча с Максом явно случайна! Он пытался найти хоть одно объяснение, опровергающее этот факт, но ничего не выходило. Таких фактов не было.

— Непонятного с тобой много, — задумчиво проговорил Алик, перебирая четки из темного граната. — Как ты оказался в Тиходонске, кто тебя пытался ликвидировать? Да еще так топорно!

— Это мне и самому непонятно.

— У нас один специалист есть, он мысли читает! — вдруг сказал Гепард. — Не боишься?

— Чего мне бояться, — Карданов пожал плечами. — Как хотите, так и проверяйте! Только у меня в башке такая каша! Меня ведь много раз зомбировали. И сейчас болит. Вроде как волнами накатывает. Боль попеременно с каким-то звоном. И вообще... Неприятные какие-то ощущения.

— Разберемся. Про детектор лжи слышал?

— Приходилось.

— У нас он есть. Сейчас я поговорю с тобой еще раз, но вначале мы подключим тебя к этой штучке.

Через десять минут в VIP-коттедж пришел молодой чеченец с сумкой через плечо и «дипломатом» в руках.

— Али у нас голова! — гордо сказал Гепард. — Сразу на двух факультетах учиться: психологическом и физико-математическом! Такие и будут управлять Россией!

Молодой человек чуть заметно улыбнулся. Из сумки он достал ноутбук, из чемоданчика — небольшой, размером с толстую книгу, блок с торчащими проводами. Присоединив компьютер к блоку, он присоединил блок к Максусу. Для этого на концах проводов были датчики. Один вцепился Максусу в палец, второй — в виде гофрированной трубки — обвил его грудь, третий укусил за мочку уха...

Он много раз проходил испытания на полиграфе, поэтому воспринимал происходящее достаточно буднично.

— Вы родились в Тиходонске? — задал Гепард первый вопрос. Макс знал их все наизусть. И про гомосексуализм, и про наркотики, и про контрразведку. Смысл испытания заключался в том, что организм тестируемого выдавал реакцию на ложные ответы, а детектор лжи их фиксировал по установленным параметрам: учащение пульса, изменение давления, повышенное потоотделение. Неискушенному человеку практически невозможно подавить предательские реакции. Но профессионалов этому специально обучают. Тем более в данном случае опасность представлял только один вопрос.

— Вы действительно жили в Англии? — Да.

— Вы по своей воле прибыли в Тиходонск?

— Нет.

— Вы убили четверых на рыбацкой шхуне?

Макс не знал, остались ли напавшие на него бандиты в живых, поэтому любой ответ мог вызвать подозрение. «Да» — но он не уверен, что они убиты. «Нет» — но он не уверен, что они остались в живых. Значит, и в том и в другом случае детектор зафиксирует признаки лжи. У любого, даже самого честного человека так бы и произошло. Но не у профессионального агента.

Макс представил распростертые тела бандитов. Конечно, если проткнуть человека клинком, то он умрет, а раз они лежат без признаков жизни, то они убиты! Важно самому поверить в правильность своего ответа.

— Да.

— На вас действительно нападали в Тиходонске? — Да.

— И стреляли, пытались убить? — Да.

— Вы знаете, кто это сделал?

— Нет.

— Вы искали меня?

— Нет.

— Наша встреча случайна? — Да.

— Вы имели контакты с контрразведкой?

— Да. Давно.

— А сейчас вы имели контакты с контрразведкой?

Контакты — это то, что было у него в бытность спецкуррьером: подписки, задания, отчеты, передачи денег. Сейчас ничего такого не было. Значит, и контактов не было.

— Нет.

Испытание продолжалось около получаса. Затем Али долго изучал компьютерные записи. И наконец посмотрел прямо в глаза Гепарду.

— Он говорит правду на 100 процентов! Просто праведник какой-то! В моей практике это первый случай!

Макс улыбнулся.

— Зачем мне врать старому другу?

На губах Гепарда тоже промелькнуло некое подобие улыбки.

— Тем более другу, обязанному тебе жизнью!

Но глаза его не улыбались. В них таились злорадство и подозрительность. Впрочем, это было его обычное состояние.

— Ты свободен, Али!

Молодой человек собрал приборы и, не прощаясь, вышел. Гепард внимательно рассматривал Макса.

— Ты доволен испытанием? Карданов пожал плечами.

— Мне-то какая разница? Главное, чтобы ты был доволен!

— А я недоволен.

— Почему?

— Потому что прибор не помог мне достигнуть цели.

— А в чем состоит твоя цель?

— В том, чтобы разоблачить ложь!

Глаза Гепарда горели фанатичным пламенем.

— По-твоему, я лгу?

— Не знаю. Я никому не верю! Есть только один способ наверняка узнать правду.

— Какой же? — заинтересованно спросил Макс.

— Содрать с тебя шкуру и засунуть в мешок с солью!

— А-а-а, — разочарованно протянул Карданов. — Мне этот способ не нравится!

— А мне нравится. Но в данном случае он не годится. Потому что ты мне нужен для конкретного дела.

По тону Гепарда непонятно было — говорит он всерьез или шутит.

— Какого дела?

Наступила долгая пауза. Чувствовалось, что террорист борется сам с собой. Рационализм противостоял патологической подозрительности и недоверчивости. Наконец разум взял верх.

— Как тебя зовут? — спросил Гепард. Вопрос запоздал на десять лет и означал, что террорист впервые увидел в нем человека.

— Макс.

— Ты профессионал. Я видел тебя в Гондурасе, в горячем деле: ты спокоен, хладнокровен, владеешь специальными приемами ухода от преследования, уверен — умеешь делать сотни других нужных вещей. А главное — у тебя есть организованность и дисциплина. К сожалению, у моих людей эти свойства отсутствуют.

— И что? — перебил Макс излияния террориста.

— Тебе нужны деньги? — вопросом на вопрос ответил Гепард.

Макс усмехнулся про себя: он мог купить Гепарда вместе со всем его войском. Но вслух ответил так, как обычно отвечают на этот глупый вопрос:

— А кому они не нужны?

— Есть работа. На десять дней, не больше. А получишь десять тысяч долларов. По тысяче в день. Нормально?

Макс покачал головой.

— Смотря какая работа. Гепард ощерился.

— Наблюдение, контроль, внутренняя контрразведка. Думаю, тебе все это знакомо.

— Знакомо, — кивнул Макс. — Если это не связано со стрельбой и риском для жизни, то сумма меня устраивает.

— Договорились! — Гепард похлопал его по плечу. — Ты знаешь Петрова из Центрального угрозыска?

— Рыжего опера? — переспросил Макс.

— Мне плевать, рыжий он или нет! — вспыхнул Гепард. — Если бы я не ввязался спасти тебя, он бы уже рассказал мне все, что нужно! Но после перестрелки они будут осторожными, и сейчас соваться за ним опасно!

— Я очень тебе признателен, — сказал Макс, стараясь, чтобы в голосе слышалась искренняя благодарность. Но террорист пропустил фразу мимо ушей.

— Ты должен пойти к Петрову и дополнить свои показания. Будто ты вспомнил что-то. А попутно выяснить, где находится одна вещь.

— Какая вещь?

— Они убили моих земляков, моих друзей, и забрали у них одну вещь. Стальной цилиндрик вот такого размера. Он мне очень нужен. Я могу купить его за любую сумму, могу вырезать весь их отдел, взорвать их здание, могу засунуть в мешок с солью любого из них! Мне надо знать, где эта вещь! И знают ли они, что она собой представляет!

— Я все понял! — сказал Макс, лихорадочно строя собственные планы. — Завтра с утра и отправлюсь.

Гепард кивнул.

— А сейчас поужинаем. Ребята там уже озверели. Могут тебя зарезать со злости!

— Я-то при чем?

— А кто виноват в том, что я вожусь с тобой, вместо того чтобы сесть за стол?

Макс покрутил головой. Он был озадачен и не скрывал этого.

— Не слишком серьезный повод для того, чтобы кого-то зарезать.

— Шучу, шучу! — улыбнулся Гепард. Улыбка была несвойственна его лицу и выглядела жутковато.

— Нельзя сказать, что твои шутки отличаются разнообразием! Ты хотел зарезать меня в Гондурасе, причем дважды! Один раз на той квартире, где ты пощекотал ножичком двух своих приятелей. А второй — в Белых скалах, когда не знал, поднимет шар нас двоих или нет. Ведь так? Хотел?

Улыбка исчезла. Теперь лицо Гепарда напоминало боевую маску людоеда.

— Если бы я хотел тебя зарезать, ты был бы уже мертвым! Но я обдумывал такую возможность.

По спине Макса пробежали мурашки. Он встал.

— Спасибо за откровенность. Где здесь можно помыть руки?

— В коридор и налево.

Когда Макс скрылся в туалете, Гепард подошел к вешалке и вставил под воротник его пальто крохотный микрофон — размером чуть больше булавочной головки. Это был еще один способ узнать правду.

* * *

Мелкая и рутинная работа, которую должны ежедневно выполнять сотрудники районного ОВД, выглядит малозначительной и незаметной на фоне крупномасштабных операций, о которых то и дело красиво сообщают по телевизору. Но деваться некуда: кто будет разгребать грязь, чтобы найти два-три зернышка доказательств? Не майор же Нижегородцев, белая кость, идущий по следу ядерных террористов, станет копаться в событиях, развивавшихся на Мануфактурном, 9! Опрашивать пьянь и рвань Богатынновки, осматривать помойки и вонючие подъезды, собирать гильзы в потоках текущей из прорванной трубы канализации.

Нет, он промелькнул, как стремительный огненный метеор, и понесся дальше, а копание в дерьме осталось на долю оперов уголовного розыска, и если майор Рожков еще мог перепоручить тягомотную работу Петрову, то Рыжему и вовсе деваться некуда: у него подчиненных нет! К чести Рожкова, он никогда на подчиненных лишнего не наваливал и пахал наравне с оперсоставом.

— Ну, что там с этими трупами, на Мануфактурном? — каждый день спрашивал Савушкин на утреннем селекторе. — Опустили? Личности установили? Какие-нибудь зацепки появились?

А какие зацепки могли появиться? Документов при убитых не оказалось, опознавать их никто не мог, объявления в газетах и по телевизору никаких плодов не принесли.

— Работаем, товарищ подполковник, — говорил вслух Рожков и покаянно опускал голову, хотя никакой вины за ним не было. А после совещания направлял Рыжего с напутствиями типа «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

Но на Рыжего были еще навешаны шесть краж, два грабежа и изнасилование. К тому же он должен был профилактировать ранее судимых, подучетных и выполнять еще сотни всяких мелких и муторных дел. Поэтому он ходил туда, куда его посылали, но ничего, как правило, не

приносил. Хотя несколько раз намекнул, что уже близок к разгадке.

Однако в этот раз он вернулся с победным видом.

— Похоже, что нам удалось сдвинуться с мертвой точки! — Петров перешагнул порог кабинета, и сияющая на его губах улыбка внушала Рожкову оптимизм, хотя он толком и не знал пока, о чем пойдет речь.

— Прекрасные новости, Петруша! — Майор оторвался от бумаг и поднял голову. — А по какому делу?

Петров вальяжно пересек невеликое пространство тесного кабинета и подсел к рабочему столу Рожкова с противоположной стороны. Небрежно бросил на столешницу кожаную папку с документами. Забросил ногу на ногу. Полюбовался пляшущими в косых лучах осеннего солнца пылинками. Так ведут себя триумфаторы.

— По Мануфактурному, девять! Рожков вскинул брови.

— В самом деле? Что произошло? Давай рассказывай. Что ты там накопал?

— Ну что ты за человек такой, майор? — еще больше расплылся в улыбке Петров. — Сразу тебе давай выкладывай. А кофеем напоить уставшего коллегу? Я ведь, к твоему сведению, сегодня с раннего утра на ногах. Не присел ни разу. Во рту маковой росинки не было. Да что нам голод, когда в азарт входишь... Но бутерброд теперь не помешает!

— Хватит языком-то чесать, — проворчал в ответ Рожков, но из-за стола все-таки вышел и включил стоящий на подоконнике электрический чайник. — Кофе ему захотелось! Я хоть и не бегал сегодня, но тоже тут не плюшки трескаю. Говорю тебе — выкладывай. Савушкин сегодня опять интересовался этим делом.

Из верхнего ящика рабочего стола майор извлек два пакетика растворимого кофе, нашел относительно чистые чашки. Потом плюхнулся в кресло, покосился на медливший с закипанием чайник.

— Пируй. Все, что есть, — на столе. Нет, еще бутылка водки в сейфе. Но без закуси. Ни колбасы, ни пирожков, ни хлеба.

— А теперь слушай! — удовлетворенно хмыкнул Петров. — Помнишь татуировки на убитых?

— Конечно, помню. Волчья пасть на запястье. И что?

— Они совершенно одинаковые. Как у того, так и у другого. И эти татуировки все не шли у меня из головы. Раз они одинаковые, значит, и нанесены были в одном и том же месте. Либо парни сходили однажды в один и тот же салон, или их объединяет принадлежность к одному коллективу. Причем специфическому, если иметь в виду волчьи пасти! — Петров прищурился. — И мне казалось, что я их уже видел ранее! А неделю назад мне приснилась отгадка этой тайны! Толик Серов приснился!

Рожков засмеялся и хлопнул ладонью по столу.

— Сновидения в качестве доказательств? Это круто! Такого еще не было!

Рыжий опер протестующе помахал рукой.

— Нет, нет, я перевел сновидение в реальность! Толик Серов — это мой старый приятель. Он отслужил срочную в десанте. Ну, я ноги в руки — и к нему. И точно! — Петров энергично хлопнул себя раскрытой ладонью по острому колену. — У него я точно такую же татуировку и видел, когда мы ходили в баню. Один в один. Только вот здесь, на предплечье.

— Ну и?.. — вновь поторопил напарника Рожков. На этот раз в майоре проснулся неподдельный интерес. Он даже не сразу обратил внимание, как за его спиной призывно щелкнул вскипевший чайник.

— Кофе налить? — спросил Петров, намеренно нагнетая интригу.

— Наливай и рассказывай одновременно! — приказал майор.

— Я и рассказываю. Короче, я Толика порасспросил. Мол, что означает это татуировка, где он ее сделал? И вышло, что такие татуировки модно было наносить в десанту-ре во время чеченской кампании! Как тебе идея?

— Бывшие десантники, — задумчиво молвил Рожков, скорее отвечая на какие-то свои внутренние мысли, чем продолжая беседу с Петровым. — Черт возьми, похоже, они лихо стреляли...

Петров наполнил чашки кипятком, а затем по очереди в каждую высыпал по пакетик у растворимого кофе со сливками. Одну из чашек он придвинул Рожкову, но тот не обратил на это внимания.

— Нужно сделать запрос в Министерство обороны, — с прежней интонацией, будто глядя внутрь себя, продолжил Рожков. — Поднять личные дела...

— Уже сделано, — прервал напарника Петров. Рыжеволосый, розовощекий старлей сделал жадный глоток горячего кофе и даже не поморщился при этом. — Я послал факсом запрос и фотографии убитых. Конечно, все это выглядело довольно зыбко, но когда пришли ответы, то дело приобрело четкие формы.

Петров поставил чашку на стол и взял свою кожаную папку. Со свистом расстегнул «молнию». Глаза его при этом горели, будто он ожидал, что теперь его обязательно представят к ордену или, на худой конец, к медали.

— Один — Олег Николаевич Рябышкин, второй — Владимир Борисович Кучевский. Оба семьдесят пятого года рождения, оба прописаны в Москве.

Извлеченные из папки документы перекочевали к Рожкову. Тот внимательно вчитался, одобрительно покивал головой.

— Ну и шустрый ты парень, Петруша. На ходу подметки рвешь, как говорят. Молодца!

От заслуженной похвалы старшего товарища Петров буквально раздулся от гордости. Подбородок его заострился, огненно-рыжая голова вскинулась вверх. Но он продолжал небрежно покачивать левой ногой, вроде как не желая демонстрировать излишнее самоудовлетворение.

— А где работают? Что из себя представляют? — тем временем пустился в расспросы Рожков и краем глаза заметил, как напарник слегка поник. — Чем эти ребята занимались после службы в десантных войсках? И главное, каким образом они оказались у нас в Тиходонске? Что их сюда

привело?

— На этот счет у меня пока информации нет. Я отправил запросы в Москву. Будем ждать результатов. Но согласись, имея на руках хоть какую-то информацию о трупях, которые до сего момента и вовсе числились в неопознанных, будет проще найти ответы на все прочие вопросы.

— Согласен, — автоматически качнул головой Рожков. — Надо доложиться Савушкину.

Однако информация из Москвы, связанная с личностями Рябышкина и Кучевского, была не очень подробной. Официально убитые числились «временно не работающими», никаких компрометирующих сведений на них не имелось. И все.

Надо сказать, что по нынешним временам и такая помощь столичных коллег считается очень полезной. Могли вообще отписаться: сведений нет, и точка! Приезжай, проверь, если хочешь.

Петрову пришлось лично отправиться в Москву и взяться за отработку круга знакомых Рябышкина и Кучевского. Он настроился на долгую работу, но неожиданно дело упростилось. Когда он пришел к Рябышкину домой, его жена сразу же сообщила, что муж работает в крупной столичной корпорации «Консорциум». Сейчас он со своими сослуживцами находится в командировке. Когда командировка закончится, женщина не знала.

— Зарплата у него хорошая, за нее приходится много работать, — сказала женщина. — А я в его дела не лезу. Когда вернется, я даже спрашивать не буду, где был и что делал.

Это «когда вернется» резануло молодого оперативника по сердцу, и он поспешно попрощался.

— Та-ак, — протянул заместитель начальника райотдела по оперативной работе подполковник Савушкин, когда Рожков и возвратившийся из командировки Петров донесли до него эту информацию. — Значит, круг снова замкнулся. Опять эти бравые ребята из «Консорциума». Опять на нашей территории. И опять стреляют! Надо поприжать им хвоста!

* * *

— Я знал, что в кино показывают фигню, а теперь сам в этом убедился! — Семен размахивал руками, его широкое, в оспинах лицо раскраснелось.

— У них там голыми руками с тигром сражаются, крокодилу пасть раздирают, а на самом деле зверь только лапой махнет — и все!

В комнате охраны «Консорциума», как всегда, с утра было много народу. Серафим сделал предостерегающий жест, и Семен сделал реабилитирующее уточнение:

— Мне менты рассказали про этих, в зоопарке. Лев прикончил своего за десять секунд, тигр — за пятнадцать. А горилла за три секунды голову открутила!

— Интересно, кто это посчитал? — не поверил бритый наголо Висков. — Что они, с секундомером там стояли?

Семен запнулся.

— Да экспертиза все показала, дурашка! Книжки надо читать.

Он покосился на Володю. Тот кивнул, подтверждая точность цифр. Это он стоял у клеток с секундомером. И проспорил Семену двести долларов.

Расправа в зоопарке произвела на всех участников огромное впечатление, но обсуждать ее при посторонних было нельзя, хотя эмоции так и рвались наружу.

— Интересно, чего они туда полезли? — задумчиво спросил Висков.

— Известно чего. Пьяные или под кайфом, — пояснил обычно молчаливый Федор.

В это время в комнату вошел Каймаченко.

— Серафим, Семен, Володя, Федор, срочно вылетаете в Тиходонск. Старший — Серафим. Там поступаете под командование Шашкова. Все ясно?

Названные переглянулись. Команда оказалась совершенно неожиданной, но обсуждать ее было нельзя.

— Все ясно, шеф, вылетаем! — четко ответил Серафим. Через десять минут, получив оружие и пулезащитные жилеты, все четверо прошли на стоянку, к дежурной машине, которая должна была отвезти их в аэропорт. Когда они подошли к белому «Лендкрузеру» и распахнули дверцы, со стороны забора раздалась автоматные очереди. Били из двух «АК», тяжелые стремительные пули насквозь прошили кевларовый жилет и находящегося в нем Володю. Распластанное тело тяжело рухнуло на асфальт. Остальные тоже оказались на Земле, только они не упали, а залегли, успев обнажить оружие и изготовиться к стрельбе.

— Слева, за кустом! — крикнул Серафим и выстрелил. Его спутники тоже открыли огонь. Автоматы взревели, как разъяренные львы. Серафим вскрикнул и повалился на землю.

— Ах вы, суки! — завопил Семен. Он упер руку на капот и, тщательно целясь, выстрелил два раза подряд. — Серафим, ты жив?! — спросил он, закусив губу.

— Да вроде! Зацепило слегка. Вон они, за кустами. Давайте из всех стволов!

Пистолетные выстрелы слились в короткие очереди. Град пуль посшибал ветки с кустарника. Десантники, хотя и бывшие, по боевым способностям многократно превосходят бандитов. Через минуту автоматы захлебнулись. Когда охранники подобрались к месту, откуда стреляли, они обнаружили два трупа.

— Это бойцы Стаховского, — определил Семен. — Я знаю вот этого.

* * *

Налетел очередной порыв холодного степного ветра, и Макс невольно поежился. Голова откликнулась очередным приступом тупой боли, и в ушах появился звон, будто ветер дул прямо в мозг. Он испытывал странное чувство неудовлетворенности, как будто не мог сделать то, от чего зависело его благополучие. Но что именно?

— Добрый день, Макс Витальевич!

Карданов обернулся. Перед ним в длинном сером пальто стоял Петров, и его огненно-рыжая шевелюра немного шевелилась на ветру. Создавалось впечатление, что у лейтенанта на голове пылал маленький костер. Макс недовольно поморщился.

— Дурная привычка — подкрадываться сзади, — пробурчал он.

— Это профессиональное, — усмехнулся оперативник.

Очевидно, и встречу на нижней, малолюдной обычно аллее городского парка он назначил из своих милицейских соображений. Скорей всего здесь он обычно встречался с агентурой.

Мимо пустых скамеек они двинулись в сторону заброшенного фонтана. Ветер мел по темно-розовой, словно на стадионе, дорожке желтые и красные листья, шевелил осыпающиеся кусты.

— Слушаю вас со вниманием. — Петров бросил взгляд на часы. Вероятно, у него запланирован еще один контакт.

— Вчера меня чуть не убили, — сказал Макс, но лицо оперативника не выразило заинтересованности. Каждый день кого-нибудь убивают. А уж хотят убить каждый час, если не каждую минуту. — Прямо возле вашего райотдела.

— Да, действительно. Бандиты совсем обнаглели, — задумчиво произнес Петров.

Сейчас он занимался двойным убийством в ЦГБ. Убиты заведующий отделением и хирург. Не абстрактные потерпевшие, а доктор Приходько и Анна Станиславовна Забелина. Он встречался с ними совсем недавно, женщина ему понравилась, и если бы не разница в возрасте, он бы обязательно назначил ей свидание. Кто-то расстрелял их из пистолета с глушителем, методично и не очень умело. Или небрежно. Короче, «почерк» убийц был неряшливым, и это единственное, что о них известно. Гардеробщица, пряча глаза, утверждала, что никого подозрительного не запомнила. И ее можно понять. Сегодня убили докторов, а сболтнешь лишнее — придут и убьют тебя.

Чтобы пригасить значимость нераскрытого убийства, милицейским начальством была выдвинута версия о его бытовой подоплеке. И хотя Петров был уверен, что оно связано с атомным взрывателем, он даже не заикался об этом.

— Это вас хотели убить, — продолжал Карданов.

— Да, бандиты совсем обнаглели, — меланхолично произнес Петров и вдруг резко остановился. — Что?!

Служебная и личная заинтересованность — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Оперативник мигом утратил спокойствие и в упор сверлил взглядом собеседника.

— Откуда вы это взяли?!

Макс осмотрелся и понизил голос. Но поблизости не было никого, кто мог бы услышать их разговор. Только на верхнем уровне, на мостике, стоял какой-то человек с «дипломатом», но звуки голоса до него не долетали. Зато долетали волны радиомикрофона: направленная антенна прибора «Длинное ухо» ловила кодированные сигналы, приемник преобразовывал их в слова, а цифровой диктофон фиксировал каждое в своей объемной памяти. «Дипломат» держал молодой человек по имени Али. Если верить Гепарду, ему предстояло управлять Россией. Кроме аудиоконтроля, он вел и визуальное наблюдение за объектом. В противоположном конце аллеи, тоже на верхнем уровне, дублировал наблюдение Заурбек Рохланов. Синяя куртка с накинутым на голову капюшоном, по его убеждению, маскировала внешность на все сто процентов. Гепард сидел за рулем черного «Мерседеса» у входа в парк и тоже наблюдал, хотя в поле его зрения находился только Заурбек. Но по его поведению Вахит мог судить, что пока все идет по плану.

Макс понизил голос еще сильнее.

— Я слышал. Нагнулся завязать шнурок у машины, а за приоткрытой дверью разговор: что-то про рыжего Петрова, у которого надо забрать взрыватель.

— Взрыватель?! — Опер вскинулся как ужаленный. — Точно?!

— Конечно, точно! Я слышал каждое слово. Они говорили, что, если надо, нападут на райотдел, но все равно заберут взрыватель!

— Хрен им! — Левая рука Петрова ударила по локтевому сгибу правой, и та вскинулась в международном жесте. — Он на экспертизе в Институте ядерной физики! Вы их запомнили?

— Да я вообще никого не видел! Потом началась стрельба, и я еле ноги унес.

Али видел, что рыжий и объект с обычного разговора перешли на оживленный спор с энергичной жестикуляцией. Рохланов тоже обратил на это внимание, но значения не придал. Его дело маленькое: проследить, чтобы новый член группы не сорвался. В смысле — не убежал. Все остальное его не интересовало. Хотя... Заурбек почувствовал приступ голода. Пора было что-нибудь перекусить. Он с затаенной надеждой покосился на бело-желтый лоток, за которым полная розовощекая женщина в обрезанных на пальцах перчатках торговала шаурмой с курицей. Отвлекаться было запрещено, Заурбек оглянулся на маячивший вдали черный «мерс» и решил не нарушать приказа. Придется потерпеть.

— Все, что знал, рассказал, — закончил разговор Макс. — Советую поостеречься.

— Попробую, — мрачно буркнул Петров. Полученная информация подтверждала атомный след, но сейчас он не радовался своей догадливости.

— У вас голова не болит? — неожиданно спросил Макс.

— Что? — не понял оперативник. — Не болит. Почему она должна болеть?

— Не знаю. — Макс потер виски. — Может, от ветра. Прямо раскалывается! Где бы мне найти хорошего врача?

— Не знаю. Но по части головы самые лучшие спецы в Кузьяевке.

— Ах да! Как же, помню! Ну, до встречи!

Макс шагнул прямо в поредевшие кусты и скрылся между деревьями.

Рохланов, с сожалением поглядывающий в сторону лотка с шаурмой, этот момент упустил. Обнаружив, что Макс исчез, он бросился к машине — доложить командиру о пропаже объекта. Туда же поспешно шел и Али.

— Что?! — Гепард встретил их взглядом, не сулившим ничего хорошего.

— Он исчез, командир, — опустив голову, покаялся Заурбек.

— Да, точно, — кивнул Али. — Неожиданно прыгнул в кусты, и я потерял его из вида.

— Идиоты! Значит, он просто провел нас! Гепард выругался.

— Давай проверим запись! Наверное, напел там всякую чушь. Но как он нам попался? Ведь это случайность! Подстроить такое невозможно! Нет, есть только один способ узнать правду!

Значит, его нам все-таки подставили!

Но, прослушав запись, Гепард изменил свой вывод.

— А ведь он сделал свое дело! Видно, у него и в самом деле с башкой не в порядке. А в Кузьяевке он лечился, сам рассказывал. Может, это действительно случайность?

Он ненадолго задумался.

— Значит, так. Заурбек, позвони из автомата Гуссейнову, пусть он разузнает все про этот Институт физики. Где он находится, что из себя представляет, какая там охрана. Потом возвращайся, и мы поедем в эту, как ее, Кузьяевку.

* * *

Карданов огляделся по сторонам. В верхнем парке было много народу. Молодежные компании собирались небольшими группами по пять-шесть человек, громко хохотали, травили похабные анекдоты, курили. Мамаши с колясками неспешно прогуливались по аллее то в одну, то в другую сторону. Какой-то толстяк в замшевой кепочке и слегка разорванной на рукаве куртке терпеливо дожидался, пока его ротвейлер пометит территорию, стоя возле дерева на трех лапах. Причем процесс явно затягивался.

На мгновение Макс почувствовал, что окружающие его предметы потеряли четкость очертаний. Все поплыло перед глазами, фигуры людей исказились, цвета становились яркими и ядовитыми, формы фонтана теряли четкость. Он закрыл ладонью глаза. Земля уходила из-под ног, и Макс чувствовал приближение тошноты. Затем все исчезло. Все, кроме звона в ушах. Карданов пару минут прислушивался к внутренним ощущениям. Да, даже навязчивая боль отпустила его голову.

Надо срочно ехать в Кузьяевку! Резко повернувшись, он прошел в глухой и запущенный конец парка, нашел дыру в заборе, с трудом протиснулся наружу. Вначале оказался в тихом переулке, затем он выбрался на улицу и призывно взмахнул рукой. Днем, когда город кишит автомобилями, поймать желающего подкалымить частника не составляет большого труда.

Макс потянул на себя дверцу видавшей виды «тройки» и просунул голову в салон. В тесном салоне сильно пахло табачным дымом.

— В Кузьяевку смотаемся?

— Э, за город, — задумчиво откликнулся пожилой мужчина с острым, будто клюв, носом. — Пятьсот рублей устроит?

— Устроит.

— Тогда садись.

Карданов забрался на потертое сиденье, и мужичок тут же тронулся с места. По привычке Макс оглянулся. Слежки не было. Во всяком случае, видимой слежки. Только сейчас он вспомнил о Гепарде. Тот подумает, что он скрылся от него умышленно! Ну и хрен с ним, пусть думает, что хочет! Сейчас ему было все равно.

* * *

Кузьевка,

5 октября 2004 года,

13 часов 10 минут.

— Почему шеф не прислал подкрепления? Неужели он думает, что у нас какие-то царапины, а не ранения? — нервно произнес Сова и, будто демонстрируя правоту своих слов, застонал. — Ты сказал, что у меня прострелена нога?

— Сказал, — зло оборван его сидящий за рулем Шашков. — Я сам чудом уцелел, вон по шее чиркнуло.

Он потрогал толстую повязку, замаскированную шарфом.

— И нога тоже задета! А Корефан и Орел вообще на том свете! Так что не ной! Шеф сказал: справляйтесь сами! Какой у меня выход?!

— И у меня плечо все одеревенело, — пожаловался Чибис. — После этих подпольных операций надо в хорошей клинике лечиться, а не задания выполнять.

— Знаете, в чем ваша проблема, друзья мои? — не поворачивая головы, обратился к спутникам сидящий впереди Шашков.

— Ну, и в чем? — после некоторой паузы отозвался Сова. Он понимал, что ничего хорошего руководитель группы не скажет.

— В том, что вы хотите получать приличные деньги, разъезжать на крутых тачках, трахать шикарных баб, но ничего за это не делать! А за что вам платят? За красивые глаза? Нет, друзья мои, бесплатных пирожных не бывает! Когда наступает момент, эти бабки надо отработать сполна. Вот мы и отрабатываем. Усекли?

Посланцы «Консорциума» прибыли к зданию психиатрической больницы в Кузьевке на вполне приличном корейском «Кондоре», которые в изобилии собирались в Тиходонске. Эта машина принадлежала «Тихпромбанку», и Тимохин предупредил: если они «засветятся», банк заявит об угоне.

Шашков распорядился поставить «Кондор» чуть в стороне, так, чтобы можно было наблюдать за зданием клиники, но самим не бросаться в глаза. Шашков достал компактный бинокль и приложил к развитым надбровным дугам. Его внимание привлекла серая «Волга» на стоянке, и он принялся внимательно осматривать ее от колес до крыши.

— Там стоит какая-то подозрительная тачка, — через некоторое время сказал он. — Проявляйте осторожность.

— Еще одна перестрелка — и мы будем осторожничать на кладбище, — мрачно сказал Чибис. — За такие дела надо доплачивать.

«Это точно», — подумал руководитель группы, а вслух сказал:

— Напишите рапорт Горемыкину. Это была явная издевка.

— И он выгонит нас на улицу, — одновременно отреагировали напарники.

— Интересно, какого хрена они тут высиживают? — мрачно произнес Шашков. Он мало что понимал в происходящем, но ясно было одно — вокруг объекта крутится какая-то опасная карусель, соваться в которую у него больше охоты не было. Да и у его спутников боевой дух подорван. «Острые акции» должны выполнять здоровые, свежие, полные сил люди, а не инвалиды, даже временные.

Он продолжал наблюдать, но ничего не происходило. Только один раз отблескивающее стекло «Волги» поползло вниз, в открывшемся проеме показалась круглая физиономия, которая мастерски исполнила плевок на длинную дистанцию. Потом стекло стало на место.

— Кажется, я его где-то видел, — задумчиво проговорил Шашков.

— Кого? — спросил Сова.

— Этого, в тачке. Короткая стрижка, башка, как у быка. Как бы не он в нас стрелял на Богатыновке.

— И довольно неплохо стрелял, — упавшим голосом сказал Чибис. — Я только не пойму: кто так тщательно охраняет нашего клиента? И потом, это разные структуры. Вчера у райотдела были явно не «конторские».

— А ты подойди и спроси, — посоветовал Шашков. Тянулись томительные минуты ожидания, но ничего не происходило. Мимо проехал старенький, чадающий выхлопной трубой «жигуленок», на который никто из наблюдателей не обратил внимания. Но когда неказистое авто подкатило ко входу в клинику, от безразличия наблюдателей не осталось и следа. Передняя дверца открылась, и из нее вышел мужчина в удлиненном пальто с поднятым воротником и без головного убора. Вид у него был неважный. Лицо бледное, все черты заострились. Но Шашков узнал Макса Карданова и даже присвистнул от избытка эмоций.

— Смотрите, вот он! Узнаете? Это наш клиент! — Он опустил бинокль, резко повернулся и поморщился. Шея отозвалась тупой болью на резкое движение.

— Точно? Вроде не похож, — с надеждой сказал Сова.

— Не похож, но он. Похоже, его колбасит. Может, съел чего-то.

— И что нам теперь делать?

В голосе Чибиса не чувствовалось боевого задора.

— Да, здесь заваруху затевать нельзя, — глядя в сторону, произнес Сова.

Шашков вздохнул. У него тоже не было сил для третьей перестрелки. Но соглашаться с подчиненными — значит окончательно расхолодить их.

— Вы друг друга учите, а не меня, — резко сказал он. — План такой: сейчас сидим, ждем, наблюдаем. Когда он выйдет обратно, поедем следом, выберем на трассе подходящее место и сделаем дело. Чисто и без свидетелей.

Карданов уже скрылся в здании клиники, а раздолбанная «тройка» развернулась и уехала.

— На чем же он будет возвращаться? — с сомнением спросил Чибис.

— На чем-нибудь будет. Разберемся!

Сергей Лапин, немного помявшись, зашел в вестибюль административного корпуса. Он мысленно прикидывал, кому лучше нанести визит — главврачу или женщине, которая вела его в прошлой раз, заведующей отделением психической реабилитации Зое Васильевне Беловой. Лапин помнил ее, помнил ее имя, помнил, как она выглядела. А ведь с тех пор прошло немало лет. Он решил, что лучше будет пойти сразу к ней. Поднявшись по центральной лестнице, бывший пациент Кузьевской психушки зашагал по гулким пустым коридорам и переходам в направлении отделения психической реабилитации. Разумеется, он не знал, работает ли Зоя Васильевна до сих пор или ее уже сменил другой врач. Но так или иначе он сумеет отыскать человека, который поможет ему справиться с проблемой. Ведь один раз его вывели здесь из критического состояния.

Пару раз навстречу прошли мужчины в белых халатах, но ни разу никто не пытался остановить его, спросить, что он тут делает и кого ищет. Наверное, потому, что задроченный жизнью работяга Лапин сейчас находился в респектабельной оболочке Макса Карданова, а такие люди не вызывают желания задавать им вопросы или, упаси боже, чем-то мешать.

Лапин-Карданов прекрасно помнил дорогу к кабинету заведующей. В клинике почти ничего не изменилось с того времени, когда он был тут последний раз. Та же ковровая дорожка, по которой уже протопала не одна сотня пациентов и, возможно, такое же количество медперсонала, те же безликие занавесочки на окнах, не способные пропускать живой яркий свет, те же унылые беленые стены. Вся обстановка способствовала тому, чтобы вполне нормальный человек, попав сюда, стал психбольным.

Наконец бывший пациент достиг нужного ему кабинета и осторожно постучал.

— Да— Да, войдите, — послышался из-за двери глубокий женский голос, и Лапин мог бы поклясться, что более десяти лет назад именно так звучал голос доктора Беловой.

Он резко толкнул дверь и вошел в узкий, вытянутый, как пенал, кабинет. Перед ним действительно сидела Зоя Васильевна, и по ней трудно было заметить пробежавшие годы. Может быть, только макияж стал чуть гуще да морщинок у глаз прибавилось. Это самое уязвимое место у женщин — не даром, когда кинозвезды делают подтяжку, хирурги начинают именно с кожи вокруг глаз. Правда, у Зои Васильевны вряд ли найдутся деньги на такое омоложение.

Белова оторвалась от бумаг и подняла голову. На ней были очки с дымчатыми стеклами, добавлявшие облику немного загадочности.

— Здравствуйте, Зоя Васильевна, — Лапин робко улыбнулся, осторожно переступая порог. — Можно?

— Господи боже мой! — Белова всплеснула руками. — Ну надо же!

Удивление было не наигранным. Она и впрямь была шокирована появлением человека, о котором много лет никто не вспоминал, а потом вдруг заинтересовалось так много вроде бы не связанных между собой людей из серьезных организаций. И вот он собственной персоной, как по заказу!

Опытный Макс сразу распознал причину такого удивления.

— Обо мне уже спрашивали?

— Да, — не колеблясь, ответила опытная Лиса. — Приходила ваша невеста.

— Какая невеста? — спросил простодушный Лапин. — Антонина? Она моя сожительница. К тому же у меня есть жена, ее зовут Анна, — добавил Томпсон. Он всегда старался давать правильные и подробные ответы.

Доктор Белова внимательно всматривалась в лицо бывшего пациента. Она явно чувствовала раздвоение личности.

— У вас возникли проблемы? Опять видения, очень реальные сны, ночные кошмары?

Она говорила, старательно добавляя в голос сочувствие, а рука машинально скользнула в боковой карман белоснежного халата и нащупала мобильный телефон. Все мысли Лисы в этот момент были направлены на то, чтобы связаться с курирующим офицером и доложить ему нужную информацию. И хотя доктор Белова уже давно не являлась агентом Тиходонского УКГБ по прозвищу Лиса, а Ходаков не был действующим офицером по прозвищу Кедр, желание продемонстрировать свою необходимость и умение быстро реагировать на ситуацию рвалось наружу, подталкивая Зою Васильевну к решительным действиям. Скорей всего потому, что она ждала одобрения не просто от оперативного работника, а от любимого мужчины. Конечно, все это было давно, но старая любовь не ржавеет. Мобильный телефон раскалился от жаркого напряжения, исходившего от пальцев с коротко остриженными ногтями.

— На этот раз все по-другому, Зоя Васильевна, — ответил Карданов. — Кошмары были довольно редко, хотя и крайне неприятные, но они мне не особенно докучали. А вот в поведении появились странности. Я несколько лет жил в Лондоне и вдруг непонятно зачем приехал сюда. Я хожу по старым адресам, хотя тоже не понимаю — зачем. Угнетает чувство неудовлетворенности, непонимания того, что происходит. А тут еще начались дикие головные боли, головокружения. Мне нужна ваша помощь, я заплачу сколько надо!

Когда работаешь с психически больными людьми, приходится прибегать к всевозможным ухищрениям и уловкам. Под столом у Беловой были скрыты две кнопки. Левая — вызов санитаров, правая — имитация телефонного звонка. Все еще стройная нога в узкой лодочке нажала правую. На столе ожил телефон.

Белова сорвала трубку.

— Да, я слушаю! Хорошо, сейчас, одну минуту.

Она положила безжизненную трубку обратно на аппарат.

— Извините, я вас оставлю на пару минут. А потом мы продолжим разговор.

Стремительным шагом Белова вышла из кабинета. Все выглядело вполне естественно, и Карданов ничего не заподозрил. Тем более что сейчас в нем преобладала натура не искушенного в шпионских делах Лапина.

А Лиса, оказавшись в коридоре, быстро набрала номер Ходакова. По всем раскладам, у нее было в запасе не более двух минут. Но этого времени будет более чем достаточно.

Василий Иванович ответил после третьего гудка.

* * *

Тиходонск,

5 октября 2004 года,

14 часов 13 минут.

Фокин и Клевец приехали к Ходакову сразу из аэропорта. Василий Иванович специально отпросился с работы и принял их дома, чтобы не придавать частному визиту ненужный резонанс.

На скорую руку соорудил неприветливый тиходонский стол: распаренная картошка в лопнувших «мундирах», огромные розовые помидоры, зеленые огурцы с колючими пупырышками, лук в тончайшей сизой кожуре, свежая ярко-изумрудная зелень и, конечно, огромный серебристый чебак с распухшим от икры брюхом. Все эти яства окружали водруженную в центре запотевшую бутылку «Белой березки» и три бутылки конкурентоспособного даже при нынешнем изобилии пива «Старопрамена».

От водки гости вежливо отказались, а на пиво с донскими деликатесами накинулись с явным удовольствием. Тысячекилометровый перелет благотворно сказался на аппетите здоровых людей.

Менталитет русского человека не совпадает с кавказскими обычаями, не одобряющими совмещение трапезы с деловыми переговорами, поэтому Фокин сразу же изложил старому знакомому цель их визита.

— Мы ищем девушку — Машу Смулеву, а она, в свою очередь, прибыла в Тиходонск в поисках Макса Карданова, это бывший наш сотрудник.

Ходаков слушал Фокина и поражался тому, как все-таки тесен мир и как порой тесно переплетаются судьбы многих людей. С Фокиным он когда-то пересекался по одной оперативной разработке, Карданова знал под фамилией

Лапин, о Маше Смулевой слышал как о связи Карданова. А теперь все эти отношения переплелись в один узел.

Бравурный марш из «Бригады» прервал рассказ Фокина.

— Прошу прощения, — Ходаков достал мобильник. Определитель номера известил его о том, что звонит

Зоя. Он нажал кнопку соединения. Таиться и выходить куда-то из комнаты Василий Иванович не стал: бывшие сослуживцы обычно доверяют друг другу.

— Слушаю, Лисичка. — Голос его содержал такие интонации, что сидевшие напротив Клевец с Фокиным переглянулись, обмениваясь понимающими улыбками.

— Вася, он здесь, — быстро заговорила Белова.

— Кто? — не сразу понял Кедр.

— Лапин. Сергей Лапин. Я говорила, что утром его искали твои бывшие коллеги, а сейчас он сам заявился ко мне в кабинет с жалобами на головную боль. У него явные признаки актуализации зомбирующей установки.

— Что это значит? — спросил Кедр. — Объясни по-человечески.

— Кто-то снова воздействовал на его подсознание. И он стал выполнять старые, давно забытые приказы. Хотя не понимает, в чем их суть. Отсюда и все проблемы. Я уже не могу говорить, время уходит.

Ходаков поднялся с кресла, сделав извиняющийся знак Фокину и Клевцу. Когда речь идет об агентурной информации, обижаться на секреты не приходится даже друзьям. Кедр вышел в соседнюю комнату и плотно прикрыл дверь. Выражение лица Василия Ивановича и его голос сделались совершенно другими. Он уже разговаривал не с любовницей, а с проверенным тайным осведомителем. Зоя превратилась в Лису, а Ходаков — в Кедр.

— Он у тебя в кабинете? Один? — Каждое слово жестко отскакивало от зубов Василия Ивановича.

— Да, я оставила его на пару минут, — ответила Белова. — Но я недалеко и контролирую выход. Он не сможет уйти незамеченным. Да он и не собирается. Говорю же тебе: у него жалобы на головную боль. Что мне делать, Вася? Какие команды?

Кедр задумался, но ненадолго.

— Задержи его до моего прихода. Под любым предлогом. Обследуй, назначь лечение, проведи процедуры. Чтобы он, ничего не подозревая, провел у тебя час-полтора. Пока я до вас доберусь, сейчас ведь везде пробки. Сделаешь?

Сердце бывшей агентессы затрепетало. Появилось ощущение, что невидимая машина времени перенесла ее на пятнадцать лет назад. Негласный сотрудник Лиса в действии. Молодая, энергичная, реально осознающая поставленную перед ней куратором задачу. Всплеск адреналина в крови действительно омолодил женщину. Ей так не хватало подобных эмоций последние годы!

— Конечно, сделаю! — И, помедлив, добавила: — Товарищ Кедр может не волноваться.

— Молодец, Лисичка. И еще: если вдруг там объявится его невеста, Маша Смулева, сообщи мне тоже.

— Так она тоже здесь! — звонко воскликнула Лиса. — Я ее видела! Она приехала вместе с твоим бывшим коллегой!

Кедр изумленно прищелкнул языком. Просто чудеса!

— Она-то мне и нужна! Постарайся и ее задержать. Я на тебя рассчитываю!

— Я поняла, выполняю!

Белова быстро набрала номер приемной главврача.

— Эта девушка еще у вас? — возбужденно спросила она.

— Да, — обтекаемо ответила секретарша. — Леонид Порфирьевич пока не закончил беседу со своим гостем.

— Пусть не уходят. Ее жених у меня. Сейчас я его обследую, и они встретятся.

Потом проворная Лиса набрала номер мобильного майора Нижегородцева.

— Это Белова. Лапин пришел ко мне, сейчас я буду его обследовать.

— Мне нужно с ним переговорить, — ответил майор. — Причем незаметно. Куда лучше подойти?

— В рентгенкабинет через десять минут.

С обворожительной улыбкой Лиса вернулась в кабинет. Макс отметил, что она выглядит помолодевшей: глаза блестят, щеки порозовели, даже морщины немного разгладились.

— Что ж, Сергей Иванович, давайте я вас осмотрю. Разденьтесь до пояса.

Бывший пациент Кузьяевской психбольницы покорно начал раздеваться.

* * *

Огромный цимлянский лещ оказался отменным. Фокин с удовольствием ел твердую желтую икру, прихлебывая пиво, оттеняющее ее горьковато-соленый вкус. Клевец обглаживал розовое мясо вокруг белого рыбьего хребта, жадно глотал мягкую ароматную картошку.

— Может, выпьем по рюмке? — предложил он.

— Не знаю, — заколебался Фокин.

Но в этот момент в комнату стремительно вошел Ходаков.

— Прощу прощения, что отвлекся. — На губах бывшего контрразведчика обозначилась загадочная улыбка. — Но я сейчас разговаривал как раз по вашему делу.

— Как так? — удивился Фокин. — Мы же только что начали разговор!

— Работать надо уметь!

К Ходакову вернулось его прежнее настроение: прилив энергии, веселый напор, желание шутить. Это был настрой не получасовой давности, а тот, давний, из молодых лет, когда он находился на службе у государства и знал, что грамотно выполненная работа поможет выявить коварного и опасного врага. В Василия Ивановича будто вновь вдохнули энергию, которой он был лишен на протяжении многих последних лет. Сейчас он вновь чувствовал себя Кедром.

— По нашему делу? — недоверчиво переспросил и Клевец.

Потом «менты и комитетчики» замолчали. К чему уточнения и ненужные вопросы? Им прекрасно известно, что Ходаков ничего не станет говорить просто так. Значит, за его словами кроются реальные факты, которые он сейчас обязательно объяснит. Ну, покрасуетя немного, не без этого.

— Мир еще тесней, чем мы думаем! — Длинные, с коротко остриженными ногтями пальцы Василия Ивановича уже быстро застегивали ворот рубашки.

Гости быстро вытерли руки салфеткой: ясно было, что трапеза заканчивается.

— Мне сказали, где они находятся. И девушка, и Карданов. Я попросил задержать их насколько возможно, и, думаю, это будет сделано. Но надо поторопиться!

Фокин понюхал руки и поморщился.

— Как аппетитно пахнет рыба и как противно — руки в рыбе!

— Вымойте с пивом, оно хорошо убивает запах, — посоветовал Ходаков. — Только быстро!

Он в нетерпении переминался с ноги на ногу. Проснувшийся охотничий инстинкт гнал его вперед: бежать, преследовать, хватать!

Через пять минут серебристый «Фольксваген» пробирался по забитым городским улицам к Восточному шоссе.

Солнце уже опять исчезло. Низкий небесный купол полностью затянулся серыми с черными прожилками тучами. В воздухе отчетливо пахло грозой.

— Я думал, на солнышке погреемся. — Глядя в окно на осеннее уныние, Фокин лениво распечатал новую пачку «Бонда». Эту марку сигарет отставной майор всегда предпочитал любым другим, даже в колонии. Он был человеком привычки. Мягко щелкнула зажигалка, и в салоне автомобиля запахло табачным дымом. Василий Иванович поморщился и включил вентиляцию.

Все трое пассажиров хранили напряженное молчание. Каждый был погружен в какие-то свои, одному ему ведомые мысли.

Преодолев пробки, «Фольксваген» вырвался на трассу и быстро набрал скорость. В одном направлении с ним неслись мощный черный «Мерседес». Гепард, Заурбек и Али тоже спешили в Кузьевку.

* * *

Кузьевка,

5 октября 2004 года,

15 часов 22 минуты.

— Я не вижу у вас никаких существенных проблем, Сергей Иванович, — сказала Белова, внимательно разглядывая на свет еще совсем свежие негативы черных рентгеновских снимков. — Никаких органических нарушений нет, значит, дело в функциональном расстройстве. Как вы себя чувствуете сейчас?

— Прекрасно, — ответил явно повеселевший Карданов. — Ваши таблетки помогли! Вы замечательный врач!

Белова вздохнула. Она уже больше двадцати лет проработала в медицине и считалась одним из лучших специалистов в своей области. В памяти коллег сохранилось множество уникальных случаев, когда эта женщина спасала пациентов от деформированного мира безумия. Карьера успешно пошла в гору. А вот личная жизнь у Зои сразу как-то не заладилась. По молодости от поклонников отбоя не было, каждый норовил и в постель затащить, и подарок сделать, некоторые даже замужество предлагали. Но тогда девушка считала, что у нее все еще впереди, задумываться о браке рановато и лучше использовать все преимущества своей красоты и молодости по иному назначению. А потом в ее жизни появился Василий. Вот тут уж любовь

закрутилась нешуточная. Во всяком случае, со стороны Зои. За Ходакова она бы пошла замуж, не раздумывая. Но он что-то с таким ответственным шагом не торопился, а вскоре и вовсе исчез...

Потом у Беловой тоже было немало кавалеров, но все выглядело уже далеко не так серьезно. Во-первых, работа отнимала много времени и сил у перспективного врача, а во-вторых, и возраст понемногу начинал забирать свое. Зоя Васильевна твердо решила, что брак — это уже не для нее. Но Ходаков появился снова. Через четыре года разлуки, но все-таки вернулся к ней. Переосмыслил жизненные ценности? Решил, что в ней, в Зое, и есть его судьба? Белова не задавалась такими глубокими вопросами. Сейчас ее устраивало и то, что есть, а требовать от Василия большего не имело смысла. Правда, в глубине души женщина все еще продолжала надеяться, что долгожданное предложение от товарища Кедр рано или поздно все равно последует.

— Я выпишу вам препараты для нормализации мозговой деятельности и очень мягкое успокаивающее, — сказала Белова, пристально рассматривая сидящего напротив пациента. — Первые попейте постоянно в течение месяца, вторые — в случае появления страхов, непонятных желаний, головных болей. Хорошо?

— Конечно, доктор, спасибо!

Макс только кивал головой. Даже если дело в психических блокировках, которые ему когда-то ставили, а потом снимали, от лекарств хуже не станет. Вот стоило выпить две таблетки, и он полностью пришел в норму!

— Я буду выполнять все ваши рекомендации.

— Ну и отлично!

Она придвинула к себе бланки рецептов и принялась писать. Пока Карданову делали снимки, она переговорила с Машей и майором Нижегородцевым. Майор зашел в рентгенкабинет, пошептался с Максом и быстро уехал, а девушка осталась ждать жениха в вестибюле. Она была возбуждена и взволнована. Мимо нее Карданов пройти никак не мог, встреча будет как бы случайной.

Белова закончила заполнять рецепт и машинально посмотрела на настенные часы. Больше поводов для того, чтобы задерживать пациента, у нее не было. Где же Кедр?

В это время прозвонил телефон.

— Я подъехал, — сказал легкий на помине Кедр. — Отпускай пациента.

— Хорошо, — нейтральным голосом сказала она и отключилась.

Неспешно отложив ручку, Зоя Васильевна пододвинула заполненный бланк к краю стола.

— Пожалуйста, лечитесь!

Карданов поднялся со стула, взял рецепт и сунул в задний карман брюк.

— Спасибо вам за помощь, — искренне поблагодарил он.

Женщина улыбнулась. Доктор Белова была довольна, что сумела помочь пациенту. Агентесса

Лиса радовалась, что помогла своему курирующему офицеру. Две этих помощи имели противоположную направленность. В том водовороте, который кружил Карданова, успокаивающие лекарства вовсе не гарантировали здоровья. Так что благодарить ее, в общем-то, было и не за что.

— Ну что вы, Сергей Иванович! Всегда обращайтесь. Она проводила его до двери кабинета и, как только Макс зашагал по коридору, тут же принялась набирать номер телефона Василия Ивановича.

* * *

Сотрудники СБ «Консорциума» затомились в своем «Кондоре». От длительной неподвижности в неудобных позах стали ныть раны, с разрешения старшего Сова и Чибис по очереди выбирались из кабины и старались немного размяться.

Шашков терпеливо вел наблюдение. Круглоголовый мужчина в подозрительной «Волге» сидел неподвижно, издали казалось, что он дремлет. Неожиданно из двери клиники появился поджарый человек в черной куртке и темных очках. Он сел в «Волгу», мотор завелся, и автомобиль уехал.

— Все, горизонт чист! — облегченно сказал Шашков.

— Теперь дождемся его, и он наш!

Но тут во двор больницы вкатился серебристый «Фольксваген», запарковался у административного корпуса, и из него вышли три человека. Двое — высокие и рослые, третий не такого внушительного телосложения, но на всех троих стояла невидимая печать представителей власти.

— А это еще кто нарисовался? — задал риторический вопрос Сова.

— Не нравятся мне они, — высказал свое мнение Чибис.

— Какое нам до них дело? — вмешался Шашков. — У них свои проблемы, у нас — свои.

Приехавшие, не осматриваясь по сторонам, зашли в клинику. Они явно ничего не опасались и не контролировали обстановку вокруг.

Шашков и его спутники успокоились.

— Сюда много оперов и следаков приезжают, — сказал Шашков. — Они же тут экспертизы проводят!

— Я бы пожевал чего-нибудь, — объявил Сова. — Может, тут где-нибудь буфет есть?

— Тихо! — приглушенно выкрикнул Чибис и пригнулся. — Прячьтесь!

Сзади подъехал черный «Мерседес», и Шашков сразу узнал это злое авто.

— Ух ты, это же те, вчерашние.

Он тоже пригнулся и вытащил пистолет.

«Мерседес» проехал мимо, но заезжать в ворота клиники не стал, остановившись в некотором

отдалении. Теперь за рулем сидел Рохланов, рядом с ним — Гепард, на заднем сиденье возился со своим чемоданчиком Али.

— Есть сигнал! — вдруг объявил он.

Прибор «Длинное ухо» принимал сигнал радиомикрофона с двухсот метров, значит, они правильно определили местонахождение Карданова.

— Ну-ка, дай мне!

Гепард вставил в ухо наушник и на несколько минут замолчал. Спутники напряженно ожидали.

— Он и правда у врача! — облегченно сказал Гепард. — Там ему рецепты выписывают. Значит, все с ним чисто. На всякий случай еще послушаем. Держи, Али.

Он протянул наушник обратно.

— Будет что-то интересное, скажешь!

* * *

Макс не торопясь спустился по лестнице. В холле первого этажа сидела в обшарпанном кресле хорошо одетая девушка. Завидев его, она поднялась навстречу. Что-то в ее фигуре показалось отдаленно знакомым. Жилка на правом виске непроизвольно запульсировала. Ну вот, опять начинается!

Он сделал еще несколько шагов, и девушка с распущенными волосами, в куртке с меховым воротником и черных полусапожках на высокой шпильке двинулась ему навстречу. Ее глаза были устремлены на лицо Макса. Сердце Карданова оборвалось и упало куда-то вниз, к диафрагме, отчаянно подавая сигналы бедствия участвующимся ритмом. Маша! Это была она. Карданов остановился, тряхнул головой, прогоняя наваждение, но ничего не изменилось.

Маша приближалась, она находилась в каком-то трансе: закушенная губа, расширенные глаза. Это было не видение из прошлого, а совершенно реальная женщина.

— Макс! Здравствуй, Макс!

Девушка подбежала, бросилась ему на шею, щекоча лицо длинными волосами, от которых исходил еле ощутимый аромат дорогих духов.

— Где же ты был столько времени?! Ты совсем забыл меня!

Девушка не раз мысленно репетировала эту встречу. Сначала в самолете, затем после разговора с Нижегородцевым и уже совсем детально в течение последних двадцати минут, когда доктор Белова предупредила ее, что Карданов находится здесь. И все же сейчас она волновалась не на шутку, так что даже не приходилось ничего играть. И нервная дрожь пробивала все ее тело по-настоящему.

— Это я, Макс! Это я! Я люблю тебя, я ищу тебя везде все эти годы!

В перекорезанном сознании Карданова сменялись кадры разрозненных воспоминаний: Ринат Шалибов, перестрелка в Антибе, убитый Спец. Параллельно бежала другая пленка воспоминаний: лицо Маши, тело Маши, квартира Маши. И настороженность, какая-то опаска,

непонятно к чему относящаяся — то ли к перестрелке, то ли к Маше. Но к Маше вроде бы это относиться не должно! Новый год, апельсины, красивое, раскрасневшееся от мороза лицо неизвестной девушки, приходящей к нему в счастливых снах. И вновь появилась эта пульсирующая боль.

— Маша... — Одну руку Макс погрузил в шелковистые волосы, другой стал растирать себе виски. — Что... Что ты здесь делаешь? Почему?.. Каким образом?..

С Машей было связано что-то нехорошее, но он не мог вспомнить — что именно. И с Машей ли это связано. С ней не может сопрягаться зло, предательство, боль. Но голова болит! Это совпадение.

Их руки, живя какой-то своей отдельной жизнью, переплелись, и Карданов почувствовал, как холодны пальцы Марии. Ему захотелось поднести их ко рту и согреть своим дыханием, но он удержался от этого порыва. Растерянный взгляд Макса был устремлен в большие бездонные глаза Маши. Он будто бы погрузился и растворился в них.

— Макс, — она заморгала длинными ресницами. — Я не буду врать тебе, хотя и хотела сначала сделать вид, что эта встреча случайна. Но нет. Это не так. Я искала тебя, Макс.

Любой мужчина тает, если женщина не хочет его обманывать. Искренность — самый дорогой товар, гораздо дороже самого женского тела.

Макс обнял девушку двумя руками, прижал к себе и всем телом ощутил ее нервную дрожь.

— Искала? Зачем? — Он попытался поднять ее подбородок и заглянуть в лицо.

— Не знаю, — Маша не захотела поднять голову. Карданову показалось, что она хочет скрыть наворачнувшиеся на глаза слезы.

— Я очень скучала по тебе. Я хотела, чтобы ты вернулся. Господи, я понимаю, как глупо и банально звучат сейчас мои слова, но я должна была... Я просто обязана сказать тебе это. Сказать, что только после нашего расставания я поняла, как много ты для меня значишь. Лишь потеряв тебя, я... Я поняла, что люблю тебя, Макс... Я — дура. Полная дура. Идиотка. И мне стыдно, Макс. Мне очень стыдно, но...

Она не договорила. Маленькая головка с распущенными душистыми волосами сильнее уткнулась Карданову в грудь. Маша зарылась лицом в его рубашку. Он машинально накрыл ее затылок ладонью.

— Не надо, Маша...

— Я хочу снова быть с тобой, Макс. Я хочу, чтобы ты вернулся... ко мне. — Голос девушки заметно дрожал и прерывался от волнения.

Маша беспокоилась, чтобы не перегнуть палку и не дать Карданову возможности почувствовать в ее словах фальшь. Но он воспринял все совсем иначе. В мозгу Макса будто что-то переключилось. Прорываясь сквозь настороженность и тупую ноющую боль в затылке, в сознании всплыл образ той девушки, которую он когда-то так любил. Образ прежней Маши. Чистый, невинный и непорочный.

Все плохое, что было когда-то связано с Машей, провалилось в небытие, уступив место любви и вере. Это же Маша, любимая женщина, гений чистой красоты!

В этот момент Макс не сумел бы объяснить, что с ним произошло. И скорей всего на этот вопрос не ответил бы даже профессор Брониславский, так много и плодотворно проработавший с сознанием спецкурьера. Человеческий мозг и все связанные с ним ощущения настолько загадочны и непредсказуемы, что объяснить это трудно даже тому, кто программирует конечный результат.

— Маша, Машенька!

Макс еще крепче обнял девушку, как живительный кислород вдыхая полной грудью аромат ее волос. Голова пошла кругом, и он почувствовал, что теряет под собой твердую почву. Уловила это и девушка. Она поняла, что цель достигнута.

— Что с тобой? — Она слегка отстранилась и заглянула в его глаза. По щекам Марии катились самые натуральные слезы. — Тебе нехорошо, Макс? Ты болен?

— Нет. — Он судорожно сглотнул и усилием воли разогнал окутавший его дурман. — Все в порядке, дорогая. Немного болит голова, но это пустяки. Знаешь... Я тоже скучал по тебе.

— В самом деле?

На этот раз ей не пришлось играть. Маша действительно была удивлена таким результатом.

— Да, я все время вспоминал о тебе. О тех мгновениях, что мы провели с тобой вместе. — Макс облизал пересохшие губы.

Семь лет выпали из его сознания. За горизонтом затуманенного разума скрылись образы Анны и маленького Тома. Померк потонувший в туманной дымке Лондон. Маша снова была с ним. Любящая и любимая. А все остальное... Все остальное уже теряло смысл. Мышцы почему-то ослабевали и превращались в некое подобие ваты.

— Я рада это слышать. — Маша держала его за руку. — Ведь я потратила так много времени, чтобы разыскать тебя, Макс. И вот оказывается, что мои труды не напрасны. Я боялась, Макс. Боялась, что ты оттолкнешь меня, не захочешь больше видеть.

— О чем ты говоришь? — Карданов слабо улыбнулся. Лицо женщины поплыло в сторону и потеряло четкие очертания. — Разве я могу тебя забыть? — Он провел свободной рукой по лбу, смахивая выступившую испарину. — Мне и правда что-то нездоровится. Нам лучше поехать домой.

— Домой?

— Да, домой.

Он сделал шаг в сторону, но, потеряв равновесие, стал заваливаться на правый бок. Маша попыталась удержать его, но тщетно. Теряя сознание, Карданов упал на потертый ковер. Его пальцы выскользнули из Машиной ладони.

Она тихо вскрикнула и затравленно огляделась по сторонам. В холле больницы никого не было. Да и во всем мире не было ни одного человека, способного прийти на помощь. Маша опустила на колени рядом с неподвижно лежащим телом.

— Помогите! Кто-нибудь, помогите, человеку плохо! Сейчас она уже не играла, она была действительно растеряна.

— Человек умирает! — добавив драматизма, истошно завопила девушка.

В это время в вестибюль решительной походкой вошли три человека и, оценив ситуацию, быстро включились в дело. Фокин подхватил Макса под голову, приподнял ее, нажат какие-то точки за ушами.

— Вот бедняга, у него всегда были проблемы с головой. — Он нажал еще и точку на переносице.

— Сейчас я приведу кого-нибудь! — Клевец метнулся в коридор.

А Ходаков быстро достал телефон и в очередной раз набрал номер Лисы.

— Скорей вниз, Зоя Васильевна, вашему пациенту плохо, — отрывисто сказал он.

Но Макс Карданов уже зашевелился и открыл глаза.

— Голова закружилась, пройдет, — сказал он испуганной Маше и с недоумением уставился на Фокина. — Это действительно ты? Откуда ты взялся?

Потом он перевел взгляд на Ходакова.

— Нет, мне это мерещится.

Карданов сел и протер глаза. Тем временем Клевец привел медсестру со шприцем.

— О, да он уже сам очухался! — удивился отставной милиционер.

А Макс теперь уставился на него, потом перевел изумленный взгляд на остальных. Из собравшихся он не знал только медсестру.

— Вы что, все с неба свалились? Откуда вы? Как здесь оказались?

От укола он отказался.

— Мне уже лучше. Все прошло.

Фокин, взяв под локоток, отвел Машу в сторону.

— Нас прислал за вами Стаховский, — понизив голос, сообщил он.

— Андрей?

— По-моему, в Москве только один Стаховский. Он обеспокоен вашим исчезновением. Как вы здесь оказались?

Фокин сунул в рот сигарету, но прикуривать ее не спешил, закусил фильтр зубами и слегка повернул голову влево. Теперь Маша могла созерцать его мужественный, будто высеченный из гранита профиль.

— Меня послал этот... Каймаченко, — ответила девушка. — Они меня запугали.

Про денежное вознаграждение она решила не говорить.

— Ничего, теперь мы отвезем вас в Москву, все будет в порядке.

Подросла Зоя Васильевна, профессионально расспросила, что произошло.

— Да, шоковых впечатлений вам следует избегать, — сказала она. — Это моя вина, следовало подготовить эту встречу.

Лихорадочно блестящие глаза Лисы встретились с горящим взглядом Кедр, и будто разряд электричества пробежал между ними. Молодость повторилась.

— Как освобожусь, позвоню, — тихо сказал Кедр. Лиса кивнула.

Через несколько минут Ходаков, Фокин и Клевещ вышли на улицу. С ними следовали Карданов и Маша Смулева. Почти все выполнили свои задания. Маша нашла Макса, Фокин и Клевещ нашли Машу, Ходаков помог им это сделать. Правда, сам Макс не знал, какое у него задание и выполнил ли он его. Впрочем, переговорив с Вампиром в рентгенкабинете, он мог считать, что тоже оправдал возложенные на него надежды. По крайней мере, частично.

Все были возбуждены, и никого из них не волновала красота окружающего загородного ландшафта, которому истинный любитель осени мог бы посвятить целую поэму. Одеты в золото и багрянец деревья, соприкасающиеся на горизонте земля и небесный купол, широкий бескрайний простор с левой стороны трассы и, главное, запах. Запах свежести и обновления природы.

На минуту они остановились на ступеньках, стоя в ряд, как будто собирались сфотографироваться. И их можно было хорошо рассмотреть.

В «Кондоре» Шашков резко опустил бинокль.

— Черт возьми! — на выдохе произнес Дмитрий, не отрывая глаз от окуляров. — Откуда он здесь взялся?

— Кто «откуда»? — удивленно спросил Сова. — Карданов?

— Карданов, понятно, откуда! — раздраженно буркнул Шашков. — А вон тот, что справа, — это Фокин.

— Тот самый? Который чуть Петра Георгиевича не угрохал?

— Да.

В «Кондоре» наступила тишина. Все трое знали, какое решение принято в отношении Фокина. Такое же, как в отношении Карданова. И раз оба приговоренных оказались вместе, следовало воспользоваться удобным случаем.

— Они здоровые лоси, и один, и второй с ним, — ни к кому не обращаясь, сказал Чибис. — И, видать, ушлые, в Кондоре других не держат.

— А Карданов разве подарок? — спросил Сова. — Он тоже многих положил. А у меня уже сил нет, нога затекла — наступить не могу.

— Их слишком много! Четверо здоровых против троих раненых! Почему нам не прислали подкрепления? — возмущался Чибис.

Шашков молчал. В конечном счете решение зависело от него. Но проявлять активность никому не хотелось, в том числе и ему самому.

— Так что делать будем? — опасливо спросил Чибис.

— Пока ничего. Понаблюдаем.

Четверо мужчин и женщина спустились по ступенькам.

— Какой замечательный воздух! — Макс глубоко дышал и не мог надышаться.

— Ты поедешь со мной в Москву, Максик? — ласково спросила Маша.

— Конечно, дорогая!

Каймаченко оказался прав. То, чего не могли сделать боевые бригады «Консорциума», оказалось по силам стройной хрупкой женщине. Карданов нежно взял ее под руку, прижал локоток к телу.

Его спутники были настроены более прозаично.

— Смотри, что это за тачки? — Фокин толкнул Клевца, показывая на стоящие в отдалении «Кондор» и «Мерседес». За тонированными стеклами угадывались мужские силуэты.

— Хрен его знает! — пожал плечами тот. — Нам-то что? Никто не знает о нашем приезде.

Их голоса попали в микрофон под воротником Макса, а оттуда в наушники, которые держал сидящий в «Мерседесе» Али.

— Нас засекли, — объявил он. — Но ничего не заподозрили.

— Похоже, все в порядке, — с неохотой признал Гепард. — У парня действительно проблемы с головой! Разыграть такое невозможно.

— А зачем он нам со своими проблемами? — поинтересовался Заурбек Рохланов. Ему невыносимо хотелось есть.

— Да потому, что он профессионал! — Гепард повысил голос. Он не любил, когда его решения обсуждают. — Он не смотрит на девок, не отвлекается, не хочет постоянно жрать!

Заурбек недовольно засопел.

— К тому же он нам понадобится на несколько дней. А потом пусть сам разбирается со своими проблемами. Или...

— Лучше «или», — вставил Заурбек.

— Я сам знаю, что лучше, — оборвал его командир. Али деликатно молчал. Младшие должны проявлять скромность и сдержанность, вмешиваться в разговор старших они не имеют права.

Четверо мужчин и женщина втиснулись в не очень просторный «Фольксваген», Ходаков сразу тронулся с места.

Фокин достал маленький прямоугольный предмет черного цвета и нажал сбоку какую-то кнопку. На корпусе зажглась зеленая лампочка и тут же тревожно замигала.

— Что это? — спросила Маша.

Клевцу или Ходакову пояснять ничего не требовалось. Они и так знали, что это такое. Портативный детектор для выявления скрытых подслушивающих устройств. И он засек такое устройство. Оставалось установить его точное местонахождение.

Фокин провел детектором вдоль тела Макса. Когда черный прямоугольник приблизился к воротнику пальто, прибор тоненько и едва слышно пискнул, а зеленый огонек на боковой стороне мгновенно сменился красным. Фокин прижал палец к губам и обвел спутников настороженным взглядом. Его товарищи понимающе кивнули, и даже Маша поняла, что от нее требуется.

— Я так рада встретить Макса! — оживленно зашебетала она. — Мы столько лет не виделись — и все из-за глупой ссоры.

— Тебе надо серьезно отнестись к своему здоровью, Макс, — сказал Фокин. — Я помню, у тебя и раньше были проблемы с памятью, не похоже, чтобы они уменьшились.

Его толстые пальцы полезли под воротник кардановского пальто, нащупывая радиомикрофон. Но Макс покачал головой и отвел его руку. Только тоже приложил палец к губам.

— С годами все проблемы только увеличиваются, — пробасил Клевец. — По этому поводу есть хороший анекдот.

«Фольксваген» тяжело мчался в сторону Тиходонска, пассажиры болтали о всякой ерунде. Немного отстав, держался как на привязи черный «Мерседес». В салоне царила тишина, Али слушал ту ерунду, которую болтали в «Фольксвагене». В сотне метров сзади шел «Кондор», среди пассажиров которого царила растерянность.

«Мерседес» окончательно изменил расстановку сил.

— Там еще трое! — сказал Сова. — Они его прикрывают, как вчера. Мне это не нравится!

Чибис неловко пошевелился и застонал.

— Семь здоровых головорезов против троих раненых! Да они нас сожрут с потрохами! Сегодня явно не наш день! Как считаешь, Дмитрий?

— Да, без подкрепления нам с ними не справиться, — признал Шашков.

— Ограничимся тем, что проследим, куда они поедут. Через полчаса «Фольксваген» въехал в Тиходонск и остановился у входа в гостиницу «Сапфир».

— Машу надо вернуть в Москву, — Макс говорил о своей бывшей возлюбленной так, будто это не она сидела рядом с ним. Он уже не чувствовал к ней той теплоты и нежности, которые нахлынули на него там, в холле первого этажа клиники. — А я остановлюсь здесь. Спасибо за хлопоты.

Глаза Маши округлились.

— Как же так? Ты обещал поехать со мной!

— Я передумал.

«Идиот! — раздраженно подумала Маша. — Он действительно чокнутый, недаром его так называли! Впрочем, какое мне дело. Скажу все как есть, пусть они сами разбираются».

— Пока! — Карданов по очереди пожал руки Фокину и Клевцу.

— Счастливо!

«Фольксваген» уехал. Макс направился ко входу в гостиницу, но, услышав за спиной сигнал клаксона, оглянулся. Из черного «Мерседеса» выглядывал Вахит Бекмурзаев и приветственно махал рукой. Как лучший друг после долгой разлуки.

— Иди сюда, дорогой, куда же ты пропал!

Макс подошел и сел к нему в машину. «Мерседес» тронулся. За ним осторожно крался «Кондор».

* * *

Тиходонск, левый берег

Дона, база «Фрегат»,

5 октября 2004 года,

19 часов 00 минут.

— Я выполнил задание. Взрыватель на экспертизе в Институте ядерной физики, — сказал Макс. — А потом меня понесло в больницу, голова раскалывалась, я ничего не соображал.

Он рассказывал чистую правду. Кроме одного момента. Разговора с Нижегородцевым в рентгеновском кабинете. Макс был раздет, они говорили шепотом, но даже если бы не эти предосторожности, маломощный «клоп» все равно не смог бы передать информацию своему хозяину.

— Врачи выписали мне кое-какие лекарства, стало лучше. А там я встретил знаешь кого? Свою бывшую невесту, которую не видел почти семь лет! Вот и не верь после этого в случайности!

— Случайности меня настораживают, — проговорил Гепард. — Но все, что ты мне рассказал, я и так знаю.

Он подошел к висящему на вешалке пальто и демонстративно извлек из-под воротника радиомикрофон.

— Я всегда боюсь, ты же знаешь.

Под черной кожаной курткой Гепарда просматривался легкий пуленепробиваемый жилет, на столе лежали укороченный «АКМС-74У» и две гранаты.

Подручные его тоже вооружились до зубов. Примостившийся в углу на высоком табурете Рохланов держал на коленях чешский «скорпион» — излюбленное оружие террористов. Он тоже был в пулезащитном жилете и высоких армейских ботинках, из правого выглядывала рукоятка ножа. Он, как всегда, жевал, на этот раз резинку. Ожидавший во дворе Бараев застегнул теплую куртку под горло, но она заметно топорщилась, и можно было не сомневаться, что под ней скрыт целый арсенал. Интуиция подсказывала Карданову, что этот тип, возможно, самый опасный из всей компании. После, разумеется, Гепарда. Неподалеку

околачивались еще три незнакомых человека решительного вида. Ясно было, что затевается какая-то серьезная акция.

— Ты на войну собрался, Вахит? — спросил Карданов.

— Почти. — Лицо Бекмурзаева было каменным. Макс подошел к столу, на котором оставались остатки трапезы, сделал себе бутерброд с колбасой, жадно откусил.

— Жрать хочу, — пояснил он, обращаясь почему-то к Рохланову, который внимательно следил за каждым его движением. Он действительно проголодался. К тому же если человек ест, значит, он не волнуется, а следовательно, совесть его чиста.

С улицы зашел Бараев, попыхивая сигаретой, распространявшей пряный, слегка дурманящий запах. Гашиш? Он стал у двери и уставился на Макса ненавидящим взглядом. Он подозрительно относился ко всем чужакам. Карданов рукой подцепил скользкий маринованный грибок, небрежно бросил в рот. Внешне он казался совершенно беспечным, но мысли уже стремительно завертелись в его голове. Неужели они решили его ликвидировать? Но почему? В чем прокол?

— Сейчас мы отправимся за взрывателем, — обыденным тоном сообщил Гепард. — И ты пойдешь с нами.

Макс откусил бутерброд еще раз, и уже с большим аппетитом. Поверил! Вахит поверил ему, и сейчас это главное.

— Можно я поем? — вместо ответа спросил Карданов.

— Ешь, не жалко.

Макс сел к столу, взял чистую тарелку и наполнил ее крупным отборным рисом, взял кусок курицы, две дольки соленого огурца, грибов. Отломил еще хлеба. К нему молча присоединился Рохланов.

— Сколько можно есть, Заурбек? — раздраженно спросил Бараев.

— Пока не наемся, — невозмутимо ответил тот.

— Я работал на заводе рядом с Институтом ядерной физики, — сообщил Макс. — Через забор перелезть — и вот он! Но тогда территория хорошо охранялась. А сейчас вряд ли.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Гепард. Его ближайшие помощники тоже заинтересовались, Рохланов даже жевать перестал.

Огурчик аппетитно хрустнул на зубах Карданова.

— Я могу провести тебя туда. В обход охраны. Без стрельбы и лишнего шума.

— Интересно, — Гепард тоже подошел к столу и сел напротив Карданова. — Как ты все это помнишь, если у тебя проблемы с башкой?

— Не знаю. Оно само собой получается. Что-то помню, а что-то забываю.

В глазах главного террориста появился интерес.

— Давай попробуем.

— Давай. Только попозже. Ночью, часа в два-три. Гепард кивнул.

Наевшись, Карданов откинулся на спинку стула. Неторопливо наполнил стакан минеральной водой, так же неторопливо выпил.

— И дай мне оружие, — неожиданно сказал он. Бекмурзаев и его подчиненные переглянулись.

— Зачем? — спросил Гепард. — Ты мне нужен только как проводник.

— А-а-а. Ну ладно, — не стал настаивать Макс. Он и не рассчитывал получить оружие. Это был отвлекающий маневр.

Глава 4

ТИХОДОНСК — МОСКВА

Тиходонск,

5 октября 2004 года,

17 часов 32 минуты.

В Тиходонском аэропорту царил обстановка прифронтового города. Солдаты внутренних войск в камуфляже и с резиновыми дубинками парными патрулями несли службу на прилегающей территории, вход осуществлялся через рамку металлоискателя и контролировался хмурыми милиционерами. Клевца с его пистолетом мурыжили добрых двадцать минут, и попал внутрь он только после обращения к начальству. И то решающую роль сыграла не лицензия частного охранника и разрешение на оружие, а пенсионное удостоверение сотрудника МВД.

— Не обижайтесь, коллега, обстановка вынуждает, — сказал ответственный дежурный в майорской форме. — Борьба с терроризмом, сами понимаете.

— Да разве хоть один террорист проходит через такие процедуры?! — раздраженно сказал Клевец. — Их ведь свободно пропускают!

Ответственный только развел руками. Маша сразу же подбежала к расписанию.

— Самолет через час, вот повезло! — Девушка захлопала в ладоши. Неожиданное приключение успело ей осточертеть. — Пойдем в кассу, скорей возьмем билеты!

Фокин кивнул.

— Сейчас, я только сделаю один звонок. Надо же доложить работодателю.

Он извлек из кармана телефон, набрал номер.

— Здравствуйте, господин Стаховский, это Фокин из «Гудвина». Мы выполнили ваше задание. Девушка с нами, она жива и здорова. Сейчас мы вылетаем в Москву.

Против ожидания, находящийся за тысячу километров собеседник не проявил особой радости.

— Спасибо. Только пусть она едет домой и со мной не связывается, я сам ей позвоню. А вы... — Стаховский помолчал. — Вам, парни, лучше пару дней не объявляться в Москве.

— Что случилось?!

— Возникли проблемы с «Консорциумом». Серьезные проблемы. Короче, война.

— А мы при чем?

— Они знают, что я к вам обращался. А все люди, которые выполняли мои поручения, чувствуют себя сейчас крайне неудобно. Помните зоопарк? Вот то-то. Пересидите пару дней там, где вы есть. Думаю, это будет лучше для вас.

Стаховский отключился.

— Ну, дела! — озадаченно произнес Фокин и пересказал разговор напарнику.

Клевец пожал широченными плечами.

— Тогда пусть девчонка летит одна, а мы отдохнем пару дней. Нам совсем ни к чему попасть под раздачу! Лучше раков поедим, пива попьем.

Они купили Маше билет; когда подошли к стойке регистрации, их встретил подтянутый человек в темных очках. Он нежно поцеловал Машу в щечку.

— Познакомьтесь, ребята, это майор Нижегородцев, ваш коллега, — представила Маша своего провожатого. Мужчины пожали друг другу руки, назвали фамилии.

— Я знаю про вас, — сказал Нижегородцев. — Мне позвонили из больницы.

— Мы тоже про вас слышали.

Фокин не видел глаз Вампира, скрытых темными очками, но знал, что майор ФСБ внимательно наблюдает за ними и старается определить, что они из себя реально представляют. Клевец это тоже понимал, но виду не подавал и с бесстрастным выражением лица созерцал свои коротко подстриженные ногти.

— Тогда проводим Машу и поговорим, — предложил наконец Вампир.

Короткое прощание, и Маша скрылась в зале вылета. Мужчины вышли на улицу. К вечеру заметно похолодало, и они подняли воротники курток.

— Вы без транспорта? — спросил Нижегородцев. Похоже, прощание с Машей его опечалило. Наступили сумерки, и он в своих солнцезащитных очках выглядел действительно как вампир. Печальный вампир.

— Без, — ответил Фокин. — Мы же собирались улететь. Действительно, Ходаков привез их в аэропорт, и они распрощались.

— К тому же у Василия Ивановича сегодня свидание, — едва заметно улыбнулся Вампир.

Он действительно был хорошо осведомлен: Ходаков и правда спешил.

— Я могу подвезти вас до города, — Нижегородцев показал на серую «Волгу». Сегодня он сам

был за рулем.

Детективы погрузились на заднее сиденье, и рессоры прогнулись под тяжестью их крупных тел. Машина тронулась с места.

— Мы используем в очень важной операции вашего знакомого Карданова, — без предисловий начал Нижегородцев. — Его знаю только я. И вы. Тем более вы с ним когда-то работали.

«Менты и комитетчики» переглянулись. Майор собрал на них всю информацию.

— Я получил санкцию руководства для привлечения вас в качестве связников, — продолжил Нижегородцев. — Если вы, конечно, согласны.

Детективы переглянулись еще раз. Странно. Они не являлись действующими сотрудниками той структуры, которую представлял Вампир. А Клевец и вовсе никогда не служил в ФСБ. Обычно посторонних не привлекают к операциям Конторы.

— Честно говоря, мы собирались отдохнуть и попить пивка, — ответил Клевец.

— Я свое уже отработал, спасибо, — одновременно с ним сказал Фокин.

Нижегородцев пожал плечами.

— Раньше ветераны никогда не отказывались от сотрудничества. Правда, сейчас другие времена. Что ж, дело ваше. Хотя то, что мы пытаемся предотвратить, должно произойти именно в Москве. Где находятся ваши дома и живут ваши близкие.

Но пассажиры не отреагировали даже на столь серьезные аргументы. Они были ответственными, много повидавшими людьми, и поймать их на проявлении эмоций было нельзя.

— Возьмите мою визитку, — Вампир, не оглядываясь, протянул назад белый прямоугольник. — На случай, если передумаете.

* * *

Тиходонск,

5 октября 2004 года,

20 часов 41 минута.

— Он находится на левом берегу. База «Фрегат». Там человек двадцать чеченцев, наверняка с оружием. — Сейчас Моташов был в короткой черной кожаной куртке и обтягивающих джинсах. Руки глубоко засунуты в карманы, на щеках и подбородке двухдневная небритость, развязная речь — он больше походил на какого-нибудь братка, нежели на начальника службы безопасности одного из известных банков города Тиходонска. Впрочем, особенности нынешнего времени таковы, что каждый может походить на кого угодно, и очень трудно разобраться, где коммерсант, где политик, а где бандит. Тем более что они меняют окраску, как хамелеоны на разной поверхности: коммерсанты прибандичиваются или косят под бандитов, а те, в свою очередь, маскируются под коммерсантов. Без специальной подготовки простому российскому гражданину очень трудно разобраться в этой мимикрии, поэтому он боится всех. Только одно можно понять достаточно быстро: кто умный, а кто дурак. Но сейчас

это большого значения не имеет и особенно никого не интересует.

— На фиг нам такая радость? — сплюнул сквозь зубы коренастый круглолицый парень с бритой головой, полностью оправдывающий свою кличку — Биток. — Думаешь, у нас своих проблем мало, осталось только с чеченами воевать?

Моташов поморщился.

— Тебя кто на войну посылает?! Ты что, не врубаешься в мой базар? Как кредиты брать или бабло прокручивать, так ты въезжаешь сразу, а сейчас под лоха закосить хочешь?

В голосе начальника СБ появились угрожающие нотки, и Биток съехал со взятого тона.

— Ладно, двигай дальше, я слушаю.

— Задача такова: дождаться, пока он выедет в город. Все двадцать человек с ним не потащатся: один, самое большое — два. Тогда вы его аккуратно и загасите!

Вид трех съехавшихся на углу темных тихих улочек Лысой горы автомобилей и стоящих вокруг людей напоминал бандитскую «стрелку». Черневшее за спиной Моташова старое кладбище красноречиво обозначало предмет обсуждения. Это и была, по сути, бандитская «стрелка». Хотя только один автомобиль — огромный черный джип «Чероки» — принадлежал настоящим бандитам, не рядящимся в тогу коммерсантов или удачливых бизнесменов. «Бандитам в образе» — на современном новоязе. Биток к настоящему времени был лидером речпортовских и, после того как группировка убитого Тахира наполовину распалась и ослабла, считался одним из серьезных в городе авторитетов.

— Кто нам его покажет? — спросил Биток. Два его напарника в разговор не вмешивались, но слушали внимательно.

— Вот они! — Моташов указал на «Кондор», за открытым окном которого нервно курил Шашков, прикрывая огонек от ветра сложенной в виде ковша ладонью. Сзади сидели хмурые Сова и Чибис.

Шашков чувствовал себя неплохо, но настроение было скверным. Подкрепление из Москвы так и не прибыло, когда он в очередной раз позвонил Каймаченко, тот раздраженно заорал, что у них идет война, ребят обстреляли, Володю убили, Серафима ранили и он должен обойтись своими силами. А силы его известны — три калеки с подорванным моральным духом. Пришлось поговорить с Тимохиным примерно в том же тоне, в каком только что Моташов говорил с бандитом. Это универсальный тон, и его все понимают. После этого дело сдвинулось с мертвой точки.

— Ну ладно! — Биток хлопнул ладонью по крыше своего джипа. — Кто со мной едет?

— Сова, давай ты! — приказал Шашков.

— Почему именно я? — недовольно спросил подчиненный, но, кряхтя и постанывая, вылез из «Кондора» и забрался в джип.

Все нужные вопросы «перетерли», и «стрелка» закончилась. Бандитский джип тут же резко рванул с места и скрылся в ночи.

Моташов облегченно вздохнул и потер руки, будто оттирая от бандитского рукопожатия. Он

заметно повеселел. Достав из-за пазухи плоскую бутылочку «Мартеля», он отвернул пробку и принялся жадно пить прямо из горлышка. Потом вытер горлышко и протянул стеклянную фляжку Шашкову. Тот тоже сделал несколько глотков, чтобы снять стресс. Охранники пили кока-колу. У них от напряжения тоже пересохли глотки. Моташов небрежно отбросил недопитую бутылку, охранники проводили ее жадными взглядами и побросали свои.

— Поехали пообедаем, — предложил он Шашкову. — Отпустим своих олухов и посидим вдвоем. Согласен?

Тот кивнул и пересел в его «БМВ». Чибис недовольно смотрел ему вслед: он тоже надеялся на приглашение.

Сопровождающие Моташова охранники сели в «Кондор», машины синхронно развернулись и выехали из трущобного района Лысой горы. Затаившиеся на время жители убогих хибарок опасливо выбрались на волю, удивляясь отсутствию стрельбы и трупов. Обычно дорогие автомобили заезжали сюда отнюдь не для того, чтобы оставить недопитые бутылки с колой или дорогим коньяком.

— Давай в «Постоялый двор», Савелий! — скомандовал Моташов водителю.

Они с гостем развалились на заднем сиденье. В машине было тепло и уютно, холодный осенний ветер и проблемы остались за лакированными бортами хотя бы на время.

— Хорошо, что так все обошлось, — со вздохом сказал Моташов. — А ведь они вполне могли нас пострелять!

— Как так? Они ж прикормленные!

— Как волка ни корми... — Начальник СБ махнул рукой. — У них мозги по-другому устроены. Они ни о чем не задумываются. Решил стрелять — и стреляет! Что кругом куча свидетелей, что тебя узнали, что мстить будут — все это ему по фигуре! Это будет потом, а значит, представляется нереальным!

Шашков усмехнулся.

— У некоторых народов это качество возведено в доблесть. Даже поговорка есть: «Никогда не станет героем тот, кто думает о последствиях!»

— Вот и расплодили героев. Без оружия из дому не выйдешь.

— Тебе хорошо, у тебя хоть оружие есть.

— Неизвестно, хорошо это или плохо. Только первобытный человек должен был всюду ходить с дубиной.

— Да ты философ!

За разговорами они незаметно подъехали к ресторану, стилизованному под старинный постоялый двор, как его представлял себе провинциальный архитектор. Сруб из бревен, купол, как в княжеском тереме, колодец. Здесь хорошо готовили мясо на огне.

В просторном и довольно прохладном зале людей было немного. Шашков поежился.

— И раздеваться не хочется.

— Сейчас поедим, выпьем, сразу жарко станет!

Моташов заказал себе ханский шашлык: сердце, печень, почки и семенники молодого барашка. Шашкова такая экзотика не привлекала, и он взял свиную корейку. Пить решили водку.

Ожидая заказа, Шашков осмотрелся. Вдали у окна сидела взрослая пара, которая чем-то привлекла его внимание. Мужчина и женщина, лет под пятьдесят, а смотрят друг на друга, как молодые влюбленные. Но не только это вызвало интерес. Мужчина хотя и сидел вполборота, но показался чем-то знакомым.

— О, вот и мой коллега, — неожиданно сказал Моташов. — Посиди секунду, подойду поздороваюсь.

Он направился к необычной паре, мужчина встал, они дружески пожали друг другу руки. В этот момент Шашков понял, где он его видел. В Кузьяевке, с Фокиным и Кардановым!

— Кто это? — спросил Шашков, когда его спутник вернулся.

— Это Вася Ходаков. Он у нас ведет линию экономической безопасности. А что?

— Да нет, ничего.

Молодая официантка принесла хлеб, водку и ароматную кавказскую икру из печеных овощей. С улыбкой наполнила рюмки и пожелала приятного аппетита. Шашков сидел не шевелясь.

— Ходаков был сегодня с теми, кого мы ищем. С Кардановым и Фокиным. Вот такая картина получается.

Моташов замер с рюмкой у рта.

— И что? С тем типом вопрос-то решен.

— Второго найти надо. Спроси у него, где Фокин.

— Сейчас.

Он выпил, закусил икрой, вытер рот и вновь подошел к Ходакову. Через несколько минут вернулся.

— Они с другом сегодня собрались улетать, но передумали. Недавно позвонили ему, сказали — поживут в Тиходонске пару дней. Остановились в гостинице «Каравелла».

— Это где?

— Да здесь же, на левом берегу. Недалеко. Ты ешь, пей. Шашков ковырнул пахнущую костром икру. Аппетит пропал.

— Этот Ходаков ничего не заподозрил? Не понял, зачем ты расспрашиваешь?

— Да нет. Мы же коллеги. Обмен информацией — дело обычное.

Шашков отложил вилку.

— Позвони этим, своим. С Фокиным тоже надо решать. Моташов покачал головой.

— Они же не мои подчиненные. Второй раз за день я к ним обращаться не могу. Я вообще стараюсь с ними не общаться, опасно! Я же тебе говорил!

— Тогда вдвоем поедем, — сказал Шашков и одним движением опрокинул в рот рюмку.

Сотрапезник покачал головой еще раз.

— Я в таких делах не участник. Обходитесь своими силами.

Шашков поставил рюмку с такой силой, что она раскололась пополам.

— Что ж, придется привлекать Чибисова, больше некого. Вернусь — доложу, как вы нам здесь помогли.

Моташов развел руками.

— Я в таких делах не помощник.

* * *

Тиходонск,

6 октября 2004 года,

02 часа 11 минут.

Три крупные фигуры, полностью облаченные в черную одежду, растворились в ночном мраке. Бараев припарковал машину в таком месте, где улица совсем не освещалась ни придорожными фонарями, ни неоновыми рекламами супермаркетов. Такая темень была здесь всегда, даже двадцать лет назад, когда учащийся радиотехникума Сергей Лапин пришел на практику на завод «Электроприбор».

С тех пор территория некогда важного «номерного» объекта заметно скукожилась, потесненная различными торговыми точками. Высокий забор сдвинулся назад, освободив место для большого супермаркета, и полностью утратил свою непоколебимую монументальность. Исчезла колючая проволока, бетон заменили пережженные кирпичи, да и высота уменьшилась на добрый метр.

За ним располагалась запущенная территория «Электроприбора», давно уже не представлявшего никакого интереса для государства и частных предпринимателей, не говоря уже о шпионах. Где-то там, в непроглядной мгле, располагался и некогда особорежимный Институт ядерной физики. Его былая стратегическая важность тоже значительно поуменилась, а если говорить совсем откровенно, то приблизилась к нулю. Снизилось финансирование, ослабла бдительность охраны и режим контроля. Шпионов, стремящихся проникнуть на территорию института, никто теперь не ловил. Да шпионам и нечего было здесь делать. То, чем занимались в институте сейчас, не представляло ни для кого интереса, да и секрета особого не составляло. Об этом открыто писали газеты и популярные журналы.

Бараев проводил взглядом троих подельников и, только когда они растворились в ночи, откинулся на спинку сиденья. Дорогой и престижный «стечкин» согревал его под расстегнутой до груди курткой и наполнял уверенностью в себе. В руке он держал мобильник. Перед уходом

Гепард строго-настрого приказал не выпускать телефон из рук и ответить на вызов точно на пятом звонке. Что ж, задание сложным не назовешь. Пока все шло нормально; чтобы время шло быстрее, он включил музыку. Тяжелые басы ритмично били в уши. Ильяса это убаюкивало.

— Эй, парень, ты чего нам спать не даешь? — через несколько минут вынырнула из темноты какая-то фигура.

— Пошел на хер, — лаконично ответил Ильяс и увеличил звук.

— Что?! — Неизвестный распахнул дверцу. Он явно нарывался, и его следовало прочить.

— Ты что, не понял?! — Ильяс повернулся и полез наружу. Но тут в свете салонной лампочки он увидел глаза незнакомца и понял, что ошибся. Очень сильно ошибся.

Холодная сталь пронзила его грудь, проткнула сердце и со скрежетом уткнулась в позвоночник. Он еще понял, что после такого удара выжить невозможно. И сознание померкло навсегда.

Три темные фигуры подошли к забору. Макс двигался первым, за ним шел Рохланов, замыкал цепочку Гепард. В тишине внезапно раздался хруст бумаги и чавканье.

— Ты опять жрешь, Заурбек? — строго спросил Гепард. — Тебе надо к врачу сходить. У тебя солитер завелся.

— Что такое солитер? — невозмутимо спросил тот, доедая сникерс.

— Глист такой. Огромный глист, это он заставляет тебя без конца жрать!

— Э-э, нет никакого глиста. Просто аппетит хороший. Макс поднял руку.

— Тихо. Давайте сюда!

Между бетонными плитами зияла щель, и все трое один за другим проскользнули сквозь нее на территорию института. Здесь лежала груда кирпичей и целая гора песка, пришлось обходить неожиданное препятствие.

Въездные ворота остались метрах в сорока позади. Там имелся КПП с двумя дежурными из вневедомственной охраны. Они играли в шашки и карты, смотрели телевизор, отвечали на телефонные звонки и прислушивались к противопожарной сигнализации. Обходы территории были уже давно отменены.

Недавно побеленная стена института вынырнула из темноты, и Макс остановился. Повернул голову к подельникам и жестом указал им, что надо двигаться в правую сторону. Карданов помнил, что в трех метрах правее располагался запасной вход в здание института. Он находился ниже уровня земли, и к нему вели шесть рассыпавшихся от времени ступенек. Вход этот в свое время использовался уборщицами, сантехниками, ассенизаторами и прочими техническими работниками, не имевшими отношения к научной деятельности. Теперь он был забит, а под дверь сбрасывали мусор.

— Вскрываюте! — шепотом сказал Макс.

Заурбек выступил вперед, обогнул Макса, перешагнул кучу мусора и выудил из-под куртки

компактную фомку.

Гепард стоял молча. В опущенной правой руке он держал пистолет с глушителем.

Раздался треск, скрежет, потом глухой удар.

— Готово, — прошипел из темноты Заурбек.

Небольшой металлический «язычок» беспомощно торчал в деревянном расщепе двери. Видно, Рохланов был профессиональным взломщиком.

Гепард достал маленький, но яркий фонарик.

— Показывай, куда идти! — скомандовал он, и Макс первым шагнул в темный проем. Спутники двинулись следом. Свет фонаря выхватывал растрескавшийся бетонный пол. По подвалу они прошли до середины здания, затем Рохланов взломал еще одну дверь, и они вышли на лестничную площадку.

— Давай наверх! — Макс махнул рукой.

— Где тут делают экспертизы? — настороженно спросил Гепард.

— Откуда я знаю! Надо поискать, — ответил Макс. Они пошли по коридору первого этажа, луч фонаря шарил по дверным табличкам.

— Вот он!

Гепард ткнул пальцем в надпись «Отдел экспертиз». Карданову показалось, что буквы кривоваты. Да и надпись странная: обычно пишут «Отдел экспертных исследований» или что-то в этом роде.

Замок на этой двери оказался сложнее и надежнее, Рохланову пришлось повозиться с ним минуты четыре. Наконец и это препятствие было преодолено. Они вошли в комнату общей площадью около пятнадцати метров.

Небольшое помещение насквозь пропахло специфическими запахами химических реагентов. Рохланов с отвращением повел носом и полез в карман, очевидно, за очередным сникерсом. Но тут же отдернул руку.

Бекмурзаев все время держался за спиной Макса. В случае непредвиденного развития событий можно было не сомневаться, в кого он влепит первую пулю.

Луч фонаря обежал захламленное пространство комнаты. Столы с лабораторным оборудованием, какие-то приборы, микроскоп, стеллажи с ретортами и инструментами. Наконец световое пятно остановилось на старом сейфе советских времен. Собственно, это был никакой не сейф, а металлический шкаф — таково правильное название этого предмета, неперемного спутника любых служебных помещений: от кабинета инструктора райкома комсомола до бухгалтерии завода.

— Давай, Заурбек! — приказал Гепард.

Тот проворно извлек из карманов набор отмычек и принялся вставлять пружинистые проволочки в отверстие для ключа. Через несколько минут раздался щелчок, и гулкая, пустая внутри дверца открылась. Да, Рохланов был профессионалом.

— Погляди, что там, — сказал Гепард, освещая темный зев сейфа. — Только осторожно.

Рохланов заглянул внутрь, потом сунул руку.

— Есть! — радостно воскликнул он и извлек наружу блестящий металлический предмет. — Смотри, Алик, это он!

Металлический цилиндр перекочевал из рук в руки.

— Сейчас проверим. — Гепард бросил на Макса странный взгляд и снял со спины небольшой рюкзак. Из него он извлек счетчик Гейгера!

Макс напрягся.

Террорист приблизил счетчик к цилиндру, и тут же раздался треск, будто искрила электрическая дуга.

Прибор фиксировал повышенный радиоактивный фон.

— Похоже, действительно он. — Суровое лицо Вахита осветилось торжествующей улыбкой. Он внимательно посмотрел на Макса. — Ты меня удивил в очередной раз.

— Пора уходить, — сказал Карданов, не вступая в разгадывание загадок.

Тем же путем они вышли из здания. Впереди теперь двигался Гепард. Но вместо того, чтобы двинуться к знакомой щели, он направился в обратную сторону.

— Ты куда?

— Гепарды не ходят дважды одним путем, — загадочно ответил террорист и, достав мобильник, набрал номер Бараева.

Но тот не мог ответить точно на пятом звонке. Он вообще не мог ответить, потому что лежал на заднем сиденье «Мерседеса» мертвым и уже начал остывать. Впереди, почти незаметные в темноте, с оружием в руках ждали Питон с напарником. Засада была поставлена по всем правилам. Биток и Сова сидели в «Чероки», дожидаясь момента, когда надо будет захлопнуть ловушку. Телефонная мелодия заставила Питона вздрогнуть.

— У тебя звонит, что ли? — зло спросил он у напарника, но тот покачал головой.

— Нет, это у этого, сзади.

— Тогда брать не будем!

Выждав пять звонков, Гепард отключился. И тут же набрал другой номер. Это был номер телефона, который лежал в багажнике черного «Мерседеса», в сумке с пластитом. Звонковая цепь замыкалась на запал взрывного устройства.

Питон услышал начало звонка и удивился, что звук идет со стороны багажника. Больше он ничего не понял, потому что багажник «мерса» раздуло огненным шаром, огонь и взрывная волна ворвались в кабину, мгновенно превратив в пепел и разметав находящиеся там тела — и живые, и мертвое. Страшный грохот разорвал ночную тишину, в соседних домах вылетели стекла, детали автомобиля взлетели в воздух. Одно из колес нашли потом в ста метрах.

Ослепленный и оглушенный Биток включил двигатель, но в это время на «Чероки» налетели фигуры в камуфляже и с автоматами. Сильные руки выдернули Битка и Сову из машины и швырнули на землю, раструбы автоматов больно уперлись в затылки, расплющивая лица по пыльному асфальту.

— Ну-ка, покажите их рожи! — раздался властный голос.

Раструбы исчезли, за волосы головы задержанных подняли навстречу яркому лучу аккумуляторного фонаря.

Подошедший человек тщательно в них всмотрелся. Свет фонаря слепил глаза, и он надел неуместные ночью темные очки.

— Этих я не знаю, — сказал майор Нижегородцев. — Что-то мы наворочали не то.

Достав мобильник, он набрал номер начальника. Тот ждал звонка и сразу сорвал трубку.

— Матвей Фомич, операция вышла из-под контроля! — доложил Нижегородцев таким тоном, будто бросался в ледяную воду. — Одна машина взорвалась, в другой взяли двоих, но я их не знаю. наших фигурантов нет!

— Поздравляю, майор! — Голос генерала Лизутина не предвещал ничего хорошего. — Вы блестяще справились с заданием!

Если бы они захватили Бекмурзаева, то победителем был бы генерал Лизутин. Теперь козлом отпущения становился майор Нижегородцев. Ничего удивительного. У победы много отцов, а поражение всегда сирота.

— Где у них база? — спросил генерал. — Вы выяснили у Карданова, где у них база?

— Никак нет, товарищ генерал, — покаянно сказал Вампир. — Мы говорили всего пару минут, больше не позволяла обстановка. И надо было оговорить все нюансы по институту.

Начальник Управления помолчал.

— Значит, придется объявлять общегородскую тревогу! — наконец сказал он. И отключился.

Нижегородцеву оставалось действовать по обстановке, на свой страх и риск. Но где же террорист? И какова судьба Карданова?

Вахит уверенно вывел спутников к противоположному забору, тот имел большую выщерблину наверху, и они легко перелезли его, оказавшись на тихой улочке среди домов частного сектора. Здесь их ожидал автомобиль с работающим мотором. То ли по случайному стечению обстоятельств, то ли из-за определенных пристрастий это тоже был черный «Мерседес». За рулем сидел Арсен Гуссейнов. Через пятнадцать минут они прибыли на базу «Фрегат». А через полчаса в городе начала разворачиваться операция «Кольцо».

* * *

Витя Шляхтин, невзрачный двадцатичетырехлетний парень с плоским, будто к нему еще в детстве какой-то враг основательно приложился лопатой, лицом и большими красными губами, никогда прежде не работал киллером. Сегодня он получал свой первый заказ.

Хотя стаж в службе безопасности «Консорциума» у него был невеликий — чуть больше года, —

столь серьезный человек, как Лютов, отобрал его не случайно. Во время службы в армии Витя воевал в Чечне, снайпером. И главное, после срочной остался служить по контракту. Имел сорок пораженных целей. Эти обстоятельства характеризовали не только профессиональное мастерство, но и характер.

И все же определенные нюансы в выборе Лютова имелись. Ведь уничтожение противника в бою — это одно, а ликвидация человека в мирных условиях — совсем иное. Некоторые могут назвать подобный акт убийством. А между снайпером-профессионалом и профессиональным киллером, как говорят в Одессе, — две большие разницы. Но, с другой стороны, при любом выборе надо довольствоваться тем, что имеешь, а профессиональные киллеры не предлагают свои услуги в газетных объявлениях.

Конечно, Каймаченко со своими связями и контактами мог подобрать исполнителя и получше, но, с другой стороны, личной заинтересованности у начальника СБ «Консорциума» в этом деле не было, а у Лютова была. Поэтому он решил действовать в рамках полученной санкции самостоятельно, резонно предположив, что скорее добьется результата. В результате Лютов спланировал против Андрея

Андреевича собственную акцию и подобрал своего исполнителя.

Никакой предварительной работы по потенциальному клиенту Шляхтин не проводил. Подобные аспекты киллерского дела Виктору были и вовсе незнакомы. Правда, один раз Лютов вывез его к даче Стаховского, но тогда санкция на ликвидацию так и не была получена.

— Вот его адреса, — Лютов перебрал через стол небольшой почтовый конверт, и тот точно угодил на колени Шляхтина. — Здесь и московская квартира, и загородный дом. Помнишь, где мы были? Сам найдешь дорогу?

Витя кивнул.

— Там же фото клиента. Я хочу, чтобы ты выполнил этот заказ как можно быстрее. Сделаешь все четко и грамотно — считай, поднялся на следующую ступень. И получил мою личную поддержку. Ты понял?

Шляхтин кивнул. Он не особенно понимал, кто из руководителей дает ему задание, да его это и не особенно интересовало. Как и любой современный парень в его возрасте, без образования, серьезной специальности и особых личностных достоинств, он мечтал о роскошном загородном особняке, обтекаемом, как капля, скоростном спортивном автомобиле, о шикарных девицах в песцовых шубах и с аппетитными коленками, о поездках к Средиземному морю: Франция, Турция, Испания. А потом можно подумать о зарубежной вилле, об оформлении постоянной визы или вида на жительство. Примеры — вот они, вокруг: сытые рожи депутатов, политиков, разномастных жуликов, бандитов, воров всех мастей, подающих пример того, как надо жить! Но депутаты и политики используют свою должность, а Витя — свои навыки. В отличие от должности, их никто и никогда не отнимет.

В этой жизни надо держаться стаей, даже тост-присказка на эту тему имеется. Прибившись год назад к такой мощной и перспективной компании, как «Консорциум», Витя полагал, что уже поднялся на одну ступеньку. Сейчас Лютов, человек в службе Каймаченко авторитетный, предлагал подняться еще на одну ступень. Хотя деталей предстоящего дела снайпер не представлял. Нет, когда цель окажется на мушке, тогда все ясно и понятно, а вот что делать до того?

— Как насчет охраны? — на всякий случай деловито осведомился Шляхтин.

Лютков только поморщился.

— Обычная. Непрофессионалы. Толкуются всякие олухи во дворе, в квартире. Вдоль периметра дачи ходит какой-то дегенерат с ружьем. Упреждающего наблюдения у них нет. Выстрел с дальней дистанции, пуля в башке — и до свидания! Что скажешь?

— Я сделаю, — жестко ответил Шляхтин, и Лютков понял, что не ошибся в своем выборе.

— Когда? — уточнил он.

— Сегодня и сделаю. Вечером.

— Ну ладно. Тогда иди. Удачи!

Витя повернулся через левое плечо и вышел из кабинета начальника. В душе он вовсе не чувствовал той уверенности, которую пытался продемонстрировать. Сказать было легко. А вот сделать... Но отступать теперь нельзя.

В половине десятого вечера, когда небо уже полностью окрасилось в черный цвет и лишь немногочисленные одинокие звездочки сквозь бегущие облака слабо подсвечивали шелестящую рощу, Виктор выдвинулся на точку дислокации. На стареньком «Опеле», происхождение которого не смог бы установить и Интерпол, он въехал на территорию коттеджного поселка «Комфорт». Здесь еще шло строительство, внешнего ограждения и централизованной охраны пока не было.

Загнав машину в кусты, Шляхтин захватил из кабины рюкзак со снаряжением, затем извлек из багажника чехол с охотничьим карабином «сайга» — конверсионной переделкой знаменитого автомата «АК». Забросив оружие за спину, он бесшумным шагом двинулся к даче Стаховского. В черном комбинезоне, черной вязаной шапочке, которую при необходимости можно было раскатать на лицо, он быстро растворился в шелестящем ночном лесу.

Но это был цивилизованный лес. Ветер подхватывал с земли опавшие листья и швырял их на металлические корпуса припаркованных на дачных участках автомобилей. Недостроенные здания мрачно чернели голыми остовами.

Практически во всех готовых коттеджах горел свет: владельцы с гордостью обживали престижные апартаменты.

Витя представлял, как эти состоятельные люди проводят время: ужинают в кругу семьи, с друзьями или любовницами, играют в карты или компьютерные игры, смотрят фильмы в домашних кинотеатрах, плавают в бассейнах, обсуждают предстоящие или совершенные сделки, принимают массаж или отпускают минеты вышколенной прислуге, кое-кто просматривает газеты. И он, Витя, со своим карабином мог бы наделать здесь немалый переполох. Потому что способен попасть в головную мишень с трехсот метров, причем совершенно бесшумно.

Шляхтин хорошо ориентировался в лесу и без особого труда вышел к сосне, находящейся неподалеку от монументального дома Андрея Стаховского. Он надел на ноги специальные «кошки», а на руки — перчатки с «когтями», после чего ловко вскарабкался наверх и спрятался в ветках. Освободившись от лишнего снаряжения, он достал бинокль и включил инфракрасный режим.

В дачном лесу кипела незаметная постороннему взгляду жизнь. Внизу по тропинке прошла

обнимающаяся на ходу парочка, и длинные волосы обоих сначала навели Шляхтина на мысль о все большем распространении среди молодежи лесбийской любви. Но затем, наведя фокус, обнаружил, что в данном случае он ошибся: просто длинноволосый паренек в кожаной куртке-косухе обнимал девушку с волосами такой же длины. Значит, в конкретном случае имела место разнополая любовь. Как и полагается.

Парочка скрылась в кустах почти прямо под сосной. По дороге прошел мужчина спортивного телосложения с заброшенной на плечо хозяйственной сумкой. Он торопился. Шляхтин отчетливо слышал звук его шагов.

Ни парочка, ни мужчина опасности не представляли, и Витя навел бинокль на виллу Стаховского. Во дворе он рассмотрел двух охранников, еще один сидел на ступеньках у входа в дом. Лютов был прав: непрофессионалы, они не думают о выстреле с длинной дистанции. Потом он перевел окуляры на широкие окна.

Богато обставленная гостиная. Самого Андрея Андреевича в гостиной не было. Двое мужчин сидели рядом на диване и смотрели на экране огромного телевизора какой-то кровавый боевик. Наверное, это охранники.

В кустах внизу началась какая-то возня.

— Ну, ты чего?! — раздался обиженный голос. — Давай снимай!

Другой голос что-то бубнил в ответ, но разобрать слов было нельзя.

Упершись спиной в ствол и обняв ветку, Витя расчехлил оружие, привинтил глушитель и вставил в пазы восьмикратный оптический прицел. Потом навел прицел на освещенное окно и припал глазом к окуляру. Картина в комнате заметно изменилась. На диване, где всего пару минут назад сидели двое, теперь находился только один мужчина. Он держал в руках пульт дистанционного управления, и голова его была повернута не в сторону тускло мерцающего экрана телевизора, а в направлении встроенного в стену бара.

У бара стоял Стаховский. Андрей Андреевич был в махровом домашнем халате, подпоясанном в районе талии, на ногах черные сланцы. Мокрые волосы Стаховского зализаны назад, будто смазанные бриолином по давней советской моде. На раскрасневшемся лице играла расслабленная довольная улыбка. Очевидно, что он только что с огромным для себя удовольствием принял горячую ванну, а теперь намеревался выпить какого-то хорошего спиртного. Витя не знал, какие именно напитки пьют такие люди, но подозревал, что нечто запредельное по цене — несколько тысяч за бутылку...

Шляхтин даже зубами закрипел. Он воевал, ходил под пулями, он убил несколько десятков человек и сам неоднократно мог быть убитым. В бедре у него сидел осколок мины, дома лежала медаль «За боевые заслуги». И у него нет ничего за душой. Он даже не сможет взять в руки черную бутылку коньяка «Мартель», стоимость которого составляет половину его месячной зарплаты. А откуда такое богатство у этого лощеного типа?

Вон перебирает бутылку за бутылкой. Как раз такие, черные, по несусветной, неприличной при российском прожиточном минимуме цене. Но ему не повезло, потому что Витя Шляхтин со своей «сайгой» установит справедливость в данном конкретном случае!

Обхватив рукой ветку и положив на нее для устойчивости ствол, Шляхтин поймал в прицел мокрую голову Стаховского и опустил палец на курок. Внизу возня в кустах усилилась, но Виктор не обращал на это внимания. Стаховский наконец сделал выбор и наливал из бутылки в

пузатый бокал какую-то жидкость, цвет которой разобрать на таком расстоянии было нельзя. Он еще не знал, что не сможет ее выпить. И вообще никогда больше ничего не будет есть и пить. Да что там есть и пить — дышать не будет!

Витя выбрал свободный ход курка. Стаховский, сдвинув брови к переносице, что-то говорил, обращаясь к мужчине, расположившемуся на диване. Бокал он рассматривал на свет. В его боках играли блики от лучей висящей под потолком хрустальной люстры. «Сейчас содержимое бокала перемешается с твоими мозгами», — с ненавистью подумал Витя. Холодная ненависть помогает сделать хороший выстрел. Но никому не дано знать, что произойдет в следующую секунду. Наверняка знает это только господь бог. Человек может только предполагать.

Шляхтин плавно нажал на спуск, но в этот момент ветка под его рукой хрустнула и надломилась. Наверное, Всевышнему не понравилась идея о том, что справедливость на земле будет устанавливать Витя Шляхтин своим заскорузлым, хотя и чувствительным указательным пальцем. Снайпер — не судья, снайпер — только инструмент в чьих-то руках.

Ветка сломалась, и опирающийся на нее Витя Шляхтин лишился опоры и нырнул вперед. Карабин клюнул стволом, и тщательно выстроенная траектория полета смертоносной пули была бездарно нарушена.

Со звоном разлетелась стеклянная створка бара, и осколки посыпались к ногам Стаховского. Андрей удивленно повернул голову, не сразу поняв, что произошло. А вот телохранитель среагировал быстро и профессионально.

— Снайпер! — крикнул он, бросая пульт куда-то в угол. — На пол! Ложись на пол!

И, уже не дожидаясь самостоятельных действий Стаховского, как выпущенная под воздействием туго натянутой тетивы стрела, он ринулся под ноги боссу и сбил его на пол. Полагалось, конечно, накрыть тело охраняемой персоны своим собственным, но этого телохранитель не сделал. Самопожертвование за деньги, даже большие, невозможно, потому что собственная жизнь ценится гораздо дороже любых денег. Только высокая идея способна подтолкнуть к самопожертвованию, вот почему телохранители из официальных государственных структур гораздо надежнее частных охранников.

Но и того, что сделал для Стаховского его секьюрити, было в данной ситуации вполне достаточно, поскольку позволяло предотвратить опасность второго выстрела. Опешивший Стаховский поспешно отползал к выходу из гостиной.

Впрочем, опасаться второго выстрела не приходилось. Ибо на стороне Стаховского выступил кое-кто гораздо более могущественный, чем его охранник с окладом в полторы тысячи долларов.

Сломанная ветка лишила Витю опоры не на мгновение, а насовсем. И его нырок затянулся: он выронил карабин и полетел с десятиметровой высоты вниз, размахивая руками и переворачиваясь по инерции вниз головой. Он сумел сдержать крик ужаса и тем подтвердил силу своего характера. Но больше он не смог ничего сделать, потому что когда в действие вступает закон всемирного тяготения, то противостоять ему невозможно, в отличие от писанных человеческих законов, на которые все и повсеместно плюют.

— Жора! — орал тем временем в свой мобильник лежащий на полу телохранитель Стаховского. — Жора, у нас тут покушение! В босса стреляли! Снайпер! Нет, он жив... Все в порядке... Достань эту суку, он где-то неподалеку. Окружи все, прочеши местность, мочи всех подряд!

Карабин «сайга» с лязгом ударился о землю, подскочил и упал набок. В ту же секунду в твердую землю врезалось мягкое тело снайпера. Последней мыслью в угасающем сознании Вити Шляхтина была та, что роскошных автомобилей и шикарных девиц теперь, видимо, не добиться никогда.

— Ой, что это?! — Из кустов вылезли две длинноволосые полураздетые фигуры, в ужасе уставившиеся на изломанное тело в черной одежде.

Но им не удалось удовлетворить свое любопытство: из темноты выскочили мощные фигуры охранников, и на длинноволосых обрушился град ударов. Они жалобно кричали тонкими бесполоыми голосами. Только через минуту Жора опомнился.

— Пойдите, это не они. Видите, оба без штанов. Вот он, гад. Еще живой.

Жора перевернул ногой изломанное тело несостоявшегося киллера.

* * *

Фокин закурил сигарету. Щелчок его зажигалки вывел Клевца из задумчивой протрации.

— Что-то на сердце беспокойно, — сказал он. — Чую какую-то опасность.

Фокин пожал плечами.

— Откуда она может исходить? Мы свое дело сделали, о нашем нахождении никто не знает. Погуляем пару дней и осторожно вернемся. Можно поездом до Рязани, а потом машиной.

— Да нет. У меня чутье на эти дела. Раз возвращался ночью домой, чувствую — в подъезде смерть моя притаилась! Тоже вроде ниоткуда — ни дел серьезных в тот момент не было, ни острых ситуаций. Достал ствол, зажал ручку-фонарик между пальцами, подкрался сбоку по стеночке — раз! В подъезд руку сунул, а фонарь фигуру темную высветил с пистолетом! Он растерялся, а я успел нажать! Оказался, старый клиент сбежал из зоны и посчитаться заехал.

Гостиница «Каравелла» располагалась во дворе одноименного ресторана, шелестящие деревья подходили вплотную, щитовые стены пропускали звуки ночного леса, и атмосфера для пробуждения страхов была самая подходящая. Но не для такого человека, как Клевец. Он никогда ничего не боялся без оснований.

А сейчас основания для тревоги у него были, потому что как раз в этот момент к «Каравелле» осторожно подкрадывались Шашков и проклинающий все на свете Чибис.

Из восьми окон жилого корпуса свет горел в двух.

— Залезай ко мне на плечи, загляни сюда, — тихо сказал Шашков, останавливаясь у ближнего окна. — Только шею смотри не зацепи.

— Да куда я полезу, у меня плечо онемело.

— Лезь, быстро! — страшным шепотом произнес Шашков и потряс пистолетом.

Кряхтя и ругаясь, Чибис выполнил приказ.

Под розовым абажуром расслабленные парень и девушка пили шампанское. Парень был в одних плавках, а девушка и вовсе без ничего. Она сидела у него на коленях. Сзади виднелась

широкая расстеленная кровать.

— Ну, что ты там рассматриваешь? — приглушенно спросил снизу старший группы. — Тяжело ведь!

Чибис осторожно спустился вниз.

— Нету их здесь, — прошипел он.

— Тогда давай к тому окну. Только теперь я на тебя залезу.

— Я ж говорю — плечо болит! Как ты на него наступать будешь? Я тебе что — каменный?

Кончилось тем, что Шашков вновь присел на корточки, принял на плечи тяжесть напарника и, держась за стену, осторожно выпрямился. Здесь занавески были задернуты, но сквозь щель можно было рассмотреть фигуры двух крупных мужчин, которые о чем-то переговаривались между собой. Внезапно оба повернулись и посмотрели в окно. Чибис присел и, облокотившись на голову напарника, спрыгнул вниз. Толчок приземления отозвался в плече тупой болью.

— Здесь они! Оба! Шашков на миг задумался.

— Значит, так, поднимайся по ступенькам. Сейчас я гранату в окно закину, а ты выбивай дверь и их достреливай!

Из ресторана доносилась громкая музыка. Ночное веселье было в разгаре.

Поручение было опасным: осколки гранаты вполне могли поразить того, кто стоит под дверью. Чибис в очередной раз попытался отмазаться. Ему вовсе не нравилась роль Александра Матросова. Еще никогда ему не приходилось участвовать в столь рискованных операциях, без гарантированного прикрытия и силового преимущества.

— Как я дверь выбью? У меня плечо болит! Швырни гранату. И хватит.

— Делай, что говорю, — зло прошипел Шашков.

Он вытащил из кармана «РГД-5», с усилием свел вместе усики чеки. Чибис с пистолетом в руках поднимался по лестнице. Налетел резкий порыв ветра, шелест деревьев стал зловещим.

Вдруг дверь распахнулась, в освещенном проеме появилась крупная фигура, в вытянутой руке блестела сталь.

Молнией сверкнула вспышка, громом ударил выстрел. Чибис отшатнулся и упал, всем телом загрохотав по ступеням. Шашков замер с гранатой в руках. Воспользоваться ею в данной ситуации было опасно. Он полез за пистолетом. Чибис, лежа на спине, выстрелил сверху вниз. Потом еще раз и еще. Ни одна пуля не достигла цели. Клевец тоже произвел несколько выстрелов и тоже не попал. В лежащего человека очень трудно правильно прицелиться.

Шашков вытащил наконец пистолет и навел на Клевца, но тут сверху зазвенело разбитое стекло, и он понял, что второй противник будет стрелять сверху. Но Фокину не из чего было стрелять. Он просто бросил пепельницу, и этого хватило, чтобы сбить Шашкову прицел.

Очередная пуля прошла мимо, зато Клевец выстрелил удачно в ответ. Шашков отшатнулся. Его будто ударили по плечу бейсбольной битой, которые в последнее время наводнили Россию, отнюдь не играющую в бейсбол. Пистолет упал на землю. Граната все еще сидела в левой руке,

и он выдернул кольцо правой. Сейчас на опасность ему было наплевать, потому что не было ничего опасней сидящей в груди пули. Он швырнул зеленый овал в ранившего его человека и, зажав рану, осел на землю.

Граната ударила Клевца в бок, но расстояние было слишком маленьким, и четырехсекундный замедлитель запала не успел догореть. Поэтому «РГД-5» отлетела в сторону, как простой камень. Взрыв произошел под лестницей, снап осколков разлетелся веером, изрешетив предчувствовавшего недоброе Чибиса. Несколько осколков добили Шашкова. Взрывная волна забросила Клевца обратно в комнату. Но он отделался контузией. Судьба в этот раз была на его стороне.

* * *

Несмотря на позднее время, на базе «Фрегат» царило оживление. Гости собирались уезжать, охрана готовилась отправляться в родные края.

Гепард с Максом и Заурбеком вышли на песчаный берег. Там стоял неброский «Москвич», который круглосуточно сторожили четыре охранника. Небрежным движением руки Гепард их отпустил и сел за руль. Макс подумал, что в этом автомобиле и находится самое ценное. То, для чего предназначен взрыватель. Портативная атомная бомба.

Взревел мотор, «Москвич» проехал несколько метров и остановился. Гепард вышел, открыл багажник и протянул спутникам две лопаты.

— Поработайте немного, друзья! — предложил он.

Песок подавался легко, но края осыпались. Чтобы углубляться, приходилось увеличивать диаметр ямы. Это увеличивало нагрузку. Макс и Рохланов вспотели. На глубине полутора метров лопата Макса ткнулась в твердый предмет.

— Осторожно, — напряженным тоном сказал Гепард. Они обкопали предмет со всех сторон. Это оказался рюкзак. Обычный брезентовый рюкзак защитного цвета. Рохланов взялся за одну лямку, Макс — за другую, и они вытащили предмет наружу.

— Тяжелый, — отдуваясь, сказал Заурбек.

— Тридцать два килограмма, — со знанием дела пояснил Гепард. И добавил: — Смотри, Заурбек, из рук эту штуку не выпускай и от меня не отходи. Ты тоже. — Он посмотрел на Макса. — Кстати, как тебя зовут? Ведь ты назывался не своим именем?

— Мы вообще не знакомы, — сказал Карданов. — Вообще-то, у меня несколько имен. Можешь называть меня Максом.

— А какое настоящее?

— К сожалению, этого я и сам не знаю.

— Ладно, дело не в том, как кого зовут! — Гепард махнул рукой. — Мы едем в Москву. Поезд через два часа. Приготовьтесь.

У Макса заныло под ложечкой. Судя по тому, что их не схватили в институте, операция провалилась. Чекисты потеряли след террористов. И похоже, что вся ответственность теперь ложилась на него. Допустить выезд в Москву с ядерным фугасом было нельзя. И он обязан был

его предотвратить.

— Как ты себе это представляешь? — спросил он, скрывая волнение. — На вокзале у всех проверяют документы, багаж. По вагонам ходит милиция и тоже проверяет все, что можно. И мы с этой штукой.

Гепард улыбнулся.

— Можешь не волноваться. Арсен договорился, нам дадут салон-вагон начальника железной дороги. И встретят как почетных гостей. Никто не станет проверять наши вещи!

— Ну, если так...

Надо было что-то придумать, но никаких мыслей в голову не приходило.

Макс не знал, что город поднят по тревоге. Милиция, внутренние войска, армия, ФСБ наводнили ночные улицы Тиходонска, перекрыли магистрали, заперли выезды из города. Даже на реке стояли заслоны из катеров с вооруженными солдатами. У всех водителей проверяли документы, автотранспорт тщательно досматривали. Но на базе «Фрегат» было тихо, пахло рекой и свежим степным ветром. Большие южные звезды пробивались иногда сквозь бегущие облака и с любопытством рассматривали, что происходит на грешной земле.

Вдруг где-то неподалеку раздались выстрелы. Один, второй, третий, потом целая россыпь. Гулко рванула граната.

— Что там такое? — встревожился Гепард.

— А черт его знает, — буднично сказал Заурбек. — Наверное, местная братва счеты сводит.

Гепард покачал головой.

— Не нравится мне все это! Даже если это действительно местные, все равно нам плохо. Сейчас сюда менты налетят, а может, и кто похуже. Начнут свои облавы-проверки, тогда можно не выкрутиться. Да, так мы до вокзала не доедем.

— Точно! — горячо поддержал его Макс. — Давай здесь пересидим, пока все не закончится.

Гепард нахмурился.

— Здесь сидеть нечего. Ну-ка, позовите мне Арсена! Гуссейнов объявился через несколько минут.

— Слушай, Арсен, эта стрельба путает нам все карты, — озабоченно сказал Гепард. — Надо менять планы. — Он задумался. — Там у тебя в друзьях генерал из авиации, ты так говорил?

— Говорил, — уверенно подтвердил Арсен. — Так и есть, как говорил. Хороший друг, я ему подарков много сделал. Ружье с золотой насечкой подарил, саблю настоящую арабскую, восемнадцатый век, музейная вещь.

— А вертолет достать можешь? Прямо сейчас и сюда? Арсен с минуту подумал.

— Попробуем. Долг платежом красят. Так ведь русские говорят?

Он достал мобильный телефон, по памяти набрал номер.

— Алексей Борисович, это Гуссейнов вас беспокоит, извините, что так поздно, — заговорил он почти без акцента. — Да, да, я, еще раз извините... Тут такое дело, Алексей Борисович... Я тут на рыбалке с товарищами отдыхаю, и один сломал ногу... По пьянке, не без этого, от вас ничего не скроешь! Улов? Да! Улов отличный! Сом, стерлядка ваша любимая, мешка три натягали. А тут такое дело! Нога-то опухла, он орет, до него дотрагиваться страшно. А у нас друг хороший, как раз травматолог, только в Красногорске, заведующий отделением, золотые руки.

На лице Арсена отражалась целая гамма эмоций, и слова выходили убедительными, как будто шли от души.

— Мы ему позвонили, он говорит — привозите, только срочно! А как срочно, все-то зеленым змием злоупотребили. Да и без того по трассе часа три ехать! Вот я и вспомнил, мы как-то с вами о вертолете говорили. Алексей Борисович, отец родной, выручите меня по старой дружбе! Дайте вертолет, пожалуйста!

Гепард впился взглядом в телефон, как будто пытался загипнотизировать невидимого собеседника.

— Мы нашего беднягу в Красногорск перебросим, а потом вернемся и вам мешочек свежей рыбки завезем. Получится так сделать? Ай, спасибо! Вот что значит настоящий друг! Алексей Борисович! Ну, вы просто мой спаситель. Я вам по гроб жизни теперь обязан буду. Как?

Арсен засмеялся.

— Ну, это вообще не проблема. Передам с пилотом или сам завезу. Да, хорошо. Жду, Алексей Борисович. Мы на сорок пятой линии. Костры? Как партизаны? Ха-ха-ха! Разожжем, Алексей Борисович!

Закончив разговор, Арсен вытер вспотевшее лицо и спрятал аппарат в карман.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Гепард.

— Сейчас прикажет, через минут сорок вертушка прилетит. Надо только костры зажечь. Два, вдоль берега.

* * *

— Да мы таких фраеров сраных в зоне раком ставили и очко до блеска надраивали. Это козлы понтовые! — Гордый собственным опытом, которого набрался, отбывая пятилетний срок в ИТК-16, Жора от души расхохотался и сверкнул в лучах восходящего солнца золотой фиксой, заменявшей ему один из передних резцов. Стаховский не любил его за экзотические манеры и блатной жаргон, держа подальше от себя и используя только для специфических заданий. Сейчас бригада выполняла именно такое задание.

Джип остановился у обочины асфальтовой дороги, и водитель, молодой человек с накачанной шеей, с трудом уместившейся в воротнике просторной рубашки, выключил двигатель. Привычно полез рукой под сиденье, куда заранее положил «макара». Но Цербер на правах старшего группы остановил его властным движением руки.

— Не стоит палить тут тачку, Витек, — сказал он. — Давай-ка срули с трассы и приткни ее вон там у кустарника.

— Она же там все равно заметной с дороги будет, — недовольно откликнулся Витек. — Чего зря рессоры бить по бездорожью!

— Так больше на грибников похоже. Они все время свои машины у кустиков оставляют.

— Где ты видел грибников на «Чероки», Цербер?

— Захлопни пасть и делай, чего я тебя говорю, — озлобившись, Цербер перешел на привычный язык.

Витек тоже лучше понимал такой тон и мгновенно перестал спорить. Он вновь запустил двигатель и направил внедорожник по склону к редкому кустарнику. Жора щелкал на заднем сиденье предохранителем «стечкина».

— Ты что, игрушку себе нашел? — недовольно повернул голову Цербер.

— Чего ты цепляешься ко всем? — усмехнулся тот. — Нервишки замучили, брат?

С опытным Жорой начальственный тон не прокатывал так, как с молоденьким Витьком. Этот за словом в карман не полезет. Отбреет в два счета. Впрочем, тут удивляться было нечему. И Жора, и Цербер при Стаховском вроде как на одном уровне находились, и то, что Андрей Андреевич назначил старшим на сегодняшнюю операцию именно Цербера, не более чем случайность. С тем же успехом на его месте мог бы оказаться и Жора.

Взятого вчера вблизи дачи Стаховского снайпера братки раскололи, что называется, по полной. Шляхтин серьезно разбился и не смог даже отползти в сторону от дерева и винтовки, поэтому взяли его с поличным.

— Врача, вызовите врача, — прошептал Шляхтин.

— Мы и есть врачи! — зловеще прошипел Жора. Били облажавшегося киллера долго и жестоко. При этом ни Жора, ни Цербер не произносили ни единого слова. Сопели носами, и только.

— Все, хватит, — остановил экзекуцию неспешно подошедший Стаховский. Он был все в том же банном халате, который вызывающе выделялся в темноте. Андрей Андреевич склонился над киллером. На теле Шляхтина вряд ли можно было бы отыскать сейчас хотя бы одно неповрежденное место. Когда аналогичная расправа происходила над Лютовым, тот выглядел посвежее. Но от того Стаховскому и не требовалось никакой информации: это была акция возмездия. А от Шляхтина информация требовалась.

— Ну, кто тебя послал, дружок? — спросил он вроде бы дружелюбным тоном.

И Шляхтин заговорил. Он готов был сейчас рассказать Стаховскому все, что тот пожелает. Всю свою биографию, начиная с момента рождения. Но того интересовали только конкретные вещи. Кто послал киллера прикончить его и где отыскать заказчика?

— Лютов, — с трудом вымолвил он. — Начальник отдела «Консорциума».

— Так я и думал, — кивнул Стаховский. — Некоторые люди смешивают личные обиды с деловыми вопросами. Толку от этого, как правило, не бывает. Где его найти? — последовал следующий вопрос.

— Я знаю только одно место, — тяжело дыша, ответил снайпер. — Загородная база «Консорциума», в охране которой я работал. Там я и говорил с Лютовым. Он мне повышение обещал. Если бы не он...

Если бы можно было отмотать ленту времени назад, Витя Шляхтин никогда бы не взялся за порученный ему заказ.

— Я понимаю, ты не виноват, — кивнул Стаховский и, сделав знак Жоре, направился к своей даче.

А Жора набросил удавку на шею еле живому человеку и сноровисто затянул концы. Но это еще не было торжеством справедливости. Главное — нанести ответный удар по заказчику. И Стаховский включил «ответку»: уже наутро посланная им бригада прибыла к месту, указанному покойным киллером.

Самонадеянные братки были уверены в силовом превосходстве над «фраерами», с которыми, по словам Жоры, он производил в зоне определенные операции. Хотя они и прибыли на одной машине, их было четверо. Цербер, Жора, водитель джипа Витек и расположившийся рядом с Жорой на заднем сиденье смуглый горбоносый тип по кличке Папуас. В бригаде Цербера он был человеком новым, и о нем еще мало что знали.

— Так сгодится? — Витек приткнул внедорожник мордой к опавшему кустарнику.

— Пойдет. — Цербер распахнул дверцу машины. — Теперь берите стволы, парни, и пешочком двигаем до их гребаной базы. Тут недалеко. И помните: главное для нас — эффект неожиданности. С ходу огонь по этим тупоголовым! Валить всех подряд! Задача ясна?

— Ясна, — откликнулся Жора.

Остальные угрюмо промолчали. Им не особенно нравилась Жорина бравада. Потому что судьба коллег, скормленных диким зверям, оказывала предостерегающее действие.

К базе «Консорциума» вела широкая гравийная дорога, на которой легко могли бы разминуться сразу три автомобиля. Она упиралась в высокие стальные ворота, снабженные автоматическим механизмом открывания. Над воротами бесшумно крутились две компактные видеокамеры, изображение с которых посылалось на мониторы в комнаты внешней охраны. Никто не смог бы приблизиться к воротам незамеченным. Такой же высокий, как и ворота, бетонный забор по всему периметру был обнесен колючей проволокой.

Бригада Цербера не вдавалась в тонкости рекогносцировки, Цербер всегда принимал решение на месте. Но элементарные меры предосторожности они предпринимали. И потому шли не по дороге, а по редкой роще, скрываясь в тени полуосыпавшихся веток и стараясь не производить излишнего шума.

Впереди всех двигался Папуас с коротким автоматом «АКСУ-74», настороженно вглядываясь в окружающие окрестности. За ним шел Цербер, перекинувший через плечо гранатомет «муха» и держащий на изготовку автомат «АКМ» с исцарапанным деревянным прикладом. Жора набил карманы гранатами, а мощный «стечкин» держал в правой руке стволом вниз. Замыкал шествие Витек, держа наготове «ремингтон» и то и дело поправляя торчащий за поясом «Макаров».

Не доходя до бетонного забора метров десять, Папуас остановился и молча поднял вверх палец. Цербер внимательно посмотрел в указанном направлении.

— Ты чего? Камер тут нет.

— Вон проволока торчит, — пояснил Папуас. — Если полезем, напоремся.

— Может, гранатами закидаем? — предложил Жора, подбрасывая на ладони увесистый зеленый овал «РГД-5». Но у него тоже настроение стало менее веселым. Бетонный забор с проволокой предполагал соответствующую встречу внутри.

Цербер задумчиво молчал. Столкнувшись с реальностью, он несколько растерялся. В вопросах тактики он был не силен. Приехать на «стрелку», нагнать холоду, показать крепость нервов, а в случае необходимости — пострелять из всех стволов, это одно дело, это более привычно. Другое дело — штурмовать укрепленный объект!

Осматривая неприступный забор, высокие стальные ворота и находящиеся в постоянном движении глазки видеокамер, он мрачнел все больше. Их сегодняшнее задание уже не казалось ему столь простым, как прежде. Как напасть на противника незамеченным? Что делать? Связаться со Стаховским? Малоприятная перспектива. Хозяин грубо отошлет его, сказав, что это не его проблемы, не его головная боль. И будет совершенно прав. У Цербера есть задача, и он обязан ее выполнить.

Рука Жоры легла на плечо напарника. Цербер раздраженно обернулся.

— Что надо?

— Не грузись, брат. — Фикса бывшего уголовника поблескивала при каждом произносимом слове. — Давай из «мухи» по воротам пальнем, а я гранаты через забор запулю. Ты рыбу глушил когда-нибудь? Они там как сонные мухи будут! Потом ворвемся внутрь и всех перекоцаем!

— Надо ж видеть, куда кидать! А вдруг «муха» ворота не возьмет? И потом, ты знаешь, какие там внутри расклады?

— Чего там не возьмет, — неуверенно возразил Жора. — А внутри — зайдем, посмотрим.

— Давайте лучше в засаду заляжем, — сказал Папуас. — Любая тачка выедет, мы ее расшмаляем!

Эта мысль Церберу понравилась. Возможно, потому, что не требовала немедленных действий и давала им отсрочку. Да и лезть вовнутрь ему не хотелось — оттуда ног не унесешь!

— Надо подкрепление запросить, — сказал Витек. Это предложение всем понравилось, однако Цербер с сомнением покачал головой:

— Сейчас каждый человек на счету. Нас сюда послали, других туда. Надо на свои силы рассчитывать.

Бригада совещалась, не подозревая, что их внимательно рассматривают в комнате наружной охраны. На заборе тоже имелись видеокамеры, только они были замаскированы. И сейчас четверка вооруженных людей крупным планом проецировалась на экран шестого монитора.

— Seriously вооружились, суки, — сказал Лютов, внимательно вглядываясь в лица непрошенных гостей. Когда Витя Шляхтин не вернулся, он сразу понял, в чем дело, и объявил на базе повышенную готовность. Криво улыбнувшись, Лютов повернул голову. — Давай, Сашок,

насадите их на шампуры!

Плотный, с широкими плечами мужчина, которому уменьшительное имя никак не подходило, кивнул и выскочил во двор. Он был в дорогом камуфляжном костюме «тень». Во дворе его ждали четыре человека в таких же комбинезонах. Когда-то все они служили в десантно-штурмовом батальоне 4-го полка ВДВ и в первую чеченскую кампанию наводили ужас на хозяйничавших в горах боевиков.

— Короче, — уверенным тоном сказал Цербер. — Внутрь не пойдем. Давайте засаду ставить! Машину рас-шмаляем, гранат внутрь накидаем и уйдем. Так оно лучше будет!

Они залегли в трех метрах от дороги и, приготовив оружие, стали ждать. В это время с другой стороны базы в заборе открылась маленькая железная калитка и пять теней бесшумно выскользнули за охраняемый периметр. У них имелись одинаковые пистолеты «ПБ» — бесшумная модификация «Макарова» и боевые ножи. Ножи были у всех разные — каждый подбирал под себя: рукоятку, форму и размер клинка, вес. Общим было только то, что каждый нож испил уже крови врагов.

Тени скользили друг за другом, как единый организм, ни одна ветка не хрустнула под десантными ботинками, ни один раздавленный гриб не скрипнул. Как будто неукротимо скользила к цели опасная змея.

За три минуты они обогнули высокий серый забор и вывернули на фронтальную сторону. В тот же миг зеленые ворота базы начали медленно открываться, привлекая внимание лежащих в засаде братков. Четыре пары глаз впилась в медленно раздвигаемые створки, четыре пары рук вспотели, напряженно впившись в оружие. Цербер сглотнул. Сейчас его плану предстояло осуществиться.

Он испытывал непривычное чувство гордости за блестяще решенную интеллектуальную задачу. Нанести урон противнику, не слишком рискуя и получив возможность отчитаться перед хозяином! Значит, и у него голова хорошо варит. И ничего особо сложного в этом деле нет. В следующий раз он придумает что-нибудь получше!

Жора разогнул усики гранатной чеки и весь сосредоточился на том, чтобы правильно бросить. Навыка в этом деле у него практически не было, и он боялся, что «эргэ-дэшка» отскочит назад или отлетит в сторону, не причинив противнику существенного вреда.

Витек потел обильней, чем его товарищи. Он в первый раз попал на столь серьезное дело и вовсе не был уверен, что все обойдется успешно. На премию за эту операцию он хотел купить цельные хромированные диски, которые должны были улучшить внешний вид его далеко не нового личного «БМВ». Но если сейчас ему всадят пулю в голову, то зачем ему диски?

А Папуас с обидой думал, что эта сволочь Цербер присвоил замечательный план, который придумал он, и доказать свое авторство теперь вряд ли удастся.

Но план Папуаса — Цербера никуда не годился, и если бы они знали, что за допущенную ошибку расплатятся собственной жизнью, то не стали бы присваивать его каждый себе и оспаривать авторство. Наоборот, каждый бы от него отказался и как можно скорее покинул бы место засады. Но было поздно. Потому что четыре тени подобрались почти вплотную, каждая выбрала себе жертву, и матовые клинки боевых ножей уже предвкушали редкое, но сладостное пиршество. Створки ворот наконец раскрылись, и это была кульминация отвлекающего момента.

Тени бросились вперед. Клинок в форме пальмового листа воткнулся в шею Цербера, разъединив шейные позвонки и разорвав спинной мозг. Узкий обоюдоострый стилет британских командос пробил Жоре левую лопатку и воткнулся в сердце, разорвав главную мышцу его организма. Вороненый кинжальный клинок пробил почку Витька, и тот мгновенно погиб, поскольку артериальное давление сразу же упало до нуля. И только Папуас успел обернуться и с диким криком откатиться в сторону. Еще один нож с недовольным урчанием воткнулся в волглую землю.

«Все, конец!» — пронеслась страшная мысль в голове Папуаса, коротко стриженные волосы на голове встали дыбом, он звериным прыжком вскочил на ноги и опрометью бросился бежать, да так, как не бегал никогда в жизни.

Не имеющий конкретной жертвы и контролирующей ситуацию в целом Сашок встал на колено и поднял свой «ПБ». Он прицелился бегущему между лопаток и плавно спустил курок. Раздавшийся звук был тише, чем хлопок открываемого шампанского, и создавал обманчивое впечатление слабости, не способной причинить вред.

Папуас мчался огромными прыжками, ветер упруго бил ему в лицо, он спасал свою жизнь и был уверен, что ему это удастся, что даже пули не смогут его догнать. Но это ему только казалось. Будто острая палка ударила его в спину, все завертелось перед глазами с бешеной скоростью, а тело покрылось какой-то липкой противной жидкостью. Уже в следующую секунду он провалился в черную головокружительную бездну. Его ноги рефлекторно подергивались, как будто уносили его к счастливой жизни, но продолжалось это недолго.

В ничем не нарушенной тишине чирикали вездесущие воробьи.

— Я доделал твою работу, Серый, — жестко сказал Сашок. — Ты сегодня облажался!

Серый, понурившись, счищал листья с клинка ножа. Он не возражал, потому что старший сказал правду.

Сашок поднес к губам рацию и произнес металлическим, лишенным каких-либо эмоций голосом:

— Мы закончили. Все нормально.

Через несколько минут место бесшумного побоища осматривал Лютов.

— Неплохо подготовились, козлы, совсем неплохо, — бормотал он себе под нос. — «Муха», гранаты. И где такие лидеры их берут? Не стало в стране порядка, совсем не стало!

Он переходил от тела к телу и одобритительно кивал.

— Чисто сработали. Вижу, только один облажался, — он пальцем ткнул в ножевой след на земле. — Кто?

— Все в порядке, командир. Все нормально сработали, — сказал Сашок, неотлучно ходивший за своим начальником. — Это случайность.

Лютов внимательно посмотрел на командира пятерки и прищурился.

— Ну ладно, раз так! — И через несколько секунд добавил: — Отвезите трупы Стаховскому, пусть порадуетя!

Провинившийся Серый стоял рядом, ожидая указаний. Когда старший пятерки кивнул ему, тот ободрился и распорядился подогнать «джип» с темными зеркальными стеклами. Ему предоставили возможность искупить свою вину, и это доверие следовало оправдать.

* * *

Сообщение о перестрелке поступило из ресторана «Каравелла» в дежурную часть Тиходонского УВД. С учетом общегородской тревоги, поднятой по инициативе УФСБ, все сигналы о серьезных происшествиях доводились милицией до сведения «соседей».

— Перестрелка? Со взрывом гранаты? — Услышав это, майор Нижегородцев не задумывался ни на минуту. — Павел, мы выезжаем! — приказал он Бурику.

Командир мобильной группы кивнул и продублировал приказ бойцам своего подразделения.

Пятеро крепких парней в полном боевом снаряжении быстро вскочили в зеленый «рафик», замаскированный под военную «Скорую помощь». Вампир присоединился к ним. В своем гражданском костюме среди касок, бронежилетов и автоматов он казался посторонним.

«Рафик» рванул по центральной улице к мосту, ведущему на левый берег Дона, а затем на Южное шоссе. Улицы были пустынные: ни машин, ни прохожих. Только автомобили передвижных патрулей различных ведомств мигали проблесковыми маячками на магистральных перекрестках.

Микроавтобус силового подразделения промчался мимо темного, потерявшего листву парка с желтыми огнями редких фонарей, мимо известного в городе ночного бара, возле которого стояла кучка навеселившейся молодежи, не подозревавшей об общегородской тревоге, сулящей осложнения их беззаботной ночной жизни. Потом микроавтобус резко выполнил правый поворот, промчался мимо старых домов с облупившимися фасадами, выскочил на широкий, мост и вскоре нырнул в шелестящую ночь Левобережья. Водитель прибавил газу.

«Рафик» подбрасывало на дорожных выбоинах, бойцы подскакивали на сиденьях, прикрывая ладонями автоматные стволы, чтобы не выбить друг другу глаза. Через двадцать минут бешеной гонки микроавтобус промчался мимо фешенебельной базы отдыха «Фрегат», а еще через семь минут ворвался на территорию ресторано-гостиничного комплекса «Каравелла».

Взвизгнув тормозами, он остановился в центре прямоугольного двора, сила инерции развернула его немного вбок, показав, что тормоза с одной стороны хватают сильнее, чем с другой. На асфальт выпрыгнули пять утянутых в камуфляж кряжистых фигур. Черные зрачки автоматных стволов развернулись в направлении гостиничного домика.

— Лежать! — скомандовал Бурик зычным рокочущим голосом. — Мордой в землю! Бросить оружие!

Это была обычная для подобных ситуаций команда. Но сейчас она, казалось, не имела смысла: две распостертые на асфальте фигуры не подавали признаков жизни.

Бурик подошел ближе, ногой отбросил в сторону валяющийся на земле пистолет, потрогал пульс у Шашкова, потом у Чибиса. И в том и в другом случае результат был отрицательным.

— Готовы! — сказал он. — Оба готовы!

В посеченном осколками домике обозначилось какое-то движение, и Бурик, вновь вскинув

автомат, заорал:

— Всем лежать, бросить оружие!

— Свои! — раздался ответный крик из домика. — Майор госбезопасности Фокин!

Нижегородцев узнал фамилию и тут же среагировал:

— Опустить оружие, я их знаю! Фокин вышел наружу.

— Мой товарищ контужен. Ему нужна помощь.

— Кто это? — Вампир показал на убитых.

— Не знаю. Они напали неожиданно.

— А откуда они взялись?

— Тоже не знаю. Наверное, находились где-то поблизости. Мотора машины слышно не было.

После короткого осмотра места происшествия Вампир связался с дежурным по Управлению:

— Нахожусь в «Каравелле». Двое убитых, один контужен. Пришлите подкрепление, надо прочесать окружающую местность. Возможно, сообщники нападавших прячутся где-то здесь.

Опасения Гепарда начинали сбываться.

* * *

Общегородская тревога — дело серьезное и достаточно редкое. Это не то же самое, что плановые рейды или спецмероприятия, которые в последние годы проводятся больше для галочки, для формального показателя, как, впрочем, и все остальное во всех сферах — будь это политика, экономика, народное образование или культура. Только в милиции вместо галочек используются «палки». «Рубить палки» — значит давать показатели. Совершенно очередное дерзкое убийство или наглый бандитский налет — тут же объявляется план «Перехват». Вроде как в давней советской газетной рубрике: «Меры приняты — недостатки устранены!» В подавляющем большинстве случаев «перехваты» ничего не дают, но видимость деятельности создают и позволяют милицейским начальникам успешно отчитываться о своей работе.

Тревога — дело другое. В ней задействованы различные правоохранительные органы, работающие в едином режиме, как один целостный организм. Причем невзирая ни на погоду, ни на время суток, ни на личные дела. Усиленные пикеты на дорогах, проверки документов, повышение бдительности на постах ГИБДД, подворные обходы участков уполномоченных. И оперативники трудятся не покладая рук: трясут проверенных информаторов, устраивают облавы в злачных местах, тщательно проверяют всех неблагонадежных лиц: ранее судимых, состоящих на учете, алкоголиков и наркоманов. Милицейские наряды усилены солдатами внутренних войск, а армейские патрули придаются оперативникам ФСБ.

В то время как личный состав под дождем и снегопадом роет землю на обслуживаемой территории, высокопоставленные начальники тоже бдят в своих просторных кабинетах, периодически перезваниваясь и связываясь с Москвой.

Работа такого рода не всегда бросается в глаза рядовому обывателю, а если и бросается, то не всегда правильно оценивается. Ведь никто из устало бредущих домой прохожих не станет

обращать внимание на то, что участковому Иванову сегодня не спится и он ходит по участку, беседует с жильцами домов, заглядывает в подвалы и на чердаки. А с ним два солдата, похожие на пожарных. Что они там ищут — кто знает!

Или изрядно подвыпивший алкаш, много раз отпускаемый с миром, а сегодня отправленный в вытрезвитель, ничего не подумает об общегородской тревоге, просто философски подумает, что такова судьба — раз на раз не приходится.

И Светка Ломовцева, получившая когда-то в молодости кличку Гвоздика за свою круглую розовую попку, а ныне дородная женщина, содержащая один из самых известных в городе массажных салонов, не станет орать на всю округу, что сегодня из-за долбаной тревоги ее заведение полночи шерстили люди в серых костюмах. Для нее это слишком сложно. Существует другое, более понятное и привычное объяснение: кто-то что-то стукнул или просто менты хотят на лапу, вот и ищут, к чему придраться. Другого объяснения Светке и не нужно.

И уж тем более никто, кроме самих участников операции, не знал, зачем в бильярдных городах усердно трясут завсегдаев, пытаясь узнать, где сейчас находится Арсен Гуссейнов и с кем его видели в последние дни. Мало ли зачем его искали менты? Обул кого-то на бабки, вот и перекрылся от всех.

С общегородской тревогой никто происходящие события не связывал. И только жена сержанта патрульно-постовой службы Абрамова в сердцах кричала, что все эти долбаные тревоги и внеурочные дежурства ее уже задолбали вконец и даже сидят у нее в печенке.

Нижегородцев знал, как все это происходит, ибо он не раз принимал участие в общегородских тревогах. Но на его памяти строгость мероприятий постоянно падала. Если раньше, когда город был полностью блокирован, из него действительно было невозможно выбраться, то теперь он не был уверен, что таких лазеек не существует.

Разгильдяйство, необязательность и мздоимство приобрели такие размеры, что даже при особом режиме несения службы способны были проделать брешь в самом строгом заслоне. Вампир даже не был уверен, что вызванное им подкрепление прибудет на левый берег достаточно быстро, чтобы прочесывание оказалось эффективным.

Но он ошибся. Несмотря на всеобщий бардак, во время общегородской тревоги чрезвычайным происшествиям придается особое внимание. А перестрелка с убитыми и ранеными даже в наше беспокойное время все еще считается чрезвычайным происшествием. Всего через полчаса к Южному мосту неслись по ночному городу три милицейские «Волги» и два армейских «уаза». Синими всполохами вспыхивали проблесковые маячки, коротко взрывывали сирены. Выскочив на левый берег, колонна набрала скорость. Синие вспышки отражались на шелестящих стенах черных лесополос.

А на песчаном берегу базы «Фрегат» поспешно зажигали костры. Чтобы упростить процедуру, Заурбек вынес из домиков несколько матрацев, облил бензином и поджег. Потом побросал в пламя скатерти, ящики из столов и даже стулья.

Гуссейнову это не нравилось.

— Зачем ты это делаешь? Трудно хворосту собрать? Под навесом шашлычной и дрова есть!

Рохланов презрительно усмехнулся:

— А тебе жалко, что ли? Это что, твое?

— Да при чем: мое, не мое. Я Александра Петровича просил, чтобы он нас сюда пустил. Вроде как под мою ответственность. Неудобно!

— Не бойся, ты его больше никогда не увидишь! — сплюнул Заурбек.

Гуссейнов махнул рукой и отошел в сторону. Издалека послышались короткие крики сирен. Одновременно раздался шум вертолетных двигателей. В небе показалась округлая тень с мигающими лампочками сигнальных огней. Она описала полукруг и стала снижаться. Вертолет заходил на посадку.

От гостиницы «Каравелла» были видны сполохи зажженных на базе «Фрегат» костров. Когда машины подкрепления прибыли, майор Нижегородцев распределил направление прочесывания для каждой, а сам возглавил группу из двух машин и отправился в сторону непонятных огней.

ЧАСТЬ III

ЗАВЕРШАЮЩАЯ ФАЗА

Глава 1

ЭКСФИЛЬТРАЦИЯ

Тиходонск,

6 октября 2004 года,

04 часа 11 минут.

— Что это за рыбалка такая, на которой ноги ломают, да так, что надо вертолет посылать? — неодобрительно сказал командир.

За рычагами управления вертолета сидел Семен Анисимов, сам страстный поклонник рыбалки. Но не такой, к последствиям которой летел. Он не любил шумных компаний со спиртным и сопутствующим разгулом. Для Семена рыбалка являлась индивидуальным делом, таинством. В свободное от службы время он с удовольствием сиживал с удочкой в руке на берегу Дона или какого-нибудь озера. Для Анисимова это была психологическая разрядка. Улов и тот не имел такого значения, как сам процесс: тишина, благолепие, редкие всплески воды, плавающий на речной ряби поплавок — все это вызывало состояние отдохновения и умиротворения.

— Рыбалки всякие бывают, — философски ответил борттехник Ермаков. — Чем выше начальство, тем больше у них безобразий.

— Но костры они правильно разложили, — отметил штурман Веселов. — А это что там такое?

Внизу, в темноте, брызгали искрами два огненных пятна, а в стороне, на трассе, мигала синими маячками колонна машин.

— Кто их знает! — отозвался Анисимов. — Там какая-то заваруха у гражданских. Я в штабе краем уха слышал, но толком не вникал. Давай не отвлекайся, я сажусь.

Вертолет описал полукруг над кострами, завис недалеко от блестящего среза воды и опустился на гладкий песчаный берег. Анисимов выключил двигатель. Наступила тишина. Лопастей еще не успели остановиться, как к машине подбежали люди. Эти четверо не были похожи на рыбаков. Крепко сбитые фигуры облачены в черные куртки и черные брюки, на головах — черные обтягивающие шапочки. Ни удочек, ни сетей, ни мешков с уловом. У одного большая хозяйственная сумка, у другого за плечами явно тяжелый рюкзак. И никого со сломанной ногой!

— Смотри, Гена, мы, видно, не туда сели! — озадаченно сказал пилот. — Это не те люди!

— Сорок пятая линия, два костра, все точно! — уверенно сказал штурман. — Так что сели куда следует. А за людей я не отвечаю.

— Странно. — Командир пожал плечами и приказал борттехнику: — Виталик, открой дверь, спроси, кто они такие.

Тот прошел в глубину вертолета, раздался лязг отдраиваемой двери, послышался разговор.

— Мы друзья Алексея Борисовича, — донеслось до пилотской кабины.

Анисимов развел руками. Генеральских друзей не обсуждают.

Погрузка прошла быстро, дверь захлопнулась. Борттехник вернулся в кабину. С ним пришел худощавый человек славянской внешности, который вежливо поздоровался.

— Спасибо, что быстро прибыли, — улыбнулся он.

— А где же раненый? — не удержался командир.

— Какой раненый? — насторожился незнакомец.

— Ну этот, ваш товарищ, который ногу сломал.

— А-а-а. Так его «Скорая помощь» увезла.

— А рыба где? Алексей Борисович что-то насчет рыбы говорил.

— И рыбу мы ему уже отправили. Не волнуйтесь. Пилот в очередной раз развел руками. В конце концов, это не его дело. Генеральские друзья сами разберутся с Алексеем Борисовичем.

— Так куда летим? В Красногорск? Незнакомец кивнул.

— В Красногорск. Если не поступит других команд.

— Тогда по местам!

Анисимов включил двигатель. Завертелся винт, поток воздуха от лопастей взметнул песчаное облако, нарастающая подъемная сила оторвала тяжелое тело вертолета от земли и понесла его вверх.

Когда две патрульные машины заехали на территорию базы «Фрегат», милиционеры нашли только следы пребывания большого количества людей. Майор Нижегородцев задумчиво посмотрел на догорающие матрасы, тщательно обследовал окружающую местность в поисках каких-либо следов, но все следы были засыпаны песком. Подчиняясь интуитивной догадке, он

поднял голову и долго смотрел в черное, покрытое облаками небо. Но видел только бегущие в прорехах облаков звезды.

* * *

К этому времени вертолет находился уже на высоте тысячи семисот метров.

— Гена, давай маршрут на Красногорск, — распорядился командир.

— Нет, планы меняются! — раздался густой бас сзади. — Мы летим в Москву!

— Как в Москву?! Мы такого приказа не получали!

Анисимов обернулся назад. Друзья начальников склонны к сумасбродным поступкам, особенно под влиянием алкоголя. И хотя пассажиры не были похожи на пьяных, он приготовился к долгим и томительным препирательствам. Но, увидев пистолет в руке коренастого человека, понял, что дебатов не будет. Черный смертоносный глазок уставился в лицо Анисимову, дохнув на него ледяным дуновением смерти.

— Только что вы его получили! Ну-ка, летуны, быстро стволы на пол! — приказал Заурбек Рохланов.

— Что? Какие стволы? У нас нет оружия!

— Тем лучше, меньше проблем. — Свободной рукой Рохланов пробежал все-таки по фигурам вертолетчиков. Оружия у них действительно не оказалось. — Теперь давайте курс на Москву! И имейте в виду: наш старший понимает во всех этих делах. Потом он проверит!

— Да подождите, какая Москва, у нас топлива не хватит! — попытался урезонить вооруженного человека Анисимов.

— Никого не колышет! — отрезал тот. — Или мы приземлимся в Москве, или нигде!

— Это точно, — подтвердил Гуссейнов, оттеснив своего земляка и направив на пилота короткий автомат.

— Жить хотите — долетите!

Макс выглянул в иллюминатор. Под днищем набирающего высоту вертолета раскинулся Дон. Огромный, величественный и грациозно-спокойный. Сейчас в темной воде не бликовал лунный свет и не отражались звезды. Пасмурная погода была тому виной. Похоже, надвигалась гроза. Огни Тиходонска растворялись далеко внизу, скрывались за постепенно густеющей пеленой облаков. Тиходонск в очередной раз оставался в прошлом. Впереди Макса ожидала смертельная схватка с ядерными террористами. Схватка, в которую он оказался втянут вопреки своей воле. У него никто не спрашивал согласия, но как-то само собой он оказался первым на линии огня.

— Как настроение, товарищ? — с легким сарказмом спросил Гепард. Он держал на коленях тяжелый раздутый рюкзак. Настроение у террориста было отличным.

— Нормальное, — односложно ответил Макс. Никакого определенного плана у него не было. Однако он чувствовал, что замутненное в последнее время сознание проясняется. Не было уже ни головной боли, ни приступов тошноты, ни навязчивого звона в ушах. Макс становился

прежним. Не придурковатым, забитым Лапиным, не избалованным сытой британской жизнью Томпсоном, а тренированным Кардановым. Жестким и неудержимым хищником, рефлекс которого, усиленные специальной подготовкой, вполне соответствовали закону джунглей: выживает сильнейший. Тот, кто окажется ловчее, проворнее, профессиональнее. Впрочем, у Карданова не было иллюзий и насчет своих противников. В частности, самого Вахита. Гепард проходил в свое время ту же самую подготовку и считался не меньшим профессионалом. Кому как не Карданову знать этот факт.

— Теперь мы в безопасности. Я не верил, что мы сумеем уйти.

— А я и сейчас не верю, — сказал Гепард. В вертолете было шумно, и им приходилось кричать. — Я никогда ни во что не верю. Тогда не приходится разочаровываться.

Что-то в его голосе показалось Максиму неестественным. И вид Гепарда вызывал странные чувства: окаменевшее лицо, лихорадочно блестящие глаза. Может, он сошел с ума? Если всю жизнь заниматься тем, чем занимался Вахит Бекмурзаев, то это вполне ожидаемый финал.

Карданов покосился на Бекмурзаева. Нет, вряд ли. Поведение вполне адекватно, просто у него наблюдается нервный подъем. Вахит верил в себя и свои силы. Он верил в своих людей. И главное — он верил в разрушительную силу портативного ядерного фугаса!

Вертолет набрал нужную высоту, лег на заданный курс, Гуссейнов вернулся в пассажирский отсек.

— Бунт подавлен, — сообщил он и улыбнулся. — Вперед, на Москву!

* * *

— Ты спровоцировал эту войну! Ты! — Приподняв трубку зазвонившего телефона, Каймаченко бросил ее обратно и вновь сфокусировал яростный взор на Лютове.

Бесконечные звонки то от одного человека, то от другого уже не в первый раз прерывали ход их беседы, но Владислав не терял нить разговора и каждый раз возвращался к нему так, будто никакой вынужденной паузы и не было. Это, в свою очередь, нервировало Лютова, но открыто своего недовольства шефу он не высказывал.

— Никак не можешь уgomониться, Миша? Знаешь, в чем твоя проблема? Ты гребешь под себя. Хотя и чужими руками!

— Почему?!

— Я тебе уже объяснял. Стаховский твой — он говно. И он нас нисколько не интересует. Плюнуть и растереть. — Каймаченко поднялся из-за стола, обошел его и направился было в сторону двери, но в этот момент вновь зазвонил телефон. Он чертыхнулся и повернул обратно.

— Деловых оснований воевать с ним нет. А в тебе говорят личные амбиции...

Каймаченко снял трубку.

— Да! Да, всех по тревоге. Усилить меры безопасности. Он тоже пусть некоторое время не живет дома... — Он раздраженно бросил трубку. — Послушай, Владислав, они первыми начали войну! И ты дал санкцию на его ликвидацию.

— Так надо было ликвидировать! А ты что сделал? — огрызнулся начальник СБ.

— Я подобрал человека, проинструктировал его, снабдил оружием, направил в нужный адрес. А он бесследно исчез. Классный снайпер, между прочим! Значит, Стаховский его захватил и расколол! А на другой день какие-то отморозки хотели совершить налет на загородную базу. Хорошо, что действовали топорно, вот и перекололи их, как свиней! Так что нам делать? Сложить руки и ждать?

— Оправдываться каждый умеет! Навострились! Обо-срутся, а потом объясняют, что как раз это и правильно! Зачем ты убитых Стаховскому подкидывал? Сук под собой рубишь?

— Да чтобы напугать, из колеи выбить!

— Нет, это ты ему за себя мстишь! Харю вон тебе разукрасили, пальчик сломали... Как же так? Такому крутому парню... Нельзя оставлять это безнаказанным. А то все вокруг станут говорить, что Лютов не крутой... Что он, дескать, спустил обидчику... Вот ты и прешь вперед!

— Влад, они совершили налет на нашу базу. А это уже не пустяки. Мы должны дать обратку...

— Пряма-таки должны? — усмехнулся Каймаченко.

— От того, что я разберусь со Стаховским, хуже никому не станет, — заносчиво вскинулся Лютов. — Что тебя удерживает, Влад? Я не понимаю... Ясно, конечно, у тебя дел по горло сейчас. Но мне от тебя ничего и не нужно. Просто дай мне «добро». Карт-бланш...

— Карт-бланш? — Каймаченко задумчиво поскреб пальцами свой чисто выбритый подбородок. Опустился в кресло и устало сомкнул веки. Размышления его были недолгими. Чувствовалось, что Владислав за эти последние дни действительно изрядно утомился. — Хорошо. Действуй, Миша. Только я тебя умоляю — без всякой помпезности. Не надо никаких взрывов, массовых разборок, лишних жертв. Договорились?

— Договорились, Влад.

Довольно ослабившись, Лютов вскочил на ноги и с каким-то нечеловеческим злорадством скрипнул зубами. Когда он, окрыленный одобрением шефа, стремительно покидал кабинет Каймаченко, на столе последнего вновь зазвонил телефон. На этот раз Каймаченко выдал ругательство в полный голос.

Лютов спустился вниз по лестнице и вышел на улицу. У порога его поджидала машина. «Опель» нежно-зеленого цвета. Лютов забрался в салон и разместился на переднем сиденье, рядом с водителем. Позади него находился еще один человек. Парень с большой головой и выступающими вперед скулами.

— Поехали, — распорядился Лютов.

Водитель послушно тронул «Опель» с места. Видимо, он уже знал, куда необходимо направиться, потому как никаких дополнительных инструкций со стороны пассажиров не затребовал. Иномарка выскочила на четырехполосную трассу и покатила в направлении площади Дзержинского.

Лютов достал из кармана мобильник и быстро набрал чей-то номер.

— Ну, что там?

— Он в агентстве. С ним двое, и трое в машине сопровождения, — ответил далекий собеседник. — Показ уже близится к завершению.

— Он сейчас двинется к «Эльдорадо». Время обеда, а этот сукин сын любит там обедать. Действуем по плану «А». Все как договаривались. И держите со мной связь. Особенно если возникнут какие-то непредвиденные изменения.

Лютов убрал телефон в карман и повернул голову к водителю.

— Сворачивай сейчас на Оружейную и встань в метре от перекрестка. Будем ждать.

Давно уже им не владел такой охотничий азарт. Он был уверен, что продумал комбинацию до мелочей и на этот раз, когда он принимает личное участие в операции, Стаховский не уйдет от возмездия. Эта сволочь за все ему ответит. Сполна. И только тогда Лютов сможет почувствовать себя удовлетворенным. Реабилитированным как в глазах подчиненных, так и в своих собственных.

Водитель салатного «Опеля» выполнил инструкции старшего как полагается. Свернув на Оружейную, иномарка остановилась. Согласно распоряжениям Михаила, двигатель глушить не стали. Боец с большой бесформенной головой сунул под полу куртки пистолет-пулемет «кедр» и распахнул заднюю дверцу. Лютов взглянул на часы. Тут же, будто отвечая его ожиданиям, ожил мобильник.

— Он вышел. Садится в машину. Лютов зловеще улыбнулся.

— Давай, — сказал он большеголовому.

Тот пересек проезжую часть, пешком продвинулся на три метра вперед и скрылся в ближайшей арке.

— Едет к вам, — доложил информатор по телефону.

— Отлично. Как я и полагал. Держитесь у него на хвосте. Открыто. Пусть понервничает, сука.

Водитель «Опеля» лениво похлопывал раскрытыми ладонями по рулевому колесу. Лютов обернулся назад.

— Разворачивай тачку, — приказал он.

«Опель» сначала сдал чуть назад, затем переключился на первую передачу и покатился в заданном направлении. Водитель вывернул руль, и автомобиль встал поперек дороги. Проулок был настолько узким, что любому другому транспорту обогнуть «Опель» и беспрепятственно выехать на Оружейную было невозможно.

«Мерседес» Стаховского Лютов узнал сразу, как только он появился из-за поворота. Ненавистный враг приближался. За ним шел большой черный джип с охраной. Любят они понты, сволочи!

Следом за кортежем Стаховского показался и «БМВ» со второй группой бойцов «Консорциума». Заметив впереди «Опель», водитель «мерса» зло просигналил и затормозил. Из джипа выскочили двое крепких парней в черных куртках и брюках, они обогнули «мерс» и бросились к «Опелю».

Из арки стремительно вышел большеголовый, держа перед собой «кипарис» с глушителем. «Мерседес» был всего в каком-то метре от него, это главная цель. Пш-пш-пш-пш! Прошипели заглушённые очереди. На стекле безлиственными цветами расцвели круглые дырочки, окруженные трещинами. Водитель Стаховского с простреленным черепом ткнулся лицом вперед, забрызгав кровью часть лобового стекла.

Пш-пш-пш-пш! Еще приглушенная очередь — и расположившийся на переднем сиденье «мерса» мордастый парень с большими острыми ушами выронил мгновенно выхваченный пистолет и сполз под панель, в предсмертной агонии лязгнув зубами.

Парни в черном остановились, будто наткнувшись на стену, и нервно полезли под одежду. Из «БМВ» выскочили трое человек, которые внешним видом мало чем отличались от выскочивших из джипа. Только те достали пистолеты, а эти — автоматы. Короткие злые очереди вмиг разрезали охранников Стаховского. Потом автоматы переключились на джип и изрешетили его.

Большеголовый не отвлекался от главной цели. Происходящее в стороне его не касалось. Он распахнул заднюю дверцу. Стаховский вжался в спинку кожаного сиденья. «Кипарис» нацелился ему в грудь. У Андрея Андреевича безвольно отвалилась челюсть. Но большеголовый, похоже, не собирался стрелять в него. Он просто держал Стаховского под прицелом.

Лютов неторопливо выбрался из салона «Опеля». Руки его были небрежно заложены в боковые карманы кожаной куртки. Шел он нарочито вяло, вразвалочку. Стаховский напряженно наблюдал за его приближением, зная, что это надвигается судьба. Если бы он знал, что этот момент наступит, то не стал бы делать в «Кабинете» то, что делал.

— Узнаешь? — Лютов остановился рядом с «Мерседесом», нагнувшись, заглянул внутрь. Стаховский пожалел, что не носит оружия. Хотя чуткий «кипарис» не позволил бы им воспользоваться.

— Узнаю, — слабым голосом произнес Стаховский.

— А вот это ты узнаешь, тварь? — Лютов протянул руку, на которой болтался брелок из трех маленьких белых косточек. — Ты неплохо повеселился. Но теперь моя очередь!

Свободной рукой он извлек «ПМ» и прицелился. Но внезапно передумал и опустил оружие.

— Ты ведь меня пираньями жрал? И я об тебя не буду рук марать!

Лютов кивнул большеголовому, и очередь «кипариса» прошла Стаховского от левого плеча к правому бедру.

— Вот это и есть справедливость! — неизвестно кому сказал Лютов и вернулся к «Опелю».

Через минуту в переулке остались только изрешеченные машины и убитые люди. Они бы не посчитали все происшедшее справедливым.

Впрочем, каждый понимает справедливость по-своему.

* * *

Поезд Тиходонск—Москва двигался со скоростью гораздо меньшей, чем вертолетная. Зато в

комфортабельных вагонах было тихо и спокойно. Клевец и Фокин сидели в купе спального вагона, расслабленно потягивая светлое пиво и глядя на проносящиеся мимо унылые степные пейзажи. Бушевала гроза, широкие полосы воды сбегали вниз по запотевшему изнутри стеклу. Периодические вспышки молнии и раскаты грома свидетельствовали о том, что природа беснуется не на шутку.

Фокин распечатал очередную бутылку пива и протянул ее Клевцу. Вторую приготовил для себя. Сделал внушительный глоток прямо из горлышка.

— Как самочувствие? — поинтересовался он у напарника.

— Как оглушенная рыба. Часа два ничего не слышал. И всю ночь башка раскалывалась, пока снотворное не вкололи! А когда в меня попала граната, а потом она рванула, я думал — это конец!

Фокин, оставив в сторону наполовину выпитую бутылку пива, неторопливо очистил крупный аппетитный апельсин. Запах кожуры заполнил салон. Стук колес по стальным рельсам убаюкивал. Только сейчас отставной майор почувствовал, как он здорово измотался за последние сутки. Сергей минувшей ночью отдыхал не больше часа. Сейчас глаза его смыкались.

— Будем надеяться, что наш конец еще очень далеко! — Он подавил зевок и отправил в рот добрую половину очищенного апельсина. Оставшуюся часть положил на стол перед Клевцом.

Тот вяло качнул головой.

— Я их вообще не ем.

— Зря, это витамины. И вкусно. Фокин сам съел апельсин.

— Прозвони Стаховскому, узнай, как обстановка, все ли там в порядке, — с полным ртом сказал он.

Клевец достал мобильник, набрал номер. Радиоволны, обгоняя поезд, понеслись к ближайшей сотовой станции, а от нее помчались к адресату и через несколько секунд достигли самого модного на сегодняшний день аппарата — экстраплоской «Моторолы В 3». Стаховский любил понты. Но сейчас изящный телефончик лежал не у него в кармане, потому что сам Стаховский совершенно голый находился на каменном столе морга. «Моторола» лежала на столе в одном из кабинетов МУРа.

Клевец слушал длинные гудки. Потом послышался грубый мужской голос:

— Алло!

Голос был незнакомым.

— Мне нужен Андрей Андреевич.

— Кто спрашивает? — По интонациям Клевец понял, что со Стаховским дело далеко не в порядке.

— Частный детектив Клевец. Я выполнял его задание. Голос смягчился.

— Петр Сергеевич? Это Влад Семенов!

Клевец чуть заметно улыбнулся. Семенов работал под его началом в отделе по раскрытию убийств. Земля круглая.

— Что с моим заказчиком? Судя по тому, что его телефон у тебя...

— Да. Его убили. И с ним шестеро охранников. Заваруха была серьезной. И кстати... — Семенов помолчал. Сквозь стук колес чуткая связь доносила его дыхание. — У них сейчас война. А знаете, как на войне: кто работает на врага — тот тоже враг! Поэтому вам лучше поберечься.

Клевец вздохнул.

— Я понял, Влад. Спасибо.

— Если нужна помощь, обращайтесь. Я ведь помню, как вы меня учили сыску. Я ваш должник.

— Спасибо, Влад.

Клевец отключился. Земля действительно круглая.

Фокин перестал жевать и напряженно смотрел на напарника.

— Ну, что там?

— Стаховский убит. И нам рекомендовано поберечься. Нас могут шлепнуть за компанию.

Напарники долго смотрели друг на друга и молчали. Они были опытными людьми и понимали, какую опасность представляет сложившаяся ситуация. Единственное, что утешало, так это то, что они привыкли выходить из опасных ситуаций.

— Пойдем перекурим? А потом я покемарю чуток. Если ты не против.

— Нет, конечно. Думаю, и я могу поспать. Вряд ли кто-то на нас собирается нападать. В данный момент мы никому не нужны. А вот что будет в Москве — не знаю. Там надо держать ухо востро.

Стуча колесами на стыках рельсов, состав набирал скорость.

Глава 2

УЛЬТИМАТУМ

Москва,

7 октября 2004 года,

7 часов 12 минут.

Погода в Подмоскowie мало чем отличалась от тиходонской. Проливной дождь, правда, не набрал еще такой силы, как в южной столице, но периодически проливался на грешную землю. Такие времена: сейчас грешили все, причем никто в этом не признавался и не каялся. Никто не нес кары за свои грехи, и разница между демонами и ангелами практически стерлась.

Небо было мрачным и серым. Осень прочно вошла в свои права, и мало кто из жителей

окружающих мегаполис городков и поселков надеялся на теплые денечки «бабьего лета». Военный транспортный вертолет вывалился из низких облаков недалеко от села Знаменское, провалился почти до размытого дождями поля и, на последних литрах горючего, совершил посадку — среднюю между плановой и аварийной. Мотор заглох, когда до поверхности земли оставалось около семи метров, но лопасти еще вращались и на авторотации удержали вес машины. Удар все равно получился сильным, и колеса шасси глубоко увязли в мокром грунте. Пассажиры тоже перенесли сильное сотрясение и были этим крайне недовольны.

— Это они нарочно! — выругался Заурбек. — В расход гадов!

Гепард задумался.

— Зачем? — спросил Карданов. — Чем они нам мешают? Свяжем и оставим в вертолете. Когда их найдут, пусть подтвердят, что мы добрались куда хотели! Это только подтвердит серьезность наших намерений!

Гепард кивнул.

— Пусть так и будет!

Вертолетчиков связали и заперли в кабине обездвиженной машины, четверка пассажиров переделалась в более цивильную одежду, рюкзак Гепард переложил в огромную пластиковую сумку, с которыми «челноки» путешествуют в Турцию и Италию. Затем, увязая в раскисшей земле, они добрались до села и за четыреста долларов наняли двух местных автовладельцев довести их до столицы. Для подмосковной глубинки это были фантастические деньги, и уговаривать никого не пришлось.

Карданов в очередной раз подивился предусмотрительности Бекмурзаева: сумку тот положил в багажник, сам сел рядом с рыжим и конопатым водителем, Макса посадил сзади. Внешний вид шофера и пассажиров не вызывал никаких подозрений. Гуссейнов с Рохлановым ехали во второй машине, и на случай проверок приготовили стодолларовые купюры и малогабаритные автоматы «скорпион». Гепард всегда тщательно готовил свои операции.

Выцветший убитый «Москвич» и столь же непрезентабельная «копейка» беспрепятственно преодолели сто километров до Москвы. Моросил дождь; чтобы окна не запотевали, рыжий водитель включил печку на полную мощность, в салоне было довольно душно, и Макс распахнул куртку. Измятая на груди потная рубашка напомнила ему о том, что вот уже несколько суток он не имел возможности переодеться. В салоне царило напряженное молчание. Когда въехали в город, Вахит достал телефон, набрал номер.

— Здравствуй, Галочка! — преувеличенно радостно сказал он. — Разбудил? Извини, дорогая! Я вот с товарищами проездом в Москве. Хочу с тобой повеселиться, коньяка попить, фруктов покушать!

Невидимая собеседница что-то ответила, и Гепард улыбнулся еще шире.

— Да мы прямо с вокзала! Еслипустишь, вначале к тебе заедем, гостинцев привезем, а уже потом в гостиницу. Ну вот и отлично!

Он назвал адрес водителю, но тот плохо ориентировался в Москве и только со второго захода смог подъехать к знаменитому старому дому на набережной Москва-реки. Когда-то здесь жили министры и генералы, теперь жила элитная проститутка. Времена меняются.

Прямо напротив сквозь пелену мелкого дождя был виден Кремль. Губы Гепарда исказила зловещая улыбка. Сзади подъехала вторая машина, и подельники террориста вышли наружу.

Расплатившись, Вахит забрал из багажника полосатую сумку и дождался, пока затрапезные машины уехали.

— Зайди в магазин, купи коньяк-маньяк, шампанское, ну и все остальное, — приказал он Рохланову. — А ты, Арсен, проходи в арку, а потом сразу направо, второй подъезд. Четвертый этаж, шестьдесят первая квартира. Поднимешься, проверишь, нет ли там засады, — сухо сказал Бекмурзаев. — Мы ждем десять минут и идем следом.

— Слушай, а мне зачем туда идти? — спросил Макс. — Я помог тебе, чем мог. Хорошо бы рассчитаться, да я пойду по своим делам.

— Не сейчас. Чуть позже. — Гепард зашел в гулкий, пахнущий кошками подъезд. Впереди раздавались шаги Гуссейнова.

— А что от меня требуется еще? — Голос Карданова выразил искреннее непонимание.

— Ты еще ничего не сделал, братишка! — сурово отрезал Вахит. — И рассчитываться не за что! Когда выполнишь свою работу, тогда и рассчитаемся. Сполна!

Последняя фраза прозвучала довольно двусмысленно, и Гепард это понял. Он примирительно улыбнулся.

— Ты мне нужен как специалист по высшим сферам. Поможешь начать переговоры. Я обязательно скажу, что надо сделать. Но не сейчас, чуть позже.

Лифт не работал, и они стали подниматься по пологой лестнице с обшарпанными стенами. Террорист предусмотрительно пропустил безоружного Макса вперед.

— Я даже не знаю, что входит в твой план. У нас будут заложники? — последовал новый вопрос Карданова. Он понизил голос.

— Заложники? — Бекмурзаев провел рукой по своему острому подбородку, на котором успела прорасти заметная щетина. — Думаю, что особой необходимости в этом не будет. У нас вся Москва окажется в заложниках. Но, с другой стороны, не стоит сбрасывать со счетов ни один из вариантов. Ты согласен со мной?

— В принципе, да, — Макс кивнул.

— Но сейчас помолчи. Ты ведь знаешь — и у стен есть уши.

— Ты прав.

Карданов замолчал, демонстрируя полное безразличие. Рано или поздно Бекмурзаев все равно раскроет карты. Лишь бы не было слишком поздно.

Они остановились на площадке. Сквозь мутное стекло открывался вид на Кремль. За такой вид риелторы накидывают к стоимости квартиры не меньше двадцати тысяч долларов. А то и больше.

Наверху открылась дверь, послышался оживленный разговор, потом дверь захлопнулась. Они подождали несколько минут. Снова щелкнул замок.

— Эй, друзья, где вы там затерялись? — послышался добродушный голос Гуссейнова.

— Все в порядке, пошли! — скомандовал Гепард. Они быстро преодолели оставшиеся пролеты. Арсен оставил дверь открытой, и первым, осматриваясь, в квартиру зашел Карданов. Потом втиснулся Гепард со своей тяжелой сумкой.

Здесь царил душная, пропитанная духами атмосфера будуара куртизанки. Из комнаты навстречу гостям вышла девушка. Все, что успел заметить Карданов, так это то, что она была весьма недурна собой, с идеально пропорциональной фигурой и длинными шелковистыми волосами пепельно-русого оттенка. На хозяйке квартиры был надет только легкий шелковый халатик бирюзового цвета, прихваченный на талии тоненьким пояском.

— Здравствуй, Галочка! — приветливо сказал Гепард. Галочка расплылась в улыбке, обнажая ровные белые зубки.

— Заходите, дорогие гости! Я уже позвонила подруге, она скоро приедет.

— Что за подруга? — насторожился Гепард.

— Очень хорошая девушка, вам понравится!

«Гости» прошли на тесноватую кухню со специфическим запахом мусоропровода. Через несколько минут подошел Рохланов, миглом заставивший стол бутылками и закуской.

Галочка оживилась, достала бокалы, рюмки и тарелки.

— За встречу! — поднял Арсен первый тост. Он широко улыбался и максимально старался изобразить щедрого и веселого жителя Кавказа. Судя по реакции девушки, эта роль ему удавалась. Искрометные тосты, смешные анекдоты, веселые случаи из жизни сыпались из него, как из рога изобилия. Галина весело смеялась.

Через час в дверь позвонили.

— Кто это? — Гепард сунул руку в карман.

— Это подруга! Сейчас я открою!

Заурбек выглянул в глазок и кивнул головой, подтверждая, что это действительно пришла подруга. Дверь открылась, послышались легкие шаги.

— Галочка, ты так неожиданно позвонила! Сегодня у тебя ранние гости! Как интересно.

Макс узнал этот голос раньше, чем увидел его обладательницу. Он прекрасно помнил эти интонации, ибо когда-то они были неотъемлемой частью его личной жизни. Маша! Но как? Откуда? Что ей-то здесь понадобилось?!

Она появилась в дверном проеме, едва ли не нос к носу столкнувшись с Арсеном. Тот обозначил галантный поклон и поцеловал ей руку. Глаза Макса и Марии встретились, и теперь настал ее черед удивляться.

— Здравствуй, Макс! А ты что здесь делаешь?

— Да вот, приехал с друзьями.

— Садитесь с нами! — радушно пригласил новую гостью Гепард.

Через минуту Маша присоединилась к пирующим.

— Как здорово, что мы опять встретились! — говорила она, закусывая коньяк бутербродами с колбасой и апельсинами. — Вот уж не думала! Правду говорят, что мир тесен! Ведь правда?

Ее наивные глаза широко раскрылись. Макс знал, что это актерская игра.

— Конечно, чистая правда! — Гуссейнов вновь наполнил бокалы.

Маша беззаботно болтала, пила и закусывала, хотя на самом деле напряженно обдумывала сложившуюся ситуацию. Каймаченко остался недоволен результатами ее поездки.

— Ты ничего не установила! — яростно кричал он в телефонную трубку. — Что с того, что он в Тиходонске? Где он конкретно? Какой у него адрес? Ты должна была привезти его в Москву!

Хотя ничего такого в первоначальные договоренности не входило, вторую часть обещанного вознаграждения Каймаченко так и не заплатил. И сейчас девушка искала выход из сложившейся ситуации. Раз Макс в Москве и адрес его точно известен, то никаких оснований к задержке выплаты у Каймаченко нет.

Улучив момент, Маша вышла в туалет и набрала номер Каймаченко.

— Макс Карданов в Москве, записывайте адрес. Рохланов контролировал ситуацию и, прислонившись ухом к двери, прослушал разговор.

— Зачем ты привела сюда шпионку? — спросил он у вышедшей в коридор Галины и, не дожидаясь ответа, коротко, без замаха ударил девушку кулаком в лицо. Она откинулась на спину, растянувшись на полу в коридоре. Халатик при этом задрался вверх, обнажая гладкие упругие бедра. Она не потеряла сознания, но из разбитого носа хлынула кровь. Голубые глаза блондинки округлились от ужаса. Забившись в угол, она взирала на незваного гостя. Нижняя губа чуть подрагивала.

— Что вы себе позволяете?..

— Заглохни! — приказал Рохланов, наставляя на девушку дуло пистолета.

— Какого хрена? — Гуссейнов вышел на шум. — Зачем ты ее ударил? Убери пушку!

— Эта сучка позвонила ментам! Только что, из сортира! Дверь туалета открылась, испуганная Маша вышла в коридор и тоже получила тяжелую пощечину.

— Ты кому звонила, паскуда?!

— Никому. — Ее глаза наполнились слезами. — Так, приятелю. Он хотел увидеть Макса.

В коридор вышел Гепард. Он спокойно водрузил ладонь на плечо Заурбека.

— Убери ствол, — произнес он вполголоса. — Девки нам не опасны. Да и все остальные — тоже. Это мы самая большая опасность, мы будем диктовать свои условия.

Он поднял рыдающую Галину и посадил ее на стул. Из разбитого носа девушки сочилась кровь.

— Успокойся, сиди тихо, может, и останешься живой. Хотя вряд ли!

Девушки завывали в голос, Арсен и Заурбек стали успокаивать их с помощью звонких затрещин.

— Заприте их куда-нибудь! — приказал Гепард. — Арсен, давай телефон!

Вахит если и нервничал, то виду не показывал. Все его действия были расчетливы и профессиональны. Девушек заперли в кладовке.

— Не закрывайте меня здесь, я боюсь! — кричала Маша, но никто не обращал на нее внимания.

Гепард извлек из сумки «челнока» зеленый рюкзак, из рюкзака достал и поставил на табуретку массивный блестящий предмет, который больше всего напоминал пивной бочонок. Только этот предмет даже на вид был гораздо тяжелее пивного бочонка. К тому же на его поверхности виднелись очертания каких-то люков. Гепард открыл один, обнажая небольшую, но сложную панель с кнопками, лампочками и рычажками.

Карданов, Заурбек и Гуссейнов стояли полукругом, молча наблюдая за его движениями.

— Сейчас у меня все будет готово! — сказал он так тихо, будто докладывал самому себе.

Гепард открыл второй круглый лючок диаметром всего несколько сантиметров. Из пустого рюкзака он достал знакомый Карданову блестящий цилиндр и, вставив его в темное отверстие, нажал до щелчка. Тут же замигали поочередно красная, желтая и зеленая лампочки.

— Вот и все!

Главарь террористов сделал еще несколько переключений, и лампочки загорелись зеленым. Все четверо оцепенели. Будто высокое напряжение разлилось по комнате, поднимая волосы не только на голове, но и на всем теле. Послышался низкий, зловещий гул. Воздух стал вязким и душным. Даже свет померк на несколько секунд. Карданов встряхнулся и первым взял себя в руки. На самом деле никаких физических эффектов в комнате не наблюдалось — только психологические. Так реагирует человеческий организм на близость к чудовищной, не ограниченной ничем энергии, способной в любой миг вырваться наружу.

Дождь за окном прекратился, и Кремль был виден отчетливо и ясно. Максу стало понятно, что взрыв уничтожит главный культурно-политический центр страны, а с ним и половину Москвы!

Гепард наклонился вперед и сцепил пальцы в замок. Лицо его было серьезным и сосредоточенным.

— Итак, — медленно и глухо заговорил Бекмурзаев. — Мы начинаем операцию «Рука Аллаха». Сейчас мы доведем наш ультиматум до сведения руководства России. Условия просты: вывод войск из нашей республики, ее отделение и полная независимость. В случае отказа весь мир содрогнется от расправы с неверными!

— Мы так не договаривались! — возмутился Макс. — Я согласился помочь тебе за хорошие деньги, но вовсе не собирался умирать! У меня совсем другие планы!

— У нас у всех теперь один план. И одна судьба. Молись, чтобы твои начальники проявили благоразумие! — мрачно сказал Гепард. И продолжил: — Теперь настало время твоей работы.

Ты знаешь телефоны высших чиновников страны. Хотя чиновники уже другие, телефоны остались прежние. Соедини меня с теми, кто способен правильно ответить на наш ультиматум! Покопайся в памяти и вспомни нужные номера!

Максу не нужно было копаться в памяти. Несколько телефонов намертво впечатались в его сознание. Никто никогда не хранил подобные номера в записных книжках или на клочках бумаги. Или ты его знаешь на память, или нет. Третьего не дано. Карданов знал.

— Я помню такие телефоны. Когда-то они принадлежали общему отделу ЦК КПСС, а теперь наверняка — президентской Администрации.

Макс невольно отметил, что взгляд Рохланова изменился. В глазах появился страх. Одно дело хорохориться друг перед другом и убивать других, а совсем другое, когда приходится умирать самому. Ставки сделаны, и никто уже не в состоянии выйти из игры по собственной воле. Вот и бегают зрачки у вечно голодного Заурбека, и дрожит рука с пистолетом у Арсена Гуссейнова.

Твердость и решимость исходили только от самого Бекмурзаева. Он ощущал чудовищную мощь, находящуюся в его распоряжении, частица этой мощи передавалась ему, распирала его тело и многократно увеличивала физические и духовные силы. Он ощущал, что растет, пробивает головой этажи сталинской семиэтажки, проходит сквозь крышу и с высоты рассматривает лежащую у его ног беззащитную Москву.

Макс медленно продиктовал два номера, которые невозможно найти ни в одном телефонном справочнике. Гепард нажимал жалобно попискивающие клавиши.

Когда ему ответили, он коротко изложил суть ультиматума. И предупредил, что это не шутка.

— Свяжитесь с ФСБ, там знают, что у нас есть атомная бомба! — закончил он разговор. — Маленькая, но вам хватит!

Он отключился и передал трубку Гуссейнову.

— А ты звони всюду, куда сможешь. Землякам, правозащитникам, газетчикам. Пусть поднимется шум и вой! Чем больше он будет, тем лучше!

Арсен принялся за работу.

— Редакция? С вами говорит представитель группы возмездия «Рука Аллаха»! Мы только что объявили ультиматум правительству России. Если он не будет принят, мы взорвем атомную бомбу в самом центре Москвы. Нет, я не шучу. Скоро вы сможете в этом убедиться.

Заурбек курил, стоя у открытой форточки. Но вдруг поспешно выбросил окурок, отошел от окна и даже задернул легкую штору.

«Снайпера боится, сволочь!» — подумал Карданов. Но снайперы еще не прибыли, к тому же подходящей точки для открытия огня напротив окон не было. Разве что с вертолета.

Послышались какие-то звуки, Рохланов метнулся в коридор и притащил упирающихся девушек.

— Не слушаются, не хотят сидеть, где их оставили! — приговаривал он, и глаза его возбужденно блестели. — Ну, так даже лучше, позабавимся напоследок!

Он вопросительно посмотрел на главара.

Тот открыл стеклянную дверцу бара и перебирал бутылки с яркими этикетками. Рохланов расценил это как согласие на предстоящие «забавы».

— Ты! — Он рванул за руку Галину, но посмотрел на ее распухший нос и передумал. — Нет, ты! — Сильная рука с короткими пальцами вцепилась в ворот Машиного платья. — Ты должна ублажать воина, ибо это и есть задача женщины! Даже неверной!

Рывком он разодрал платье до пояса, голые груди выскочили на волю, парализованная страхом девушка даже не шевельнулась.

Макс шагнул вперед и с разворота ударил Заурбека в челюсть. Тот отпустил Машу, отшатнулся, но устоял на ногах.

— Ах так! Значит, ты против нас!

Он полез за пистолетом, но Макс ударил еще раз. На этот раз ноги Рохланова подломились, и он рухнул на колени, как оглушенный ударом электрошока бык в забойном цехе мясокомбината. Теперь следовало ударить его кувалдой в лоб и перерезать горло. Но Макс ограничился пинком ногой в грудь. Террорист завалился на бок.

Бекмурзаев никак не реагировал на происходящее, как будто был поглощен рассматриванием бутылок.

— А минеральной воды нет? — как ни в чем не бывало обернулся он к Галине. — Или сока?

— Кола и фанга в холодильнике, — все еще всхлипывая, ответила она.

— Принеси. И без глупостей.

Хозяйка не сразу поняла, что просьба относится именно к ней. Гуссейнову пришлось несильно ткнуть ее ладонью в затылок.

— Кто, я?!

Макс заметил, что она очень испугана и находится на грани истерики. С каждой минутой страх все больше и больше охватывал ее естество. Он был настолько материален, что его, казалось, можно было пощупать руками.

— Конечно, ты! Ты же хозяйка! — без улыбки сказал Гепард. И, повернувшись к полуголой Маше, приказал: — Приведи себя в порядок! Вас никто не тронет! Чеченские воины не оскверняют себя насилием над женщинами, стариками и детьми!

Карданов отвернулся. В последние годы «чеченские воины» один за другим преподносили прямо противоположные примеры поведения.

— Алик, почему ты не убил неверного?! — спросил Рохланов. Он приподнялся с пола и достал наконец свой «ТТ».

— Сейчас я убью тебя! — ровным голосом ответил Гепард. — Ты оскверняешь великую идею священного джихада!

Заурбек встал. Он с ненавистью смотрел на Карданова, но ничего больше не сказал и вновь

сунул пистолет за пояс. Потому что очень хорошо знал: Координатор не бросает слов на ветер.

* * *

По сравнению с Тиходонском Москва представляла собой самый настоящий муравейник или растревоженный пчелиный улей. Сотни тысяч людей спешили в различных направлениях, человеческие потоки сталкивались, перекручивались, завивались в водовороты, создавали толкотню и очереди. Машины забивали улицы, то и дело создавались пробки, такие же пробки, только из человеческих тел, создавались в час пик у входов в метро. Мимо дорогих ресторанов и магазинов с заоблачными ценами ходили за сто рублей в день люди-сандвичи с плакатами, рекламирующими сотовую связь, туристические поездки за рубеж и элитную недвижимость. Обилие автомобилей с синими маячками и правительственными номерами, узнаваемые лица политиков и артистов — всего этого в провинции не увидишь. Да и криминальная жизнь здесь куда разнообразнее — каждый день то взрыв, то «заказуха».

Для столичного обывателя такая жизнь казалась вполне нормальной и привычной, никто вообще не обращал внимания на повседневную суету. Кому придет в голову измерять скорость потока, если он сам несется в этом потоке? Как бросить взгляд со стороны, когда ты и сам частичка этого суматошного мира? Когда утром мчишься на работу, а вечером обратно домой, преодолевая расстояния, на которые житель Тиходонска обычно едет в отпуск. А о взрывах, если посчастливилось под них не попасть, узнаешь из новостей, как и любой другой житель России, и дистанцируешься от них точно так же.

Почувствовать разницу коренной москвич может только тогда, когда по воле судьбы возвращается в златоглавую из российской глубинки, ступая на перрон Курского или Казанского вокзала. Но чувство это постепенно притупляется, едва ты пересекаешь здание вокзала, выходишь к автомобильной стоянке и вновь растворяешься в этом миллионном мегаполисе. Вновь становишься его частью и начинаешь жить по его законам.

Подобные ощущения испытали Фокин с Клевцом, когда они вернулись из спокойного, живущего размеренной жизнью Тиходонска, который можно пересечь из конца в конец за тридцать минут, в огромную, шумную, гомонящую на разные лады Москву. Клевец, остановившись на выходе из здания вокзала, поставил дорожную сумку на тротуар и не смог удержаться от того, чтобы не высказаться об этом вслух:

— У меня впечатление, что я вернулся в сумасшедший дом. И я остро чувствую запах опасности!

Фокин только усмехнулся, привычно пристраивая во рту незажженную сигарету и перекатывая ее из одного уголка рта в другой.

— Тебя послушать, так мы в Тиходонск ездили грибы собирать. Или на экскурсии ходили. Забыл, как тебя гранатой шарахнуло?

— Да нет, не забыл, — Клевец машинально потер затылок. — Только там я выжил. А как здесь обернется — неизвестно.

— Известно, не в первый раз. Давай заедем в офис, сделаем нужные звонки, а потом заляжем на дно на недельку. Пусть все утрясется.

Они отправились к платной стоянке автомобилей, где перед отъездом в Тиходонск Клевец оставил свою старую «шестерку». Машина была на месте. Тщательный осмотр не выявил взрывных устройств и других подозрительных новшеств. Конечно, это была перестраховка, но

«менты и комитетчики» лучше других знали смысл поговорки «береженого бог бережет».

— Сядь за руль, а то у меня голова как деревянная, — попросил Клевец. Напарник кивнул.

Дождливая погода уже отступила, и улицы столицы освещало холодное осеннее солнышко. Тепла от него нисколько не прибавилось, но на душе становилось не так тягостно.

Когда они уже подъезжали, Фокин пропустил поворот и свернул только через квартал, оказавшись от здания детективного агентства «Гудвин» с противоположной стороны, причем на улице с односторонним движением. Никто не мог ждать их появления отсюда. Если кто-то их вообще ждал.

Не выходя из машины, Фокин обвел взором прилегающее пространство.

— Вот они! — с чувством выдал он, приспуская боковое стекло и швыряя сигарету на тротуар. — Я сразу почувствовал. Чутье меня еще не подводило!

— Где? — вяло спросил Клевец.

— Смотри.

Фокин указал пальцем. На противоположной стороне улицы, напротив детективного агентства стоял черный джип «Ниссан» с тонированными стеклами. Рассмотреть, кто находится в салоне, не удалось бы даже с помощью бинокля. Далеко, да и стекла зеркально отсвечивали. Но ни Фокин, ни Клевец не задавались вопросом, что это за машина. Они не верили в случайности и совпадения, а потому были уверены: это засада, причем расставленная на них.

— Срисуй-ка номерок. Хотя я и так могу догадаться, что это за кадры.

— «Консорциум», — озвученное Клевецом слово прозвучало скорее как утверждение, нежели вопрос.

— Они, больше некому. — Фокин включил передачу и тронулся с места. И тут же джип ожил и рванул следом. — Раскололи, гады! — процедил сквозь зубы Фокин. — Пристегнись!

Он вдавил в пол педаль газа. Старенькая «шестерка» с облупившейся на левом крыле краской резво набрала скорость. Джип шел следом, заметно приближаясь.

— Догонят, Серега, — без особых эмоций констатировал Клевец. — У них тачка раз в десять мощнее.

— Пусть догоняют. — Фокин резко выкрутил руль. Заскрипев резиной, «шестерка» свернула вправо, оказавшись на узкой улице, на которой разворачивалось большое строительство. С одной стороны тянулись обреченные на снос старые жилые дома, а с другой развернулась огромная строительная площадка. Судя по рекламным щитам, здесь собирались возвести небоскреб, стилизованный под сталинские высотки. Забор вокруг еще не был сплошным, и Фокин направил «шестерку» на стройку.

Пока был готов огромный по площади и глубокий, метров двадцати, котлован. На дне специальные механизмы забивали сваи, у дальнего края собирали башенный кран. Далеко внизу мелькали голубые огоньки электросварки. Тут и там лежали штабеля бетонных свай и плит. Фокин бросил короткий взгляд в зеркало заднего обзора. Преследователи еще не появились в поле зрения.

Он снова резко вывернул руль, затормозил и нырнул за очередной штабель стройконструкций. На полной скорости развернул машину так, что со свистом занесло задние колеса, Сергей вновь выровнял корпус автомобиля. Нос «шестерки» хищно смотрел на котлован.

— Пристегнись! — бросил он напарнику и щелкнул пряжкой ремня.

— Ты что задумал? — спросил Клевец, машинально повторяя действия напарника. У него был вид оглушенной рыбы.

Фокин не ответил. Он сидел с напряженным и сосредоточенным выражением лица, плотно сомкнув губы. Мотор нервно работал на холостом ходу. Сергей воткнул передачу. Напарника он даже не слышал. Слух отставного майора уловил нарастающий гул мощного двигателя. Джип ворвался на территорию стройки.

— Держись! — сквозь зубы процедил Фокин. Клевец вжался в спинку сиденья и уперся ногами в пол.

Фокин резко рванул с места. Клевцу показалось, что в ушах у него заложило от оглушительного свиста в колодках. Это был бросок к смерти. Но расчет Фокина оказался точным, как швейцарские часы. «Шестерка» выскочила из-за плит, как торпеда, и на полном ходу врезалась в лакированный бок несущегося мимо джипа. Удар и скрежет металла слились в единое целое. Фокина швырнуло вперед, и он неминуемо стукнулся бы лбом о лобовое стекло, если бы не туго натянутый ремень безопасности. К горлу Сергея подступил тошнотворный ком. Он надавил на педаль тормоза.

Тяжеленный «Ниссан» поддался резкому удару, вильнул, из распахнувшейся двери выпала человеческая фигурка. Джип, сверкая зеркальными стеклами и полированными бортами, полетел в строительный котлован, раза три перевернувшись в полете вокруг своей оси. Еще две фигурки вылетели наружу и продолжили полет самостоятельно, беспорядочно размахивая руками и ногами, но улететь никуда не смогли, потому что это была только видимость полета, а на самом деле — падение. «Ниссан» первым достиг дна и со звуком раздавленного спичечного коробка упал колесами вверх, глубоко увязнув в мокрой глинистой земле. Рядом воткнулись в глину два его пассажира. Бесшумно вспыхнуло пламя, джип перестал блестеть и через несколько минут взорвался.

— Жив? — Фокин повернул голову к напарнику. Клевец висел на ремне. Лицо его перекошилось от боли.

Он тяжело дышал, а по левому виску струились капельки пота.

— Что-то мне хреново, — ответил он. — Ты знаешь, что ты псих?

— Мне об этом говорили.

Фокин повернул ключ в замке зажигания. Стартер никак не отреагировал. Он предпринял еще одну попытку, но результат был прежним.

— Придется бросить. — Он с трудом выбил покореженную дверцу и распахнул ее наружу. — Пошли. Надо убираться отсюда. Заявим, что тачку угнали.

Клевец отстегнул ремень и тоже открыл свою дверцу. Это потребовало значительно меньших усилий: левая сторона деформировалась гораздо сильнее. Покачиваясь, как пьяный, Клевец ступил на землю.

— Возьми мой пистолет, что-то голова кружится.

— Да что с тобой? — Фокин взял нагретый телом напарника «ИЖ-71».

Клевец молча массировал виски.

— Ладно, отлежишься! — Фокин вынул из багажника их дорожные сумки, перебрал свою через плечо, а вторую кинул к ногам Клевца. Он лишь внешне сохранял невозмутимость. Внутри бушевал пожар эмоций. От досады до злобы. Отставной майор мысленно проклинал сейчас всех на свете. «Консорциум», Стаховского, его Машу... Зачем вообще они влезли в это скользкое дело? Еще не хватало загреметь обратно в колонию!

— Пошли!

Фокин поднял воротник куртки, развернулся и зашагал прочь. Клевец заковылял следом. Его покачивало.

Уже не в первый раз в жизни Фокин почувствовал опасность спиной. Он резко развернулся на каблучках, а «ИЖ» сам впрыгнул ему в руку.

На краю котлована, в полуметре от брошенной машины стоял человек с побитым оспинами лицом и в разорванной куртке. По левой части головы обильно текла кровь, заливая один ничего не видящий глаз и щеку. Зато вторым глазом целился в спину Клевца. Рука дрожала, и пистолет подпрыгивал, но расстояние было слишком маленьким. Фокин шагнул влево, уводя напарника с линии огня, и, не раздумывая, спустил курок. Раздался резкий выстрел. Рябой выронил пистолет и сделал шаг назад. Пуля пробила ему грудную клетку, а сила инерции сбросила с края котлована. Он полетел вниз, полностью повторив путь своих товарищей, и завершил его точно так же. Внизу догорал джип.

— Что такое? — Клевец затравленно обернулся. Глаза у него были затуманенными, как у пьяного. Сумку он бросил на землю.

— Держись! — Фокин подхватил сумку товарища левой рукой, предусмотрительно положив пистолет в правый карман куртки. — У меня есть квартира, о которой никто не знает. Там отлежимся. Может, тебя надо показать врачу.

— Да нет, ерунда, — вяло возразил Клевец. — Отосплюсь.

Они вышли на проезжую часть, и Сергей призывно взмахнул рукой. Почти тут же рядом с ними притормозила серая «девятка» частного.

— Юго-Запад!

— Три сотки.

— Две.

— Садитесь.

Фокин сел рядом с водителем, Клевец, тяжело дыша, устроился сзади.

На проспекте Вернадского у Фокина была однокомнатная квартира: товарищ оставил ключи на время командировки. Об этом убежище никто не знал. Вдвоем, конечно, тесновато, но ничего: приходилось жить и не в таких условиях. К тому же долгие годы.

Водитель, пожилой мужчина с полностью покрытой сединой головой и торчавшими из ушей клочками волос, оказался не в меру словоохотлив.

— А чего это вы на стройке делали, ребята? — Он так выгнул свою старческую морщинистую шею, что Фокин обеспокоился, как бы у дедка не хрустнули позвонки.

— Работу ищем, отец. Только и здесь не взяли. — Фокин сунул в рот сигарету и закурил. — И все же нам повезло. Верно, коллега?

Он не хотел «светить» имена перед возможным свидетелем.

Клевец не ответил.

«Заснул», — подумал Фокин. Он тоже был совершенно обессилен. В солидном возрасте все труднее переносить нервные нагрузки.

— А по вам и не скажешь, что работу ищете. — Любопытство водителя не иссякало. — И вид у вас солидный, и одеты нормально, и эта... выправка! Я думал, вы из военных.

Дедок оказался довольно наблюдательным.

— Из военных, — согласился Фокин. — Но работать все равно надо. Пенсия маленькая, а кушать хочется.

— Это точно! С пенсией сплошной бандитизм творят! На сто рублей повысят и дуют во все дудки. А про то, что жизнь на тысячу подорожала, — молчат. Вот я и гоняю по Москве, «колдую». От хорошей жизни, что ли? Если б хватало — сидел бы дома да телевизор смотрел.

— Да, это было бы лучше, — поддержал водителя Фокин.

— А бандитизм какой вырастили! — не унимался дедок, демонстрируя свою разносторонность. — Недавно прямо в центре две машины расстреляли, человек десять положили, как в войну! Я как раз мимо проезжал.

Фокин не слушал его. Он только молча кивал головой да периодически машинально потягивал: «да-а» или «ну-у». Так они и доехали до места. Сергей расплатился, вышел, достал из багажника сумки. Клевец сидел неподвижно, запрокинув голову с закрытыми глазами.

— Кончай спать, приехали! — Фокин открыл дверцу и тронул напарника за плечо. Тот повалился на сиденье. — Эй, ты чего?!

Старичок открыл дверь с другой стороны.

— Да он мертвый! — Водитель вытаращил глаза.

— Что за херня! — рывкнул Фокин и, протянув руку, дотронулся до шеи товарища. Она была холодной. Холодней, чем «ИЖ-71» в его кармане.

* * *

Тиходонск,

6 октября 2004 года,

10 часов 48 минут.

Нижегородцев вздрогнул от неожиданности, когда в нагрудном кармане его рубашки запиликал мобильный телефон. Не спавший всю ночь майор с трудом пробивался сквозь накатывающие периодически волны сонливости.

Напротив сидел изрядно помятый при захвате Совин. Он уже был готов расколоться. Телефон отвлекал, но отрываться от связи было нельзя. Рука скользнула за отворот пиджака и выудила надрывающийся мобильник.

Вампир находился в кабинете своего коллеги — следователя майора Перевозникова. Битка они уже раскололи. Привыкший к безнаказанности бандит, услышав про международный терроризм, предпочел развязать язык. Ибо понял: по такому делу никого подкупить или запугать не удастся, значит, надо отвечать. Как говорят в определенных кругах: «Каждый баран висит за свою ногу».

Биток выдал Моташова, за ним уже поехала оперативная группа. Совин угрюмо тер распухшую скулу.

Спецслужбы Тиходонска продолжали работать в усиленном режиме, хотя рвение заметно упало. Не было ни единой более или менее серьезной зацепки. Единственное, что удалось установить, так это то, что террористы скрывались на базе «Фрегат». И что основное ядро забрал вертолет, а остальные, рассыпавшись, пытались уйти по берегу, некоторые вступили в перестрелку с милицией и были убиты.

— А если я скажу правду? — спросил Совин то, что от него и ожидали.

Но аппарат все звонил в руке майора, отвлекая его от дальнейшего хода допроса. Он нажал клавишу включения, но, кроме каких-то шумов, ничего расслышать не мог.

— Алло! — Вампир энергично дунул в трубку, предполагая, что это какие-то помехи на линии. — Черт!

— Товарищ майор, — раздался голос с порога, и Нижегородцев с Перевозниковым обернулись на дверь одновременно.

Там стоял референт генерала Лизутина. Молодой человек лет двадцати восьми в сером твидовом костюме и белом галстуке. Светлые волосы уложены на косой пробор, над верхней губой тоненькая ниточка усов.

— Что случилось? — Перевозников поднялся из-за стола. Нижегородцев, напротив, обессиленно опустился на стул.

— Шифровка из Москвы, — сообщил референт. — Операция «Рука Аллаха» началась. Вахит Бекмурзаев позвонил в президентскую Администрацию и выдвинул ультиматум. Вывод войск, независимость и все такое. В противном случае грозит стереть с лица земли пол-Москвы.

Молодой человек покосился на Нижегородцева. В Управлении уже многие знали, что майор работал по этому делу. Вампир быстро переглянулся с Перевозниковым, потом посмотрел на замолчавший мобильник.

— Откуда он звонил, установили? — спросил он.

— Да. Из квартиры некой Галины Самохваловой. Это в самом центре Москвы. Сейчас там разворачивается контртеррористическая операция. Точнее, подготовка к ней.

— Я все скажу, — вдруг сказал Совин, перестав колебаться. — Я не имею никакого отношения к этому делу. Мы из «Консорциума», у нас было свое задание. Захватить или ликвидировать какого-то Карданова. К бомбам и взрывам мы отношения не имеем!

— Вот и рассказывай все по порядку! — сказал Нижегородцев, уже не слушая его и направляясь к двери. Мобильник жег ему ладонь. Через полминуты он зазвонил снова. На связь вышел генерал Лизутин.

— Ты уже в курсе? Ну, то-то! Машина внизу, езжай на военный аэродром, там ждет борт на Москву. Давай работай! Удачи!

* * *

В Москве разворачивалась операция «Антитеррор».

По тревоге подняли спецназ ФСБ и МВД, СОБР, элитное подразделение «АД». Правительственные телефонные сети раскалились: звонки шли в разных направлениях, запросы, ответы, указания, распоряжения. Руководители различных ведомств связывались между собой, шли бесконечные консультации с высокопоставленными чиновниками из аппарата Президента.

Обычные сети тоже работали с перегрузкой. Звонили родственникам журналисты, милиционеры, начальники разных рангов, передавая родным и близким тревожные новости.

— Маша, собери детей и уезжай на дачу.

— В Москве может стать опасно, надо выехать на пару дней.

— Пусть дети не идут сегодня в школу.

Секретная информация уходила со свистом, как вода из ванны в хорошо прочищенные канализационные трубы. По Москве поползли пугающие слухи.

* * *

В короткой кожаной куртке нараспашку и неизменных солнцезащитных очках Нижегородцев нервно курил в полупустом салоне военного самолета, взявшего курс на Москву. Здесь были только эксперты по антитеррору, несколько взрывотехников и психолог-переговорщик. Тиходонск находился вблизи самой горячей и самой террористической точки России, поэтому специалисты отсюда считались самыми лучшими.

В столице заканчивалась подготовительная часть операции. Но пока массивное колесо «Антитеррора» набирало обороты, более гибкая и оперативная структура уже успела отреагировать более резко. Два автомобиля «Консорциума» проскочили по набережной Москва-реки еще до того, как было выставлено оцепление.

В идущем первым номером джипе «Чероки» на правах старшего группы находился Павел Лютов. Он сам управлял внедорожником, плотно сомкнув пальцы, утянутые в черные перчатки, на кожаной оплетке рулевого колеса. Синяки на лице Михаила были уже не так заметны, и потому внешне он имел вполне благопристойный вид. Только глаза горели

неукротимым злым блеском.

Позади него расположился Липатов, с мрачным выражением лица поглядывающий по сторонам и небрежно поигрывающий ножом-бабочкой. Настрой у Липатова был очень серьезным по двум причинам. Во-первых, потому, что в последнее время он чувствовал, что засиделся без стоящего дела, а во-вторых, он резонно полагал, что после гибели и ареста ряда сотрудников ожидаются большие перестановки и есть реальные шансы занять в «Консорциуме» более достойную нишу. Во всяком случае, если они с Михаилом успешно проведут сегодня операцию, на которой сломала зубы группа Шашкова.

На переднем сиденье джипа развалился еще один боевик, по кличке Барсук, которого где-то откопал сам Каймаченко и пристроил на работу в свою службу. О Барсуке ходило много разных слухов, порой не лишенных оснований, но никто, кроме самого Владислава Игоревича, ничего не знал о нем наверняка. Однако Липатов подозревал, что и Лютов в этой области мог бы вполне оказаться человеком осведомленным. Барсук делал вид, что дремлет, но его опущенная в правый карман куртки рука привычно сжимала рукоятку пистолета.

За джипом руководителей резво бежала «бээмвэшка» седьмой модели, и в ней уже, как сельди в бочке, были набиты семеро рядовых головорезов. Выделяя своих людей на сегодняшнюю операцию, Каймаченко не поспешил. Начальника СБ, да и торопящего его каждый час Горемыкина интересовал сейчас конкретный результат: смерть ненавистного Карданова. Честно говоря, после последнего провала в Тиходонске Каймаченко и сам сомневался в том, что такой результат может быть достигнут. Поэтому он вызвал в кабинет Липатова и Лютова, чтобы лично провести инструктаж.

— Объект опасен, с ним еще какие-то вооруженные люди, — ставил задачу он, не имея понятия ни о том, кто эти люди, ни о том, что они являются обладателями ядерного фугаса. — Пленные и раненые мне не нужны. Положите там всех, кто подвернется под руку. И желательно все сделать быстро. Без лишних проволочек. Обязательно возьмите с собой Барсука. Задача ясна?

— Ясна, — бодро ответил Липатов.

Лютов поскреб оставшимися четырьмя пальцами небритый подбородок.

— А телка? — поинтересовался он, и глаза его при этом недобро блеснули. — Ее тоже в расход?

Каймаченко вернулся за стол и грузно упал в скрипнувшее под его массивной крепкой фигурой кресло. Сунул в рот сигарету, ловко выуженную из распечатанной пачки.

— Я все сказал, — жестко произнес он. — В земле всем места хватит.

Последнюю фразу он позаимствовал у бандитов. Как и многое другое.

— Отправляйтесь!

Таким образом, усиленная группа в составе десяти человек выдвинулась по указанному адресу, стартовав от головного офиса «Консорциума». В таком количестве работают группы спецназа ГРУ, способные выполнять стратегические задачи в глубоком тылу противника. А на своей территории, как известно, работать проще.

В начале двенадцатого они уже были на месте. Машины заехали в арку и остановились. Причем «БМВ» встала так, чтобы перегородить въезд в глухой дворик. Из джипа вышли Лютов, Липатов и Барсук. Михаил поставил внедорожник на сигнализацию. Из «БМВ» выбрались

только шестеро. Водителя решено было оставить в машине для прикрытия и на случай стремительного отхода.

— Спрячь ты этот дурацкий ножик! — сказал Лютов, глядя, как Липатов крутит «бабочку» в руках, то открывая, то закрывая ее. Клинок то выскакивал на волю, то прятался между дырчатыми половинками рукоятки.

— Хорошо, — напарник зажал нож в ладони.

— И не вздумай там экспериментировать, — продолжал Лютов. — Нож — слабый аргумент против пистолета. Где твой «макар»?

Покорность напарника закончилась.

— Отвяжись! Обойдусь без твоих нравоучений, — Липатов сплюнул себе под ноги. — Иди давай. И беспокойся больше о собственной заднице.

Пока они переругивались, отвлекаясь от стрессовой ситуации, Барсук первым скользнул в нужный подъезд. Остальные с небольшими интервалами пошли следом. Приглушая шаги, они поднялись на нужный этаж.

Лютов, на правах старшего, приложил палец к губам, требуя, чтобы до поры до времени здесь сохранялась тишина. Он резонно полагал, что фактор неожиданности они обязаны использовать в максимальной степени. Сейчас Михаил чувствовал себя приблизительно так же, как когда-то во время боевых операций на территории Чеченской республики.

Если бы посланцы «Консорциума» знали, что им предстоит атаковать особо опасных международных террористов, вооруженных к тому же атомным фугасом, они бы, возможно, и отказались от задуманного. Но незнание ситуации порой является самой губительной и фатальной ошибкой в жизни.

Лютов приложил ухо к двери. Снятый с предохранителя пистолет он держал на уровне груди. Сейчас он думал только о том, что там, внутри квартиры, расположились люди, приговоренные к смерти. Но никто из них не станет отдавать собственную жизнь просто так. Подобные ситуации никогда нельзя просчитать до конца, нельзя предвидеть и наступающий результат. Их можно решить только экспериментальным путем.

Но у Михаила имелся немалый боевой опыт, и он знал, что обороняться всегда сложнее, нежели нападать. В восьмидесяти процентах из ста схватку выигрывает тот, кто первым наносит удар. Как в уличной драке.

Натренированный слух Лютова не мог уловить ни одного звука.

Макс сидел сейчас в кресле напротив Вахита, между ними стоял блестящий предмет, похожий на пивной бочонок.

— Они хотели устранить меня от руководства подпольем, замкнуть на себя денежные потоки, — не торопясь, объяснял Гепард давнюю историю в Гондурасе. — Они были готовы убить меня в любой момент. И я сделал вид, что согласился. Будто не знал, что они убьют меня все равно. И тебя, кстати, тоже.

Гепард протянул руку и погладил холодный бок стального бочонка в районе пусковой кнопки. Как будто подзарядился энергией в очередной раз.

— Я усыпил их бдительность. А дальше ты все видел сам. Поддаться, чтобы победить, — вот как это называется.

— Но ты ведь тоже хотел меня убить? — спросил Макс. — Ведь правда хотел?

Тусклые глаза террориста блеснули, в них разгорался адский огонь ядерного взрыва.

— Если бы я этого захотел, ты бы давно был мертвым! Но я предполагал, что, возможно, мне придется тебя ликвидировать.

— Мы умрем? — неожиданно нарушила тишину собственной квартиры Галина. Она сидела в углу на полу рядом с Машей. Встать и передвигаться им было запрещено.

Девушка не обращалась со своим вопросом ни к кому конкретно, а потому ее слова прозвучали особо жутко. Вроде как констатация факта. Бекмурзаев повернулся на стуле в ее сторону. Взгляд Галины невольно сфокусировался на руке террориста.

— Я уже говорил. — В голосе Вахита не было прежней галантности по отношению к даме. Как видно, и у Гепарда нервы далеко не канаты. — Если будете вести себя прилично, останетесь в живых. Вахит свое слово держит! Так что нечего тут плакать.

Карданов вздрогнул. Только сейчас он явственно осознал, что Бекмурзаев лжет. Он не собирался оставлять в живых ни Машу, ни Галину. Любой другой на месте Макса не почувствовал и не понял бы этого. Интонации Вахита были прежними. В них мало что изменилось, за исключением той самой галантности и учтивости. Но это все уже не имело значения. Важно было то, что он сказал. И Макс это услышал. Бекмурзаев вслух назвал собственное имя. И это был не случайный прокол. Он просто не брал в расчет тот факт, что оставшиеся в живых девушки расскажут представителям ФСБ обо всем, что ими было услышано здесь. Причина проста. В живых никто не останется.

— Я принесу пожрать, — известил всех мрачный Рохланов и направился в кухню. Лицо его просветлело. Чувство голода вытеснило обиды.

Минутная стрелка на настенных часах достигла очередной цифры.

— Время напомнить им о себе, — глухо вымолвил Гуссейнов.

— Подождем еще десять минут. Поиграем у них на нервах.

На пороге гостиной появился Рохланов с подносом в руках. Все, что он смог соорудить за несколько минут своего отсутствия, так это грубо нарезать толстыми кусками буженину, сыр и хлеб, небрежно свалив все в одну кучу.

— Воевать лучше на сытый желудок, — он опустил поднос на низенький стеклянный столик справа от Гепарда. Тот наблюдал за ним цепким взглядом. Настал момент истины, и теперь он ждал предательства в своем лагере. Крепость всей цепи определяется крепостью самого слабого звена. Вовремя определить предателя и заменить дефектное звено — вот в чем состоит задача руководителя в данный момент.

— У тебя хороший аппетит, Заурбек? — спросил он.

— Хороший. — Тот стал набивать рот продуктами.

— Хороший аппетит — признак чистой совести, — одобительно сказал Гепард. Он пришел к выводу, что Рохланов выдержит испытание до конца. Примитивная натура Заурбека ориентирована на интересы рода, без которого он ничто. Как муравей, потерявший муравейник.

А вот Гуссейнов! В нем в первую очередь можно усомниться. Самовлюбленный, с большими запросами, он давно живет в России, обзавелся здесь большими связями, приобрел авторитет. Метил в министры будущего халифата. Да, интересы народа он ценит гораздо ниже личных интересов.

— А ты, Арсен, почему не ешь? — строго спросил он. Аппетита у Арсена не было, но признаться в этом после прозвучавшей только что фразы значило вызвать подозрения.

Он для вида сделал себе бутерброд. Но кусок не лез в горло. Пришлось преодолевать себя и откусывать крохотные кусочки.

Сам Гепард не притронулся к пище, Рохланов же, не обращая ни на кого внимания, схватил еще сразу четыре увесистых ломтя буженины.

Карданову предложений заморить червячка не последовало. Он посчитал это плохим признаком: значит, Гепард и его друзья на психологическом уровне дистанцируются от чужака, рассматривают его как постороннего.

Арсен покрутил в руках почти не тронутый бутерброд и подошел к Маше.

— Хочешь, покормлю тебя из своих рук, куколка? — с глумливой улыбкой предложил он девушке и поднес бутерброд к ее лицу.

Девушка отвернулась.

— Тогда ты хавай!

Бутерброд ткнулся в лицо Галине. Она откусила кусочек, из чего Макс заключил, что воля девушки полностью парализована.

В комнате воцарилась напряженная тишина, нарушаемая только громким чавканьем Заурбека.

И вдруг в дверь позвонили! Два длинных звонка прозвучали сигналом тревоги. План операции летел ко всем чертям! Никаких переговоров, никаких условий, никаких гарантий, никаких долгих процедур. Они просто пришли и звонят в дверь! Сейчас кувалды ударят по косяку, и надо взрывать фугас!

Гепард пригнулся к бочонку, нащупал предохранительную скобу над пусковой кнопкой.

— Посмотрите, что там, — хрипло сказал он. — Не могут же они так просто переть на рожон.

— Кто это? — Заурбек быстро проглотил то, что было во рту, и грозно шагнул в направлении Галины. — Это твои ухажеры?!

— Я... Я не знаю. — На лице девушки отразился неподдельный ужас. — У меня много знакомых, они часто приходят ко мне.

Гуссейнов внимательно выглядывал в окно.

— На улице все спокойно. Скорей всего это ее любовники!

Гепард несколько расслабился.

— Пойди и проверь, Арсен, — приказал он. — Может, и ничего особенного. И девку с собой прихвати. На всякий случай. Заурбек, подстрахуй его.

К Карданову он не обращался, и Макс посчитал это еще одним плохим признаком.

Гуссейнов достал из сумки чешский пистолет-пулемет «скорпион» и двинулся в коридор. Рохланов за волосы рывком поднял Галину и, толкая ее перед собой, последовал за товарищем. В правой руке он держал точно такой же автомат.

Арсен выглянул в глазок, долго смотрел, потом пожал плечами и коротко кивнул Заурбеку. Тот шепнул что-то на ухо заложнице, и Галина, заглянув в глазок, отрицательно покачала головой.

— Я их не знаю, — тихо прошептала она.

Заурбек стволом автомата толкнул ее в затылок. Поняв, что от нее хотят, она спросила вслух срывающимся голосом:

— Кто там?

Лютов и не предполагал, что ему сразу гостеприимно распахнут двери. Вопрос прозвучал, когда его палец в черной перчатке вторично коснулся мягкой кнопки электрического звонка. Барсук и еще один парень в коричневой замшевой куртке стояли за спиной Михаила. Липатов немного в стороне и остальные на пару ступеней ниже на лестничной площадке.

— «Мосгаз», — как можно небрежнее бросил Лютов, сдвигая флажок предохранителя своего «макара». — Где-то утечка, надо проверить.

Возникла непродолжительная пауза.

— У нас все в порядке, — откликнулась наконец хозяйка квартиры.

Лютову ее голос показался знакомым. Кажется, он уже слышал его прежде. Но где?

— Я должен проверить. Вдруг дом взлетит на воздух! — настойчиво сказал он и инстинктивно переместился влево, уходя с линии вероятного огня.

Нервы Рохланова не выдержали напряжения.

— Пошел на хер, пока цел! Тебе сказали — у нас все в порядке. Убирайся! — гаркнул он.

Нервы Михаила напряглись как канаты. Он молча указал своим соратникам на мощную стальную дверь, обитую красивой тисненой кожей темно-бордового цвета. Липатов выудил из-под свитера пистолет. Барсук поднял свой ствол к лицу и приложил к горячей щеке.

— Братишка, послушай, — Лютову стоило огромных усилий сдерживаться. — Я понимаю, у вас там все на мази. Водка, девочки и все такое. Но у меня работа. Уволят на хрен, и всего делов. Что мне, милицию вызывать?

— Пошел в жопу, козел! — Человеческие увещевания затюканного работника «Мосгаза» явно не подействовали. Приходилось прибегать к более эффективным аргументам.

Липатов шагнул вперед и несколько раз выстрелил в замок. Пуля с визгом отлетела в сторону и врезалась в стену. Но две другие пробили двухмиллиметровое железо и влетели в квартиру вместе с ключьями скрытой под кожей ваты. Фирмачи врут, когда рекламируют бронированные двери. Никакой брони они не ставят и в помине. Разве что по специальному, особо важному заказу.

Изнутри тут же скорострельной очередью ответил «скорпион». Стремительные закругленные цилиндры прошли дверь в обратном направлении, выбивая вату на лестничную площадку. Липатов выронил свой «ТТ», его свитер обагрился кровью, а из пробитой пулей сонной артерии фонтаном хлестанула кровь, как из шеи неумело забитого на бойне быка. Липатов был мертв раньше, чем его голова с закатившимися безжизненно глазами стукнулась о залитый кровью кафельный пол, раньше, чем звякнул о плитку ненужный теперь пистолет.

— Мочите гадов из всех стволов! — истерически заорал Лютов, понимая, что инстинкт спас ему жизнь. Не шагни он в сторону, это его труп лежал бы в кровавой луже.

Стрелять из всех стволов нападающие не могли, потому что на фронте в два метра нельзя рассредоточиться даже пяти стрелкам.

Но отечественный мини-автомат «кипарис» парнишки в замшевой куртке выплюнул десяток пуль, они вмяли железный лист и прорвали его, как острый конец кузнечного молотка. Одна из пуль, сплюсшившись и беспорядочно кувыркаясь, ударила в грудь Галине. Девушка истошно закричала, но уже через мгновение ее крик сменился сдавленным хрипом. Рохланов продолжал придерживать одной рукой оседающее на пол тело заложницы, а вторую со «скорпионом» навел на дверь.

Теперь два «скорпиона» поливали интенсивным огнем лестничную площадку, а «кипарис» и четыре пистолета били в квартиру. Летящие навстречу друг другу пули сталкивались, брызгали крохотными острыми осколками, высекали злые красные искры. Вата под лохмотьями бордовой обивки задымилась. Не выдержав встречной огневой мощи, дверь раскрошилась, в ней образовались несколько брешей, которые слились в одну большую дыру. С жалобным скрипом вылетел замок. Преграда между стреляющими исчезла, теперь они видели друг друга и могли прицелиться, но у всех закончились патроны.

Лютов упал на колени и быстро менял обойму, боец в замшевой куртке перезаряжал свой «кипарис», Рохланов возился со «скорпионом», а Гуссейнов бросил свое оружие и нащупывал за пазухой пистолет.

В это время к дому на набережной примчались десятки машин: журналисты, телевизионщики, милиционеры. Массивное колесо операции «Антитеррор» раскрутилось, набрало обороты, и остановить его теперь было невозможно.

Зарешеченный автобус ОМОНа с ходу протаранил перегородивший въезд во двор «БМВ», водителя обыскали, нашли оружие и без долгих размышлений заковали в наручники до последующих разбирательств. Из микроавтобуса «Мерседес» высыпали бойцы самой секретной и эффективной группы активных действий под кодовым названием «АД». Автобусы и грузовики подвозили крепких мужчин в черной униформе с надписями на спине «Спецназ ФСБ», «СОБР», «Спецназ ВВ». У «спецов» в руках были зачехленные снайперские винтовки и бесшумные автоматы.

Подъехали две красные пожарные машины, патрули ГИБДД перекрывали движение по набережной, дом оцепили двойным кольцом.

Представители различных силовых ведомств недоуменно прислушивались к выстрелам в подъезде и не могли понять, кто стреляет: официальной команды на штурм не отдавалось. Командиры групп связывались по рации со своим начальством, но прояснить этот вопрос так и не удалось.

Загремели громкоговорители:

— Всем посторонним покинуть оцепленную территорию! Прекратить стрельбу! Сложить оружие!

Разгоряченные бойцы «Консорциума» этих команд не слышали. Они перезарядились и были готовы к бою. Их противники отступили в глубину помещения: Рохланов заскочил на кухню, а Гуссейнов — в комнату.

— Это какие-то бандюки, Гепард! Это не власть! — крикнул Арсен.

Вахит с облегчением оторвался от стального бочонка. Даже небольшое продление жизни — хороший подарок. А тут кость могла выпасть совсем другим числом.

— Отойди в сторону! — Гепард тоже взял короткий автомат и навел в дверной проем. — Эй ты, девка, задерни шторы плотнее!

— Где Галина?! — жалобно проскулила Маша.

— В лучшем из миров, — буркнул Гуссейнов. — Ее друзья ее и убили. Только я не пойму, что им надо.

— Дайте мне пистолет! — в очередной раз потребовал Макс. Без оружия в перестрелке он чувствовал себя как голый среди волков.

Гепард покачал головой.

— Когда Арсена убьют, возьмешь его пушку.

— Я не спешу умирать, — огрызнулся Гуссейнов.

В изрешеченной пулями прихожей остался только труп несчастной Галины.

— Вперед! — скомандовал Лютов. — Мочить этих сук, всех! Без разбору!

Двое бойцов во главе с Барсуком, держа оружие на изготовку, ногами выбили то, что осталось от входной двери, и ринулись в атаку. Этим отчаянным парней обучали в жизни всего двум вещам: убивать и быть готовыми оказаться убитыми. Правда, они всегда думали, что их касается только первая часть.

Трое «торпед» ворвались в полутемную прихожую. Они не видели противника и наугад стреляли во все стороны, хотя профессионалы, в отличие от героев голливудских фильмов, стреляют только тогда, когда видят цель.

Бах! Бах! Бах!

Тра-та-та! Тра-та-та!

Пули выкрашивали стены, разбивали люстры, прошивали шкафы, набитые дорогими платьями,

кофточками и шубами. Но сейчас ультрамодные вещи, составлявшие смысл жизни Галины, не имели никакого значения, поскольку тело хозяйки медленно остывало.

Стоявший на колене в кухне Рохланов прицелился в приземистого крепыша с автоматом и дважды спустил курок. Оба выстрела оказались результативными: в шею и в голову. С протяжным стоном тот рухнул на залитый кровью паркет.

Тра-та-та-та! — длинная очередь Гепарда прошла наискось второго боевика «Консорциума» и отбросила его в угол.

Барсук остался в прихожей один. В полумраке он плохо ориентировался и не видел целей. Зато сам представлял прекрасную мишень. Пуля свистнула рядом с головой, вторая зацепила щеку. Он зажал рану рукой и выстрелил на вспышки в кухне.

Пуля со свистом пересекла воздушное пространство и мягко вошла Заурбеку в левое предплечье. От сильного удара и вспышки боли Рохланов упал. Но оружия из рук не выпустил. Ствол «скорпиона» нашаривал цель — голову Барсука. В это время в прихожую ворвался боец в замшевой курке. Его «кипарис» задержался в правой руке, посылая в темное чрево коридора целый рой смертоносных свинцовых пчел. В отличие от настоящих, они не приносили меда, зато жалили насмерть.

Рохланов перевернулся на живот, прицелился, преодолевая боль, и аккуратно вдавил мягкий спуск «скорпиона». Шесть пуль расцвели красными пятнами желтую замшевую куртку. Ее обладателя швырнуло на противоположную стену. «Кипарис» лязгнул о паркет. Тело убитого тяжело сползло по измазанной свежей кровью стене.

Чудом спасшийся Барсук выскочил из квартиры.

— Надо уходить! Это не какие-то лохи, а профессиональные солдаты! Или «спецы»! Нам их не взять!

— Точно, не взять! — подтвердил боевик с большими, как при базедовой болезни, глазами. — Там внизу менты. Кричат, чтоб сдавались. Уходить надо!

— Как не взять?! — истерически заорал Лютов. — Да кто они такие? Я их на куски порву! Вперед! Вперед!

— Прекратить огонь и всем сложить оружие!! — Голос из громкоговорителя громыхнул совсем близко. Три «спеца» с бесшумными автоматами в руках подобралась совсем близко.

Это привело Лютова в чувство.

— Да, надо уходить. Давайте наверх, через крышу!

Прыгая через ступеньки, уцелевшие сотрудники «Консорциума» бросились на чердак. Дверь на крышу оказалась запертой на всякий замок. Барсук несколькими выстрелами сбил его с петель. Путь был открыт.

Они выбрались на крышу и, пригибаясь и балансируя на скользком после дождя покато железом, стали пробираться к следующему подъезду. Сразу несколько снайперов взяли их на прицел, но без полной ясности происходящего команду на открытие огня никто не давал.

Три «спеца» блокировали лестничную площадку и доложили по рации командиру группы:

— Мы на месте. В перестрелке участвовали неизвестные гражданские люди, похоже, бандиты. Они вооружены. На месте имеются трупы.

— Вас понял, — ответил командир. И отдал приказ снайперам: — По скрывающимся преступникам — огонь!

С учетом обстановки снайперы использовали бесшумные девятимиллиметровые винтовки «вал». Поэтому у многочисленных приникших к окнам зевак создалось впечатление, что неосторожные люди, выбравшиеся на скользкую крышу, сорвались один за другим вниз. Их тела беззвучно кувыркались в воздухе, пока с треском не врезались в асфальт.

* * *

Военно-транспортный самолет из Тиходонска приземлился в аэропорту Чкаловском около часу дня. Лучших специалистов по борьбе с террором встретили и посадили в автобус, а майора Нижегородцева пригласили в новенькую, сияющую лаком «Ауди А-8», принадлежащую генерал-полковнику Вериченко, который и руководил операцией «Антитеррор». Автомобиль, следуя за машиной сопровождения ГИБДД, с бешеной скоростью примчался в Москву, Нижегородцев оказался сразу в штабе операции.

Кроме самого Вериченко, тут присутствовали еще несколько человек. Генерал Золотарев из Службы внешней разведки, полковник разведки Яскевич, милицейские генералы Борис Спивак, Валерий Хворостов, Виктор Цепнов. Самым младшим по званию здесь был командир подразделения «АД» подполковник Чиграшов.

Замдиректора ФСБ генерал-полковник Вериченко выглядел озабоченным, но встретил майора Нижегородцева как родного сына, вернувшегося из дальнего путешествия. Подошел вплотную, долго тряс руку, потом обнял и провел в свой кабинет. Выслушав доклад майора, Вериченко обнял его за плечи.

— А второго у них нет? — спросил он. — Знаешь ведь этих гадов?

Нижегородцев развел руками.

— Мы сделали то, что сделали. А остальное вне моей компетенции.

— Понятно, понятно. Значит, надеемся на лучшее, но расслабляться нельзя! Работать надо в полную силу!

Пять минут они говорили наедине, потом к ним присоединились остальные, недоумевая, почему такая значимость придается человеку, не имеющему не то что генеральских лампасов, но даже полковничьих погон. Ведь, как известно, отношение генералов к старшим офицерам мало чем отличается от отношения старших офицеров к рядовым солдатам. Это отношение к неодушевленным предметам, к рабочей силе.

Еще большее недоумение вызвало то, что после разговора с майором у генерал-полковника явно улучшилось настроение.

* * *

— Пора напомнить им о себе, Алик! — сказал Рохланов, машинально поглядывая на простреленные настенные часы. Гуссейнов перебинтовал ему руку довольно профессионально, хотя рана продолжала кровоточить. Заурбек сидел на пороге комнаты, держа автомат на

коленях и контролируя вход в квартиру. Гуссейнов прятался за косяк двери и тоже держал вход под прицелом.

Гепард кивнул и снял телефонную трубку. Набрал семизначный номер. Карданов видел его и знал, что это номер столичного управления ФСБ.

— Слушаю, — голос дежурного был напряженным.

— Это я. Что вы решили? — Террорист не представлялся, он был уверен, что его узнают и так. Потому что на сегодняшний день только один человек обладал такой всемогущей силой, что был способен держать страну за горло. Спутать его ни с кем было невозможно. Так и получилось.

— Одну минуту...

В трубке наступила тишина. Вахит терпеливо ждал. Он понимал, что многое зависит от того, кто подойдет к телефону. Он рассчитывал, что с ним будет говорить какой-нибудь большой начальник, может быть, даже руководитель ФСБ. Или премьер-министр, что уже случалось в новейшей российской истории. Тогда можно считать, что цель будет достигнута. Потому что когда играешь тузами, то обязательно выигрываешь.

Будет хуже, если трубку возьмет переговорщик. В штате Федеральной службы безопасности имеются такие люди, они специально подготовлены, хорошо знают психологию, а потому опасны. С ними сложно вести диалог, к тому же их невозможно использовать в своих целях. Это рядовые исполнители, которые не распоряжаются самолетами и миллионами долларов, не могут выпускать из тюрем кого бы то ни было, объявлять перемирия и останавливать войны. Что можно у них потребовать? Именно поэтому в Европе переговорщиками выступают полицейские низшего звена, не облеченные возможностью принимать стратегические решения. В их функции входят длительные, изматывающие беседы, расшатывание психологической убежденности террориста и оттяжка времени.

Бекмурзаев прекрасно знал об этих премудростях и решил для себя, что не станет вести беседы с подобными подставными фигурами. Только с первыми лицами, наделенными правом принимать политические решения. Если с Басаевым, вооруженным обычными автоматами и угрожавшим лишь нескольким сотням заложников, вступил в переговоры сам премьер-министр, то с ним, Гепардом, занесшим атомную дубину над миллионами москвичей, пусть договаривается сам Президент!

Молчание в трубке затягивалось, и это укрепляло надежды террориста.

* * *

Первым выдал скупую информацию об атомном террористе канал московских новостей. Потом более развернуто сообщило ужасную весть НТВ. Затем атомная угроза вытеснила с экранов мира все остальные события.

— Мы ведем передачу из двора дома, в котором засели вооруженные атомной бомбой террористы, — вещал молодой человек в очках. — Никто не знает, сколько террористов входит в преступную группу, неизвестны и их планы.

— Повстанцы выдвинули ультиматум русскому правительству с требованием вывести оккупационные войска с территории Чеченской республики, — захлебываясь и непрофессионально глотая окончания слов, тараторила корреспондентка Би-би-си. Она не

скрывала симпатии к «повстанцам» и избегала неприятных слов «терроризм», «ядерная угроза» и т. д.

Проявлял крайнюю лояльность и корреспондент арабской телекомпании «Аль Джазира», который умело сглаживал углы в освещаемой ситуации:

— Неизвестные лица, национальность которых достоверно не установлена, захватили московскую квартиру, угрожая взрывом. Пока не ясно, насколько серьезна эта угроза.

Полезной информации в этих передачах не содержалось ни капли, только догадки, вымыслы и предположения.

— Иван, как вы считаете, приведут ли террористы свою угрозу в исполнение? — спрашивал ведущий ОРТ у молодого лохматого паренька, который, судя по внешнему виду, хорошо разбирался только в проблеме юношеского онанизма.

— Да, Петр, я думаю, что такая опасность имеется, поэтому нам всем надо сохранять спокойствие, — важно отвечал знаток онанизма.

Подобные глупые и некомпетентные рассуждения звучали со всех каналов и только сеяли тревогу, дезориентируя и пугая жителей. Город был объят ужасом, начиналась паника: тысячи людей бросали работу, бежали к вокзалам, штурмовали электрички, троллейбусы и автобусы. Шла массовая эвакуация из центра: легковые машины покинули пространство внутри Садового кольца, по скорости процессов можно было предположить, что вскоре улицы опустеют до самой Московской кольцевой автодороги.

Навстречу рвущимся из центра легковушкам нехотя двигались бронетранспортеры и танки, стреляя сизыми выхлопами, катились мощные «Уралы» с кузовами, набитыми встревоженными солдатиками. Военная техника придавала опустевшей Москве вид нереальный и жуткий, как будто снимался кинофильм про вторжение марсиан.

Но всем сведущим людям было ясно, что бэтээры, танки, грузовики и солдаты не смогут ничего сделать с марсианами, это просто понты, которые бросают большие начальники, чтобы создать видимость принятия мер и оправдать свое существование. Реально решать вопрос должны были немногословные «спецы» различных ведомств, которые уже развернулись во дворе захваченного дома.

— Уважаемые москвичи и гости столицы, — хорошо поставленным голосом говорил с экрана толстомордый депутат, то и дело испуганно кося взглядом в сторону. — Оснований для паники нет, ситуация под контролем, просьба соблюдать спокойствие.

Он врал, так как с помощью врачей и дорогих препаратов ухитрялся держать под контролем только собственную предстательную железу, позволяющую до поры до времени транжирить деньги налогоплательщиков. Ничего про ситуацию с марсианами и ничего про настоящий контроль он не знал, да и знать не мог.

Зато это хорошо знали другие люди. Спецназовцы. Снайперы заняли позиции, одна штурмовая группа сконцентрировалась на площадке второго этажа, вторая собралась на крыше, пристегнувшись альпинистскими тросами к страховочным кольцам, третья сидела в вертолете, летящем к нехорошему дому. Каждый боец знал свою задачу, каждый представлял свою цель, каждый был готов в очередной раз рискнуть жизнью и выполнить свою сложную работу. Эти люди не умели болтать, не умели жонглировать ничего не значащими словами, не умели делать деньги, — словом, по нынешним понятиям, не умели жить. Зато они умели умирать во

имя исполнения долга. И убивать тоже во исполнение.

И майор Нижегородцев тоже умел делать и то и другое. Может быть, поэтому, а может, по другим причинам, но вести переговоры с марсианами генерал-полковник Вериченко поручил именно ему.

* * *

— Салам, Вахит! — наконец послышался голос в трубке. — Ты забыл заветы отцов, ты забыл Коран, ты осквернил имя Аллаха!

Гепард вздрогнул. Невидимый собеседник говорил по-чеченски! Он не был готов к такому повороту и на миг потерял лицо.

— При чем здесь Коран? — растерянно спросил он. Рохланов и Гуссейнов встревоженно повернулись к своему командиру. Макс тоже насторожился. Маша всхлипнула в очередной раз. Но Гепард не обращал внимания на окружающих. Он был полностью поглощен тем, что слышал в трубке.

— При том, что террористическую операцию ты назвал святым именем!

Нижегородцев исчерпал свои лингвистические способности и перешел на русский. Минутная слабость прошла.

— А ты кто такой? — зло спросил Гепард. — Мулла, что ли?

— Я Вампир. Слышал? Вспомни колонну арабов в Грозном. Ну?

— Вампир?! — Террорист даже трубку опустил. Рохланов и Гуссейнов переглянулись. Макс подошел к Маше и успокаивающе погладил ее по голове. Вахит снова поднес трубку к уху.

— Слышал, не слышал. Ты чего трубку взял?

— Ты ж переговоры вести хотел?

— Не с тобой. Ты званием и должностью не вышел. Позови начальника!

Вампир засмеялся, и смех получился зловещим, как у настоящего вампира.

— Брось дурку валять! Ты же знаешь правило: переговорщик выбирается из низового звена. Лейтенант, капитан. А я майор. Тебе повезло.

По спине Гепарда побежали струйки холодного пота. Сейчас мысль о том, что с ним будет говорить Президент или премьер, казалась совершенно глупой. Это крах всего замысла!

— Таких переговоров у вас еще не было! Ты знаешь, о чем идет речь?

— Знаю, знаю.

Вампир неожиданно хохотнул. Гепард оцепенел.

— Тебе весело?

— А тебе разве нет? Сейчас я подъеду, вместе посмеемся.

— Куда ты поедешь? Откуда ты говоришь?!

— Из машины. Чему ты удивляешься? Нижегородцев действительно приближался к месту происшествия в той же «Ауди» генерал-полковника Вериченко. В числе многочисленных наворотов машина была оборудована и самыми современными средствами связи, позволяющими производить любые переключения. Вампир отключился.

— Ну что? — спросил хозяин машины, обернувшись с переднего сиденья.

— Я остаюсь при своем мнении, товарищ генерал-майор, — дубликата у них нет. Тем более что в любом случае у нас только один вариант действий.

— Какой?

— Силовой захват.

Когда в трубке раздались короткие гудки, Вахит вскочил.

— Проклятый гяур! Грязная свинья!

Сейчас он вовсе не походил на того ухоженного и уважаемого господина славянской внешности, каким представлялся в последнее время. Посередине комнаты стоял самый настоящий безумец. Съехавший с катушек фанатик. Искривленное лицо, дикий оскал рта, прищуренные глаза. Казалось, что приступ ярости уничтожил следы пластической операции, Макс узнал прежнего Вахита, таким он был во время их первой встречи.

— Что он сказал?! — жадно спросил Рохланов. Наклонившись, Гепард выковырял из глаз линзы, бросил на пол и растоптал.

— Что он сказал? — спросил и Гуссейнов. — Вампир крепкий орешек.

— Он сказал, что хочет умереть. — Гепард остервенело растирал каблуком оставшиеся от линз крошки, будто хотел втереть их в пол. — Они все хотят умереть. И мы тоже умрем!

Маша заплакала в голос. Она много раз веселилась с кавказцами и любила их за щедрость и неукротимый темперамент, но сейчас предпочла бы никогда не приближаться к ним на пушечный выстрел.

Гепард наклонился к стальному бочонку и щелкнул последним предохранителем. Потом оглядел соратников и запел заунывную песню. Это был ритуал. Заурбек Рохланов и Арсен Гуссейнов подошли вплотную к своему вожаку, обнялись и запели тоже. Атмосфера смерти наполнила комнату, как ледяная вода наполняет торпедированную субмарину. У Макса дрожь прошла по коже, Маша в ужасе заткнула уши и закрыла глаза.

— Немедленно сдавайтесь! — загремел за окном бездушный стальной голос, такой громкий, что задрожали стекла. Именно этот нечеловеческий голос подходил для того, чтобы остановить не знающих жалости марсиан. Тут же послышался рев вертолетных двигателей. Развязка стремительно приближалась. Но Макс интуитивно понял, что она будет не такой, какую ожидали террористы. Вдруг он увидел, что голова Рохланова побелела на глазах. Заурбек достал из-под одежды пистолет и, сунув ствол себе под челюсть, рывком нажал спуск. Грохнул выстрел, струя крови выплеснулась на стену, тело террориста отлетело в сторону и растянулось на полу. Пистолет вывалился из окровавленной руки, закрутился на месте, как колесо рулетки, и лег рукояткой к Максиму. Это был шанс. Время замедлилось, секунды

растянулись, и Карданов бросился к оружию.

— Аллах акбар! — страшным голосом закричал Бекмурзаев, нажимая кнопку подрыва. Он был готов к смерти. Сейчас бочонок превратится в белый, ослепительный шар, его руки покраснеют, как вольфрамовая нить включенной лампочки, а потом исчезнут, а через миллионную долю секунды шар разрастется до невероятных размеров, и тогда исчезнет все вокруг! Исчезнет целый мир, весь свет!

Но ничего не произошло! Он недоуменно рассматривал свои руки, непонимающе трогал корпус ядерного фугаса, постепенно приходило понимание, что он все еще жив. С лестницы донесся топот, квадратная фигура слетела на тросе сверху и ударила в раму. Посыпались стекла.

Бекмурзаев дернулся, в его руках появился автомат, в это время Макс подхватил пистолет Рохланова. Они наводили оружие друг на друга, словно дуэлянты. Квадратная фигура протискивалась в окно, но не могла отцепить трос и застряла на подоконнике.

Маша вышла из оцепенения и с душераздирающим криком бросилась к двери. На миг она оказалась между дуэлянтами. Короткая очередь «скорпиона», мощный выстрел «ТТ». У Бекмурзаева во лбу открылся третий глаз, пистолет-пулемет лязгнул об пол, и он повалился на пол, сбив с табуретки так и не сработавший ядерный фугас.

Квадратная фигура справилась наконец с тросом и спрыгнула в комнату. В дверь ворвались еще несколько таких же фигур. В прорезях черных масок блестели расширенные глаза готовых на все людей. Раздались громкие устрашающие крики:

— Лежать!

— На пол!

— Мордой в пол!

Макс поспешно бросил пистолет и поднял руки, заученно повторяя: «Я спецкуррьер Особой экспедиции, лицо неприкосновенное. Позвоните в ЦК КПСС или Управление разведки».

Ошарашенный спецназовец сдержал занесенный автомат и остановился. Зато остальные подбежали к Гуссейнову и выплеснули накопившиеся переживания. Это полезно, чтобы избежать последствий стресса. Замелькали приклады автоматов, послышались вязкие, будто в сырое мясо, удары. Оставшийся в живых террорист упал на пол и теперь мало чем отличался от мертвых сотоварищей. Макс скосил глаза. Маша лежала на полу и, судя по позе, тоже была мертва.

— Можно опустить руки? — спросил Макс.

— Стой смирно! — рявкнул автоматчик. Он еще не выплеснул запаса боевой ярости, и спорить с ним не следовало.

Но в это время в квартиру ворвался человек в гражданском костюме, с надетым поверх бронежилетом и в темных очках. Он сразу сориентировался в ситуации.

— Опускай руки, Макс, все в порядке! Нижегородцев нервно улыбался.

— Как настроение?

Макс пожал плечами и сел на пол прямо там, где стоял.

— Все поджилки дрожат! — с трудом выговорил он, глядя в широко раскрытые, безжизненные глаза Маши. У него кружилась голова.

— Но ты же знал, что мы не дадим им исправный взрыватель! — Вампир ободряюще хлопнул его по плечу.

— Да, знал. Но что можно знать наверняка в этом мире? Планы часто летят под откос, и события идут вкривь и вкось.

Вампир вдруг замер и отдернул руку. Он узнал безжизненно лежащую девушку.

— Маша?! Как она здесь оказалась?!

Сняв очки, майор Нижегородцев наклонился над телом, в тщетной надежде попытался нащупать пульс на шее. Лицо его окаменело.

Не вставая, Карданов повернул голову в его сторону. Сейчас вид Нижегородцева полностью соответствовал прозвищу. Руки в чужой крови, красные воспаленные глаза сузились, словно в зловещем прищуре, огненный взгляд готов был прожечь все на своем пути. Он осмотрелся и уперся страшным взглядом в Арсена Гуссейнова. Тот пришел в себя и сел на пол. Встретившись глазами с Вампиром, террорист отшатнулся.

— Ты! Ты, гад, за нее ответишь!

Гуссейнов затравленно смотрел на разъяренного Вампира.

— Я тут ни при чем! — вскинулся террорист. — Я ничего не сделал. Я вообще оказался здесь случайно! Вы же знаете, я дружу с солидными людьми, с руководителями.

— Ты дружишь с предателями и мерзавцами! — Майор мгновенным движением извлек из-под пиджака пистолет. — Они еще будут болтаться на фонарях, их время придет! А ты ответишь и за себя, и за них!

— Нет, не надо! Я просто исполнитель. Человек подневольный. Мне сказали — я сделал. Вы же знаете, как у нас принято: слово старшего — закон! Но я действительно ничего не знал!

Вампир приблизился к своей жертве вплотную. Горячее дыхание и огненный взгляд жгли лицо несостоявшегося министра. Тот съежился и даже, как показалось Карданову, уменьшился в размерах. Ни один суд присяжных не испугал бы его так, как готовый на все и страшный в своей ярости Вампир.

— Кто дал тебе вертолет?! — ужасным голосом спросил окровавленный человек с воспаленным, источающим смертельную ненависть взглядом.

— Я точно не знаю. Это вышло случайно.

Пальцы майора сомкнулись на горле Арсена, железная рука опрокинула его на спину. Майор опустил над поверженным противником и вставил ствол пистолета в его левую глазницу.

— Случайно, говоришь?! По-моему, ты случайно живешь на этом свете! И сейчас я вышибу тебе мозги! Потому что суд у нас гуманный и ни одного ублюдка сейчас не расстреливают! Но при задержании руки у нас развязаны!

Спецназовцы одобрительно молчали.

Вампир взвел курок и сильнее вдавил ствол в глаз террористу. Карданов интуитивно понял, что сейчас грянет выстрел. И все присутствующие в комнате это поняли. А лучше всех — сам Гуссейнов.

— Не надо, я все расскажу! — взмолился он. — Я скажу, Вампир. Я все скажу. Не убивай. Убери пушку, ты выдавишь мне глаз!

— Говори, сука! — Палец майора напрягся на спусковом крючке. — И не Вампир я тебе, а майор Нижегородцев!

— Вертолет дал генерал Пригоров Алексей Борисович.

— Вот то-то! — Нижегородцев отпустил свою жертву, поднялся с колена и уже спокойно убрал оружие под пиджак. Отряхнул брючину. — Сейчас повторишь все под протокол, сука! А чего от тебя так воняет? Обоссался, что ли?

Кашляя и тяжело дыша, Гуссейнов сел. Левый глаз налился кровью, вокруг отчетливо выделялся красный вдавленный круг, словно след от монокля. Мокрое пятно на брюках подтверждало, что Нижегородцев не ошибся.

Вскоре пришел следователь, и Арсен Гуссейнов дал правдивые показания о своей преступной деятельности. С конкретизацией мест, дат, времени, имен. Не утаил ни одного факта из своей личной биографии и рассказал все, что знал про подельников. Следователь еле успевал записывать и очень удивлялся, потому что террористы обычно гораздо менее многословны.

Нижегородцев не участвовал в дальнейшем расследовании. Да никто его к этому и не привлекал. Момент прошел, и оперативник из Тиходонска утратил свою значимость.

Его больше не приглашали в машину генерала Вериченко, да и сам генерал не высказывал желания с ним встретиться и поблагодарить за службу. Ощувив свою ненужность, майор попрощался с коллегами, объяснив, что хочет перед отъездом заскочить к старому знакомому, с которым уже бог знает сколько лет не виделся. Но это была ложь.

Остаток дня Нижегородцев провел в одиночестве, скитаясь по дождливой Москве. Пару раз, спасаясь от внезапных ливневых потоков, Вампир нырнул в первый попавшийся бар, сидел у окна, пил безвкусные коктейли и невидящими глазами смотрел на мокрые улицы и суетливых прохожих. Безвкусное пойло туманило голову, притупляя глухую боль в душе. Настроение от этого, правда, нисколько не улучшилось.

Уже в аэропорту Нижегородцеву пришла мысль созвониться с Фокиным или Клевцом, но он подумал, что говорить им особенно не о чем. Все позади. Операция «Рука Аллаха» пресечена. Маша убита. И изменить ничего невозможно. Самолет до Тиходонска вылетал через сорок минут.

Забросив на плечо красную спортивную сумку с выцветшей на боку надписью «Адидас», Вампир двинулся на посадку. Дождь прекратился, и налетевший неизвестно откуда ветер старательно разгонял нависшие над столицей тучи.

Эпилог

— Ты что, всерьез думаешь здесь остаться? — спросила Анна.

— Папа, а почему здесь машины такие смешные? — перебил Том, непрерывно вертя головой.

Второй вопрос был проще, и Макс решил отвечать на него.

— Что в них смешного? Разве наша машина смешная? Для встречи семьи ему дали черный «БМВ» кого-то из начальства разведки. Так распорядился Вериченко, чтобы произвести хорошее впечатление на Анну.

— Нет, наша хорошая. Но она же не твоя? А дома у нас хорошие машины и они принадлежат нам.

Семья прилетела сорок минут назад, и нельзя сказать, чтобы лакированный автомобиль выполнил свое предназначение: и жена, и сын были настроены критично.

«БМВ» мягко стелился по шоссе, несясь в направлении центра. Карданов расслабленно сидел на широком заднем сиденье, обнимая за плечи жену и сына.

Карданов вновь становился самим собой. Сергей Лапин бесследно исчез. Он уверенно смотрел по сторонам, под курткой просматривались добротный темный костюм в полоску, свежая рубашка и удачно подобранный галстук. Волосы на голове аккуратно уложены, лицо чисто выбрито, на губах довольная улыбка.

Пресечение террористической акции с использованием ядерного оружия имело огромный политический резонанс во всем мире. Резко поднялся авторитет государства, а особенно — его специальных служб. Благоклонные начальственные небеса готовы были разразиться дождем орденов и медалей. В числе фигур, сыгравших важную роль в операции, оказался и Макс Карданов. Его тоже представили к ордену.

Вчера генерал-полковник Вериченко принял героя, пожал ему руку и предложил вернуться на службу в контрразведку.

— Дадим квартиру, подберем хорошую работу, — добродушно прогудел генерал-полковник. — Пошлем в приличную европейскую страну на легальную линию, с дипломатическим иммунитетом. Вы сами сможете выбрать подходящую столицу. Какую захотите!

Максу такая перспектива показалась заманчивой. Хотя как она будет реализована? Он хорошо знал аппаратные правила и неоднократно был свидетелем того, как праздничные обещания начальства превращались в жалкие огрызки. И жаловаться уже было некому: момент прошел и жалобы только создадут ореол склочности и неблагодарности.

Но тем не менее он дал согласие. Почему? Сейчас предстояло объяснить это Анне.

— Ты не ответил, Макс, — повторила вопрос Анна. — Ты собираешься остаться здесь?

Карданов сильнее обнял плечи жены и прижал ее к себе.

— Дело в том, что у меня проблемы с Интерполом. Без дипломатического иммунитета я не могу покидать Россию.

Анна задумчиво опустила голову.

— А почему здесь такие большие лужи? — спросил Том.

— Потому что прошел дождь, — рассеянно ответил Макс. — Сейчас мы заедем в гостиницу, и

прямиком на прием по случаю награждения, — пояснил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Анна кивнула.

— Против такой перспективы я не возражаю.

— Будет неплохо. Сначала официальная процедура вручения наград, потом банкет. Шампанское, икра, коньяк, оркестр.

— Подходит.

Макс поцеловал жену в теплую гладкую щеку. Потом взъерошил непослушные волосы на мальчишеской головке.

На приеме будут генерал Вериченко и все руководство. В такой торжественный день никто не откажет герою. И не забудет высказанную им просьбу. А он уже придумал, что попросить.

Из скрытых динамиков тихо лилась мелодичная музыка, она поднимала Карданову настроение, и то чувство, которое он испытывал, было близко к ощущению счастья и полной гармонии со всем окружающим миром.

— Все будет нормально, Анна, — сказал он. Хотелось улучшить настроение и жене. — Что делать, если только здесь у меня есть индульгенция от всех грехов. И работа, которая мне подходит.

Макс примирительно улыбнулся, и Анна не смогла удержаться от ответной улыбки. Она подалась навстречу мужу и поцеловала его в губы.

— Но я так люблю Лондон, — тихо сказала она. — И совершенно не знаю Россию!

— Пап!

Том дернул Карданова за рукав куртки.

— Что, малыш?

— Значит, я буду здесь учиться?

Похоже, что этот вопрос волновал сейчас Карданова-младшего больше всего. Будто от этого зависело все его дальнейшее существование. А ведь, по большому счету, так оно и было.

— Да, — Макс кивнул головой в знак согласия и еще крепче обнял Тома за плечи. — В английской школе. По крайней мере, с языком у тебя проблем точно не будет.

— Зато у меня будет много проблем, — сказала Анна.

— Не думаю, — улыбнулся Макс. — Работа будет состоять из командировок в Европу. Мне предложили выбрать любую столицу. Я попрошусь в посольство в Лондоне. Надеюсь, там у тебя не будет проблем?

— В Лондоне нет, — обрадованно засмеялась Анна.

— Вот то-то, — Макс тоже улыбнулся. Он был рад, что семья довольна.

Автомобиль несся по Тверской.

— А здесь красиво! — сказал Том, и Карданов в очередной раз погладил его по голове.

Ростов-на-Дону

2005 год

mir-knigi.org